

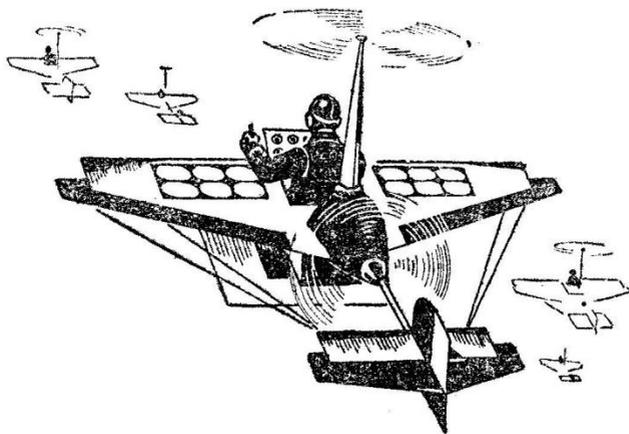

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В ПЕРВЫЕ ДНИ СВОБОДЫ

*Сборник
фантастических и приключенческих
произведений советских авторов
20-х — 30-х годов XX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021

ИГН. ЛОМАКИН

БРИГ МОРТОН

Фантастическая повесть

Рисунки Н. Радлова

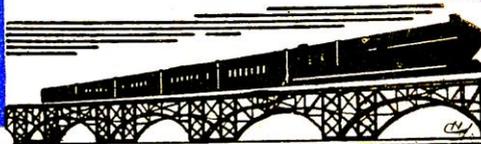
СУШЕ
МОРЮ
И ВОЗДУХУ

ИГН. ЛОМАКИН

БРИГ
МОРТОН

ЛЕНИНГРАД — 1928
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

Вокруг Света

ИГН. ЛОМАКИН

БРИГ МОРТОН

Иллюстрации Н. Радлова

„ВОКРУГ СВЕТА“

Ленинград — 1927

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 57

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пьяный чорт.

I.

РАСТАЯВШИЙ В ВОЗДУХЕ МАЛЬЧИК.

- Стреляй в него!
- Бей!
- Шашкой руби!

Но это было отдельные храбрые голоса. Они тонули в визгах и криках испуганной насмерть толпы, с ужасом хлынувшей в ворота, в калитки, в двери магазинов и даже в открытые люки подвалов.

Трамвай остановились, автомобили с рычанием замедлили ход. Ключок Октябрьского проспекта около Севпечати был перегружен. Зато дальше, к Саду Трудящихся, на мостовой — ни одного человека.

И можно было видеть причину переполоха.

Впереди бежал длинноногий подросток с белыми выцветшими от солнца вихрами, а за ним серо-пепельный дог, у которого из разинутой пасти клочками летела пена. Их силились догнать двое милиционеров — один с револьвером, другой — с обнаженной шашкой.

— Бешеная, бейте ее! — ревела толпа.

Милиционер прицелился и выстрелил на бегу.

Мальчуган в это время сделал резкий скачок вправо и помчался к калитке сада. Дог за ним. Пуля угодила в решетку, увеличив и без того дикие крики.

Собака была в трех-четырех прыжках от голых пяток подростка. Тот сделал зигзаг к памятнику Пржевальского и нырнул за дерево. Собака хлопнулась мордой о ствол, взвизгнула и, отскочив назад, собиралась прыгнуть вторично.

Толпа притихла. Картина была куда занимательней любого боевика в кино.

Рты изумленно распялились

Мальчуган скакнул на дерево и начал карабкаться. Дог тоже взметнулся и ухватил его за штаны. Еще мгновение — и оскаленные зубы вцепились бы в голые икры, но мальчуган перебросился на боковой сук, и в зубах собаки остались только штаны.

Снова яростный прыжок, но мальчуган уже подтянулся и, как обезьяна, упираясь всеми четырьмя конечностями, быстро пополз вверх.

Подоспевший милиционер рубнул пса шашкой по голове.

— В сердце коли, в печенку!.. — опьяненно завывла толпа. Опасность исчезла, и она из подворотен ринулась в сад.

— Не напирай, граждане! Не скопляйся, — отмахивались милиционеры, — все уж готово.

— В затылок его глуши!

— Да уж кончено. Парнишку теперь надобно снять.

Милиционеры, а за ними и толпа запрокинули головы,

Мальчуган взбирался все выше и выше.

— Слезай! Ничего теперь.

Но он, переползая с ветки на ветку, взобрался на самую вершину.

— Слезай, а то упадешь!

Совет запоздал. Ветвь хрустнула, и мальчик, описав дугу, повис над толпой.

— К середине гребись, к стволу! — кричала толпа,

Но мальчуган выбился из сил. Руки ослабли, и пальцы медленно разжимались.

Барышни взвизгнули и шарахнулись в сторону. В воздухе мелькнули голые коричневые икры. Мелькнули и... мальчик словно растаял. Исчез. Будто и не было его вовсе.

Рты изумленно распялились и глаза по-рачьи выкатились из подлوبيй. Дерево было пусто. Надломленная ветвь выпрямилась, и под ней, смешно растопырив руки, стояли милиционеры с явным намерением подхватить падающего мальчугана. Но его не было.

Один из милиционеров протер глаза и обратился к товарищу:

— А ну, Карпов, глянь, где парнишка? У меня что-то глаза заporошило.

— Нету его! — ответил Карпов.

— Как же нет, если он должен упасть и разбить себе голову?

— А вот не упал и не разбил.

— Не может быть.

— Так где же он?

Милиционеры обошли дерево, потрогали кору и, прищурившись, начали осматривать крону.

— Ни черта нет!

Очнувшаяся от изумления публика загалдела и замахала руками.

— Как нет? Куда ж он девался?

— А чорт его знает, куда.

Благообразный старичок — ктитор обновленческой церкви — внушительно взял милиционера за пуговицу.

— Это непорядок, товарищ. Раз вы теперь у власти и вам жалованье платят, вы обязаны наблюдать.

— И наблюдаем, а чего наблюдать? — откусывались милиционеры.

— Как чего? — освирепел старичок. — Ребенку на наших глазах смерть угрожала, а вы бешеных собак распустили, которые бросаются на неизвестных людей.

— Им бы у тракторов стоять, да рюмки ловить! — вмешался одутловатый тип.

— Но, позвольте, ведь мальчика нет! — вступился за милиционеров человек в кожаной куртке.

— Потому и спрашиваем, что нет. С кого же спрашивать? Как власть, они обязаны. Может, он при смерти, мальчик теперь, или руку себе свихнул. Это как, по-вашему?

— Но ведь нету его.

Спор обострился.

Мальчика видели все. Мальчик должен был непременно упасть на землю, потому что на небо не падают, когда обламываются ветви. Но мальчика не было.

— Где же он?

Милиционеры божились, что они тут не причем. Жалованье они получают — верно, но уж не такое большое, что-

бы тыркали им в глаза. Да и кто тыркает: спекулянт или жулик. Честный человек не станет наступать на горло, когда и сам видит, что парнишку чорт с квасом съел.

Старичок обиделся. Он аккуратно уплачивает членские взносы в союз совработников и, кажется, может задать конкретный вопрос, куда девался мальчик, за которым, точно сумасшедшие, гнались представители власти.

— Тыфу, дурная голова. Мы, что ли, гнались? Собака гналась.

Старичок не верил и требовал составления протокола, к которому настаивал приобщить рваные штаны и убитую собаку в качестве вещественных доказательств.

Нашлись любители, которые добровольно согласились стащить собаку в участок.

Толпа постепенно стала редеть.

II.

БЫЛО ЗАПЕРТО, А МЕЖДУ ТЕМ...

К вечеру удалось выяснить, что мальчик, растаявший в воздухе, при падении с дерева, был звеновой 20 отряда пионеров на заводе «Трактор» — Кузьма Репьев.

А на другой день произошли еще более таинственные события.

Егор Михеич Фурин, клубный инструктор и руководитель полит-кружка при том же заводе «Трактор», обнаружил у себя на столе крайне загадочную записку следующего содержания:

«Члену РКП. Е. М. Фурину.

Милостивый государь! Сегодня во время обеденного перерыва вы должны обратиться к рабочим завода «Трактор» с краткой речью, в которой скажете, что программа коммунистов — ложь. Цель ее — одурачивание темных людей, за счет которых благоденствует шайка беззастенчивых авантюристов. Диктатура пролетариата — неслыханное от сотворения

мира насилие над честным, свободным трудом и личностью граждан.

Отныне могущественный Бриг-Мортон обеспечивает России свободу. Она будет жить и развиваться так же, как и все христианские страны. Коммунисты под страхом смерти должны отказаться от управления государством.

В случае вашего нежелания произнести вышеуказанную речь, вы получите первое предупреждение: в девять часов вечера бесследно исчезнет ваш ребенок.

Бриг-Мортон.

7 утра. 24/VIII — 25».

Прочитав записку, Фурин рассмеялся:

— Творчество душевнобольного.

И поворотившись к детской, громко спросил:

— Лена, кто положил сюда эту мазню?

— Какую?

— Вот здесь на столе: нелепые требования и угрозы...

Елена Васильевна вышла, придерживая за руку краснощекую кудрявую девочку, нежно прижимавшую к груди плюшевого медведя — подарок папы в день рождения.

— Про какую мазню ты говоришь?

— Вот бумажка. Подписано Бриг-Мортон. Не то фамилия, не то чорт знает что.

Елена Васильевна прочитала и слегка побледнела.

— Это что же такое?

— Ерунда какая-то.

— Но откуда?

— Почталион, вероятно.

Елена Васильевна отрицательно покачала головой.

— Нет, почталион не мог зайти. Ведь утро еще — восьмой час. Двери не открывались.

— Молочница, может быть? — допытывался Фурин.

— Никто не заходил.

— Откуда же это? Разве вчера? Да, нет, я вчера на столе ничего не заметил и, наконец, тут сегодняшнее число. Даже 7 утра. А теперь...

Фурин посмотрел на часы.

— 10 минут восьмого. Чепуха какая-то. Чай готов? На завод к девяти надо.

— А ты не думаешь, что тут есть что-нибудь такое?..

Фурин расхохотался.

— Экая трусиха!

— Откуда же взялась записка?

— Да брось ты. Ну кто-нибудь подшутил, или маньяк какой-нибудь из отставных военных подсунул. Теперь до чорта бывших людей шляется по квартирам, а у тебя дурацкая манера всех расспрашивать и охать — бедненький, дом реквизировали.

— Никого не было; уверяю тебя, Егор.

— Ладно. Выяснится потом. Давай чаю.

— Но если это серьезно?

— Пустяки, бред сумасшедшего.

Фурин скомкал бумажку и хотел бросить ее под стол, но Елена Васильевна удержала.

— Лучше отдай ее в Гепеу или в угол-розыск, я... Ну да, я боюсь. Ведь, подумать страшно, если Ната... Пожалуйста, приходи пораньше домой. В семь приходи.

— Что за глупости. Когда освобожусь, тогда и приду.

Елена Васильевна, а за ней и Ната, разразились слезами.

Это было нелепо, ни с чем не сообразно, блажь какая-то, но что вы поделаете, когда две женщины начинают реветь?

Егор Михеич дал честное слово, что бумажку он отправит в ГПУ, а сам, как из пушки, в семь будет дома.

И вернулся, но с маленьким опозданием — без четверти в девять.

Минут пять стучал в дверь.

Елена Васильевна, прежде чем открыть, раз десять переспросила — он ли это и как его звать.

— Что за комедия, Лена?

— Сколько вашей дочери лет?

— Дура еловая.

Тут только она открыла. Дурой еловой, кроме мужа, никто не мог ее обозвать.

— Ради бога, иди скорей и вынь из ящика браунинг.

— Что случилось? — встревожился Фурин.

— Ничего пока, но уже без 10-ти девять, а в девять этот самый Бриг-Мортон... Да проходи же скорей!

Елена Васильевна тщательно закрыла дверь на ключ и крючок. Затем внимательно осмотрела все закоулки квартиры и потащила мужа в спальню.

— До половины десятого мы просидим у кровати Наты. Но где же револьвер? Ах, ты какой.

Елена Васильевна, несмотря на ужас, который ей внушала даже кобура от револьвера, открыла письменный стол и вынула браунинг.

— На, и садись.

Спальню она защелкнула на задвижку.

Фурин издевался:

— Если б заснять нас, получилась бы недурная фильма — два идиота.

— Не кричи громко, разбудишь Нату. Револьвер держи наготове! — задыхаясь от страха, говорила Елена Васильевна.

— Дура! — ответил Фурин.

Девочка открыла глаза и, увидев отца, радостно потянулась:

— Папа, ты что мне сегодня принес?

Медвежонок, которого она сонная обнимала, шлепнулся на пол.

— Ну вот, и еще одна психопатка. Спать надо, а ты...

Фурин протянул руку, чтобы подхватить девочку, но... ладони его обняли воздух. Лежавший на коленях браунинг покатился на пол.

Елена Васильевна упала на пустую кроватку и забилась в истерике.

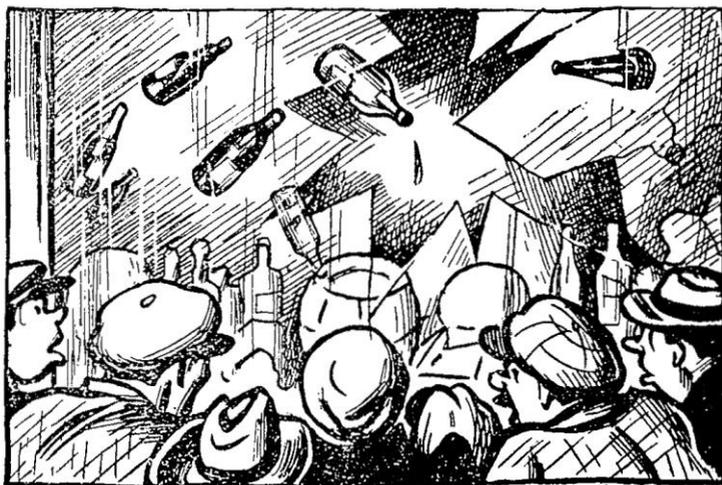
III.

ТАНЕЦ БУТЫЛОК.

Агент ГПУ Алексеев, которому была передана Фуриным записка Брига-Мортон, прочитал ее без улыбки.

Ему только что сообщили о странном разгроме магазина Пиштреста на Большом проспекте.

Не успели магазин закрыть, как бутылки винного отделения стали вести себя самым легкомысленным образом. Одна за другой они соскакивали с полок, подлетали к электрической лампочке, взбалтывались и стучались доньшком о прилавок, пока не вылетала пробка. После этого к ним подвигался стакан, из которого обычно служащие пили воду, и бутылки наполняли его своим содержимым, стакан поднимался в воздух и слегка опрокидывался. Тотчас же откуда-то начинала извергаться струя, точно напиток кому-то не нравился и его с отвращением выплевывали.

Бутылки начинали танцевать

Так было с бутылками нарзана, эссенуки, ананасной и других отрезвляющих.

Особенно скверно вел себя клюквенный квас. Он парами бутылок подпрыгивал с полок и, откупорившись, летел в угол.

На прилавке задерживались только вина.

Треск разбиваемой посуды привлек внимание прохожих.

Заглянув в окно, они брались за животы и давились от хохота.

Бутылки Абрау-Дюрсо; коньяка, наливки и всевозможных вин, соскочив с полок, становились чинно в ряд на прилавок и начинали танцевать, стучаясь головками об головку, пока у которой-нибудь не отскакивало горлышко. Откупоренная таким образом бутылка подпрыгивала и опрокидывалась в невидимое горло.

— Чорт пьянствует.

— Хоть бы одну нам бросил! — ржали зеваки.

Как только было высказано это желание, бутылки с треском полетели в окно. Попало кому в нос, кому по лбу. Ваське Коблу с Ижорской раскромсало стеклом всю щеку, после чего он и заорал во всю глотку:

— Милиция!..

Раздались свистки и прибежал сам Чебуренко, гроза хулиганов и всех несознательных граждан, которые, вместо того чтобы идти домой, расквашивают друг другу физиономии на углу Введенской и Большого проспекта.

— А ну, расступись!

Танец бутылок усилился. Теперь они кучами летели на пол, независимо от названий.

— Эй, кто там? Стрелять буду — гаркнул постовой Чебуренко.

В ответ по плечу его щелкнула бутылка с клюквенным квасом.

— Ах, ты ж, чортова сила. Получай в зад!..

Чебуренко выстрелил.

На одной из полок дзенькнула четверть с Русской Горькой и опрокинулась на пол.

— Не промахнулся! — заржали зеваки.

— Геть отсюда к чортовой матери! — повернулся к ним рассерженный Чебуренко.

По затылку его смазала сельтерская.

— Тьфу, собачье мясо. Людей нема, а явный бандитизм у магазине.

Наконец, прибежал заведующий и, дрожа от страха, открыл дверь.

Бутылки на момент успокоились.

— А ну, мать твою за ногу, ще шибани! — поддразнил Чебуренко.

Бутылка Абрау-Дюрсо просвистела у него над левым ухом.

— Ага, есть! — крякнул хохол и бахнул в то место, откуда полетела бутылка.

— Оце называется стрельба по невидимой цели.

— Вы, товарищ, этак и остальные бутылки у нас постреляете! — жалобно проскулил заведующий.

— Та, я ж в бандита целюсь.

— А где он, бандит?

— А я почем знаю?

В тот же момент с прилавка снялась недавно початая семга и, кокетливо махнув хвостом заведующему, растаяла в воздухе.

Ее примеру последовали кусок окорока и пара бутылок коньяку.

— Держи! — гаркнул Чебуренко. — Уносит, сволочь, и выпивку, и закуску.

Танец бутылок после этого прекратился. На полу валялись осколки, а на стойке недопитый стакан Абрау-Дюрсо.

Чебуренко с час держал наготове револьвер, но пустить его в ход не было повода.

IV.

УПРЯМЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Дня через три утром, в восемь часов, Алексеева поднял с постели взлохмаченный, осунувшийся, близкий к сумасшествию, Фурин.

— Я готов поверить в дьявола. Вот читайте.

Он бросил на стол две помятых бумажки. Одна гласила:

«Если и сегодня вы не выполните мое требование, выльшитесь жены».

— Ого! — подокочил Алексеев, — и что же?

— Она исчезла, так же, как и ребенок, — ответил Фурин. — Исчезла вот сейчас, не более пятнадцати минут назад. Мы пили чай. Я утешал ее, говорил, что Ната найдется. Нелепо же похищать ребенка из-за моего упрямства. Лена потребовала, чтобы я выступил на заводе с белибердой, изложенной в письме Брига-Мортон, если хоть немного люблю ее и Натю.

Я рассердился. Как это можно плюнуть себе в лицо. И, наконец, кто мне поверит? Вы только представьте: я, инструктор и руководитель полит-кружка, вдруг бы заявил: мы лжецы, мы обманываем вас, мы пауки... Нет, говорю, Лена, если сатане, дьяволу, чорту, который подписывается Бриг-Мортон, нужна моя жизнь, пусть делает с ней что угодно, но из трусости, из шкурных соображений я не стану клеветать на себя и партию.

— В таком случае, — сказала она, — я предпочитаю очутиться вместе с Натой в руках дьявола. Он будет добрее тебя.

Я сжал кулаки, хотел выругаться, но не успел и рта раскрыть, как она исчезла, растаяла, и на столе неизвестно откуда появилось вот это третье письмо.

Алексеев прочитал:

«Милостивый государь! Теперь вы убедились, что жизнь ваша в моих руках. Теперь выбирайте одно из двух: либо вы лишитесь ее, либо выступите с указанной в первом моем письме речью перед рабочими и получите обратно жену и ребенка.

Безопасность вашу, а также и тех, кто, не сомневаюсь, за вами последует, я гарантирую.

Вы должны выступить в два часа дня. Я буду лично вас слушать.

Бриг-Мортон».

— Ну, не дьявол ли это? — воскликнул Фурин.

— Нет. Всего только Пьяный Чорт и, вдобавок, политически безграмотный! — спокойно возразил Алексеев.

— В том-то и дело. Чего ради он привязался именно ко мне? Что я маг, волшебник, богдыхан XVII столетия, чтобы повелевать мановением руки? Ну, пусть бы писал во ВЦИК, в Совнарком, в ЦК партии — тут хоть какой-нибудь был бы смысл, а то ни с того, ни с сего нахрял на меня, рядового члена.

— Виноват, — перебил Алексеев, — вот эту приписочку на обратной стороне карандашом вы прочитали?

— Какую?

— Вот эту.

Фурин взял бумажку, прищурился и затем изумленно раскрыл глаза.

— Что за чорт...

Карандашом было нацарапано:

«Не робь, Егор Михеич. Выкрутимся. Сам-то он ничего, а Кренчер сволочь, но я...»

Записка была оборвана.

— Абсолютно знакомый почерк. Пойдите, пойдите.

Фурин возбужденно хлопнул себя по лбу.

— Репьев Кузьма.

— Тот самый, что исчез с дерева, спасаясь от бешеной собаки? — с жадностью переспросил Алексеев.

— Ну да, в тот день он должен был на торжественном заседании получить комсомольский билет. Способный парень. Я на Лиговке его откопал.

— А как он к вам относился?

— Чего там относился, прямо боготворил. То и дело приходилось ему повторять: если хочешь марксистом быть — не сотвори себе кумира.

— Так, — довольно, — потер Алексеев ладони, — теперь можно надеяться, что жена и ребенок вернутся к вам, но вы должны выступить на заводе, как требует того Бриг-Мортон.

Фурин раздраженно спросил:

— Кто из нас сумасшедший — вы или я?

— Пока что не я! — улыбнулся Алексеев.

— Да вы разве не читали записки? Он тоже говорит: возвращу жену и ребенка, если я выступлю на заводе. Но пусть лучше дьявол меня растерзает, чем рабочие «Трактора».

— Они этого не сделают. Они политически грамотнее Пьяного Чорта. Недаром у них был руководителем такой инструктор, как вы. Успокойтесь и давайте обсудим ваше обращение к рабочим по заданию Бриг-Мортон. До двух часов времени много еще.

V.

КУЗЬМА РЕПЬЕВ ВОЗРАЖАЕТ.

Когда отекавшие пальцы Кузьмы Репьева разжались и выпустили ветвь, он на миг потерял сознание от страха, что вот сейчас грохнется с пятисаженной высоты и разобьется насмерть. Но вместо этого он упал на что-то мягкое, похожее на пружинный матрас. Ответным толчком ноги его вскинулись над головой и крепко ударились обо что-то твердое.

Раздался сердитый окрик:

— Что за дьявол?!

— Надо было запереть люк, Кренчер! — отозвался более спокойный голос.

— Дайте, сэр, лучи № 16, иначе я выброшу этого щенка за борт: он разбил мне бровь.

Репьев открыл глаза.

Какая-то комната. Стены, пол, мебель... Под ним мягкий диван, но все это прозрачно, сквозь стены виден сад и толпа, сгрудившаяся у того дерева, с которого он упал. Милиционеры стоят, поднявши руки с очевидным намерением схватить его при падении. Остальные тоже чего-то ждут, запрокинув головы. Вот чудачки, делают вид, будто не видят его.

Напротив, в розовом кресле, тоже прозрачном, сидит какой-то человек с высоким лбом. Глаза серые, ничего себе, добрые. Борода с проседью. За то рядом... Ну, и тип. Нос загибается книзу, а конец бритой бороды кверху — будто хотят укусить друг друга. Глаза зеленоватые, злые. Он прикрыл левой ладонью бровь, а правую руку протянул к горлу Репьева.

— Дайте 16, сэр, иначе я не ручаюсь...

Репьев отодвинулся.

— Что я тебя нарочно, что-ль?

— Цыц, щенок!

Крючконосый готов был вцепиться, но неожиданно вся его фигура пропиталась голубоватым оттенком.

— Откуда ты взялся? — уже более спокойно спросил он.

— Откуда, откуда! От сырости завелся. Разве не видел, как я шмякнулся с дерева? — ответил Репьев.

Ответ был несколько резок, но уж такой он парень. Он и секретарю губкома не спустил бы, если бы тот ни с того, ни с сего начал чесаться. А тут этакая собака. Стоит позвать милиционера, и ему живо подошьют валенки.

Человек с бородой улыбнулся.

— Мальчик тоже взволнован, не обижайте его, Кренчер.

— А почему он не отвечает?

— А чего ты нахрял? Небось, если б с тебя бешеная собака стащила штаны, ты бы и маму не выговорил.

— Дайте 16-бис, сэр. Я не могу слушать спокойно это большевистское отродье.

— Не ори, пока не заметан! — взъерошился Репьев и, поворотив голову к растерянно стоящим милиционерам, крикнул:

— Эй, товарищи, вот тут один прилипает!

— Кричать бесполезно, мальчик, тебя не услышат.

— Как не услышат?.. Эй вы! Чего варезки поразинули?

— Они не видят и не слышат тебя.

Пожалуй, и верно. Один из милиционеров растерянно махал руками и что-то силился объяснить благообразному старичку. Толпа шевелила губами, но голосов не было слышно.

— Как в киношке! — подумал Репьев. — Но куда же он попал?

Кренчер из голубоватого сделался синим.

— Где тут выход у вас?

— Выход! — заржал Кренчер. — Выход отсюда на тот свет.

Репьев рванулся, желая выскочить, но руки его уперлись в стекловидную стену.

Кренчер продолжал хохотать.

— Сними красную тряпку, щенок. Она здесь не нужна.

У Репьева раздулись ноздри. Оскорбление пионерского галстука не шутка. Тут кто угодно встал бы на все четыре копыта. Но, с другой стороны, милиционеры его не слышат, и выскочить из этой мышеловки, сделанной из застывшего воздуха, вряд ли возможно. Драться тоже опасно. Крючконосый чуть не в два раза длиннее его.

— Сними ошейник! — повторил Кренчер.

— Да ты индюк, что ли? — сердито ответил Репьев.

— Его надо выбросить, сэр! — оскалил зубы Кренчер.

— Это было бы неразумно. Я думаю, он нам пригодится. Мы дадим ему немного лучей № 21 и продолжим нашу беседу, Кренчер.

С этими словами бородатый нажал одну из бесчисленных кнопок, расположенных на дощечке, лежавшей у него

на коленях, и Репьев почувствовал приятную успокаивающую теплоту, которая медленно стала разливаться по всему телу. В то же время руки и голые ноги его начали зеленеть.

Репьев ощупал себя. Ничего. Тело на месте. Только с какой же стати он делается бронзовым жуком?

— Не бойся, мальчик, № 21 прекрасное средство, чтобы вернуть хорошее расположение духа.

В это время двое парней схватили за лапы убитую милиционером собаку и куда-то поволокли.

Репьев рассмеялся.

— Вот чудачки!

Но тотчас крикнул:

— Эй, дядя, зачем берешь чужие штаны?

Действительно, благообразный старичок, поддевши концом трости изодранные собакой штаны Репьева, намеревался приобщить их к вещественным доказательствам.

— Оставь, тебе говорят! — повторил Репьев.

— Тебя никто не слышит, мальчик! — остановил его человек с бородой. — И самое лучшее, мальчик...

— Какой я вам мальчик? Пятнадцать лет Кузьмой зовут.

— А фамилия?

— Понятно, Репьев.

— Прекрасно. Моя фамилия Мортон. Воздушный, в полном смысле этого слова, корабль, на котором ты имеешь удовольствие гостить, называется Бриг-Мортон. Когда понадобится тебе что-либо спросить, называй меня «сэр».

— Да ты англичанин, что-ль?

— Я привык, чтобы меня называли на «вы».

— А я не особенно привык, ну, да, уж ладно, давай на «вы».

— Я не только говорить, но и думать привык по-русски, тем не менее, я англичанин, и некоторые выражения у вас мне не нравятся. Я попросил бы не употреблять их.

— Мне что. Я могу, но если привяжется такое трепло, — кивнул он на Кренчера, — то...

— В данный момент я попросил бы вас, мистер Репьев, помолчать минут десять.

Кузьма зажал губы и хотел засунуть руки в карман, но так как брюк на нем не было, он откинулся на сиденье и тяжело вздохнул.

— И все они такие выродки, сэр! — вмешался Кренчер. — Доброта — хорошая вещь, но не для разбойников. Самое лучшее узнать, — где помещается ихний собачий комитет и сбросить в него парочку бомб, прежде, чем вести какие-либо переговоры. Я убежден, что ваш покойный брат, убитый этими дикарями, так бы и сделал. Заразу надо уничтожать, сэр.

— Но это уже пробовали, Кренчер. Вы только вспомните, сколько Франция, Англия и Америка истратили на это сил и средств. А, что получилось? Зараза процветает. Очевидно, извне ее не возьмешь.

— Но я и говорю, сэр, что ее необходимо изнутри взорвать. Большевики неслыханными насилиями добились полного порабощения граждан. Власть насильников — безгранична. Что бы освободить Россию, надо поморить их, как тараканов. Бриг-Мортон в состоянии это сделать.

— А видал, как лягушки прыгают? — вмешался побагровевший Репьев. — У вас и бомб нету столько, чтобы перебить нас.

— Кого это вас? — скривился Кренчер.

— Пионеров.

— Да ну.

— Ну да! А партийцев вам и не достать: они в массах.

— Вам потом будет предоставлено слово, мистер Репьев! — вмешался Мортон.

— А чего он хайлит зря.

— Я тоже думаю, что он не совсем прав. Какова, в сущности, наша цель, Кренчер?

— Полагаю — уничтожение большевиков, сэр.

— А я думаю об уничтожении большевизма.

— Это одно и то же.

— Далеко не так, Кренчер. Я думаю, мистер Репьев прав: для уничтожения большевиков у нас не хватит бомб, и, кроме того, вы знаете, я принципиальный противник всяких убийств.

— Но, что же делать тогда?

— Если большевизм нельзя уничтожить никакой интервенцией в силу его органического вращения в массы, то мыслится одно, и притом, единственное средство его уничтожения: пусть большевизм уничтожат сами большевики. У меня есть план... Впрочем...

Сэр Мортон бросил взгляд в сторону Репьева, который при слове «план» всем корпусом подался вперед.

— Будем говорить по-английски, Кренчер.

— О йес.

Жаль. Репьеву было бы крайне интересно ознакомиться с планом. Буржуазные угрозы не очень-то испугали нас, но тут дело особое. Тут вот этакая штука стоит, и никто не видит и не слышит ее. Да и в ней-то самой не все в порядке. На столе, например, не было графина с водой, а стоило Мортону протянуть руку, и он явился. А эта крючконогая обезьяна прямо из воздуха достала бутылку с вином и лопает.

Значит, вещи здесь по желанию могут быть и видимыми, и невидимыми.

Пока они стояли над Садам Трудящихся, казалось, они сидят в маленькой комнате со стеклянными стенками, но вот поднялись (и так быстро, что Исакиевский собор еле успел мелькнуть под ногами), и комната стала обширнее любой паровой палубы.

Предметов раньше никаких не было, исключая мягкой розовато-прозрачной мебели, а теперь чортова уйма шкафов и шкафчиков, и даже кошка. Самая настоящая серая кошка с белым брюшком. Прыгнула, подлая, на колени к Мортону.

Если в этих шкафчиках спрятаны бомбы и если хоть по пяти в день их начнут сбрасывать по крупным ячейкам или даже прямо в Смольный, то — дело дрянь.

Но хуже всего то, что он, Репьев, не понимает по-английски. Зря не обратили на это дело внимания у них в клубе. Вот разузнал бы, о чем лопочут они и, смотришь, выход из положения найден. Хорошо бы, например, всю эту невидимую штуку взорвать к чортовой матери. Досталось бы и самому несколько, но какой разговор об этом.

— Уши, однако, надо держать на макушке! — решил Репьев. — Констрики густопсовые, и вякать осторожнее надо при них... Ого, никак но Октябрьской шпарим... Колпино, Обухово, Славянка, Поповка. Куда там угнаться аэроплану, и шума никакого нет. Прямо как на постели едешь.

— Вы не заснули еще, мистер Репьев? — спросил Мортон.

— Нет. Хотя, может быть, все это и снится мне.

Бешеная собака была наяву: штаны стащили, а дальше какая-то ненормальность. Он весь зеленый, а Мортон розовый. Прямо чорт знает что.

— Вы давно числитесь коммунистом? — ласково спрашивает Мортон.

— Ишь, сволочь, выпытывает. Ну да, нас не обштопаешь, — подумал Репьев и ответил:

— Ну, уж и коммунистом. Для этого нужна теоретика. Вертись не вертись, а Ленина всего надо знать, историю партии тоже, Плеханова обязательно и потом Карла Маркса... Егор Михеич тот, конечно...

— Это кто же?

— Пустяки вопрос, когда его каждая собака на «Тракторе» знает.

— А «Трактор», это...

— Хо! Пусть-ка сунется туда соглашатель. Самый боевой из всех. Дисциплинка в-во!

— Завод, значит, «Трактор»?

— Ну, да, а Егор Михеич — инструктор.

— Мелкий служащий?

— Мелкий? Вам все мелкий! — презрительно вытянул губу Репьев. — Вы думаете, если он галифе и суконные френчи с гаврилкой не носит, так и мелкий. Нет, сэр, его даже Цека партии знает. Может, при этих выборах он и сам попадет в Цека. За ним масса.

— И эту массу он мог бы вести за собой?

— Как угодно, по любому вопросу! — ответил Репьев. — Он-то уж все читал.

— Вы сказали, Егор Михеич?

— Ну да. Фурин.
— По-вашему он влиятельнее Калинина?
— Покрепче будет, хотя с Калининым мне и не пришлось работать! — с важностью ответил Репьев.
— Попробуем начать с Фурина, Кренчер.
— А чего начать? — насторожился Репьев.
— Поднимем его километров на двадцать вверх и спустим вниз головой! — захохотал Кренчер.
— Только попробуй, сволочь!
— Сэр, дайте 31, иначе я задушю его.
Кренчер всей тушей ринулся на Репьева, но тот угрем скользнул у него между ног и побежал к Мортону.
Хлоп! Невидимая стена.

Кренчер всей тушей ринулся на Репьева.

Репьев схватился за голову, на которой вскочил изрядный желвак.

Хлоп! Остановился и Кренчер. Теперь ему ничего не стоило схватить растерявшегося мальчугана, однако он, пораженный чем-то, остановился и бросил свирепый взгляд на Мортон.

— Я всегда подозревал, сэр, что вы отгораживаетесь от меня. Когда я был шофером у вашего покойного брата, он достаивал меня большим доверием.

— Я ценю вашу преданность, Кренчер.

— И, однако...

— Для вашей же пользы, Кренчер... Я боюсь за клавиатуру. У вас слишком большой темперамент и... вы не всегда бываете трезвы. Вчера, например... Ну, на что это похоже? Вы разгромили целый магазин.

— Надо бы разгромить весь город. Он сплошь населен большевиками, сэр.

— Этого я и боюсь. Будь в вашем распоряжении Бриг-Мортон хотя одну минуту, вы натворили бы массу непоправимых бед.

— Да уж не поцеремонился бы. Вы забываете, сэр, кто убил вашего брата, но я помню об этом, а щенка я...

— Не смейте трогать его.

— Пусть только тронет. За Егор Михеича я глотку перегрызу! — отскакивая, пригрозил малыш.

— Идите сюда, мистер Репьев! — позвал Мортон, — Кренчер пошутил. Мы не только не собираемся обижать Егора Михеича, а наоборот, хотим вооружить его такой силой, какая и не снилась вашему ВЦИК.

Странное дело: Мортон протянул руку, и воздушной стены как не бывало.

Репьев свободно коснулся его плеча.

— Мы сделаем так, чтобы он повел за собой всю Россию.

— А вы к какой партии принадлежите? — недоверчиво спросил малыш.

— К партии справедливости.

— Не знаю что-то. Соглашательская разве какая?..

— Не все сразу, мистер Репьев. Вам сколько лет?

— По новому стилю, шестнадцатый.

— О, я и не подозревал, что так много! — улыбнулся Мортон, чем весьма обрадовал парня. Дело в том, что по старому стилю ему до пятнадцати не хватало трех дней.

VI.

ХИМИЯ ПОЧИЩЕ ТЕТКИНОЙ.

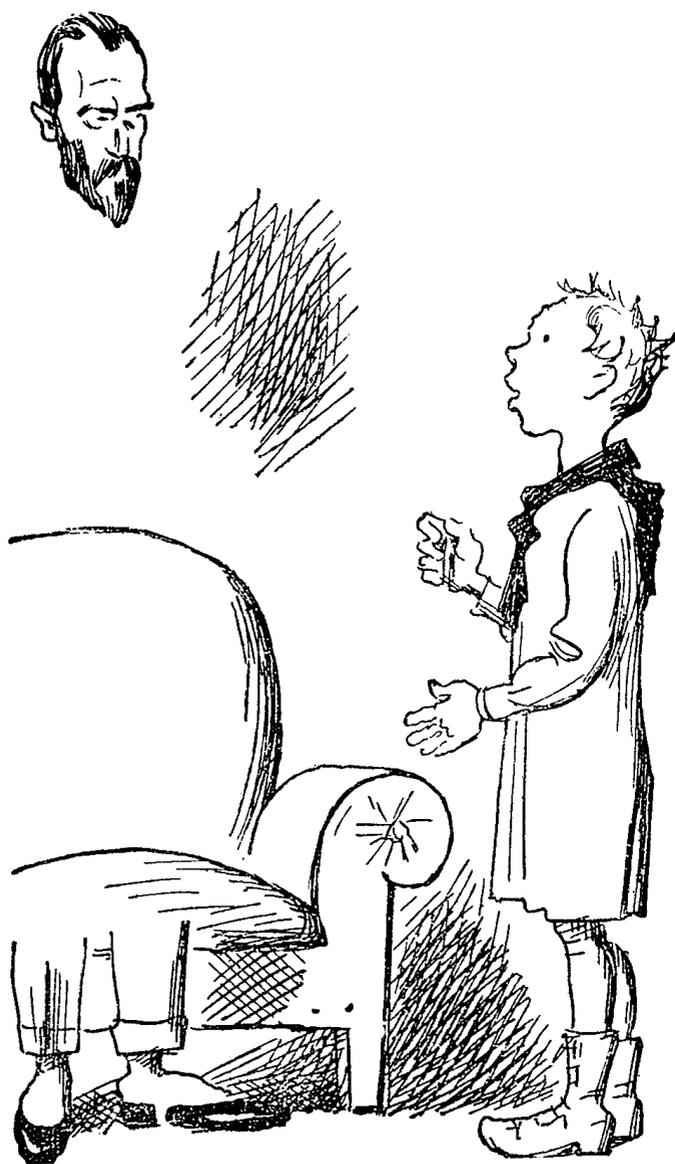
На другой день утром Мортон довольно рано поднял Репьева, который весьма удивился, что спит на мягком диване и не слышит ругани своей тетки, которая не переставала пилить его с того самого дня, как он познакомился с Фуринным.

Такой здоровый парень и без хозяйства... По трамваям на ширмах клопы теперь зарабатывают по трешке в день самое малое, а он и всего червяка мог бы угнать. Так нет — трется на заводе, а зачем, неизвестно. На «мокрые» дела тетка его не подначивала. Мал еще, да и не так-то оно хорошо — проливать кровь. А карман — дело верное. Очистить карман или сумочку у раззявы — святое дело. За каждую дуру господь сорок грехов простит.

Кузьма не разделял этого убеждения. Пожалуй, и тетку бросил давно бы. Это еще вопрос, какая она тетка. Настоящие родители его никому неизвестны. Скрылись куда-то от голода во время войны, а Дарья Лукошница придержала мальчонку, что б милостыню способней просить. Подрастет, мол — опять кусок хлеба. На Лиговке они с семи лет глаз на чужое завастривают. Бросил бы ее Кузьма: ну немыслимо в старый режим ударяет, да ведь подохнет старая. Так и вертелся с ней на Лиговке, — номер сто с чем-то — в дворницкой, аккуратно принося с завода получку. Плевая, правда, получка, но ведь и фабзайцем он стал не больше двух лет. А до квалификации тянуть еще год.

— Я хочу вам дать маленькое поручение, мистер Репьев! — тронул его за плечо Мортон.

— Что ж, давайте.

Вот так подливка! — удивился Рельев.

— Вы могли бы прибавить «сэр».

— Неловко.

— Почему же?

— Да так, человек вы не очень вредный, а «сэр» на предателя как-то похож. Может, другое есть имя?

— Хорошо. Можете звать меня Федором Грегуаровичем.

— Ладно. Ягуарыч так Ягуарыч.

— Вы покажете Кренчеру квартиру Фурина, которому он оставит письмо от меня.

— Да я и один снесу. На кой чорт я буду показывать там крючконосую обезьяну? Я дал слово Егор Михеичу, что со шпаной в жизни не стану путаться. Там все-таки партийный дом.

— Во-первых, вас там никто не увидит и не услышит, мистер Репьев...

— Да ведь отпирать-то Елена Васильевна будет?

— Вы проберетесь в любую щель.

— Ну вот. Что мы клопы с ним, что ли?

— Вы проникните всюду, куда проникает воздух, Репьев недоверчиво улыбнулся.

— Волынишь, небось?

— Я постараюсь убедить вас, — ответил Мортон. — Видите этот плащ? Он настолько тонок, что может поместиться даже в вашей пригоршне.

Мортон потрянул перед глазами Репьева вынутым из кармана серовато-стальным плащом.

— Если надеть его, то человек станет невидимым. Смотрите.

Мортон набросил плащ на плечи, и мгновенно вся его фигура, исключая головы и ботинок, растаяла в воздухе.

— Вот так подливка! — удивился Репьев. — Попадись такая штука деловому с Лиговки, пропадай тогда все на свете шмели.

— Этого мало! — прервал его Мортон, вернее, повисшая в воздухе голова Мортон. — Если я опущу капюшон, а на ноги натяну чулки из такой же материи, то меня совер-

шенно не будет видно. Если я закричу, меня не услышат, но сам я буду все видеть и слышать. При желании я могу превратиться в воздух.

— Ну это уж пушка! — заявил Репьев.

— Пожалуйста, охватите меня и держите изо всех сил.

— Ну-ка-сь...

Мортон быстро надел на ноги такого же цвета, как и плащ, чулки, а на голову надвинул капюшон.

Перед Кузьмой было пустое пространство, в котором он все же нащупал Мортон.

— Смывайся теперь...

Раздался легкий, точно от выключателя, треск и Репьев почувствовал, как упругие мышцы рук Мортон сначала стали жидкими, как студень, потом, как пена и, наконец, совсем перестали ощущаться.

— Здорово. Как же это так?

Мортон сбросил плащ.

— Теперь убедились?

Репьев засмеялся:

— А ноги где?

Ноги Мортон по колено были словно отрублены.

— Я забыл снять чулки.

— Но как же это все происходит? — недоумевал Репьев.

— Когда мы будем друзьями, я вам детально объясню устройство всего Бриг-Мортон, а пока... одевайтесь, Кренчер ждет.

Как только Кузьма натянул плащ, он увидел кучу дотоле скрытых вещей. Во-первых, увидел Бриг-Мортон — крупнейших размеров воздушный корабль, в разных частях которого бесшумно вертелись колеса каких-то аппаратов. Во-вторых, он увидел противную фигуру Кренчера, закутанную в плащ. Вероятно, он тут и стоял, душа гнилая. Ишь, рожи корчит.

— Как же я его не видел? — удивился Репьев.

Но когда произнес эту фразу, удивился еще более. Он не услышал своего голоса.

— Федор Ягуарыч, горло не действует у меня. Вот история, губы шевелятся, а звука нет.

Но Мортон, по-видимому, догадался, в чем дело.

— Не бойтесь, мистер Репьев. Это пока. Со временем, когда я буду уверен, что вы не проболтаетесь, я возвращу вам свободу слова. Потрудитесь проводить Кренчера на квартиру вашего учителя.

С этими словами Мортон стал наглухо застегивать плащ на Репьеве.

— Вам могло бы прийти в голову снять его, а это грозит неприятностями. Кстати, и чулки натяните. Неудобно, если прохожие увидят чьи-то заблудившиеся ноги без головы.

Репьев знаками показал на свои голые лодыжки, намекая этим, что не худо бы иметь и штаны.

— Кренчер достанет их, не беспокойтесь.

VII.

РУКИ НА ИЖОРСКОЙ, А ГОЛОВА НА ОКТЯБРЬСКОМ ВОКЗАЛЕ.

Замечательная вещь идти по улице, когда тебя не видят. Люди парочками болтают с уха на ухо всякие глупости, и делают вид, что разговор у них серьезный. Вот дураки. А сказать этого им нельзя. Не услышат. Зато сколько угодно толкайся.

— Скотина Кренчер так и делает.

Вот поравнялись двое незамечающих друг друга прохожих. Кренчер тому и другому дает по затрещине.

Они останавливаются, смотрят друг на друга вытаращенными глазами и затем, как петухи, начинают клеваться.

Пьяному Кренчер обязательно подставит ногу, даме растреплет прическу, зеваке надвинет кепи на лоб.

Шпана, да и только.

Хорошо, что Фурин жил недалеко — на Ижорской, д. № 7, а то бы хоть в драку вступай с хулиганом.

— Сюда, — показал Репьев на второй этаж.

Кренчер протянул руку и повернул около горла в плаще Репьева одну из пуговиц.

В то же мгновение Кузьма почувствовал, будто его посадили в чан с теплой водой, в котором он распаривается, растекается и делается бесформенным, как струя вышедшего из трубы дыма.

Легкое дуновение ветерка заставляет причудливо извиваться его руки и ноги. Его тянет вверх. Чтобы устоять на месте, требуются огромные усилия.

Кренчер подхватывает его и тянет за собой к замочной скважине парадной двери. На Кренчера нельзя без смеха смотреть. Голова и туловище либо собираются в пузатый шар, на котором уродливо прокорябаны рот, нос и глаза, либо растягиваются пятисаженной глистой с крохотной, не больше ореха, головкой.

Но и сам он должно быть хорош, если без всяких усилий прошмыгнул за Кренчером в замочную скважину. На сколько же это он верст растянулся?

В дверях квартиры они отыскивали едва заметную щель около пола и вползли в прихожую.

Репьев не сразу освоился со своим положением. Правда, изменения фигуры, делавшие его «похожим на всех зверей», не мешали ему думать и наблюдать, но руки то и дело тянулись открыть дверь, вместо того, чтобы проникать в щели.

Пробравшись в кабинет Фурина, Кренчер надавил у себя под горлом одну из пуговиц и быстро принял первоначальный, невидимо твердый вид. После этого он вынул из кармана письмо, которое, несмотря на путешествие по щелям, оказалось ничуть не измятым, и незаметно сунул его на стол.

Затем снова нажатие кнопки — и Кренчер расплылся в длинную колбасу.

Выбрались из квартиры Фурина они тем же путем.

На улице Кренчер привел себя в твердое состояние, а Репьева схватил за ноги, и длинной глистой потянул за собой по панели. Боли это не причиняло, но болтаться под ногами прохожих, которые не видят тебя и дают почем зря — неприятно.

Репьев вытянулся ниткой квартала на три.

Кренчер нарочно опутывал им фонарные столбы, извозчиков, загородки подвалов и даже ухитрился закинуть за петлю трамвая.

Все это создало такой ералаш в голове парня, что он никак не мог сообразить места, в котором находятся различные части его тела. Выпутываться он мог крайне медленно. Если бы Кренчер не держал его за ноги, он так бы и расплылся по ленинградским улицам. В конце концов, он потерял сознание и очнулся, услышав только голос Мортон:

— Это бесчеловечно, Кренчер. Разве можно было подвергать ребенка такой встряске? Целых три часа пришлось употребить на то, чтобы собрать его в кучу.

— Я хотел быстрее приучить его к новому положению, сэр.

— Он мог и умереть так.

— Дайте ему Игрек лучи № 12 — сразу очухается.

— Я давал бис 13, и все-таки не действует.

— Пустяки, он уже продирает глаза.

— Я вас все-таки прошу в следующий раз нажимать кнопку не свыше двух. Ведь и при этом условии вы можете легко принести до 3-х тысяч пудов любого груза.

— Ваша сострадательность к этим разбойникам погубит вас, сэр, помяните мое слово.

— Не будем спорить об этом, Кренчер... Как вы чувствуете себя, мистер Репьев?

— Ничего себе, только эта шпана, — показал он на Кренчера, — уж чересчур задается. Но я ему еще покажу.

— Вам самое лучшее отдохнуть теперь.

Репьев ничего не имел против. Челюсти его так и прыгали от зевков, ровно не спал он целую неделю.

Мортон, обняв его за талию, отвел в ту самую комнату, в которой он утром проснулся.

— Спите.

— А штаны он так и не достал, сволочь! Хоть бы в Ленинградодежде по бесплатному кредиту свистнул, какие похуже! — засыпая, ругнулся Репьев.

VIII.

КОЛБАСА — ДЕЛО ВЕРНОЕ.

Плачет кто-то и трогает его за лицо.

Репьев с большими усилиями открывает глаза.

— Ната! Откуда ты?

— Дядя сердитый в мешок посадил и унес!

— А папа и мама где?

— Дома. Я плакала, а они не слышат. Я домой хочу, Кузя.

Рядом с Натой стоял Мортон и слегка виновато смотрел на Репьева.

— Успокойте, пожалуйста, девочку, она, по-видимому, знает вас.

— Да, успокойте, успокойте, а пошамать небось не дают.

— Что вы сказали?

— Вторые сутки не жравши сижу.

— Как! Разве Кренчер не показал вам?

— За ноги по мостовой таскать показал.

— Это возмутительно, — нахмурился Мортон. — Но почему же вы не спросили?

— У вас спросить все равно, что у мертвого адрес спрашивать.

— Очень извиняюсь, мистер Репьев. Обратите внимание на кнопку около вашей головы. Достаточно ее нажать, и...

Мортон нажал, и в правом углу комнаты вырос огромный стол, заставленный всевозможными яствами.

— Я, к сожалению, этого не могу есть! — вздохнул Мортон. — Легкий бульон и две пары яиц в день — вот и все мое лакомство, а Кренчер всегда приносит такую уйму различной снеди, точно собирается кормить эскадрон солдат. Кушайте, пожалуйста, мистер Репьев, но не забудьте потом еще раз нажать кнопку, чтобы все скрылось. Меня тошнит от этих запахов.

У Репьева, наоборот, слюнки потекли. Он схватил за руку Нату и подтащил к трехфунтовой коробке моссельпромовских конфет.

— Ешь, а я колбасы наверну.

На столе соблазнительно красовались и рыба, и дичь и нежнейшие окорока, но кто их знает, какие они, а колбаса — дело верное. Колбасой враз напихаешь коробку.

Уши и челюсти Репьева энергично задвигались в сладостном восторге жевания.

— Ешь, Ната, все равно не чужое. Крючконосый обязательно в кооперативе спер.

Девочка основательно изучила содержимое коробки, съела несколько штук конфет, но потом закрыла ее и объявила, что понесет маме.

На замечание Кузьмы, что не так-то скоро выберешься из этой чертовой лавочки, она подняла рев. Пришлось немало с ней повозиться, пока заснула.

Укачивая ее на коленях, Репьев думал:

— А ведь это я засыпал Егора Михеича. Наболтал, а они и вцепились в него. Надо выкручиваться. Но как? Главное, эта сволочь, Кренчер...

IX.

МОРТОН УДИВЛЯЕТСЯ.

На следующий день Репьев вышел из своей комнаты, привлеченный громкими словами Мортонна:

— Вы опять были пьяны, Кренчер?

— Нет, сэр, клянусь честью. Разве же это пьянство — одна-две бутылки Абрау Дюрсо?..

— Вы были пьяны. Вы нанесли кучу разного хлама — юбок каких-то, кружев, дессу и чуть не целый магазин духов, тогда как я просил только брюки для мальчика,

— Но ведь у нас будет женщина, сэр.

— Да, и вы сейчас отправитесь за ней. Письмо, по обыкновению, положите на стол... Но за каким чертом столько тряпья?..

Слово «письмо» насторожило Репьева.

На столе, к которому Мортон стоял, поворотившись спиной, лежало письмо. Не иначе, к Фурину. Через него, Кузьму, человек страдает, а коли так, надо действовать.

Вынув из кармана блузы карандаш, Репьев, как ни в чем не бывало, подошел к столу и быстро начал царапать приписку.

— Разве мы хотим открыть магазин дамского платья? — гремел Мортон.

— Она дама все-таки, сэр, хотя и большевичка. Пусть знает, что мы не бандиты и умеем быть гостеприимными.

— Вы хуже бандита, Кренчер! За три дня вы успели разгромить шесть магазинов.

— Пустяки, сэр, это за границей припишут большевистской разнузданности.

— Вы осел, Кренчер! Мы спасаем Россию, а вы?

Мортон, не окончив фразы, схватился за сердце и стал опускаться на пол. Это и заставило Кузьму отскочить от стола.

Кренчер подбежал к падающему:

— Разомкните перегородку, сэр. Вам надо воды. Опять сердечный припадок.

— Нет, Кренчер, я скорее умру, чем позволю доверить вам клавиши аппарата. Ваша ужасная привычка к пьянству... Мальчик, принеси со своего стола стакан воды, мне очень нехорошо.

Репьев со всех ног мотнулся в свою комнату, нажал около кровати кнопку и, подойдя к открывшемуся столу, налил стакан воды.

Вернулся он так же быстро, но на расстоянии полметра от Мортонна хлопнулся о невидимую стенку.

Стакан вдребезги...

— Я позабыл себя выключить, мистер Репьев. Будьте добры, принесите второй.

Кузьма поспешил исполнить его просьбу. Возвращаясь, он услышал угрюмое ворчание Кренчера:

— Щенку, разбойничьему отродью, вы доверяете, сэр, а меня, который не раз выносил из-под пулеметного огня на своих плечах вашего брата, вы боитесь на шаг подпустить. О, если бы он видел...

— Не будем спорить, Кренчер, идите и делайте что надо. Но, ради бога, не заходите в кооперативы и магазины.

Пользуйтесь кнопкой № 2. Мальчика еле удалось привести в чувство. Если вы и с женщиной так поступите, то...

— Не беспокойтесь, сэр, я не дикарь.

Кренчер взял со стола письмо и, еле скрывая раздражение, надел плащ-невидимку.

— Помогите мне перебраться на вашу постель, мистер Репьев. Она ближе всего отсюда. И затем я попросил бы вас поставить мне на сердце компресс и растереть ноги...

— Ну, к чему эта агитация? Сказал бы — давай то-то и то-то,— и будет сделано, а то — пожалуйста, да я попросил бы вас... Давайте ноги.

Мортон протянул худые с синими жилками ноги, а Кузьма молча начал тереть их.

— Спасибо! Теперь компресс...

— Лежите и нечего хрюкать, когда больны.

Кузьма взял полотенце и пошел к графину с водой мочить его.

Неплохо, что он посещал лекции заводского врача. Компресс плевое дело поставить.

— Вы очень сообразительны, мистер Репьев. Мне нравится в вас независимость и чувство собственного достоинства. Удивляюсь, как оно выработалось у вас в такой рабской стране. Но язык, язык... Боже мой! Где вы ему обучались?

— Это я с буржуями так говорю, а со своими чего мне собачиться?

— Вам все-таки не мешало бы приобрести некоторые манеры.

— Комсомольцем стану — явятся. С вашим братом разговаривать надо пошамавши.

— Что?

— Виляете?

— То есть, как это?

— Горняков кто надул?

— Это очень сложный вопрос, мистер Репьев.

— А по-моему — соглашатели. Обязательно посадят их без штанов в крапиву и заставят смеяться.

— Вы очень искренны, мистер Репьев, но... Ах, как отвратительно бьется сердце. Дайте мокрую тряпку на грудь.

— А вы не вякайте зря, коль подпирает. Ну-козь, пустите руку.

Репьев положил мокрое полотенце на грудь и начал уязвлять Мортонa поправшейся под руку простыней

— А теперь лежи и не рыпайся.

— Да, мне надо отдохнуть. Это вечное напряжение...

— Закройте варежку.

— Хорошо, я замолчу. Пододвиньте мне эту доску с клавишами. Так. Спасибо. Хорошо, что нет Кренчера. Я попробую уснуть, мистер Репьев.

Кузьма взял за руку Нату, игравшую на полу коробками из-под конфет, и вывел ее за дверь.

X.

ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДКИ.

Елена Васильевна, которую вечером доставил Кренчер на Бриг-Мортон, помешалась от радости, увидев дочь. Бурные объятия и поцелуи переходили в слезы, а слезы в блаженный смех.

— Как, и ты здесь, Кузя? — заметила она наконец Репьева.

— А то как же?

— Что же ты тут делаешь?

— Ее вот няньчу, и вообще! — ответил Репьев.

— Но где мы?

— Не беспокойтесь, сударыня, в очень приличном месте! — вступился Кренчер. — Вы только посмотрите ваш будуар.

Кренчер открыл дверь в противоположной стенке от дивана Репьева, и Елена Васильевна, заломив руки, восторженно прошептала:

— Какая прелесть, какая прелесть!..

Это было как во сне, как в сказке, как в витрине универсального магазина.

Переливающийся рубиновыми, фиолетовыми, изумрудными и нежно-розовыми тонами свет перебирал роскошно отделанные платья, сорочки, чулки, носовые платки и массу очаровательных мелочей, к которым Елене Васильевне не приходилось даже и прикасаться. На 13-ый разряд мужа не получишь этого.

А какие броши, кольца и серьги в футлярах! Такого богатства она не видела ни в одном ювелирном магазине. Впрочем, вон того золотого жука с бриллиантами... Ну, да, конечно, в витрине видела. Еще вздохнула тогда: «Есть же счастливицы, которые покупают подобные вещи».

— Все это к вашим услугам, сударыня! — поклонился Кренчер, по-военному покручивая правый ус. Он был тщательно причесан, в манишке и новенькой паре, с которой еще не успел сорвать ярлык Ленинградодежды.

— Но как же так? — смутилась Елена Васильевна.

— Все это ваше! — гордо взмахнул рукою Кренчер. — На Бриге-Мортон найдется все, что только может пожелать интересная женщина. Обратите, например, внимание на это...

Кренчер нажал кнопку, и Елена Васильевна замерла от восхищения.

На самых богатых свадьбах она не видела такого роскошного стола, который появился у нее перед глазами. Боже, чего здесь не было...

Кренчер похозяйничал, вероятно, не в одном Пищестресте. Обилие вин, закусок, цветов и сластей потрясало.

— Не угодно ли закусить? — предложил Кренчер. — После пережитых волнений, за которые я глубоко извиняюсь, выпить маленькую рюмочку ликера в обществе вполне расположенного к вам человека...

— А где Егор Михеич? — резко оборвал его Репьев.

Елена Васильевна осеклась и плаксиво залепетала:

— Да, кстати, что же с ним? Он сходит теперь с ума. Подумайте только, в два дня лишиться жены и ребенка.

— Присядьте и успокойтесь, сударыня! — сладко улыбнулся Кренчер. — А вы, молодой человек, могли бы посидеть в своей комнате, когда разговаривают старшие.

— Никуда я не пойду! — огрызнулся Кузьма.

— Да, да, пусть мальчик останется. Мой муж к нему очень привязан.

— Ваш муж, сударыня, крайне неблагоразумен. Что мешало ему принять предложение Брига-Мортон и сделаться самым влиятельным человеком в России?

— Ах, товарищ... виновата, господин... Простите, я не знаю вашего имени отчества.

— Мистер Кренчер.

— Ах, мистер Кренчер, я советовала, я убеждала его, но вы не знаете рабочих «Трактора». Это, это... Да и сам он вполне убежденный. Дисциплина ему дороже родной жены.

— Боже! Такая женщина, и такое варварское отношение...

— Но ведь опасно все-таки.

— Помилуйте, какая же опасность, если Бриг-Мортон может уничтожить не только большевиков, но и всю Россию. Мы обладаем неслышанным могуществом. Жаль, что капитан корабля болен, он бы вам развил наши планы.

— А у вас здесь можно получить место... не по ставкам конечно, а...

— Сколько угодно. Для такой женщины мы все сделаем, — поклонился Кренчер.

— Я бы могла написать мужу?

— Пожалуйста, мы доставим письмо, но судя по тому, как он отнесся к исчезновению дочери...

— Ну нет, теперь шалишь! — сжала кулаки Елена Васильевна. — Теперь я ему иначе скажу. Отказываться от своего счастья, подвергать лишениям жену и ребенка — это бесчеловечно, это вандализм...

Елена Васильевна прижала платок к глазам.

— Рюмочку Дебре, сударыня; это успокаивает нервы, — дотронулся до ее плеча Кренчер.

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш и бумагу. Я знаю, что ему написать.

— К вашим услугам.

Кренчер вышел из комнаты, а Репьев, вздохнувши всей грудью, промолвил:

— Никогда не пойдет он на подлость.

— Ну нет, тут дело касается семьи, а в этом ты ничего не смыслишь. Мистер Кренчер очень порядочный человек.

Репьев сердито сопнул носом и ничего не сказал.

XI.

НА ЗАВОДЕ «ТРАКТОР».

Прогудел гудок на обед.

Тракторцы, прокопченные и замазленные, точно муравьи, ползли из дверей на двор.

Бессемейные обычно бежали в столовую, а семейные выбирали полянку чахлой травы, а то и прямо на асфальте располагались с принесенной закуской.

Но это обычно, а теперь было не до обеда.

Егор Михеич Фурин собирался что-то сказать и, говорят, очень важное.

Вон он взобрался на отремонтированный вагон трамвая и машет рукой.

— Товарищи, сюда... На минутку...

Надо идти. Фурин не станет волынить зря. Должно быть, информация насчет войны.

— Товарищи, то, что я сообщу вам — крайне необычайно, — начал Фурин. — Вы даже не поверите, но вы знаете, я не привык лгать. Кем-то — я не знаю — кем — изобретена невидимая машина или аппарат, который дает возможность невидимо появляться в любом месте, проникая сквозь щели. Владелец этого аппарата, кстати сказать, большой любитель выпить...

— Пьяный Чорт!

— Слыхали!

— Разгромил шесть магазинов и три ювелира ограбил!

— Тише, товарищи! — остановил рабочих Фурин. — Владелец этой машины предлагает вам полную свободу...

— Какую свободу? Грабить?

— Свободу от опеки коммунистической партии.

— А дальше что?

— А дальше Россия должна стать такой же, как и все христианские страны. Частная собственность будет неприкосновенна и труд станет свободным...

— К чорту его!

— Знаем эту свободу!

— Не надо нам кровососов!

— Товарищи! Он желает вам добра. Он хочет дать вам свободу слова, свободу печати и свободу кому угодно и за что угодно продавать свой труд. Быть может, он сейчас смотрит на вас, и сердце его обливается кровью от жалости.

— Пушай кредиты дает, а труд мы наладим и без него.

— Тише, товарищи! Возможно, что он дал бы и кредиты и употребил бы все силы своего аппарата, чтобы восстановить разоренную войной Россию, но мы должны для этого прогнать большевиков и стать христианским государством, в котором никто не мог бы обидеть порядочного человека, который свободно нанимает людей, и без всякого контроля и нажима со стороны рабочего государства развивает свои предприятия. В христианском государстве рабочий не должен завидовать капиталисту, а тем паче ненавидеть его... Капиталист насаждает культуру и нравственность в среде темного населения, он поощряет науки и искусства, он строит храмы...

— Долой его!

— Собаке под хвост пошли своего Пьяного Чорта!

— Стыдно, товарищ Фурин!

— Шкура продажная!

— Примазался, сволочь!

— Долой провокатора!

Фурин гневно запрокинул голову и потряс кулаком в небо.

— Эй, вы, слышите там? Я все сказал, что вы хотели. Так смотрите же! Вы думали, если коммунист откажется от своей программы и предложит рабочим сунуть шею в капиталистическое ярмо, они послушаются? Да, мы, партия — сила, но источник ее вот здесь — в чаяниях, надеждах и

устремлениях рабочего класса. Пока мы правильно отражаем его интересы — мы непобедимы. Мы — это они. А они не только здесь, но и там, у вас за спиной в Англии, во Франции, в Германии... Попробуйте нас ударить, здесь, мы ударим вас там. Мы едины.

— Бр-рава!

— Пр-равильна!

— Ну-ка, открой поганое рыло, Пьяный Чорт!

К сжато-му кулаку Фурина присоединились тысячи других, грозивших невидимому врагу. Рабочие поняли, к чему клонил Фурин. В это время никому не видимый сэр Мортон стоял у борта воздушного корабля и, то бледнея, то делаясь багровым от гнева, вematривался в толпу. Возгласы, точно камни, щелкали его по лицу.

— Наши здорово крепкие на зубы, — заметил ему Кузьма, — лучше уйдите, печенка не выдержит.

Сэр Мортон шептал:

— Странная психология. Прямой атакой их не возьмешь. Мы просчитались. Партия большевиков — необычайная партия.

— И я ж говорю, что у нас нет соглашателей, — прибавил Репьев.

Кренчер злобно скрипел зубами.

— Наконец-то вы лично видите этих разбойников, сэр. Какой смысл выслушивать их оскорбления? Тут нужны винтовка, пулемет, бомбы. Они недоступны влиянию здравого смысла. Будь на вашем месте покойный брат... Он собственноручно расстреливал эту сволочь при наступлении Юденича. Разрешите, я угощу их, сэр.

— Уничтожение России не входит в наши расчеты, Кренчер.

— В таком случае, вы оставите заразу, которая уничтожит Европу.

— Мы найдем другие пути. Спокойствие, Кренчер; я даю вам № 15 бис.

— Разрешите, во имя вашего покойного брата, сэр...

Голос Фурина крепнул и повышался.

— Каждая бомба, брошенная вами в рабочих, взорвется на ваших собственных головах.

— Я не могу переносить этого, сэр, — трясся от бешенства Кренчер.

— Я не менее вашего настроен против большевиков, но надо изучить их.

— Как бывший русский офицер, я их хорошо знаю, и если вы не хотите, то я сам...

Кренчер выхватил из-под полы какой-то предмет и замахнулся, чтобы бросить его в толпу.

Но прежде, чем он успел это сделать, Репьев хлопнул его по руке и с силой прынул ему на шею. Оба они потеряли равновесие и полетели за борт на головы возмущенных рабочих.

В то же мгновение раздался оглушительный взрыв, потрясший стены завода.

Голоса смолкли, и толпа испуганно шархнула к забору.

Фурин недоумевающе поднял голову. Взрыв был над самым ухом, но следов никаких.

— Бей его, вот он, сволочь, держу! — раздался ребячий крик.

Первыми на него обратили внимание те, которым что-то, обрушившееся сверху, чуть не сломало шеи.

— Пьяный Чорт здесь! Бей его, а то убежит.

Толпа в недоумении.

Крик вот тут, под ногами, а никого не видеть.

— Стой, ребята, голые ноги.

— Хватай их!

— Его держите, за голову держите, за нос держите...

Рабочие поймали болтающиеся в воздухе ноги и, потянув их, увидели ободранную фигуру Репьева.

Изумление привело их в столбняк.

— Откудова ты, Кузьма?

Взъерошенный Репьев кричал:

— Утек, сволочь, но погоди, я тебе покажу.

— Да ты ошалел, что ли? Кто утек-то?

Рабочие схватили ноги.

— Пьяный Чорт утек и плащ мой невидимку унес! Но я тебе покажу, я тебе всю морду поганую растворю!

Я тебе...

Кузьма захлебнулся от гнева и замертво покатился к ногам недоумевающих рабочих.

Король облаков.

I.

*ЦАПМАН ОБЕЩАЕТ ПОДАРИТЬ СУПРУГЕ
КОЛЬЕ БЫВШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ.*

— Я требую, чтобы меня выписали сейчас же, немедленно, в два счета, иначе я разобью окно и убегу в больничном халате.

— Успокойтесь, гражданин Цапман! Лечебнице нет смысла задерживать вас. Переночуете и уйдете.

— Я требую сейчас!

— Но ведь только вчера вы умоляли продержатъ вас неделю, даже если вы будете уверять, что вы совершенно здоровы.

— Но я же и здоров. Я совершенно здоров.

— Я этого не вижу. Вы слишком волнуетесь.

Маленький черноволосый Цапман, прыгавший петухом около заведующего психиатрической лечебницей, внезапно остановился.

— Вы правы! Если я буду кричать, вы подумаете, что я действительно сумасшедший, и распорядитесь надеть на меня смирительную рубашку. Хорошо! Я спокоен. Садитесь, гражданин доктор. Я буду спокоен, как таракан.

Врач улыбнулся.

— Вот так лучше. Почему же вам именно сейчас, сию секунду, в 12 часов ночи, необходимо выписаться из лечебницы?

Цапман лукаво улыбнулся.

— О, это коммерческая тайна. Если вам необходимо сейчас же получить 2 миллиона рублей, и если вы знаете, что опоздание на 2 минуты приведет к тому, что вы их не получите — разве вы усидите спокойно?

— Я боюсь, Цапман, что вас начинают преследовать навязчивые идеи.

— Ничего подобного! — еле сдерживая волнение, ответил Цапман. — У меня есть большая коммерческая идея. Я боюсь, что ее перехватят.

— Но вчера вы жаловались на усталость от коммерческих операций.

— Вы меня не поняли. Я — Цапман, Яков Цапман, глава знаменитой когда-то транспортной конторы Цапман и К^о — совершенно здоров. Конторы теперь у меня нет, но голова есть, и очень хорошая голова. Но иногда... Это бывает редко — мне вдруг покажется, что Яков Цапман не нужен в России, что Центросоюзы и Совнархозы проглотят Якова Цапмана, и никаких сделок, никаких барышей, никаких комиссионных процентов больше не будет. Как только я представлю себе эту картину, я сейчас же прошу возьми меня в психиатрическую лечебницу. Разве может в здоровую голову забраться мысль, что хороший коммерсант перестанет делать прибыль, если его отправят хотя бы на луну в ракете. Парочка-другая холодных душ, и я успокаиваюсь. Сегодня я успокоился быстрее, чем всегда. Сегодня... Мне очень трудно говорить спокойно. Сегодня Яков Цапман не поменялся бы своим положением с Ротшильдом. Но это коммерческая тайна. Я умоляю вас позвонить по телефону 00—13 и попросить мою жену привезти мне платье. То, в котором я приехал сюда, пусть останется здесь. Я не хочу беспокоить ваших служащих. Брюки прошу передать мальчику-пионеру, Кузьме Репьеву, с которым я рядом лежал в 12-й палате. Он был доставлен сюда без брюк и весьма огорчен этим обстоятельством. Кстати, доктор, как вы находите умственные способности этого ребенка?

— В полном порядке.

— Никаких навязчивых идей и снов наяву у него нет?

— Он совершенно здоров и дня через три выпишется.

— Очень рад! Пожалуйста, доктор, позвоните жене, если не хотите на всю жизнь сделать меня несчастным человеком. Пусть едет на автомобиле.

Доктор пожал плечами и решил исполнить просьбу настойчивого пациента.

Супруга Цапмана прибыла ровно через семь минут и, невзирая на свою необъятную толщину, одним махом вбежала на четвертый этаж в приемную завлечебницы. Уронив себя на диван, она негодующе затрещала:

— Ты хочешь убить меня, Яша! Или ты уже стал миллионером, чтобы раскатываться на автомобиле?

— Тихо, Соня! Через неделю ты будешь иметь то самое кольцо императрицы, которое нам позавчера предлагали купить. Начинай ходить каждый день в театры и кинематографы, ешь сколько угодно пирожного и поменьше думай обо мне. Ты можешь похудеть. Я сейчас мчусь по делам. Давай платье, я оденусь в автомобиле. Не скучай, Соня.

Цапман нежно клюнул супругу в лоб и, сбросив больничный халат, помчался с узелком платья к выходу.

— Боюсь, что я отпустил сумасшедшего! — пробормотал врач, прислушиваясь к топоту бегущих ног.

Мадам Цапман презрительно поджала губы.

— Если вы сумасшедший доктор, так у вас уже все сумасшедшие. Что вы знаете про голову Яши? Это такая голова, что если одна половина испортится, так другой хватит на десять министров.

С этими словами она поднялась и не глядя на доктора, выплыла из приемной.

II.

ЦАПМАН ДЕЛАЕТ КОНСТРУКТИВНЫЕ СООРУЖЕНИЯ.

Цапман проявил огромную акробатическую ловкость, натягивая пиджак и брюки в бешено мчавшемся автомобиле.

Ноги его то и дело вскидывались выше головы, но и в этом неудобном положении он сразу ухитрился делать два дела — зашнуровывать ботинки и толкать пятками в спину шофера.

— Скорее, товарищ! Вообразите, что у меня умирает тетка, и я опоздаю получить наследство!

— Который номер?

— Ижорская, 7. Это сейчас, за угол направо. Дайте полный ход, я еще успею зашнуровать левый ботинок.

У дома № 7 Цапман, не дожидаясь полной остановки, прыгнул с сиденья и чуть не сбил с ног стоявшего у ворот дворника.

— Здесь живет служащий завода «Трактор», Егор Михеич Фурин?

— Понятно, здесь! — попятился дворник. — В 21-м номере, а только зря на человека лезть неудобно.

— По-вашему, я должен лезть на стенку — это будет удобнее? Который этаж квартира № 21?

— Третий.

— Спасибо!

Цапман расплатился с шофером и юркнул в парадное.

Фурин был оглушен ворвавшимся маленьким человеком.

— Слушайте, уезжайте немедленно с этой квартиры, тут поселюсь я. Впрочем, постойте. У вас были похищены жена и ребенок. Скажите откровенно: вы верите, что этот идиотский Бриг-Мортон действительно существует и имеет в своем распоряжении плащи-невидимки для похищения людей?

— Что вам угодно? — спросил, наконец, Фурин, оправившись от бурного натиска.

— Я Цапман, Яков Цапман, глава бывшей транспортной конторы — отделения в Москве, в Ростове, в Одессе и других городах; но это не важно. Я поселюсь у вас в квартире. Вы за это имеете получить 100 рублей в месяц и собственную голову. Я человек коммерческий. Если ваша голова чего-нибудь стоит, немедленно уезжайте отсюда, чтобы вас не принудили запеть петухом на парт-конференции или распустить Красную Армию.

— Я этого и жду. Они видели, как встречают рабочие нажим на нашу программу и тактику, пусть посмотрят теперь, как отстаивают свои убеждения отдельные коммунисты.

— Но это самоубийство.

— Я думаю, это будет убийство.

— Как общественный работник вы не имеете права без нужды рисковать своей жизнью.

— А вы не рискуете разве?

— Я дело другое! — поднял ладони Цапман. — Я коммерсант. Если бы я стал клясться и божиться, что не могу жить без советской власти, так вы бы мне разве поверили? Бриг-Мортон охотится на коммунистов, а что ему от меня надо? Свергнуть большевиков? Но разве я их поддерживаю? Я хочу попасть на Бриг-Мортон по одному маленькому делу, и имею причины думать, что кто-нибудь из невидимых заглянет сюда, ну хотя бы с целью захватить вас и проинструктировать насчет свержения советской власти. Пусть вместо вас они найдут меня. Это будет неплохо для нас обоих. Как честный коммерсант, я обязуюсь известить вас о судьбе вашей жены и ребенка.

— Я сам буду ждать их. Если я уйду, они подумают, что я трус, что меня все-таки можно уломать угрозой или насилием.

— Ну, хорошо; не можете совсем передать квартиру, пустите хоть на несколько дней. Вам это ничего не стоит, а мне очень важно поговорить с ними.

— Но как же вы будете говорить с невидимыми?

— Я немножечко спирит! — скромно ответил Цапман.

— Если бы существовал бог и торговал шерстью, я бы уж сумел заключить с ним договор на поставку.

Фурин задумался.

Завтра он должен выехать в Москву на конференцию. Почему бы и не пустить Цапмана?

— Хорошо, я вам уступлю на неделю квартиру, но вы должны немедленно известить меня обо всем, что здесь произойдет.

— С удовольствием! — обрадовался Цапман, — Но только в части, касающейся вас. У меня могут быть с ними свои дела.

— Ваши дела меня не интересуют.

— Очень хорошо! Оставьте свой московский адрес. Завтра вечером я зайду сюда и займусь кое-какими конструктивными сооружениями.

Фурин передал ему запасный ключ от квартиры.

* * *

На другой день Цапман пришел, нагруженный всевозможными свертками.

Как только Фурин уехал, он принес из коридора раздвижную лестницу и прикрепил к ней плакат на английском языке следующего содержания:

«Мистер Кренчер, вы гениальный человек, но я Цапман, Яков Цапман, глава б. транспортной конторы Цапман и К^о», тоже не глуп. Я хочу быть министром финансов, но для этого вы должны стать королем. Я уже придумал для вас хорошенький титул: Король Облаков, Кренчер Первый. Само собою понятно, что для этого мы должны захватить Бриг-Мортон. План у меня есть. Я сплю в соседней комнате. Толкните меня в левое плечо, но не очень сильно. Я человек нервный».

После этого Цапман начал распаковывать свертки, в которых оказались вина и деликатнейшие закуски.

Расставляя их на столе, он мурлыкал от удовольствия.

— Протопопов сделал когда-то карьеру министра умением рассказывать анекдоты, а я преподнесу повелителю винный пейзаж. Буквы ВСНХ на этикетках могли бы смутить его, но я скажу, что это сокращенное «Христос Воскресе».

Пейзаж получился великолепный. Рубин наливков и золото натуральных ласково маслили взгляд. А как была расставлена закуска, как аппетитно выглядели рыжички, икорка и поросенок рядом с очищенной!

— Ой, Яков Цапман, не щелкай языком. С твоими почками тебе даже смотреть на бутылки вредно. Пусть уже пьют короли, туда им и дорога, а ты еще не король. Тебе надо выспаться, чтобы иметь свежую министерскую голову.

С этими словами Цапман ушел в соседнюю комнату и завалился в кровать. Заснул он сразу. Видения Совнархозов и Центросоюзов не тревожили его перед сном, как обычно.

— Что такое центросоюзы? Что от них останется, если Яков Цапман делается министром Короля Облаков и принудит совнаркомы уравнивать права коммерсантов с рабочими? А если уравниют, то Яков Цапман сумеет не хуже макдональдсов и чемберленов втирать очки им. Он-таки поработал над этим планом прошлую ночь.

III.

ДЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ПОСТОВОГО ЧЕБУРЕНКО.

Толчок в плечо.

Яков Цапман открывает глаза. Никого. Он пробует повернуться на другой бок — снова толкнули.

— Какой тут чорт...

Грозный окрик Цапмана тотчас же, однако, расплылся в приятнейшую улыбку.

— Это должно быть вы, мистер Кренчер... Виноват, ваше величество. Позвольте мне уже сразу войти в свою роль. Не угодно ли к столу, ваше величество?

Яков Цапман никого не видел, но это его не смущало.

Пройдя в столовую он наполнил стопку самым крепким коньяком, который мог отыскать в магазинах винторга, и почтительно подвинул его к прибору напротив.

— За облачное королевство, ваше величество!

Стакан поднялся, затем опрокинулся и Цапман услышал характерное клохтание жидкости в горле.

— Здесь никого нет, ваше величество, и ваш верноподданный жаждет лицезреть вас и слышать ваш голос.

На расстоянии метра от головы Цапмана мелькнул загнутый вверх подбородок, затем крючковатый нос и глаза.

— Замечательно, ваше величество! Я-таки прочитал одну-две книги, в которых говорится, что есть цвета, неощу-

тимые человеческим глазом. Вероятно, ваше пальто такого цвета.

Голова Кренчера совершенно освободилась от невидимого покроя и смешно балансировала над столом. Во рту блеснули две золотых коронки и раздался скрипучий голос.

— Вы неглупый парень, Цапман, и я рад познакомиться с вами.

— Мы сделаем большое дело, ваше величество.

— О, будь в моих руках Бриг-Мортон, я бы действительно стал королем России.

— Только не России! — испуганно всплеснул руками Цапман. — Облаков, морей, океанов, — пожалуйста, только не России. Это такая страна, где даже нищие не завидуют королям. Тут любой семилетний паршивец запустит в вас камнем.

— Одного я видел такого! — нахмурился Кренчер, вспоминая задорные вихры Кузьмы Репьева. — Овладей я Бригом-Мортон...

— Вы им овладеете, не будь я Цапман.

— Тогда бы я всех большевиков...

— Не делайте этого, ваше величество. В России все так перепутано, что сам Соломон не разберет, где большевики, где не большевики. Я даже сам не знаю, кто я. Вдруг мелькнет сумасшедшая мысль: кто ты, Яков Цапман, и зачем тебе нужна паршивая лавочка на Апраксинском рынке? Может, ты уже коммунист и тебе пора идти в Центросоюз? Ты прекрасный организатор, ты бы мог вертеть огромными делами и пользоваться уважением рабочего класса. А что тебе надо еще, Яков Цапман? Ты же не картежник, не пьяница... Я не говорю дурного про пьяниц, ваше величество, но зачем мне портить больные почки. По семнадцатиразрядной сетке с нагрузкой я бы мог спокойно жить со своей Соней. Ей незачем цеплять за шею колье бывшей императрицы. В Париже это хорошо, но кому это надо в России? Разве мне приятно, если будут говорить, что она супруга какого-нибудь расстратчика или спекулянта. Вот до чего может дойти умный человек в России, ваше величество. Но посмотрим на дело с марксистской точки зрения...

Стакан поднялся затем опрокинулся.

— Мне не нравится слово марксизм! — перебил Кренчер.

— Не угодно ли рюмочку? — заглаживая ошибку, осклабился Цапман. — Большевики умеют делать кое-что

хорошее. Главное, что они вообще умеют делать, поэтому с маркс... с точки зрения здравого смысла их надо...

— Мы их уничтожим, Цапман.

— Зачем уничтожать рабочую силу, ваше величество? Надо изменить систему. Эта паршивая советская система таки держится, хотя ей надо было исчезнуть уже лет десять назад. Но она не хочет.

— Мы уничтожим ее, — нахмурился Кренчер.

— Бескровно, ваше величество. Мне, знаете, приходилось интересоваться разными авиохимами и настроением Красной Армии, так я вам скажу, давайте лучше устроим бескровную коммерческую революцию; это безопаснее для головы.

— Вы, значит, интересовались обороной России? — иронически скривился Кренчер.

— Ну, не так сильно, как лорд Чемберлен, однако, заграничных товаров в моем магазине порядочное количество. Ой, теперь так трудно достать товар, что честный коммерсант поневоле заинтересуется, где у нас стоят минные заграждения.

— Из вас выйдет способный министр, Цапман.

Невидимая рука потрепала его по плечу.

— Не угодно ли очищенной под грибочки, ваше величество?

— Когда я буду царем...

— Сначала в облаках, ваше величество. Это первое условие. А в России пусть будут наши торговые склады, пути сообщения, рудники, леса, шерсть, мясо... Если все это будет наше, то и люди будут наши. Будьте покойны, я их приберу к рукам. Обладая невидимым кораблем, мы можем натащить в Россию столько контрабанды, что в месяц задушим кооперативную торговлю. Но это деталь. Я, видите ли, попробую сначала уломать совнарком, чтобы он изменил закон относительно частной собственности. Зачем душить ее, и непременно теперь? Пусть как-нибудь сама удушится лет через тысячу, на это согласится любой коммерсант. Я в первую голову займусь нефтяными концессиями.

— Да, но надо сначала заполучить Бриг-Мортон.

— Заполучим, не беспокойтесь! Вы только доставьте меня на корабль, а там я уже сумею заморочить голову капитану. Вы сами можете управлять кораблем?

— Думаю, что могу.

— Отлично! Я хоть сейчас готов отправиться на Бриг-Мортон.

— Но под каким предлогом я возьму вас с собой?

— Предлог уже есть: я честный коммерсант — на меня напали чекисты, с целью расстрела. Вы спасли мою жизнь и взяли с собой, как полезного человека.

Предлог показался Кренчеру основательным, особенно после того, как Цапман сдобрил его двумя бокалами портвейна, чайным стаканом спотыкача и неограниченно большим количеством стопок вина. Проглатывая их, Кренчер, заплетаясь, твердил:

— Я вас сделаю первым лордом Облачного Королевства, Цапман. Мне нужен преданный человек. Когда я буду владеть Бригом-Мортон — кто-то должен понимать и ценить мои вкусы.

— Я оценил их сразу, ваше величество! — кланялся Цапман, пододвигая мадеру и херес.

— А вы не жид? — спросил Кренчер, — мне, как потомку Рюрика, неудобно иметь жида в качестве министра.

Цапман расхохотался:

— Это предрассудок, ваше величество, вас смущает мой римский нос, который образовался от связи греческого короля с моей мамашей, но это ерунда. Моя мамаша в молодости была испанкой, но причем тут национальность, если я не претендую на греческий престол? Как только я сговорюсь с совнаркомом, я немедленно организую партию христианских социалистов. Это необходимо, потому что, ваше величество не откажет себе в удовольствии устроить маленький погромчик, когда придется уговаривать большевиков на беспартийные советы. Так вот, мы, христианские социалисты, должны точно установить, что такое жид, и что такое не жид. Разве, например, Ротшильд жид, хотя он и

еврей? Ничего подобного. А наш Митька Рубинштейн, сбегавший за границу, жид? Ерунда. С ним кушают за одним столом все погромщики. Честный коммерсант, имеющий приличную собственность, не может быть жидом. Жид, это — комсомолец, рабфаковец, служащий центросоюза... Да что там говорить: всякий кооперативный работник в Советской России — жид, потому, что он распинает нашего Христа. Христос — это слово греческое, а по-русски, по-французски, по-немецки, по-английски и на всех остальных языках это называется — капитал. За своего Христа мы согласны хоть каждый день устраивать погромы,

— У вас замечательная голова, Цапман.

— Подождите, ваше величество, вы еще не знаете, что такое Яков Цапман. До войны я был испанцем, в войну американцем; тогда моя фамилия была Бридж. Помните консервы Бридж? Случайно они оказались тухлыми. В революцию мне пришлось стать немцем. Цапман, это же чистокровная немецкая фамилия. А теперь, в качестве вашей правой руки, я на визитной карточке напишу:

**"Яков Севастьянович Коммерсант,
христианский министр-социалист".**

Прием по нефтяным делам с 11 до 3-х,

— Москва. Кремль.

— Недурно?

— Довольно. Мы понимаем друг друга, Цапман, и я беру вас с собой, а здесь мы оставим письмо. Большевик Фурин недостоин такой женщины, как Елена Васильевна.

Цапман сделал умное лицо.

— Сдается, ваше величество, что мы уже обзавелись королевой?

— Она прекрасная женщина, но это ее отродье... С каким бы наслаждением я выбросил ее за борт Брига-Мортон! Елена Васильевна требует развода и соглашается отдать ему девочку. Я всецело одобряю ее поведение.

— Я тоже одобряю. Зачем ребенку воспитываться в буржуазной среде, когда жить придется в Советской России?

— Ол райт! Ол райт! — лепетал опьяневший Кренчер.

Цапман напомнил, что уже поздно, и они могут не попасть на Бриг-Мортон, если у короля чересчур повысится настроение.

— Я вас доведу, идемте! — икнул Кренчер.

Голова его заклевала во все стороны и, казалось, вот-вот покатится в угол.

— Я бы взял вас под руку, ваше величество, но я не вижу ее.

— Сейчас вы и лица не увидите,

Кренчер надвинул капюшон невидимки и голова мгновенно исчезла.

Цапман вздохнул с облегчением. Ему не доставляло удовольствия видеть пьяное, брызжущее слюной лицо.

— Но как же мы пойдём?

Невидимый кулак толкнул Цапмана в живот.

Цапман, морщась от боли, хихикнул:

— Король изволит шутить!

Невидимая рука повлекла его к двери.

Цапман был человек аккуратный и запер квартиру.

На лестнице король споткнулся, и оба они кубарем покатались с третьего этажа. И это было только начало. На улице Кренчер охватил его за шею и начал делать зигзаги от здания к зданию через всю мостовую. Кренчера не видели, зато Цапман сразу же привлек внимание милиции.

— Вы пьяны, гражданин! Пожалуйте в участок.

— Откуда я пьяный? Дайте, я подую на ваш нос, и вы увидите, какой я пьяный.

— Но вы и сейчас на ногах не стоите?

В подтверждение этих слов, Цапман, влекомый Кренчером, шмякнулся на папиросный ларек инвалида и покатился по тротуару.

Раздался тревожный свисток.

— Теперь уже не миновать участка! — подумал Цапман, падая животом на корзину с яблоками и прикрывая левой рукой голову, по которой начала колотить какая-то старушка. За правую руку держал его Кренчер.

Цапман шмякнулся на папиросный ларек.

— Лучше быть рассыльным в Центросоюзе, чем министром пьяницы! — бормотал Цапман, следуя за Кренчером к ближайшей стене.

Вдруг над магазином Пищтреста, на углу Введенской, появилась огромная электрическая надпись:

ГАРРИ МОРТОН ЖИВ. ВОЛХОВСТРОЙ.

Цапман почувствовал, как задрожала не только державшая его рука, но и вся фигура Кренчера.

Пьяный король отпустил его.

От этого Цапману стало не легче. Его схватили милиционеры и далеко не любезно поволокли к пролетке.

— Но я же трезвый, товарищи. Разве вы мало видите пьяных, что не можете отличить трезвого человека?

— Тащи его! Коли не пьяный, так хулиган.

— Я хулиган, Яков Цапман? Откуда вы взяли, когда я смиреннее блохи.

— А зачем ларьки опрокидываешь?

— У меня судорога министерская в голове. Я только вчера вышел из сумасшедшего дома. Что вы хотите?

Вид у Цапмана был жалкий. Не походил он на хулигана, да и вином от него не пахло.

Милиционеры нерешительно остановились.

Постовой Чебуренко, напролет знавший всех хулиганов Большого проспекта, пытливо посмотрел ему в лицо.

— Оно-таки сдается, что ты не сам, а Пьяный Чорт тебя волочил, но я с роду не слыхал, чтоб у советского гражданина была министерская судорога. Отпускаю, как незнакомую личность. Иди и не прыгай, а то ж ты голову себе разобьешь.

Цапман поблагодарил и, как все прочие люди, нормально зашагал по тротуару.

Через некоторое время его схватил невидимый Кренчер.

Рука его дрожала, но шаг был твердый. Он отрезвел.

Над магазином снова сверкнула надпись:

ГАРРИ МОРТОН ЖИВ. ВОЛХОВСТРОЙ.

Кренчер сжал локоть Цапмана и несколько минут стоял без движения, точно надпись оглушила его.

IV.

Кузьма Репьев без сознания был отправлен в ближайшую лечебницу.

Дня три он метался в горячке, вскакивал с кровати, грозил искрошить Кренчера и упрекал Мортонга, что он держит подле себя такую сволочь. Дня три от него не отходила си-

делка. Врачи боялись, что потрясение не пройдет бесследно, но крепкий, неизбалованный жизнью организм выдержал.

Кузьма открыл однажды глаза и, заметив склоненное над собой мужское лицо, приподнялся:

— Ягуарыч, ты? Или уж ладно — сэр Мортон, это вы?

— Нет, я не он! — отозвался склонившийся человек.

— А кто ж ты? Лицо совсем, как у Мортоня.

— Я его брат, Гарри.

— Значит, ты не сэр и не убит?

— Меня ранили. Кренчер, воспользовавшись этим, обобрал меня и выбросил из броневика в надежде, что большевики добьют меня. Но вышло иначе. Меня подобрали красные санитары и отвезли в госпиталь, где благодаря внимательному уходу я через три месяца совершенно оправился. Теперь я работаю на Волховстрое. Турбины устанавливались при моем ближайшем участии. Я хочу расспросить тебя о брате, товарищ...

— Кузьма, — подсказал Репьев.

— Где ты с ним встретился? Я несколько раз писал ему в Англию, но он куда-то исчез.

— Хо! Теперь он на таком корабле ездит, что...

Кузьма осекся.

Он увидел еще одно лицо, внимательно поглощавшее его слова. Это был сосед по койке.

— А ты кто такой? — покосился Репьев.

— Я просто Цапман, Яков Цапман. Вы говорите про корабль, так я тоже немножко мореплаватель, хотя меня очень тошнит на морских пароходах.

— Это совсем не морской. Это воздушный и невидимый корабль.

Кузьма с жаром начал рассказывать о своем пребывании на Бриге-Мортон, отпуская время от времени крепкие словца по адресу пьянчуги Кренчера.

Цапман слушал и комбинировал.

Когда Репьев рассказал историю похищения Наты и Елены Васильевны, Цапман вежливо осведомился — не живет ли Фурин на 6-й Советской, и когда узнал, что он живет на Ижорской, огорченно вздохнул:

— Как жаль, что он не живет на 6-й Советской; это совсем от меня близко. А впрочем, продолжайте, молодой человек.

Репьев закончил свою повесть предложением:

— Надо лопнуть, а попасть на Бриг-Мортон и уговорить Ягуарыча, чтобы он прогнал Кренчера. Чего доброго, как начнет сыпать бомбы на головы ленинградцев, невкусно получится.

— Очень невкусно! — подтвердил Гарри Мортон. — Я знаю эти бомбы. Я изобрел их перед войной вместе с братом. Ты говоришь, взорвалась одна; боюсь, что Брига-Мортон не существует больше.

— Чорта ли ему сделается, если он невидимый.

— А впрочем, — задумчиво произнес Гарри Мортон, — если брату удалось разрешить проблему разложения атома и превратить продукты этого разложения в двигательную силу, то Бриг должен обладать колоссальным сопротивлением. Но как же мы его увидим?

— Вот тут-то и пробка! — согласился Кузьма. — К Фуруину Кренчер, понятно, пойдет. Ната без отца кармагалит, да и Елена Васильевна обещала написать ему. Этой Елене Васильевне накрутить бы хвост и отправить в Михайловский манеж на собачью выставку. Нехорошо поступает.

— Так вы думаете, молодой человек, что этот Кренчер таки придет к Фуруину? — деланно позевывая, спросил Цапман.

— Обязательно придет. Больше некому. Мортон не сойдет с корабля. Он ни за что не допустит к клавишам пьяное трепло. Пожалуй, завтра же он и придет.

Слово «завтра» точно иглой вонзилось в Цапмана. Если завтра, то нельзя терять ни одной секунды.

Он на цыпочках выбрался из палаты и, как мы знаем, пошел обрабатывать завлечебницей.

Гарри Мортон тоже решил не терять времени. Правда, он не оправился еще от переутомления, но побоку болезнь, раз это необходимо для дела.

— Только бы брат узнал, что я жив и нахожусь здесь. Мы ведь вместе работали над разложением атомов и кольцевым превращением вещества.

— А что это такое? — спросил Репьев.

— Лед, например, можно превратить в воду, а воду в пар, а затем пар в воду и воду в лед. Получается кольцо. Но гораздо труднее сжечь кусок дерева, а потом собрать продукты сгорания и снова превратить их в дерево того же самого качества. Брату, по-видимому, удалось разрешить эту задачу. Он, безусловно, захочет поделиться со мной этим замечательным открытием; но как его известить?

— Очень просто, — заявил Кузьма. — В «Паризиане» из лампочек получается «Багдадский Вор», а мы напишем: «Я тут», а он уж пушай понимает.

— Он может не увидеть.

— Обязательно увидит. Раз Кренчер пойдет с письмом на Ижорскую, то Бриг-Мортон где-нибудь около трепаться будет.

— Попробуем. Я завтра же выйду из лечебницы и посоветуюсь кое с кем, как это лучше устроить.

— Ты прямо в Губком валяй; там уж не подкачают. Дело это очень важное по текущему моменту. А я помогу.

V.

ЦАПМАН — МИНИСТР.

Кренчер притащил Цапмана на пустырь Введенской улицы и, слегка приоткрыв капюшон, хрипло сказал:

— Если мы не вырвем у Мортоня клавиатуру, мы пропали. Он любит брата. Из-за него и прилетел в Россию.

— Так, так, — кивал головой Цапман, — а Гарри Мортон жив и приглашает брата в гости на Волховстрой. Это очень интересное сооружение, и, я думаю, Мортон-старший непременно захочет его посмотреть.

— Мы пропали тогда, — повторил Кренчер, — быть может, уже пропали.

— Кто как!? — уклончиво ответил Цапман. — Если я сейчас пойду домой и напишу заявление о приеме меня на службу в Центросоюз, так может я и не совсем пропал.

— Вы изменяете своему королю, не сделавшись еще министром! — горько произнес Кренчер.

— В том-то и штука, что я — не министр, а вы — не король. Мы никогда ими не сделаемся, если будем прыгать по этому пустырю, как два перепуганных зайца. Надо действовать.

— А если он видел надпись?

— Тем лучше.

Яков Цапман был бы плохим министром, если бы не предусматривал критических обстоятельств.

— Я убежден, что у него начнется сердечный припадок, — сказал Кренчер.

— Припадок? Это очень хорошо. Ведите меня на Бриг-Мортон и скажите, что надо сделать.

— Надо вырвать у него клавиатуру, которой управляется корабль. Но имейте в виду, он всегда отгораживается. Вы расшибете голову, прежде чем подойдете к нему хоть на метр.

— Ведите! — приказал Цапман, лишний раз подумавший, что все короли умеют думать только чужой головой.

Кренчер надвинул капюшон и потащил Цапмана к скверу около Нар-сада. В одной из аллей они остановились.

— Стойте смирно! — прошептал Кренчер.

Цапман остановился и почувствовал, как подымается вверх на невидимой площадке.

— Пойдите, я же не птица и могу упасть. У меня почки больные.

Гуляющие, услышав крик, с удивлением стали созерцать возносящую фигуру Цапмана.

Старушки, шедшие от всенощной, начали креститься:

— Господи Сусе Христе, живой на небо лезет!

— Святой человек.

— А может растратчик какой.

— Обман! — кричал подвыпивший ломовик. — Обязательно за веревку он держится.

— Караул! — завопил Цапман, поднявшись на высоту двухсот метров.

Живой на небо лезет.

Но голос его внезапно смолк. Он очутился в розовато-прозрачном помещении и услышал недовольный окрик:

— Опять вы пьяны, Кренчер.

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Зачем вы притащили этого человека?

Цапман быстро обмерил глазами говорившего и молниеносно определил: хороший ученый и плохой коммерсант. Страдает припадками.

— Кто вы такой? — спросил его Мортон, видя, что Кренчер тупо моргает глазами.

— Я подпольная жертва большевиков, сэр! — жалобно заскулил Цапман и, поворотившись к Кренчеру, который снял невидимку, мигнул левым глазом:

— Будьте смелей: он не видел надписи.

— Какая жертва? — гремел Мортон.

— Вы же читаете иностранные газеты, сэр, и, наверное, вам известно, что у каждого большевика есть свой маленький подвал и небольшая стенка, к которой он ставит торговцев и социалистов. Про тюрьмы я не говорю. Они сплошь завалены подпольщиками. Вы приехали спасать Россию. Ну, так я вам разовью план. Вы должны выпустить из тюрем подпольщиков вроде меня, и мы вам так пропагандируем рабочие классы, что вам не зачем будет свергать большевиков — они свергнутся сами.

— Что нужно этому человеку, Кренчер? — презрительно оглядывая бормочущего Цапмана, спросил Мортон.

— Ого! — подумал Цапман. — Не так-то легко его заморочить.

Фигура Кренчера с каждой минутой делалась все более и более растерянной. Сэр Мортон строго-настрого заказал никого не водить на Бриг-Мортон без его разрешения.

Вера в министра у него таяла.

Зато Цапман достаточно оправился, чтобы перейти в атаку. Он умоляюще крикнул:

— Сэр, хотите посмотреть раны на моих руках и головах, оставленные большевиками?

Цапман стал отстегивать манжеты и шаг за шагом приближаться к Мортону.

— Вот пощупайте мою левую руку, как она понравится вам?

Мортон с недоумением коснулся обнаженной волосатой руки.

— Я ничего не вижу.

Цапман залился наглейшим смехом.

— Он ничего не видит. А что вы можете видеть там, за границей? Я, Цапман, чекист, и я вас арестую именем советской Союзной Республики без предъявления мандата, как социально опасного типа.

Цапман выпалил это остро визжащим голосом, иступленно повышая тон; он усердно посещал митинги 18-го года.

Сэр Мортон был ошеломлен. Изумление и гнев попеременно мелькнули у него на лице. Несколько раз он делал попытку остановить Цапмана, но тот, крутя волосатыми кулаками, усиливал голос, и, казалось, готов был лопнуть от напора слов, которые сыпались из него, как потревоженные блохи.

Поднимись сэр Мортон и скажи ему знакомое слово: вон! Яков Цапман упал бы на пол и заявил:

— Что вы хотите от человека, который только вчера вышел из сумасшедшего дома!

Но случилось иначе.

Дрожащий негодованием Мортон внезапно схватился за сердце и болезненно откинул голову.

Цапман быстро повернулся к Кренчеру.

— Готово. Ну, что вы стоите, как Николай второй? Берите, что вам надо.

Кренчер не сразу сообразил.

— Да ну же, идиот! — подтолкнул его Цапман. — Что я вам, нарочно драл глотку?

Кренчер наклонился к Мортону и скрюченными от страха пальцами взял у него с колен клавиатуру, на которую привык взирать с благоговением.

— Что вы делаете, Кренчер? — простонал Мортон, делая слабую попытку защитить доску.

— Не беспокойтесь, сэр! — придержал его за руку Цапман. — Я вам должен сообщить приятную новость. Ваш брат Гарри Мортон жив и в настоящее время собирается пустить электрический ток в Ленинград, с Волховстроя. Я видел его позавчера.

— Сердце! — прохрипел Мортон.

— Пустяки, пройдет, — успокаивал Цапман, — у меня знаете, это тоже бывает. Вам надо поехать куда-нибудь в санаторию. Страхкарточка есть? Тьфу, я и позабыл, что вы иностранец. Ну, а вы что? — повернулся он к Кренчеру.

Тот нажал какую-то кнопку в доске и начал пропитываться сначала розовым, а потом ярко-красным светом.

— Послушайте, зачем вам изображать Мефистофеля?

Кренчер гордо поднял голову и торжественно произнес:

— Отныне я Король Облаков Кренчер Первый. Мне подвластен весь мир. Большевиков я сотру с лица земли, а из России устрою виллу, где буду охотиться на лисиц и медведей.

— Не так громко, ваше величество! — остановил его Цапман. — Вы еще не сидели в Крестах, а мне уже пришлось.

— Я буду кричать на весь мир! Отныне я распорядитель земного шара. Я сегодня же взорву Ленинград, а завтра большевики на коленях будут просить у меня пощады.

— Взорвет... Ну не болван? А каково это будет восстанавливать? — шептал про себя Цапман. — Честное слово, он опять приведет Россию к военному коммунизму.

— Вас, Яков Цапман, я делаю премьер-министром. Вы гениальный человек, но слишком преувеличиваете силу большевиков. Мы уедем в Англию, Цапман. Там нас окружат неслыханным почетом.

— А вы думаете, там нет большевиков? Троньте большевика в России, и он угостит вас кирпичом в Англии. Это у них скверный обычай и его трудно искоренить. В Англии нас действительно встретили бы с почетом, если бы мы заставили Совнарком устроить нэп в квадрате. Вы не знаете, что это такое? Это то же самое, что имеется уже в Англии.

— В финансовых вопросах я не очень хорошо разбираюсь, — сознался Кренчер.

— Ничего, научитесь. Мы об этом еще поговорим, ваше величество, а пока я желал бы представиться королеве.

— Мы должны отпраздновать мое вступление на престол, Яков Цапман. Идемте в зал!

— Сейчас! Я только посмотрю, что делается с капитаном.

— Оставьте его. Он пролежит еще с полчаса.

— Но он может умереть! — возразил Цапман.

— Это его дело. Он не подпускал меня к себе во время обмороков, пусть и теперь сам поправляется.

— Ой, это не по-советски. Зачем бить врага, когда он уже не опасен; надо его использовать.

Яков Цапман вынул флакон патентованной смеси собственного изобретения «Цапманвздох» от нервов, с которым никогда не расставался, и влил несколько капель Мортону в рот.

— Теперь ему будет легче. Пусть себе отдыхает; он еще может пригодиться честному коммерсанту.

VI.

ЦВЕТНОЙ НАРКОЗ.

Елена Васильевна, которую Кренчер зарядил фиолетовыми лучами бета, захлопала в ладоши:

— Ах, какая я интересная!

— Вы можете посмотреться в зеркало.

Кренчер нажал кнопку, и Елена Васильевна увидела в стене свое изображение во весь рост.

— Не правда ли, товарищ Цапман, виновата, гражданин Цапман...

— Господин министр! — подсказал Цапман.

— Не правда ли, господин министр, если бы я в этом платье и с такой окраской вышла на Октябрьский проспект, меня бы все приняли за жену взяточника?

— Вы же королева, а это больше, чем взяточник.

— Нет, я в самом деле красива?

— Кто же это отрицает? — покрутил ус Кренчер.

— Мой муж. Он говорит, что сначала надо быть человеком и общественной работницей.

— Вздор! И я прошу вас забыть глупые рассуждения. Вы отныне Королева Облаков.

— Это хорошо, но...

Легкая тень огорчения скользнула по лицу Елены Васильевны.

— Королям теперь очень трудно приходится. Муж говорит, что...

— Опять муж.

— Он очень неглупый. Правда, он не растратчик, но в... в Индии неприятности, в Китае восстание... Нет, я хотела бы иметь маленький домик — большой реквизировать могут — и собственную лошадь. Кажется, это уже не так много. Или казенный автомобиль...

— У нас есть целый воздушный корабль и он теперь мой, наш... Цапман, вина! Мы начинаем праздник!

— Ого, уже Цапман, а завтра он будет звать меня Яшкой, — подумал Цапман.

Но вслух почтительно произнес:

— Я не знаю, где помещается погреб вашего величества.

— Он у нас перед носом.

Кренчер нажал вторую кнопку, и рядом с зеркалом вырос стол, на котором в беспорядке лежали в свертках вина и закуски.

— Сейчас я устрою королевский пейзаж, ваше величество! — засуетился Цапман. — Выбор красок огромный. А какие удобства, какие удобства! Наверное, через сто лет большевики устроят такие дома для рабочих. А канализация здесь в порядке.

— Я запрещаю вам произносить слово «большевик», Цапман. Я постараюсь выскрести из памяти людей это гнусное слово.

Владык сердить опасно, и Цапман благоразумно решил приняться за сервировку стола.

Елена Васильевна успела принести из будуара целую охапку шляп и, кокетливо вертясь, примеряла их на свою фиолетовую голову.

— А можно, чтоб я стала розовая?

— Любой цвет к вашим услугам, королева. Я лично предпочитаю красный, он пробуждает героизм и чувство

могущества. Скрыга Мортон давал мне его только с похмелья, когда у меня бывает подавленное состояние духа. Теперь я его буду употреблять в неограниченной дозе.

Кренчер нажал одну из кнопок клавиатуры, которую не выпускал из рук, и Елена Васильевна начала розоветь.

— Ах, как интересно. Мне ужасно весело. Хочется танцевать, хохотать, целоваться...

— На меня уж такие дозы не действуют! — мрачно заметил Кренчер. — Мне необходимо вино. Скорей вина, Цапман.

— Готово, ваше величество.

— Бери бокал и пей за здоровье Короля и Королевы.

Елена Васильевна хохотала:

— Королева; ха-ха-ха! Я королева! Ужасно смешно!

Цапман подвинул их величествам бокалы с портвейном и начал кланяться.

— Кушайте, а я подожду.

— Пей, говорят тебе!

— Он уже называет меня на «ты», а что будет завтра... Я не имею права, ваше величество. Завтра мне придется разговаривать с Чичериним, а он не любит пьяных. Он может вытолкать меня в шею.

— Как? Моего министра? — заклокотал Кренчер. — Я их сейчас же взорву!

— Музыка! Я хочу музыки! — капризно визжала Елена Васильевна, которую розовый свет в связи с портвейном привел в состояние крайней подвижности.

— Музыку, Цапман!

— Я не ходячий оркестр, ваше величество.

— Музыку, или ты превратишься в любой из химических элементов. Ты связан невидимой нитью вот с этой штукой, — показал Кренчер на клавиатуру, — я могу привести тебя в твердое, в жидкое, в газообразное — в любое состояние. Но стоит прервать ток, и ты навсегда останешься каким-нибудь водородом. Музыку, Цапман! Королева требует музыки.

Хорошо, что Яков Цапман был находчивый человек.

Стал в позу придворного музыканта.

Он вынул из жилетного кармана гребенку, приладил к ней клочок оберточной бумаги и стал в позу придворного музыканта.

— Что прикажете играть, ваше величество?

— Плясовую! — потребовала Елена Васильевна.

Яков Цапман стал наигрывать «По улице мостовой». Для большей выразительности он притоптывал ногами и время от времени петушком прохаживался около пунцовой парочки, иступленно хлопавшей по столу кулаками.

В самый разгар истошного визга гребенки, рычания Кренчера и истерического хохота Елены Васильевны, в дверях показался Мортон.

— А, скряга пришел! — оскалился Кренчер. — Цапман, бокал сэру Мортону. Пусть выпьет за здоровье Короля Облаков.

— Выключите Альфу 13, Кренчер; вы через час сойдете с ума. У женщины уже начались судороги.

— Я чувствую себя очень приятно! — болтая руками и ногами, повторяла Елена Васильевна, у которой смех перешел в икоту.

— Довольно вы командовали мною, сэр. Теперь я командую вами. Бокал вина за здоровье Короля Облаков, иначе я превращу вас в дым.

— Мне легче умереть, Кренчер, нежели видеть такое гениальное произведение человеческого ума, как Бриг-Мортон, в ваших руках.

— Бокал вина сэру Мортон! — орал Кренчер.

Цапман налил.

— И музыку, Цапман! — икнула Елена Васильевна.

— Музыку, Цапман! — подтвердил Кренчер.

— Ваше величество, я не могу одновременно разливать вино и быть оркестром. Я советую вам абонироваться на радио. Это очень дешево и удобно.

— Радио? — поперхнулся Кренчер. — У нас есть и радио.

Он нажал кнопку и где-то над головой раздался отчетливый голос:

— Слушайте, слушайте, слушайте! Гарри Мортон жив. Волховстрой.

Мортон схватился за сердце, а Кренчер с силой швырнул стоявшую перед ним пустую бутылку.

— Он еще жив, ну, так сегодня же от него и праха не останется. Цапман, где этот Волховстрой? Садись рядом и показывай дорогу. Мы долетим туда в несколько минут.

Цапман молитвенно сложил руки:

— Ваше величество. Выключите вы эту проклятую Альфу 13, которая делает вас похожим на сумасшедшего печеночного рака.

— Молчать!

— Но у Королевы ноги не знают, что делают руки, а у вас дергаются все мускулы лица.

— Молчать! — бешено топнул ногою Кренчер. — Показывай дорогу.

VII.

НА ВОЛХОВСТРОЕ.

На крыше главной гидравлической станции Волховстроя сверкали огненные слова:

ГАРРИ МОРТОН ЗДЕСЬ.

В одном из пролетов окна помещался мощный прожектор, который ошупывал облака ярко-зеленым столбом света. Изредка свет падал вниз на бесчисленные леса построек, которые громоздились друг на друга, сталкивались и переплетались в страстном желании оформиться и сбросить ненужные подпорки.

Около прожектора в напряженных позах стояли Гарри Мортон, его помощник болгарин Петко Грошич, недавно бежавший из Софийской тюрьмы, и Кузьма Репьев.

— Не увидишь его, товарищ Григорий, хоть глаза вывинти! — уверял Кузьма.

— Увидим! Непременно увидим! — успокаивал его Гарри Мортон. — Стекло прожектора смазано кринитом, а он как раз делает видимыми окраски, не воспринимаемые глазом. Открытие кринита и дало брату толчок к постройке невидимого корабля. Мы смеялись над ним, называя его сумасшедшим, но он продолжал свои опыты. К сожалению, в ленинградских лабораториях я не мог получить кринит в чистом виде, но для наших целей он годится и с примесями. Мы увидим корабль как бы сквозь дымовую завесу.

Несмотря на свою уверенность, Гарри Мортон все-таки волновался. Он не видел брата свыше восьми лет и ничего не знал о его достижениях. В погоне за новыми химическими элементами, Фред Мортон мог найти такую окраску, которую не проявит криниту.

Петко Грошич, мечтательно устремивший в небо глаза, наоборот, был уверен, что они не только увидят корабль, но и овладеют им.

— Но как он все-таки построил его? — спросил Репьев, — не будь я сам на корабле и не пролезай в щели, как блоха, я бы ни за что не поверил, что такие штуки бывают на свете.

Гарри Мортон улыбнулся:

— Каких-нибудь лет пятьдесят никто бы не поверил, что речь, произнесенная шепотом в Лондоне, будет отчетливо, без всяких проволок, слышна в Москве. А наши летающие аппараты, чем они хуже сказочных ковров-самолетов? На изобретение невидимого корабля брата натолкнули работы двух русских ученых — Менделеева и Бахметьева. Менделеев, как известно, открыл периодическую систему элементов, из которой явствует, что простейшие химические вещества отличаются друг от друга только атомным весом. Вода, например, состоит из двух элементов — водорода и кислорода. Если бы мы могли заставить атом кислорода весить столько же, сколько весит атом водорода — они ничем бы не отличались друг от друга. Древние алхимики догадывались об этом, когда искали способ превращать дешевые металлы в золото. Мой брат шагнул еще дальше. Работая над разложением атомов, он убедился, что ничтожная щепотка земли таит в себе столько скрытой энергии, что ее хватило бы для перенесения тысячи людей на самую отдаленную звезду. Но как извлечь эту силу, как сделать ее покорной человеческой воле? В этом и заключалась трудность задачи. Брат, по-видимому, разрешил ее. Миногу или ужа можно как угодно заморозить, и они все-таки будут жить. С другой стороны, некоторые виды бактерий нельзя убить даже сильнейшей жарой. Исходя из этих явлений, брат решил изобрести такой аппарат, который превращал бы человека в любое состояние, без ущерба для его здоровья. Невидимый плащ или, вернее, радио-электрический мешок, который ты надевал, и является таким аппаратом. Я пока не представляю себе точно конструкцию Брига-Мортон и его приспособлений, но ясно, что он движется энергией, получаемой от разложения атома. Невидимость же его обуславливается комбинацией кринита и световых лучей, из которых многие не воспринимаются нашим глазом.

— Хорошо бы завести парочки три-четыре таких кораблей, — облизнулся Кузьма, — тогда империалисты не очень бы сунулись к нам.

— Не беспокойся, не это, так другое, что-нибудь изобретем. Над обороной теперь думает вся рабочая Россия.

— Да, ведь, он, сволочь, прилетит и бросит бомбу, что ты поделаешь?

— Будем обороняться. Кринит уже приготовлен нами, следовательно, такой корабль, как Бриг-Мортон, не проскользнет незамеченным.

— Мы заметим его и возьмем в плен, — уверенно заявил Петко Грошич. — Такой корабль нужен пролетариату. В Болгарии тысячами гибнут повстанцы. А разве лучше в Англии, во Франции, в Польше? Попадись мне такой корабль, я бы расплатился с буржуазией за товарищей, сгноенных в тюрьмах.

— Единоличный террор не достигает цели. Надо организовать массы для восстания.

— А когда их организуешь? Кто их будет организовывать, когда лучшие люди сидят под замком. О, если бы мне получить Бриг-Мортон...

— Я бы вам его не доверил, — шутливо заметил Гарри Мортон.

— Вы мой друг, но я перешагнул бы через ваш труп, чтобы достать его.

— Не говорите глупостей, Петко. Я понимаю, что нетерпеливым людям трудно заниматься кропотливой подготовительной работой, им хотелось бы сразу, одним взмахом, одним взрывом, создать социализм. Но чудес не бывает. Только взрыв самой рабочей массы сметет врагов.

— Я и смету, — сжал кулаки Грошич.

— Вы слишком раздуваете свое анархическое «я», товарищ; смотрите, как бы оно не лопнуло без всякого вреда для буржуазии.

— Стой, никак летит?! — сдавленно крикнул Кузьма Репьев.

В полосе прожектора мелькнула какая-то темная масса.

— Вправо верти прожектор; сюда к Волхову полетело.

Гарри Мортон скользнул прожектором вдоль реки.

— Тут, — громко крикнул Кузьма, — он самый!

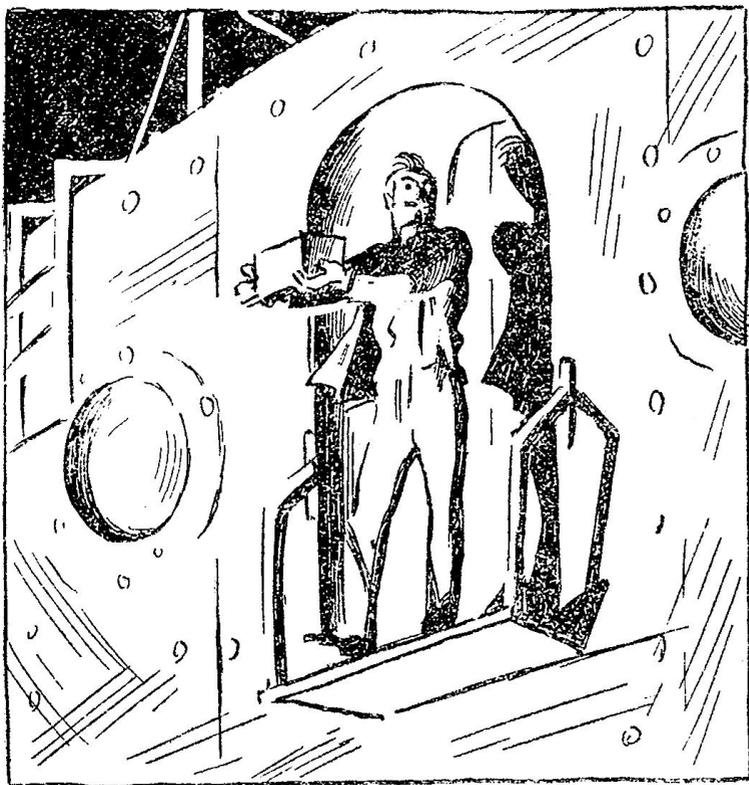
Бриг-Мортон в зеленой полосе света прожектора мчался прямо на них. Издали он походил на коричневую сигару, покрытую дымом.

Метрах в десяти от окна он остановился.

— Кричи, товарищ Григорий — я тут!

— Подожди, Кузьма; ты же сам говорил, что брат не отлучается с корабля, а Кренчер имеет много причин уклоняться от встречи со мной.

— Вот он, чортова собака.

В руках его находился какой-то предмет.

В боку огромной сигары образовалось отверстие и оттуда вышел объятый заревом Кренчер. Лицо, руки и одежда его излучали густую огненную кровь. Он дергался, словно одержимый пляской святого Витта. В руках его находился какой-то четырехугольный предмет.

— Мы пропали! — с ужасом прошептал Гарри Мортон. — Он держит в руках геленитовую бомбу. Если она даже попадет в реку, от Волховстроя и щепок не останется.

— Корабль будет наш, — страстно возразил Грошич, — он движется быстро, как мысль. Он сразу перенесет нас в Болгарию.

— Вы сумасшедший; он сейчас сбросит бомбу.

— Мы сначала должны попасть на корабль! — упрямо твердил Грошич. — Маленький друг, ты приготовил веревку с кошкой?

— Вот она, — отозвался Репьев, протягивая бечеву.

Кренчер в этот момент взмахнул бомбой и... застыл с пездошенными от бешенства челюстями.

Гарри Мортон закрыл глаза в ожидании взрыва.

В воздухе свистнула веревка.

— Ого, зацепилась; я был когда-то недурным моряком! — радостно воскликнул Грошич. — Маленький друг, ты пойдешь со мной на корабль?

— А как же! — отозвался Кузьма.

— Тогда оставь у себя конец веревки.

Гарри Мортон открыл глаза и увидел болтающегося в воздухе Грошича.

Кузьма чуть не вылетел за ним в окно, сиюсь удержать веревку. Гарри Мортон подхватил его.

Кренчер, точно огненная статуя злобы, сверкал на них выпученными глазами.

— Есть! — крикнул Грошич, ухватившись за край огненного отверстия.

— Иди сюда, Кузьма.

Гарри Мортон не успел раскрыть рта, как Репьев скользнул в окно и на веревке полетел вниз. Качнувшись раз пять, наподобие маятника, он проворно начал взбираться к борту.

— Бомбу возьмите у него! — с отчаянием крикнул Гарри Мортон, показывая на Кренчера.

— Он не бросит ее, если не хочет, чтоб я оторвал ему голову, — засмеялся Грошич.

— Есть! — звонко и радостно крикнул Репьев, ухватившись за борт.

— Сейчас мы наведем порядок и причалим к окну, товарищ Григорий.

Сердце Гарри Мортон усиленно билось. По-видимому, мускулы Кренчера сковала какая-то невидимая сила, но малейшего движения достаточно было, чтобы произошло огромное, непоправимое несчастье. Скорее бы выходил брат.

Прошло долгих пять минут. У Гарри Мортон застучало в висках. Он не выдержал, наконец, и крикнул:

— Фред, я здесь!

Корабль вздрогнул и, точно молния, скользнул в полосу прожектора и исчез.

Ошеломленный Гарри Мортон с полчаса простоял, не меняя позы. Корабля не было видно.

Начало светать. Гарри Мортон опустил на подоконник и плечи его стали вздрагивать от беззвучных рыданий.

<ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ>

Заговор святых.

I.

КАНДИДАТ НА КАРДИНАЛЬСКУЮ ШАПКУ.

Его преподобие, настоятель церкви св. Бедря Иисуса на Бекер-Стрит, гневно сжимал наперстный крест. Из зеленых глаз его сыпались искры благочестивого гнева.

— Неужели у вас, в России, славившейся когда-то исключительным благочестием, не нашлось ни одного пастыря, который бы дерзнул с крестом в руках пред лицом народа обличить большевиков?

Собеседник его преподобия, недавно бежавший из России епископ Гурий, потупя очи, смиренно теребил рясу:

— Пробовали, ваше преподобие. Два года назад один священник в Москве на глазах многочисленной толпы подошел к красноармейцам и во всеуслышание заявил:

— Верую в Господа Бога и Святую Троицу; расстреляйте меня. Они засмеялись: — Если всякого идиота расстреливать — не хватит патронов. — Священник поднял оброчную скуфью, поколотил ее об колено, чтоб отряхнуть пыль, и пошел домой. Его проводили смехом. В России трудно стать мучеником, ваше преподобие. Преступником — да. Чудо необходимо, чтобы русский народ мог преодолеть гипноз большевиков.

— Почему же у вас не случилось чуда? — спросил его преподобие. — Почему у меня в церкви ежедневно совершаются чудеса? Тысячи женщин приходят прикоснуться к бедру Иисуса, чтобы забеременеть и многие получают желаемое. Разве у вас нет верующих?

Епископ Гурий со вздохом осмотрел кабинет аббата Дарклей, уставленный драгоценными подношениями фокстротно-благочестивых дочерей, и скромно прошептал:

— Чудеса совершаются при благоприятной обстановке; что делать, ваше преподобие?

— Что делать, что делать? — гневно поднялся Дарклей. — А что делаем мы среди дикарей Африки, в блестящих салонах Италии и Франции, в парламентах Англии и Германии? Кто посмеет сказать, что святая католическая церковь, дающая мучеников и блестящих политических деятелей в парламентах, не пользуется влиянием? Разве фашизм не наше детище?

— Все это не применимо в России. Там нужно настоящее божие чудо, чтоб восстановить авторитет пастырей.

— Отчего же вы не создали чуда? — резко возразил аббат.

В его устах это не звучало кощунством. Будучи ревностным членом ордена иезуитов и кандидатом на кардинальскую шапку, он свято чтит догмат — цель оправдывает средства.

— Пробовали, ваше преподобие! — еще более понизил тон епископ Гурий. — Во время неслыханного голода в Поволжье не было деревушки, где бы с моего благословения не обновлялись иконы. А к чему это привело? Комиссии обнаружили свежий лак на старинных ликах, и мне, как последнему фальшивомонетчику, пришлось отправиться в ссылку.

Аббат сделал протестующий жест, и хотел было разразиться новой обличительной репликой, но в дверях показалась дебелая экономка, подпиравшая груди скрещенными руками.

— Ваше преподобие просит исповедник при часовне святой Екатерины по весьма неотложному делу,

Аббат скользнул взглядом по колыхавшейся блузке и смягченно произнес:

— Прошу ваше преосвященство извинить меня. Через несколько минут я буду к вашим услугам. Поверьте, судьба православной церкви живейшим образом интересуется не только меня, но и его святейшество.

Аббат вышел.

Епископ Гурий еще раз осмотрел обитый черным с позолотой бархатом кабинет и процедил сквозь зубы:

— Хорошо им обличать тут. Понюхали бы они, чем пахнет в Москве, буржуи проклятые.

Епископ испуганно перекрестился.

Этакое слово нехорошее взбрело на язык. А все потому, что приходится клянуть у разжиревших святых отцов гроши на пропитание. Душу выворотят, толстозадые, пока дадут.

Епископ опять закрестился с твердым намерением отогнать сатану, который задался целью подсказывать ему демьянобедновские слова.

Вместо нескольких минут, преосвященному Гурию пришлось ожидать добрых часа полтора.

— И чего мурыжит? Ну, не хочешь оставлять обедать — не оставляй. Из-за двух фунтов стерлингов унижает равного по сану, как последнего лакея. Приехал бы он ко мне в епархию при царе, я б ему показал, чорту лысому... Господи, да что же это такое. Опять нехорошее слово.

Аббат наконец вошел.

— Прошу прощения, дорогой собрат. Я не спрашиваю, нуждаетесь ли вы, но полагаю, скромные 30 фунтов из братских рук не помешают вам.

Преосвященный Гурий коснулся ладонью пола. Ведь это почти 300 рублей по-советски. На глазах у него выступили слезы. По правде говоря, он не рассчитывал и на два фунта.

— Не знаю, как и благодарить вас, святой отец.

— Когда вы будете московским митрополитом, вы не останетесь в долгу, ваше преосвященство.

— Мне не до шуток, ваше преподобие! — вздохнул Гурий.

— Я не шучу! — торжественно заявил аббат. — Чудо, которое вы ждете, свершится. Большевики будут сметены дыханием уст Божиих.

— О, если бог станет дышать на них из английских пушек, то я не сомневаюсь.

— Пушки тоже от бога, дорогой собрат, но сначала мы попытаемся уничтожить большевиков без единого выстрела.

— Я буду благодарить за это бога, если он даже окажется здесь не при чем — снова поклонился Гурий.

— Будьте готовы, ваше преосвященство, к занятию сана московского митрополита. Мы на днях вместе отбудем в Россию, а пока не смею задерживать вас. Меня призывают дела, связанные с нашим отъездом.

Аббат был серьезен, а тридцать фунтов слишком реально шелестели в грудном кармане архипастыря, чтобы он мог заподозрить шутку. Дыхание уст божьих это — как сказать, но жареным здесь пахнет, во всяком случае. Епископ, низко кланяясь, задом вышел из кабинета в переднюю.

...низко кланяясь задом, вышел,

Аббат поспешно открыл двери в гостиную и радостно пригласил:

— Войдите, дорогой друг, здесь удобнее говорить. Кстати, закройте дверь покрепче. Мистрис Фундль, хотя и очень святая женщина, но не упускает удобного случая подслушать, о чем говорят у меня в кабинете. А наш разговор не из таких, чтобы его можно было доверить даже благочестивой мистрис Фундль.

В кабинет шагнул Вудспик, один из самых талантливых сотрудников Скотланд-Ярда, исключительно занятый русским вопросом. Дарклей указал ему кресло против себя.

— Прошу садиться. Итак, вы говорите, что надо произвести генеральный смотр нашим друзьям в России и пополнить их ряды вашими, так сказать, питомцами.

— Я думаю, сэр Чемберлен не будет возражать против этого, ваше преподобие.

— Не сомневаюсь. После разрыва с большевиками, необходимо вулканизировать Москву. Через неделю я сообщу вам адреса всех духовных лиц в России, которые не только приютят ваших питомцев, но и дадут им необходимые сведения для работы. Меня, однако, весьма интересует ваше сообщение об этом таинственном корабле Бриге-Мортон. Это похоже на сказку. Не ввели ли вас в заблуждение?

— О нет, ваше преподобие. На нем, как я уже имел счастье вам сообщить, путешествовал наш агент, Кренчер, бывший князь Оболенский.

— Отчего же он покинул его?

— Случайно, под влиянием каких-то наркотических лучей, он впал в столбняк и свалился через борт в Волхов. А может быть, его выбросили. Эти князья из России — довольно никчемный народ, ваше преподобие, — пьяницы и наркоманы. Но они до бесчувствия ненавидят большевиков и весьма полезны Скотланд-Ярду. Кренчера, по его словам, выловили какие-то рыбаки, которым он сочинил басню о том, что его ограбили и бросили в реку. Недели три назад я через фирму Гудсворт получил из России запрос — состоит

ли у нас уполномоченным по закупке леса Эдуард Кренчер. Я ответил утвердительно. То есть, не я, разумеется, а фирма Гудсворт, которая является нашим отделением.

Большевики все-таки основательно подержали его в тюрьме. После ряда взрывов и убийств в Москве, Ленинграде и других городах, они стали очень подозрительно относиться к англичанам, желающим торговать с Москвой.

— Простите, мистер Вудспик, я перебыю вас несколькими практическими вопросами. Где теперь находится Бриг-Мортон?

— Неизвестно. Во время пребывания в России Кренчер ничего не слышал о нем.

— Вы сообщали, что Мортон болен и даже при смерти. В чьих же теперь руках корабль?

— В руках одного из наших агентов, Якова Цапмана, ленинградского торговца, работающего в контрабандной сети — Финляндия, Латвия, Эстония и Польша.

— Отчего же он не прилетел сюда?

— Он не умеет управлять кораблем, ваше преподобие. Когда Бриг-Мортон подлетел к Волховстрою, Кренчер поручил ему держать клавиши, которыми управляется корабль. Кренчер намеревался взорвать Волховстрой, главным образом потому, что там находился брат Мортон — Гарри. У Кренчера с ним какие-то старые счеты. Этот Гарри в гражданскую войну попал к большевикам и, по сообщениям нашей разведки, уверовал в их дикие бредни. Кренчер, прежде чем подойти к борту, дал приказ Цапману нажать кнопку, дающую направление в Лондон ровно через пять минут. Этого было достаточно, чтобы от сооружений Волховстроя не осталось и пыли.

— И что же дальше?

— Кренчер полагает, что либо корабль взорвался, либо им управляет один из братьев Мортон.

— Значит, корабль мог попасть в руки большевика?

— Этого и опасается Кренчер, ваше преподобие. Фред Мортон очень любит своего брата. Он считал его погибшим, и хотел в память его осчастливить Россию. Будучи

мягкотелым либералом, он надеялся уговорить большевиков отказаться от своей губельной для цивилизованного мира политики. Теперь он знает, что такое большевики, но, повторяю, он болен, и если ему удастся найти брата, а это очень легко, он может передать ему управление кораблем.

— Если бы с кораблем случилась катастрофа, то — как вы полагаете — это заметили бы в России?

— Безусловно, ваше преподобие. Корабль буквально начинен взрывчатыми веществами. Он приводится ими в движение.

— Значит, вероятнее всего, он в руках кого-либо из братьев?

— Да.

Преподобный Дарклей склонился к столу и прикрыл рукою глубокие складки, образовавшиеся на облыселом лбу.

— Все это очень печально, мистер Вудспик, но мы все-таки достанем Бриг-Мортон.

Вудспик неопределенно кашлянул.

— Я думаю, святая дева вразумит нас, как это сделать, а может быть, уже вразумила.

— У вас есть план, ваше преподобие?

— Своевременно я вам его сообщу. А пока еще один вопрос, мистер Вудспик. Вы, конечно, навели справки о семье Мортон?

— Так точно, ваше преподобие. Неладная семья. Старик, Грегори Мортон, крайне недоволен своими сыновьями. Старший разорил его на свои изобретения, младший сунул голову в пасть большевикам.

— Они религиозны?

— Не более, чем все состоятельные люди Англии. Они, разумеется, аккуратно ходили в церковь по воскресеньям, но это для того, чтобы поддержать веру в бедных людях, а самим им вряд ли нужен бог.

— Старик католик?

— Ненавидит пресвитерианцев, ваше преподобие.

— В таком случае, я не сомневаюсь, что, овладев Бригом-Мортон, мы с божьей помощью совершим величайшее чудо в России.

— К вашим услугам, святой отец.

— Да, но сначала нужно овладеть им, ваше преподобие. Епископ Дарклей гордо поднялся.

— Вы сомневаетесь в промысле божьем?

— Я верю, ваше преподобие, что святая католическая церковь в тысячу раз могущественнее Скотланд-Ярда, — почтительно поклонился привставший с кресла Вудспик.

— Бриг-Мортон, если он еще существует, будет в наших руках. Это так же верно, как то, что вы к новому году получите повышение.

Вудспик согнулся еще подобострастнее.

— Придержите вашего Кренчера, он может нам понадобиться.

— Слушаюсь, ваше преподобие.

— Установите наблюдение за домом Муртонов. Если кто-либо из братьев появится, немедленно известите меня в какой бы это ни было час.

— Будет сделано.

— Не смею вас более задерживать, мистер Вудспик, Преподобный Дарклея протянул сыщику руку, которую тот почтительно облобызал.

Спускаясь по лестнице, он подумал, что преподобный Дарклея очень скоро получит кардинальскую шапку.

II.

ПОДГОТОВКА ЧУДА.

По уходе гостя епископ резким толчком придвинул свое тело к книжному шкафу и достал «Весь Лондон».

Ожиревшие пальцы его, дрожа, отыскивали нужный телефонный номер, который он тотчас же выплюнул в трубку.

— Католическая миссия. Пришлите недавно возвратившегося из Индии отца Гильчер на квартиру аббата Дарклея вместе с коллекцией.

После этого он уселся в кресло и погрузился в раздумье. Время от времени из сжатых губ его вылетали отрывки слов и фраз, свидетельствующие о крайнем напряжении мыслительного аппарата.

Фред или Гарри это — безразлично... Ход для обоих верный. Но если корабль взорвался... О, это будет невозможная потеря для святой церкви.

Миссионер Гильчер, неуклюжий, с потресканными губами, явился через полчаса. Он не знал, куда деть свои граблеобразные руки, на которые строго смотрели распятия и статуэтки из слоновой кости, украшавшие кабинет Дарклея.

— Вашему преподобию было угодно...

— Садитесь, дорогой брат! — ласково взял его за талию Дарклей. — Я хочу еще раз послушать о ваших благочестивых подвигах в Индии.

Робость и нерешительность отца Гильчера мгновенно исчезли. В глазах зажегся беспощадный фанатизм, так умело взращенный иезуитским колледжем.

Вбить веру христову язычникам проповедью, оружием, костром, чем угодно, и вбить, во что бы то ни стало, даже вопреки их воле — было единственным помыслом отца Гильчера. Все прочие мысли давно уже высохли от поста и молитвы.

— Подвиги мои окупались весьма скудно, ваше преподобие. В Индии язычники неисправимы — вздохнул Гильчер.

— Неужели на них не действовало ваше красноречивое описание жизни Иисуса и его пречистой матери? — вкрадчиво спросил Дарклей.

— Они утверждают, ваше преподобие, что их богиня Кали превосходит святую мать. Они будто бы видят ее и беседуют с ней, когда захотят.

— Вы, конечно, пытались разоблачить их самообман?

— Я уже докладывал вашему преподобию, что галлюцинации у них возникают вследствие особых упражнений, которые погружают их в бессознательное состояние — самади, или, по нашему, транс... Но, мне кажется, главную роль здесь играет хурра...

— Вот об этом-то я и хотел расспросить вашу святость, — оживился Дарклей, — в вашей коллекции она имеется?

— Я принес ее, как вы приказали.

Гильчер раскрыл принесенный с собой ящичек.

— Здесь, ваше преподобие, завернуты два зуба, которые я, во славу господу, вышиб у язычников, не желавших добровольно отдать мне дьявольское зелье. Его святейшество, благодаря вам, отпустил мне этот грех. Я отнял хурру у язычников во время транса. Пробудившись, они, точно собаки, скулили у моих ног, умоляя отдать наркотик. Богиня

Кали перестала являться им. Я стал проповедывать евангелие, но они, жалкие нищие, не хотели слушать. Они прервали меня и даже дерзнули поднять руку на служителя божия. Окончилось это потерей двух зубов с их стороны, но и я, вследствие повреждения ребер, принужден был вернуться в Англию на излечение. Хурру я, однако, не отдал им. Говорят, ее очень трудно достать.

Дарклею жадно протянул руку:

— Вы не можете отдать мне...

— Зубы? — Никогда, — испуганно закрыл ящичек Гильчер, — они напоминают мне о грехе насилия, превращенном милостью божией в святой подвиг.

— Я имею в виду хурру, — поморщился Дарклею.

Отец Гильчер не выразил особого желания расстаться и с ней.

— Это тоже реликвия, ваше преподобие.

Дарклею постарался сделать лицо спокойным.

— Я имел в виду спасение вашей души, святой отец. Что ни говорите, а заушение ближних, хотя бы и язычников, не рекомендовалось Спасителем. Его святейшество через меня передал вам отпущение греха, но...

— Вы хотите сказать, что отпущение было не окончательное? — испугался миссионер.

— Именно это я и хотел сказать. Его святейшество желает убедиться, сколь велико зло, от которого вы избавили язычников.

— Огромное зло, ваше преподобие. Если вы дадите человеку проглотить хурры с чечевичное зерно, душа его мгновенно делается достоянием сатаны. Ее без остатка пленяют соблазны.

— В этом и хочет убедиться его святейшество.

— Если так, то...

Отец Гильчер со вздохом передал сверток из ящика Дарклею.

— Благодарю вас, святой отец и... Я должен проститься с вами. Меня призывают дела церкви.

— А как же с отпущением? — тоскливо спросил Гильчер.

— Я полностью исхлопочу его вам в ближайшую поездку в Ватикан.

— Но ведь до этого душа моя будет погружена в бездну греха.

— Как старший по чину, я отпускаю его вам на два месяца. Идите с миром.

<III.>*)

ЦАПМАН РАЗОЧАРОВЫВАЕТСЯ В СВОЕМ УМЕ.

Взобравшийся на Бриг-Мортон Кузьма Репьев тотчас же бросился к Кренчеру.

— Давай бомбу, крючконосая обезьяна.

Кренчер, не обращая внимания, продолжал дергаться. Бомба в его руках танцевала, готовая вырваться каждую секунду.

Кузьма подпрыгнул и подхватил ее уже на лету.

Бриг-Мортон в этот миг рванулся, и ноги Кренчера описали над бортом дугу. Он полетел в Волхов.

Кузьма от толчка упал на спину и крепко прижал к животу бомбу. Затылок его ударился обо что-то твердое, однако он прошептал:

— Ничего, постоит еще Волховстрой.

Грошич приподнял его и крепко встряхнул за плечо.

— Давай бомбу!

Пришлось отдать.

— Теперь показывай, кто здесь хозяин. Мы сейчас полетим в Софию.

— Ну это не так сразу! — потирая затылок, возразил Кузьма. — Надо поговорить с Ягуарычем.

- Я не люблю говорить, когда надо спасать товарищей; я хочу действовать.

— Да постой ты, чудак, он же все-таки буржуй. Надо его сагитировать.

— Я революционер, и хочу действовать. Братья мои сегодня же будут освобождены из тюрем Софии, или вот эта

*) Далее нумерация главков отсутствует.

бомба, которой хотели взорвать Волховстрой, похоронит нас всех.

— Погоди, дубина еловая, все дело испортишь! — схватил его за полу Кузьма.

— Я не хочу ждать.

И Грошич пошел от борта внутрь.

Кузьма поплелся за ним, выражая уверенность, что такого недисциплинированного парня в два счета вышибли бы из партии.

— В империалистическом окружении надо разговаривать по-чичерински.

Он не успел закончить фразу, так как увидел распростертую на полу фигуру Мортюна.

— Ягуарыч, ты?

Фред Мортюна стонал, схватившись за сердце.

— Опять припадок. И доведут же, сволочи... Живой? — спросил он, наклонившись к лицу Мортюна.

Тот не отвечал.

— Чего доброго, загнуться может.

Кузьма просунул руки ему под мышки с намерением перетащить на диван, но его самого кто-то охватил за шею.

— Ната!

Девочка, всхлипывая, принялась что-то рассказывать. Танцевали, потом Кренчер налился кровью, мама тоже танцевала, а она спряталась под стол.

— Ладно, прекрати сырую погоду. Давай засмеемся.

Кузьма тылом ладони вытер мокрые глаза девочки.

— Ну вот, теперь покажи зубки. Так. Мать здесь?

— Да.

— Надо бы отшвартовать ее вместе с Кренчером за борт, но уж пушай дышит. Волоки ее сюда. Дело, мол, есть.

Грошич, между тем, направился в соседнюю комнату, где увидел Цапмана, склонившегося к доске, и побелевшим от напряжения пальцем нажимавшего кнопку.

— Вы здесь хозяин? — прогремел Грошич.

— Что вы кричите так? — невозмутимо поднял голову Цапман. — Вы еще не Король Облаков, чтобы так дико кричать.

— Немедленно в Софию.

Цапман рассмеялся.

— Вы знаете почему метр коверкота в Софии? На гри-
венник дороже, чем в Москве. Сказал бы, в Англию или в
Америку, это — да.

— В Софию, или...

Грошич взмахнул бомбой.

— Вот сумасшедший человек, ну что мы станем делать в
Софии? Контрабанду надо закупать в Лондоне.

— Вы видите, эту бомбу? Я сейчас же размозжу вам го-
лову, если не повернете в Софию.

— Ну, вы там поосторожнее! — достоинством возразил
Цапман. — Все-таки я министр, а вы — неизвестная лич-
ность. Сейчас вернется его величество Кренчер Первый, и
вам придется танцевать под мою гребенку.

— Если вы говорите про краснокожего идиота, так он
уже за бортом. В Софию, говорю вам последний раз.

— Послушайте, неужели этот пьяница уже за бортом?

Цапман отнял отекший палец от кнопки и помахал им в
воздухе.

— Ф-фу. Теперь можно и отдохнуть. Служить королям
нелегкое дело, честное слово. Значит, его уже нет? Позвольте
узнать вашу фамилию.

— Это безразлично. Я требую, что вы немедленно до-
ставили нас в Софию.

— Вас? Я вижу пока одного. Ой, не машите этой шту-
кой. Она может лопнуть и причинить вам большие неприят-
ности.

Грошич с решительным видом шагнул к Цапману.

— О, черт!..

Лоб его крепко ударился о невидимую перегородку.
Бомба едва не выпала из рук.

— Осторожнее, осторожнее! — крикнул Цапман. — Ну
разве можно так нервничать, когда спрашивают фамилию?
Пожалуйста. Моя фамилия — Цапман. Яков Цапман, что
вам от меня надо?

— Уберите перегородку.

— Какую перегородку? Я не вижу.

Грошич тоже не видел и потому еще раз, но уже с осторожностью сделал попытку приблизиться к Цапману.

Результат оказался тот же. Рука его наткнулась на твердую, как бы стеклянную поверхность,

— Чорт возьми, — прорычал Грошич, и что есть силы хватил кулаком по перегородке. Пришлось сморщиться от боли. Перегородка даже не скрипнула.

Цапмана это привело в веселое настроение.

— Послушайте, вы это верно говорите, что Кренчер упал через борт?

— Я бы желал и вас отправить с ним за компанию.

— А как вы думаете, он сломал себе шею? Впрочем, мне это безразлично. Раз его нет, то на Бриге-Мортон я хозяин. Но я не такой идиот, чтобы называться королем, хотя бы и облаков. Самая паршивая профессия быть королем в наше время.

Грошич опять угрожающе поднял бомбу.

— Пожалуйста, — храбро заявил Цапман, — я все-таки за перегородкой, а вам будет плохо. Я посмотрю, что останется от вас после этого.

Петко Грошич в бессилии опустил на пол.

— Кто вы такой?

— Был Яков Цапман, а теперь... Я еще не говорил с Совнаркомом и не знаю, кем буду, но если большевики заупрямятся, я объявлю себя диктатором, вроде Муссолини. А может быть, я захочу стать директором какой-нибудь торговой фирмы — Яков Цапман и сын. Я думаю, все-таки, что у меня будет сын. Найму профессора, который повлияет на Софью Абрамовну. Честное слово, она удивится. И если вы думаете, что я буду иметь дело с паршивыми покупателями, которые возьмут полметра бязи и три недели тыкают ею в нос, потому что в кооперативе бязь на три копейки дешевле, так вы ошибаетесь. Я уже не буду улыбаться на все три с полтиной районному фининспектору. Я свой человек в Англии, и наводню Россию дешевым товаром. Убивать я никогда не буду. Это и без меня сделают. Я человек скромный. Я

только потребу небольшую свободу печати, немножечко закрытия коммунистических газет и немножечко отправки всех коммунистов в такое место, откуда нельзя найти дорогу на этот свет... Послушайте, мы, кажется, остановились.

Взглянув вниз, Цапман увидел бесконечный ковер зелени.

— Что это такое?

— Лес, — угрюмо ответил Грошич.

— Вам это нужно?

— Я не торговец.

— Послушайте, я не очень ругал советскую власть? Если это Сибирский лес, так придется на веревке спуститься и поискать какой-нибудь исполком.

— Отчего же вы не хотите лететь?

— Ой, я думал, здесь был один идиот, который выпрыгнул за борт. Что я, птица, или сумасшедший, чтобы летать по воздуху? Мне сказали, нажимай кнопку, и я нажимал. Слушайте, гражданин, я честное слово, ничего дурного не говорил про советскую власть. Пропустите меня, пожалуйста, я поищу веревку.

Цапман хотел осторожно пройти мимо Грошича, но стукнулся виском о невидимую перегородку.

— Вот это мне нравится. Вы ко мне не можете попасть — это я понимаю, вы анархист и не имеете права делать насилие над советскими гражданами, но я взял патент, заплатил все налоги и, кажется, имею право пойти, куда мне нужно. Так нет, не пускают. Вам это нравится?

— Вы разве здесь не хозяин?

— Такой же, как вы.

— Ну, так везите нас в Москву, если не хотите в Софию.

— Опять «вас». Ну хорошо; пусть будет «вас». Научите, как.

— Нажмите какую-нибудь кнопку.

— Сами нажмите, если не боитесь превратиться в пар.

Грошич шагнул и опять стукнулся лбом о перегородку.

— Вы видите, я не могу пройти. Нажимайте все кнопки по очереди, какая-нибудь подойдет.

Цапман поколебался, но не зимовать же здесь. Точно кошка лапой, он слегка тронул симпатичную красную кнопку. Конечно, она должна привезти в красную Москву.

— А из Москвы доберусь по железной дороге, — решил Цапман.

К удивлению Грошича, он начал краснеть.

Через каких-нибудь пять минут лицо его стало почти таким, как у Кренчера перед тем, как свалиться за борт.

— Какой я был идиот, — гордо поднял голову Цапман. — Зачем мне Внешторги и Центросоюзы. Я сам себе Центросоюз. Я сделаюсь Центросоюзом всего мира.

*«Эх, бейте в бубны
Пусть звенят гитары...»*

— Товарищ Грошич, товарищ Грошич...

Показался Кузьма и замер от испуга.

— Неужели крючконосая обезьяна вернулась?

Красный цвет, заливший лицо Якова Цапмана, делал его похожим на Кренчера.

— Яков Цапман — Внешторг всей вселенной. Слышите? Голос был не Кренчеровский.

— Закрой альфу 13-ть, иначе сойдешь с ума, — крикнул Кузьма.

Так кричал Мортон, когда Кренчер делался чересчур красным.

— Раб, где я тебя видел? — взмахнул руками Цапман.

— Чорт тебя знает. Если не хочешь осатанеть, закрой альфу 13-ть.

— Какую альфу?

Так как палец оторвался от красной кнопки, Цапман начал бледнеть, постепенно принимая нормальный вид.

— Мы с тобой вместе лежали в больнице. Послушай, мальчик, не можешь ли ты достать мне стакан воды?

— Или и возьми. Небось, доску умел спереть.

Цапман, шатаясь, направился к Репьеву. Хлоп. Переговорка.

— Я не мышь, чтобы держать меня в этой стеклянной ловушке! — заскулил Цапман.

У него началась реакция после красного опьянения.

— Ради бога, пустите, я же заплатил все налоги.

— Забраться умел, сумей и выбраться, — сурово проговорил Кузьма. — Пойдем, товарищ Грошич, может быть, ты знаешь, как помочь при удушье? Ягуарычу здорово плохо.

Мортон, перенесенный Кузьмой и Еленой Васильевной на диван, метался в бреду, срывая с груди холодные компрессы.

Фурина стояла около, беспомощно опустив руки.

— Здорово у него машинка ослабла! — тихо прошептал Кузьма. — Не знаешь, как бы подвинтить ее хоть на полчаса.

— Мои братья гниют в тюрьме, — угрюмо повторил Грошич, — и ты обещал, что мы с быстротою молнии перенесемся в Софию.

— Обещал, обещал! — обиделся Кузьма. — Куда ехать, если не ты, ни я не умеем управлять кораблем. Только он один и умеет.

— Так разбудим его; дело не терпит!

Грошич взял Мортон за руку.

— Послушайте, если вам дорога жизнь...

— Тьфу ты, олух царя небесного! — оттолкнул его Кузьма. — Сначала надо вернуть человеку жизнь, а потом и спрашивать, дорога ли она ему. Прямо как желтый социалист рассуждает. Откачнись на три минуты; видишь, человек холодеть начал.

Кузьма расстегнул ботинки Мортон, снял с него белье и усиленно начал растирать руки и ноги.

— Да помогите же, Елена Васильевна. Стоит, как Александровская колонна, и не соображает.

Фурина повиновалась.

Конечности Мортон медленно стали проникаться теплом под влиянием трения. Метание прекратилось. Он даже на мгновение открыл глаза.

— Альфа 3, Кренчер...

— Его нет, — быстро произнес Кузьма, — каюк, за бортом. Скажите как, я враз достану.

— Доску! — простонал Мортон.

— Загрожено. Мы и так лбы порасшибали.

Мортон опять впал в забытье.

— Ф-фу, ну и жара; пусть его полежит, ноги согрелись; может быть, скоро очнется, — выразил надежду Кузьма и начал вытирать мокрый от пота лоб.

Мортон, однако, не скоро очнулся. В течение трех дней он всего два раза приходил в сознание, изумленно озирался и снова откидывался на подушки.

Кузьме изредка удавалось влить ему сквозь зубы несколько ложек консервированного молока. Хорошо, что пиццетрест Кренчера был открыт после коронавания, которое столь дорого обошлось ему.

Около Мортоня приходилось дежурить по очереди: Грошичу, Кузьме и Елене Васильевне; Кузьма предупредил, чтоб его немедленно будили, как только Ягуарыч очнется.

— Я его информирую, а вы все дело испортите. Тут надо по-советски действовать — чихни и вытрись.

Елена Васильевна долгое время не могла смотреть в глаза Репьеву, но, наконец, осмелилась.

— Егора Михеича видел, Кузя?

— Ну что ж, ну видел;

— Он ничего?

— А чего ему?

— Скучает?

— Понятно, у него не мещанский подход.

— Сердится?

— Здравствуйте. На кого это?

— На меня, например.

Кузьма издал неопределенный звук, выражающий полное пренебрежение.

— Я бы на его месте и чесаться не стал. В ЗАГС, развод и точка. Ну хоть бы кто еще, а то явный империалист и сволочь. Кренчер, понятно. И вы, значит, к нему. Сознательная женщина с производства разве бы так поступила?

— Он так и говорил тебе?

— Он-то не говорил.

— А кто же?

— Я говорю. Обязательно надо вам в политграмоте подтянуться.

— А он что говорил?

— Он ничего не знает.

— Значит, ты не сказал?

— Охолпел я, что ли? Человек мучается — жену и девочку сперли, а я бы, еще нате вам: обезьяной прельстилась.

Елена Васильевна схватила его за руку и, как всегда в таких случаях, заслезилась.

— Никогда не говорите ему. Я стану другая.

— Вот это и надо, — глубокомысленно подтвердил Кузьма.

Разговор их был прерван громкими стонами Цапмана, который три дня мучился от голода и жажды.

— Я умираю. Пойдите сюда. Ну что вы меня оставили, как мусор на дворе коммунального дома.

— Присмотрите за Ягуарычем, Елена Васильевна, а я пойду к тому. Хоть и жулик, а человек, — нахмурился Кузьма.

Цапман лежал на полу и стонал, как малый ребенок.

— Неужели у вас не найдется маленького кусочка хлеба и самого малюсенького глоточка воды? Ну, я умру, что вы за это получите?

— Чудило мученик! — сердился Кузьма. — Не то что кусочек, а целый калач и окорок ветчины на придачу дал бы...

— Зачем так много; мне достаточно два бутерброда по 15 копеек и бутылочку зельтерской.

— А как же я просуну тебе?

— Выпустите меня из этой проклятой мышеловки, и я сам найду. Я взял патент на будущий год, а разве я пользуюсь им?

— Сто раз говорил, что открыть мог бы тебе Федор Ягуарыч Мортон, но он болен. Обмороки, понимаешь, припадки, а может быть и сонная болезнь.

— Все это ерунда, — возразил Цапман, — это же невро-

стения. Сонная болезнь тоже от расстройства бывает. Я удивляюсь, как у меня нет сонной болезни, все-таки аппетит был бы поменьше. Слушайте, он дергает руками и ногами?

— В том-то и дело.

Цапман приподнялся на локоть.

— Я же идиот, я же глуп, как кассир, который лезет в пустую профсоюзную кассу. У меня в кармане патентованное средство от удушья и сердечных припадков — Цапманвздох. Я не расстаюсь с ним. Прежде чем стать паршивым коммерсантом, я был хорошим аптекарем. И я сам изобрел эти капли — я ждал, когда наш червонец побьет на бирже доллары, фунты и франки, чтобы продавать свой Цапманвздох Наркомздраву. Он мертвого поднимает с постели, если этот мертвый хоть немножко дышит. Цапманвздох стоит не меньше 300-тысяч, но теперь мне это не нужно.

— Брось болтать! — перебил его Кузьма. — Это верно, что твои капли могут помочь?

— Вот они здесь, возьмите их, пожалуйста, если можете разбить проклятый аквариум.

Кузьма стал ощупывать невидимую перегородку.

— Уверяю вас, тут нет ни одной дырки. Я все три дня отыскивал их. Будь дырка, вы бы хоть через соломинку дали мне глоточек воды.

— Должна быть, — упрямо сжал губы Кузьма.

— Скорей фининспектор найдет у частника прибыль, чем вы эту дырку.

— Найду.

Цапман оживился.

— Вы так думаете?

— Не будь где-нибудь дырки, ты бы давно задохнулся. Дырка должна быть.

— Но я же искал ее.

— Искал, искал. А где искал? Внизу. А может, она вверху. Погодите-ка, я вот поищу лестницу.

Кузьма вошел в гостиную, где лежал Мортон. Никакой лестницы там не нашлось; кресла, столы и стулья тоже нельзя было сдвинуть.

— Крепко прилажено, — вздохнул Кузьма, — но лестницу надо достать.

Взгляд его упал на мрачного Грошича, который находился в оцепенении. Он был близок к умопомешательству:

— Товарищ, — окликнул его Кузьма, — ну-ка встань.

Грошич поднялся.

— Ого, лестница что надо. Пойдем-ка к этому сморкачу, может, действительно, что-нибудь выйдет.

Грошич безучастно позволил Кузьме вскарабкаться на плечи, и тот начал ощупывать перегородку в верху.

— Есть дыра. Вот она! — радостно крикнул Репьев. — Кулак пролезает у самого потолка. Грошич, снимай ремень от брюк, да я свой. Не хватит — от рубахи оторву.

Спрыгнув, он стал мастерить веревку.

— А ты привяжешь пузырек, понял? — кивнул он Цапману.

— А себя привязать нельзя?

— Да говорят же тебе, что только кулак пролезет.

— А стакан воды и кусок хлеба пролезет?

— И ветчина, и сыр, и колбаса — все пролезет. А эти капли — нюхать или внутрь?

— А вы не обманете, молодой человек? Коммерция — это такая вещь... Послушайте, я честно оставил свои брюки в больнице и мне их приятно видеть на вас. За них на Александровском рынке дадут 8 пятьдесят. Но я ничего с вас не спрашиваю. Неужели вы пожалеете кусок хлеба для умирающего человека, когда он отдает вам последнюю драгоценность — Цапманвздох?

— Привязывай! — крикнул снова взобравшийся на плечи Грошича Кузьма. — Сказал, выпустим, ну и выпустим, если капли подействуют.

— Шесть капель на чайную ложку, — простонал Цапман, расставаясь с пузырьком.

Капли помогли. Как только Кузьма вылил чайную ложку в с трудом разжатый рот Фреда Мортон — тот открыл глаза и осмысленно осмотрелся.

— Это ты, мальчик?

— Привязывей!

— Обязательно я! — подтвердил Репьев.

— Я очень рад...

— Ладно, я тоже. А там человек заперт с доской.

— Кренчер?

— Нет, растяпа один. Вы просили альфа 3. Лучи должно быть такие. Как их достать?

— Я боюсь за доску — сколько зла может произойти, если она не у меня в руках.

— Я же говорю — человек там голодный и не питый сидит в ловушке. Нипочем не пролезть. А доска у него.

— Постой, мальчик, но никому ни звука.

Фред Мортон с трудом поворотился и попросил Репьева нагнуться.

— Пусть осторожно нажмет два раза зеленую кнопку № 1. Она рядом с центральной. Но сохрани его бог касаться черной центральной кнопки «О». Тогда получится такой разряд энергии, что все мы очутимся за гранью притяжения земли, и не сможем вернуться назад.

— Могила! — ответил Кузьма и, захватив кувшин с водой, побежал к Цапману.

— Нажимай два раза кнопку № 1, только смотри, черную нулевую не зацепи.

Цапман повиновался, и Кузьма беспрепятственно пошел к нему.

— Пей.

Цапман жадно прильнул к кувшину губами, но после десятого глотка оторвался:

— А колбаса с хлебом будет?

— Все будет, только не жадничай.

Цапман снова принялся глотать воду.

Кузьма взял доску с клавишами и тотчас отнес Мортону.

— Ничего, что я с места тронул ее?

— Ты плохо интересуешься радио, мальчик. С этой доской я могу на расстоянии десятков тысяч километров управлять кораблем и всеми его аппаратами. Каждая кнопка работает на волне определенной длины и выполняет свою работу. Вот эти кнопки заведуют комбинацией световых лучей. Я нажимаю альфу 3, и вот видишь, мне лучше.

Лицо Мортон стало приобретать зеленоватый оттенок.

— Мне уже совсем хорошо, мальчик, я хотел бы узнать что-нибудь относительно брата, а также об этих людях. Как они попали на Бриг-Мортон.

Кузьма раскрыл было рот для объяснений, но его перебил Цапман, до этого горячо шептавший что-то на ухо Елене Васильевне.

— Достопочтенный сэръ Мортон, я не стану божиться, что попал сюда по вашему желанию, но идя ему навстречу, я покорнейше прошу вас, как можно скорее спустить нас с вашего корабля. Меня ждет Софья Абрамовна, для которой новость, что я так долго засиделся в гостях, где меня не кормят. А ее, — показал он на Елену Васильевну, — ждет любящий супруг, отец вот этой прелестной девочки. Я, как джельтмен, поклялся спасти их. А слово джентльмена что-нибудь да значит в устах Якова Цапмана. Высадите нас к любой остановке трамвая на Лиговке, и мы постараемся забыть даже название Брига-Мортон.

Это уже решено, я поступаю на службу в ВСНХ. Пожалуйста, не отговаривайте меня. Как спаситель коммунистического ребенка от цепких лап империалистов, я кое на что могу надеяться. А на что мне надеяться здесь? Какой-нибудь идиот схватит бомбу, и...

— Довольно! — крикнул Грошич. — Хозяин поправился, и мы летим в Софию.

— Я не намерен этого делать, сэръ, — спокойно поворотил к нему голову Мортон.

— Но я этого требую.

— Подожди, ты, орясина! — толкнул его Кузьма.

— Мы едем в Софию? — поднял бомбу Грошич.

Глаза его были напоены безумием.

— Нет, — ответил слегка побледневший Мортон, — Бриг-Мортон никогда не будет помогать таким людям, как вы.

— Правильно. Помогать надо коммунистам, а у него классовая гайка слаба, — вмешался Кузьма.

— Когда я оправлюсь, мы поможем тем, кто будет свергать большевиков. Сэр Чемберлен прав. От Москвы переговорами не добьешься перемены строя.

Кузьма побагровел и, несмотря на все старания сдержаться, выпалил:

— Буржуй ты был, буржуй и остался. Если бы товарищ Григорий тебя услышал...

Кузьма зачихал в рот кулак. Совсем не по-чичерински разбалтывать государственные тайны. Будь на Бриге-Мортон товарищ Григорий, конечно, Чемберлену прищемили бы хвост.

Грошич, с глазами, подернутыми безумием, тряхнул бомбой:

— Едем или не едем?

— Нет, — ответил Мортон.

— Раз, два... После команды три я бросаю бомбу... Едем?

— Нет, — еще раз ответил Мортон, и пальцы его пробежали по клавишам.

— Так будьте вы прокляты, — вскрикнул перекошенный от злости Грошич, и с силой швырнул бомбу.

Оглушительный взрыв резко встряхнул корабль. Все попадали. На том месте, где стоял Грошич, поднялся круглый, метра в полтора в диаметре, столб грязно-зеленого дыма.

— Геленит второй раз побежден кринитом, — пробормотал Мортон и впал в забытье, крепко прижав к груди распределительную доску.

Около Грошича он образовал такую же непроницаемую клетку, как и та, в которой сидел Цапман. Взрыв не причинил кораблю вреда.

<IV.>

КУЗЬМА РЕПЬЕВ ПОЛПРЕД.

На сей раз с Мртоном пришлось повозиться около двух недель.

Цапман в это время, озираясь, чтобы не подслушал Репьев, обрабатывал Елену Васильевну:

— Вы будете ходить в шелковых платьях и можете хоть сотнями приобретать не очень дорогие кулоны, но для этого вы должны сильно интересоваться обороной. Запоминайте все, что касается передвижения войск, выспрашивайте мужа, о чем говорят в Губкоме. Узнавайте, но осторожно, где находятся пороховые погреба, склады оружия и другие интересные вещи. Секретные бумажки списывайте. Я вас инструктирую, что вы должны делать.

— А это ничего?

— Что значит ничего? Всякий гражданин должен теперь интересоваться обороной. А почему вы не должны? Вы же коммунистическая дама. А какое платье я вам подарю, когда слезем отсюда... Прямо язык проглотишь. Марка настоящая заграничная, можете хоть на спину ее пришить. Но тихо... Этого никто не должен знать.

К ним подошел сгорбленный Мортон, которого поддерживал Кузьма.

— Еще одно такое потрясение, и я не выдержу, мальчик.

— Ничего, пружина маленько окрепла, и теперь все пойдет, как по декрету. В первую голову надо товарища Григория отыскать.

— Я это и намерен сделать. Он лучше меня знаком с Россией и, вероятно, знает, какие группы населения следует поддерживать в борьбе с большевиками.

— Он-то уж знает, — подтвердил Кузьма, — двигай к Волховстрою.

— Сначала надо высадить этих... Без вас я, к сожалению, не могу обойтись. В благодарность за уход во время болезни, я вас возьму с собой в Англию и определю в какую-нибудь нормальную школу. У вас крайне извращенные политические взгляды, мистер Репьев.

— Ладно, там увидим. Двигай к товарищу Григорию.

— Ну, это уже извините, — вмешался Цапман. — Мне надоело двигаться. Под нами как раз площадь Жертв Революции; отпустите нас и тогда двигайтесь хоть на луну. Багаж у меня упакован, сэр.

— Да ведь ты без ничего попал сюда, — удивился Кузьма.

— Это не мешает мне взять кое-что отсюда на память. Я полагаю, сэр, что доставлю вам маленькое удовольствие, если заберу некоторые вещи неприятного вам Кренчера.

Мортон, не отвечая, снизил Бриг на б. Марсово Поле.

— Вы не с нами, молодой человек? — спросил Цапман.

— Нет, я останусь здесь за полпреда.

Цапман таинственно взял его за пуговицу:

— Должен сказать, что мой брюки вам ужасно к лицу, но это деталь. Я думаю, вы не из таких, которые станут рассказывать, как я играл здесь на гребенке и изображал министра без портфеля. Ничего подобного не было. Я, Цапман, героически спас женщину и коммунистического ребенка, немножко рискуя жизнью. А разве нет? Я мог околоть с голоду в мышеловке. Елена Васильевна проплакала все глаза и с радостью возвращается к любимому мужу. Я думаю, она теперь не захочет быть королевой. Хотите, я оставлю вам на память свою старую шляпу?

— Ну и жулик ты, — искренне удивился Репьев.

— А чем советский жулик хуже всякого другого? До свиданья.

Мортон, оставшийся вдвоем с Репьевым, сделал какие-то передвижения клавишей.

— Сейчас мы послушаем лондонскую широковещательную станцию. Уже целый месяц, как я отрезан от родины. А пока, мистер Репьев, покричите вон в ту трубку около стола. Вот только не знаю, как это продиктовать. Вы говорите, что Гарри служит инженером на Волховстрое? Где бы нам лучше встретиться, чтобы не вызвать удивления публики?

— Я думаю, на Крестовском острове, — предложил Кузьма, — там в будни мало народу бывает.

— Прекрасно, ты укажешь мне это место, а когда он придет, мы подцепим его сюда.

— Вот это здорово! Товарищ Григорий хороший парень; это уж я верно тебе говорю.

Мортон улыбнулся.

— Я его немножко лучше знаю. Мы ведь братья.

— Ну что ж, а мы товарищи.

— Попробуйте вот что крикнуть, мальчик... Алло, Алло, передайте Гарри Мортону, на Волховстрой, что его ожидает брат на Крестовском острове завтра в среду в 9 часов вечера.

— А он услышит? — спросил Кузьма.

— Услышат все, у кого есть приемники, и я полагаю, ему передадут!

— Ладно, сейчас крикну.

Репьев изо всех сил крикнул фразу Мортонна, и от себя прибавил:

— Это я говорю, товарищ Григорий, Кузьма. Я тут вроде полпреда. Приходи обязательно...

И, поворотившись к Мортону, улыбнулся.

— Как из пушки явится. Он знает, что я-то уж зря не стану его беспокоить...

Едва он окончил, раздались непонятные слова из громкоговорителя.

— Ваши англичане хрюкают! — догадался Кузьма.

Мортон прислушался.

— Алло, Алло, Грегори Мортон при смерти и желает видеть своих сыновей.

— Боже мой, значит, не кончились еще испытания.

— Нехорошее, что-нибудь, Ягуарыч? — тревожно спросил Кузьма, видя, как страдальчески заострилось лицо Мортонна.

— Очень нехорошее, мальчик. Мы сейчас отправляемся в Лондон.

Дрожащие пальцы Мортонна поспешно пробежали по клавишам.

— А как же товарищ Григорий? — спросил Кузьма.

— Мы тысячу раз успеем к нему вернуться...

— А, может быть, заедем за ним на Волховстрой?

— Нельзя ни секунды медлить, мальчик. Мой отец умирает, и я хочу захватить его последний вздох. Поиски Гарри могут отнять несколько часов, а за это время бог знает, что может случиться. Вот и Лондон.

— Уже? — изумился Репьев.

— Мы в тридцать раз быстрее могли прилететь, но тогда бы не смогли сразу остановиться.

Бриг-Мортон снизился в Гайд-Парке у самой земли.

Фред Мортон взял доску.

— Пойдем мальчик.

Кузьма спрыгнул и тотчас разинул рот.

— А где же корабль?

Мортон улыбнулся.

— Если б его видели, то к моменту нашего спуска здесь собралось бы тысячи три зевак.

— Значит, он улетел?

— Очень недалеко. На высоте трех сот метров он послушно следует за нами.

Приближаясь в нанятом авто к Ноттинг-Хиллю, где жил его отец, Мортон стал проявлять волнение. Постройка невидимого корабля и последовавшие за этим события так поглотили его внимание, что он забыл мягкого, неизменно ласкового старика, который ни разу не поморщился, опустошая свой кошелек на безумные затеи сына. Грегори Мортон, конечно, считал безумием постройку невидимого корабля, но он полагал, что в процессе работы Фред наткнется на что-нибудь дельное.

— Я предпочитаю, Фредди, чтобы мои деньги были потрачены на фантастические машины; это менее опасно, чем тратить их на кутежи. По крайней мере, у тебя останется свежая, хорошо тренированная голова, а это самое лучшее наследство, которое я могу тебе дать, — говорил старик.

Фред Мортон предвкушал удовольствие показать отцу свой изумительный Бриг, блестяще выдержавший все испытания. Но как жаль, что он при смерти.

— Здравствуйте, сэр.

Фред Мортон, остановивший автомобиль, и взявшийся за молоток, чтобы постучать в калитку, повернулся.

— А это вы, мистер Гулль.

Знакомый полисмен взял под козырек.

— Давненько, вас не было видно, сэр.

— Что с моим стариком?

— Не знаю, сэр. Сюда уже давно, кроме священников, никто не заходит.

Фред Мортон сморщился.

— Отец раньше недолюбливал попов.

Калитку открыли, и Мортон поспешно зашагал к дверям особняка.

Полисмен тем временем со всех ног бросился на Бекер-Стрит, предупредить Дарклея. Таково было приказание Скотланд-Ярда.

К удивлению Фреда Мортон, старик вовсе не походил на умирающего. Он бодро поднялся с кресла при появлении сына и достаточно крепко пожал ему руку. Но перемена в нем все же была.

Он не улыбался. В другое время он непременно спросил бы:

— Скоро ты повезешь меня, Фредди, на своем корабле в Южный Уэльс? Я невидимкою хочу посмотреть твою тетушку Долли, которая выдумывает каждый день не менее 30 скверных эпитетов для моей особы. Я не позволил ей выйти замуж за одного бродягу, влюбившегося в ее приданое.

На эту шутку Фред Мортон уже заготовил ответ:

— Поедем, отец.

И тотчас же подвел бы к окну Бриг-Мортон.

Ах, как долго он ждал этой минуты! И она оказалась испорченной.

Старик сухо поклонился:

— Рад видеть тебя, Фредди. Очень рад. Боюсь, что мне придется протянуть еще не более четырех-пяти лет, между тем...

— Ты, значит, здоров, отец?

— А, между тем, — продолжал старик, — я не позаботился о самом главном, о душах своих детей.

— Ты не при смерти, — обрадовался Фред Мортон.

— Оставь глупости, Фредди. Это тетушка Долли справляется каждый день — здоров ли я и какая часть дома достанется ей после моей смерти.

— Но я слышал по радио...

— Может быть, ты видел во сне?..

«Старик стал раздражителен. Такой черты не было у него раньше» — отметил про себя Мортон.

— Я рад, что ты здоров, отец, и я сейчас сообщу нечто такое, что тебя безгранично удивит и обрадует. Твои деньги не пропали, отец...

— Есть вещи ценнее денег, Фредди. Как жаль, что я поздно узнал об этом. Я тоже кое-что намерен тебе сообщить.

— Сначала я, отец.

— Фредди, сначала ты примешь святое причастие.

Глаза Мортон с удивлением и тревогой уставились на отца.

— Так вон оно что?

— Да, ты должен приобщиться святых тайн, если хочешь, чтобы я с тобой разговаривал.

Фред Мортон опустил на стул и грустно поник головой. Он не узнавал отца в этом черством, пропитанном ханжеством старике.

Кузьма осторожно взял его за локоть.

— Если тебя обижают здесь, Ягуарыч, то ну их к дьяволу. Полетим в Ленинград к товарищу Григорию.

Кузьма не понимал, о чем они говорили, но лицо старика ему не понравилось. В нем была та же исступленная жестокость, что и у Грошича.

— И этот спятил, — подумал Репьев.

— Я ничего не понимаю, мальчик, совершенно ничего не понимаю, — растерянно повторял Мортон.

И, наконец, обратился к отцу:

— Ты прежде не был религиозен, отец.

— Когда стоишь на пороге к вечности, бог заботится о просветлении души. Я каждую минуту чувствую дыхание бога. Это великое чудо, Фредди.

Мортон поднялся и гордо откинул волосы.

— Я тебе покажу большее чудо, отец. Ты смеялся над идеей невидимого корабля. Он сделан и стоит у наших окон. Если хочешь...

— Довольно, Фред; я сейчас позову преподобного Дарклея.

Звать его не пришлось. Громкий торопливый стук в калитку известил о прибытии его преподобия.

Вудспик заработал свою награду.

— Это перст божий! — торжественно вытянул шею Грегори Мортон.

— Как чувствуете себя, дорогой друг? — замаслился аббат, входя в зал и протягивая старику руку. — Разве я не предсказывал, что, по крайней мере, один из сыновей к вам вернется?

— По радио кто-то сообщал, что отец при смерти, — осторожно заметил Фред Мортон.

— Они был накануне духовной смерти, но теперь воскрес! — отпарировал Дарклей, благоразумно умолчав о 15-ти фунтах, которые он заплатил за объявление по радио.

— Я боюсь, что это воскресенье окажется для него хуже смерти.

— Фред! — гневно сжал кулаки старик. — Если не хочешь, чтобы мы расстались врагами, ты сейчас же приобщишься святых тайн.

— Окончательно спятил! — подумал Репьев; глядя на злое лицо старика.

Дарклей поспешно стал открывать дароносицу.

Мортон сдержанно стал возражать.

— Но я не верю, отец, и думаю, что господин викарий признает всю нелепость и даже кощунственность причастия атеиста.

Лоснящийся Дарклей отгородил своей фигурой Мортон, и с улыбкой добродушного малого стал уговаривать.

— Не противоречьте, сэръ! Надо же иметь почтение к сединам. Отец так много сделал для вас, что вы могли бы исполнить его ничтожный приказ.

— Я неверующий! — еще раз повторил Мортон.

— Благодать одинаково распространяется на верующих и неверующих! — торжественно заявил Дарклей, и вслед за тем плутовато хихикнул:

— Ну что вам стоит проглотить маленькую облатку? От вас не требуется никаких благочестивых мыслей. Успокойте же старика, сэр!

— Я прошу тебя, Фред! — со слезами на глазах протянул к нему руки старик.

— Если ты настаиваешь, отец... Давайте!

Дарклей с ловкостью фокусника положил ему на язык облатку.

— Вот так, вот и все. Проглотили, сэр?

— Что ж тут особенного? — улыбнулся Мортон

Дарклей облегченно вздохнул, и лысина его покрылась испариной, будто он только что проделал огромную работу.

Глаза старика Мортон сияли радостью.

— Иди, я обниму тебя, мой мальчик! Теперь я спокоен, и готов выслушать о твоём гениальном изобретении. Ты и представить не можешь, Фред, как я горд и счастлив. Творец небесный уготовал тебе великую роль на земле.

— Что за вздор, отец. Рано или поздно люди додумались бы до моего открытия. Оно вполне подготовлено предыдущим столетием, — улыбнулся Мортон.

Перед ним был тот самый милый и ласковый отец, которого он привык любить с детства.

— Не спорь, Фред, на тебе лежит печать избрания.

Мортон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Расскажи лучше, отец, что случилось за время моего отсутствия. Кривоглазая Долли по-прежнему ворует у тебя котлеты?

Разговор о кошке, названной именем тетки, всегда приводил старика в веселое настроение. Он находил, что у них совершенно одинаковые характеры. Походка у обеих неслышная и крайне благочестивая, но стоит только отвернуться, и котлета вмиг исчезает с тарелки.

Старик поморщился.

— Я запретил пускать ее в комнаты!

— Долли? Свою любимицу?

— У меня великие заботы, Фред! Кстати, кто этот маленький оборванец, которого ты привел с собой? Твой слуга?

— Нет! — улыбнулся Мортон. — На его языке — он мой товарищ. Только благодаря его заботам я мог подняться с постели. Он — лучшая в мире сиделка. Я был очень болен, отец, да и теперь еще... Вот как-то странно кружится голова. Все предметы как будто поднимаются в воздух...

Кузьма, чувствуя, что разговор коснулся его, подтянул цапмановские брюки и вытер тылом ладони нос.

— Что они болтают, Ягуарыч?

Мортон не ответил. Прикрыв ладонью глаза, он опустился в кресло. Дарклей наклонился к его уху, и размахивая жирной, волосатой рукой, стал что-то нашептывать.

Дарклей наклонился к его уху.

— Ну и рожа паскудная! — мысленно отпустил по его адресу Кузьма.

Старик Мортон с тревогой приблизился к сыну.

Дарклей успокоил его жестом.

— Все идет как надо.

Фред Мортон отнял от глаз руку и поднял голову вверх, будто что-то увидел. Глаза его остекленели, и ненормально расширенные зрачки уставились в одну точку.

— Ягуарыч! — окликнул его Кузьма.

Мортон слабо повернулся.

— Они отравили тебя. Зачем ты глотал ихнюю пакость.

— Это было святое причастие... Он есть... Я вижу его...

Посмотри, как сияет его венец.

— Ни черта там нет!

— Но я вижу, вижу...

Кузьма подошел к нему с намерением вывести на свежий воздух.

Потный Дарклей схватил его за плечо и что-то грозно пробормотал.

— Ну, ну, ты не очень; ишь, пузо наел.

— Оставьте мальчика! — слабо пробормотал Мортон.— Возьми доску, Кузьма, и ни одной душе, иначе произойдет несчастье.

Дарклей постучал в перегородку. Вошла седоватая женщина в переднике и почтительно поклонилась. Дарклей сказал ей несколько непонятных слов, после чего она подошла к Репьеву и ласково потянула за рукав.

— Никуда я не пойду. Разве можно оставить Ягуарыча с этими паразитами?

Женщина, улыбаясь, жестами показала, что хочет его накормить.

— Ну, это дело другое; пошамать никогда не мешает, но только я сейчас же вернусь. Тут определенная лавочка.

Захватив доску, Кузьма пошел вслед за женщиной.

РЕПЬЕВ БЕСПОКОИТСЯ.

Возвратиться ему, однако, не скоро пришлось. Служанка Мортон, Бетти Крумм, с воодушевлением пичкала его ростбифами и пуддингами, но как только он подходил к двери и мимикой начинал изъяслять желание повидаться с Мортон, она делала испуганное лицо и принималась клохтаться, как простуженная курица.

Выходило так — либо его не хотели видеть, либо Мортон болен и к нему не пускают.

— Не зная английского языка, трудно понять о чем говорит англичанка, — подумал Репьев и вслух твердо заявил: — Хоть ты тресни, но я пойду!

Служанка ухватила двумя пальцами его за штаны и стала делать такие гримасы, будто съела три гнилых антоновских яблока.

Брюки явно не нравились ей.

— На Александровском за них восемь с полтиной дадут, — пробовал Кузьма привести соображение Цапмана.

Служанка еще обиднее сморщилась.

— Да что ж, мне без брюк ходить, по-твоему?

Бетти Крумм потащила его в какой-то кабинетик, где оказалась ванна, совсем такая, как в хороших коммунальных домах, только чересчур уж чистая. Непонятно, как могли в ней мыться грязные люди.

Бетти Крумм, судя по вращению глаз и рук, настаивала, однако, чтобы он вымылся.

— Ладно, давай мочалку! — сдался Кузьма. — Может быть, у них действительно порядок такой — сначала вымойся, а потом иди в чистую комнату.

Убедившись в согласии, Бетти Крумм выбежала на минуту куда-то и возвратилась с охапкой одежды.

Бетти Крумм с жаром принялась объяснять что-то, прижимая белье к груди и показывая то на него, Кузьму, то в сторону тех комнат, где остался Мортон. На глазах у нее были слезы.

— Ладно, понимаю! Он носил эти штуки, когда был ростом с меня.

Кузьма еще раз, но уже с большим вниманием, осмотрел платье.

— Вот история: ни одной дырочки. И как только они носят одежду?!

Служанка, показав холодную и горячую воду, ушла.

Кузьма разоблачился и плюхнул в ванну. Отскребся на редкость. А когда вылез, оделся и на себя в зеркало посмотрел, раззявился до ушей.

— Чистый буржуй. На Лиговке враз бы морду набили.

Для приличия он повязал свой засаленный пионерский галстук.

Бетти Крумм засверкала, как блин, при виде его, но когда он снова выразил желание повидать Мортон, она удвоила сопротивление.

— Ладно! — подумал Репьев. — Пока доска у меня, ничего не случится дурного.

Доску он бережно завернул в цапманские брюки и в свою старую куртку. Как ни убеждала его Бетти Крумм подарить эти вещи ей, на предмет сплавки в мусорный ящик, он не соглашался и даже ладонью по шее себе провел:

— Режь, не отдам.

Томиться Репьеву, впрочем, недолго пришлось. Дня через три в кухню заглянул Дарклей и ласково поманил его пальцем. Кузьма недоверчиво осмотрел его и крепко взял доску под мышку.

— Фред Мортон, Фред Мортон! — продолжал кивать головой Дарклей.

— Ну, это дело десятое, — вздохнул Кузьма, — пойдем.

И поворотившись к Бетти Крумм, протянул ей руку:

— До свидания, товарищ; в Ленинграде тебя обязательно сделали бы заведующей детдомом. Чистоту любишь.

Фред Мортон полулежал на диване, когда в гостиную вошел Репьев. От него осталась тень. Щеки ввалились, лоб прорезался напряженными складками, и выкатившиеся стеклянные зрачки безумно блуждали по комнате. Он о чем-то разговаривал с собой.

Кузьма осторожно положил ему на плечо руку:

— Ягуарыч...

— Сейчас полетим, мальчик. Это великая идея. Удивляюсь, как раньше она не приходила мне в голову. Там нет собственности. Это хорошо. Народ легко отдаст коммунальное достояние богу. Вместо республики Советов, образуется республика святых. Необходимо чудо. Оно будет. Явится Мессия, и великая безбожная страна припадет к его стопам...

— Ты это про что, Ягуарыч? — осторожно спросил Репьев.

Мортон не расслышал вопроса и продолжал бормотать:

— Европе тоже необходимо чудо. Она разлагается, но когда свет воссияет с Востока, она заразится энтузиазмом веры и наступит золотой век. Именем божьим будет управляться весь мир.

Кузьма не расслышал последних слов Мортонна. Его заинтересовала группа лиц — по-видимому, попов, из которых один был русский — что-то горячо обсуждавших в углу. Русский поп время от времени перебивал свою английскую речь крепкими словами:

— Надуют проклятые иезуиты! Как пить дать, надуют, — бормотал он.

Дарклей успокаивал его, воздевая руку к небу и, наконец, вынул из кармана какую-то бумагу и предложил подписаться.

— Ох, надуют, анафемы, — вздыхал русский поп, в котором легко можно было узнать епископа Гурия, — но делать нечего; назвался груздем, полезай в кузов.

Среди иностранных попов Кузьму заинтересовал один, прятавший лицо в капюшон, и время от времени бросавший на него косые взгляды.

Где-то он видел эту поганую ряшку...

— Идем! — прервал его размышления Дарклей.

— Давай доску, мальчик! — тихо прошептал Мортон.

Не хотелось Кузьме отдавать. Как бы не сделать рюху, но что же поделаешь: может быть, у него другая в запасе имеется.

— Ладно, бери, а только и я с вами.

Кузьма крепко взял Мортон за руку, перехватив злобные взгляды епископа Гурия и закутанной фигуры, которым, по-видимому, не понравился его пионерский галстук.

<VI.>

ЧУДО В ПОСАДЕ ЗАЙЧИХИНО.

В посаде Зайчихино, расположенном на правом берегу Волги, был точь-в-точь такой же базарный день, как и лет полтора назад. Те же дыни и арбузы, та же карусель с охрипшей шарманкой и та же стерлядь, трепыхавшаяся в ведрах. Парни и девушки, лузгая семечки, гурьбой под гармошку ходили от ларька к ларьку, покупая на пятак медовых пряников.

Революция как будто ничего не изменила здесь, кроме вывесок на ларьках. На берегу спали грузчики, уставив колени к солнцу... Словом, все было на своем месте. Белогорский монастырь, славившийся по всему среднему плесу, хотя и превратился в совхоз, но по-прежнему привлекал тысячи богомолков. Только куколки у монашек слегка поизмялись и поистерлись. Ничего не поделаешь: кризис мануфактурный.

И вдруг...

Жители Зайчихино до сих пор об этом рассказывают сбивчиво.

Вдруг в воздухе показался человек в сверкающем архиерейском облачении с крестом в руках.

Гармошка смолкла. Парни и девки задрали головы.

— Вот здорово! Без всякого аэроплана летит. Должно по радио, — заметил какой-то образованный торговец.

Метрах в четырех от земли фигура остановилась и подняла крест.

Толпа от ларьков бросилась посмотреть на невиданное зрелище. Небольшая часть ее, впрочем, поступила наоборот. Быстрыми шагами отошла от базара и, посоветовавшись ми-

— Православные, — громко возгласила фигура.

нута, направилась к пожарке, которая высилась над посадом.

Раздался резкий тревожный звук трубы, и из дверей посадских домишек быстро начали выскакивать молодые пар-

ни и бородатые дяди. Одни на ходу дожевывали куски, другие одевались и пристегивали револьверы, третьи пробовали затворы винтовок. Все они спешили к пожарке. Зеваки не заметили этого, так как повисший в воздухе архиерей обратился к ним с речью:

— Православные! Пробил час гнева господня. Большевики будут испепелены огнем за осквернение церковей и святынь. Отныне власть переходит к господину Иисусу Христу. На колени, кто в господина верует.

Толпа узнала в проповеднике епископа Гурия, скрывавшегося здесь перед тем, как бежать за границу.

Несколько стариков и старух шмякнулись в лужи, образовавшиеся после утреннего дождя. Парни и девки пожалели свои наряды.

— На колени, — еще громче возопил Гурий, — объявляю диктатуру господина нашего Иисуса Христа.

— А программа, примерно, какая? — прошамкал сторож с парходной конторки Агапыч.

— Господь объявит волю свою через святых.

— Земля-то крестьянам, аль как? — не унимался Агапыч, — теперь-то наша она, а ежели дело перевернется — тогда чья будет?

— Божия. Вся Россия отныне божия станет, — торжественно возглашал Гурий. — Идите и отбирайте власть у большевиков...

— Сунься, попробуй, — пробурчал чей-то голос в толпе.

— Не бойтесь, вас охранит рука божия.

Тут вмешался плотовщик Гараськин. Мужик он был обходительный, при семи хозяевах служил, а теперь даже и Гублес его одобряет.

Он задрал бороденку вверх.

— Вы бы, батюшка, снизились и собранище честь честью устроили. Председатель, конечно, найдется. Народ башковитый здесь; во всем разберутся, как в налогах, так и в кооперации.

Епископ Гурий стал заряжаться гневом. Он приготовил громовые речи, в стиле пророка Исаии, а тут слякоть какая-то, производственное совещание получается.

Старики стали подниматься с колен и ворчливо отжимать штаны.

— Граждане, ну кто ж так делает: столпились на самой торговле и митингуют, как дураки! — ворвался в толпу резкий голос милиционера Квочкина,

— Разойдись, прошу, как сознательных.

Епископ Гурий обрадовался. Наконец-то он докажет свое всемогущество.

— Эй, товарищ! — крикнул ему Квочкин. — Лети к школе, а либо на выгон. Народ тут дюже спутался и телегам никак не проехать.

— Слушайте, православные! — торжественно крикнул Гурий. — Сейчас огонь божий убьет этого слугу детей антихриста — большевиков.

Гурий простер к милиционеру крест, и тот упал, точно пораженный молнией.

Толпа глухо зароптала. На милиционере задымилась одежда.

— Братцы, за что же это? — со слезами в голосе поворотил худую шею к толпе Агапыч. — Рази он царский городовой? Да он пальцем за пять лет никого не тронул. Только и упирался, что на сознательность.

И затем, к Гурию:

— Нехорошо это, батюшка, не по-божески.

— Последний раз приказываю вам — на колени! — прогремел Гурий. — Кто не встанет, тех опалит огонь гнева господня.

Почти никто не послушался. Раздались лишь гневные возгласы:

— В милицию бы его, чорта патлатого.

— Да уж, даром ему не пройдет.

— Сволочь ты после этого! — показал Гурию кулак грузчик Василий Ребров.

Взмах креста — и опаленный Ребров ничком упал на труп милиционера. Далее крест стал тыкаться в людей без разбору, смотря по тому, какое лицо попадалось на глаза его преосвященству.

Люди начали падать, как снопы, а он иступленно кричал:

— Так погибнут все слуги антихриста.

Толпа в ужасе отступила, бормоча проклятия.

И вдруг с пожарной каланчи зачичикал пулемет. Откуда-то с неба один за другим упали три жирных, подстрелянных на смерть монаха.

— Ур-ра, — крикнули с каланчи.

И в небо, куда-то в определенную точку, грянул залп из винтовок и револьверов.

— И куда они палят, куда палят, ошалелые, — бормотал Агапыч, рассматривая небо из-под ладони.

— Орудия беспокоют, а зря; навернись враг, и стрельнуть будет нечем. Оборонщики тоже.

Последнюю фразу Агапыч не успел закончить. На него шмякнулись тела епископа Гурия. Владыка откатился в лужу и рассек крестом себе левую бровь.

Грузчики, увидя такой оборот, мгновенно окружили его и крепко начали вспоминать погибшего товарища. Лицо владыки через несколько минут превратилось в отбивную котлету.

В момент падения архиерея многие видели, как над самым краем Волги в воздухе мелькнул огромный воздушный корабль и тотчас же с визгом улетел в небо.

С каланчи раздалось рвущее грудь «ура». Колонна вооруженных людей выскочила из засады и бегом направилась к Волге.

Кто-то крикнул:

— Мальчик в воду упал.

— Где?

— Сюда, за конторку упал.

Дюжины две передовых из кружка обороны мгновенно сбросили платье и кинулись в реку. За конторкой, действительно, барахталась чья-то фигурка в неподходящем буржуазном костюме, хотя и с пионерским гастуком.

— Держись, товарищ.

Пловцы подхватили фигурку и быстро вынесли на берег.

Это был Кузьма Репьев, собственной персоной. Отчихавшись немного, он деловито заметил:

— А стрелковый кружок ничего у вас: на ять трех толстопузых сняли... Целкового у вас нет, ребята, взаймы?

— А кто ты такой? — спросил Кузьму начальник отряда.

— Звеновой. Я враз смекнул, что у вас кринитовые трубки, иначе вам не достать бы попов. Сготовил, конечно, товарищ Григорий, а центр на места их. Здорово...

— Пойдемте, товарищ, в Уком, — перебил его начальник отряда; — здесь слишком много народу.

— А целковый как же? В центр надо послать телеграмму, что Бриг-Мортон ликвидирован. Я черную кнопку как следует поднажал. Теперь они у чортовой бабушки на луне.

Кузьму увели в Уком.

На Бриге-Мортоне события развернулись следующим образом.

Епископ Гурий и аббат Дарклея решили начать духовную революцию с благочестивого посада Зайчихино. Гурий уверял, что достаточно ему показаться с крестом в воздухе, и верующие пойдут за ним до самого Кремля. На случай сопротивления большевиков, Фред Мортон соединил верхушку его креста с батареей, дающей огневые «лучи смерти».

Перед началом «явления Христа народу» все пассажиры Брига Мортон столпились у выходного отверстия. Один из попов, однако, упорно прятал свое лицо под капюшоном, не желая показывать его Репьеву. В руках он держал четырехугольный предмет, в котором Кузьма без труда узнал геленитовую бомбу.

Убийство милиционера заставило содрогнуться Мортон.

— Я, кажется, не выдержу этого, — шепнул он Дарклею.

— Но это необходимо, сын мой. Для подкрепления сил, примите святое причастие.

Проглотивши двойную порцию хурры, Мортон оживился и стал принимать активное участие в просвещении строптивых зевак посада Зайчихино.

— Так их, так, — шептал он, сцепивши зубы. — Мессия огнем испепелит плевелы большевизма.

Дарклей при помощи хурры убедил Мортонa, что Гурий и есть тот самый Мессия, который освободит Россию от ига большевиков при помощи Брига.

Как только раздались первые меткие выстрелы с каланчи, Кузьма, действительно, враз смекнул, что их заметили.

Дарклей тоже сообразил это, когда через борт полетели монахи.

— Уничтожьте проклятое здание, сэр, — в испуге пролепетал он Мортону.

— Я сейчас, сейчас...

Кузьма, как честный полпред, решил, хотя бы ценою собственной жизни, защитить интересы СССР. Пассажиры Брига-Мортон были поглощены картиной расправы епископа Гурия.

Он резким молниеносным прыжком подскочил к закутанной в плащ фигуре и, вырвав бомбу, дал ей пинка ногою в живот.

— Ни с места, иначе всех к чертовой матери!

Из-под капюшона выткнулось озверевшее лицо Кренчера.

— Скорее изолируйте его, сэр, иначе смерть, — прохрипел он, протягивая руку к Мортону.

— Чорта лысого.

Репьев взмахнул бомбой и ярко представил себе, как он разлетится в куски вместе с бандитами. Но в этот момент обессиленный Мортон свалился на палубу и выпустил из рук доску.

— Кренчер сюда, с Мортонoм кончено, — в ужасе крикнул Дарклей.

Кузьма, занесший над головой бомбу, остановился и разъяренно крикнул аббату:

— Прочь, гадюка!

Преподобный Дарклей, хотя и не понял его, но в страхе попятился и плюхнул на палубу, зацепившись за ноги Мортонa.

Репьев в один миг завладел распределительной доской и, подойдя к борту, гневно потряс бомбой:

— Что взяли, чортовы паразиты? Трахну вот, и ногтей от вас не останется.

Но он не трахнул. Не стоило губить себя из-за такой пакости.

Он осторожно опустил бомбу к ногам и наметился пальцем в черную нулевую кнопку доски.

— Да здравствует диктатура пролетариата! — И он кинулся через борт в Волгу.

Во время полета и в воде он крепко давил черную кнопку и едва не захлебнулся. Тяжелая доска тянула его ко дну. Пришлось бросить ее.

— Покатились к чертям, — подумал он, всплывая на поверхность.

<VII.>

ЦАПМАН НАШЕЛ СВОЕ МЕСТО.

В неделю обороны инструкторы и лекторы сбились с ног, перебегая с собрания на собрание. Рабочие с жадностью глотали сведения о том, что делают наши враги и как нужно готовиться к их встрече. Рано или поздно она неизбежна.

Фурин на ходу ел и пил эти дни. Измотался. Но ничего. Еще один доклад на заводе «Трактор», и он отдохнет.

Мчась к остановке трамвая, он, по обыкновению, приводил в порядок мысли, которые придется излагать.

Вдруг детский крик:

— Папа!

Фурин на мгновение остановился и затем со всех ног бросился к девочке, которая, протянув руки, бежала к нему навстречу.

— Ната, откуда вы, как?

— Дядя отпустил нас... Папочка милый, нехорошо там. Один Кузя хороший.

— Какой дядя вас отпустил?

— Мы были на воздушном корабле. Там очень милое помещение, — разъяснила подросшая Елена Васильевна.

— Прекрасно. Вы живы, здоро...

Фурин осекся и, сдвинув брови, внимательно осмотрел Елену Васильевну.

— Откуда у тебя это платье?

— А разве оно плохое? — пролепетала Елена Васильевна, — платье заграничное. На нем даже марка есть. Вот посмотри...

— Где взяла? — схватил ее за руку Фурин.

— Ты мне руку сломаешь, Егор...

— Где? — дрожа от негодования, переспросил Фурин.

— У Цапмана... У него магазин.

— Ага, этот... Он подарил его тебе?

— Ты с ума сошел. Разве я позволю. Он... Теперь всякий может интересоваться обороной. А почему мне нельзя?

— А, вон оно что... Понимаю...

Фурин молча, не выпуская руку жены, отвел ее на квартиру и запер на ключ.

— Сейчас я иду на собрание, а вечером мы потолкуем.

Но прежде чем идти, Фурин известил кое о чем своего приятеля Алексеева, из ГПУ.

Речь его на «Тракторе» была, как никогда, яркой и вдохновенной.

— Оборона Советской России, — говорил он, — заключается не только в боях на фронте, куда, не сомневаюсь, пойдем мы все, если понадобится; оборона необходима и здесь внутри, около нас. Враг тысячами предательских рук старается прощупать наши уязвимые места и наши планы. Смотрите зорче. Подчас самые близкие, самые родные нам люди становятся орудием врагов. Будьте настороже. Берегитесь предательства.

Когда он усталый возвращался домой, мимо промчался знакомый черный автомобиль, под охраной красноармейцев.

Рядом с шоффером сидел Алексеев. Он весело кивнул Фурину:

— Все сделано.

На другой день в газетах появился длинный список шпионов английского издания, задержанных в разных местах СССР. Фамилия Цапмана стояла на первом месте. Несмотря на все старания ГПУ определить его происхождение, это так и не удалось.

ИГН. ЛОМАКИН.

СЕРГЕЙ ПИЛИПЕНКО

АФАРБИТ

Фантастический рассказ

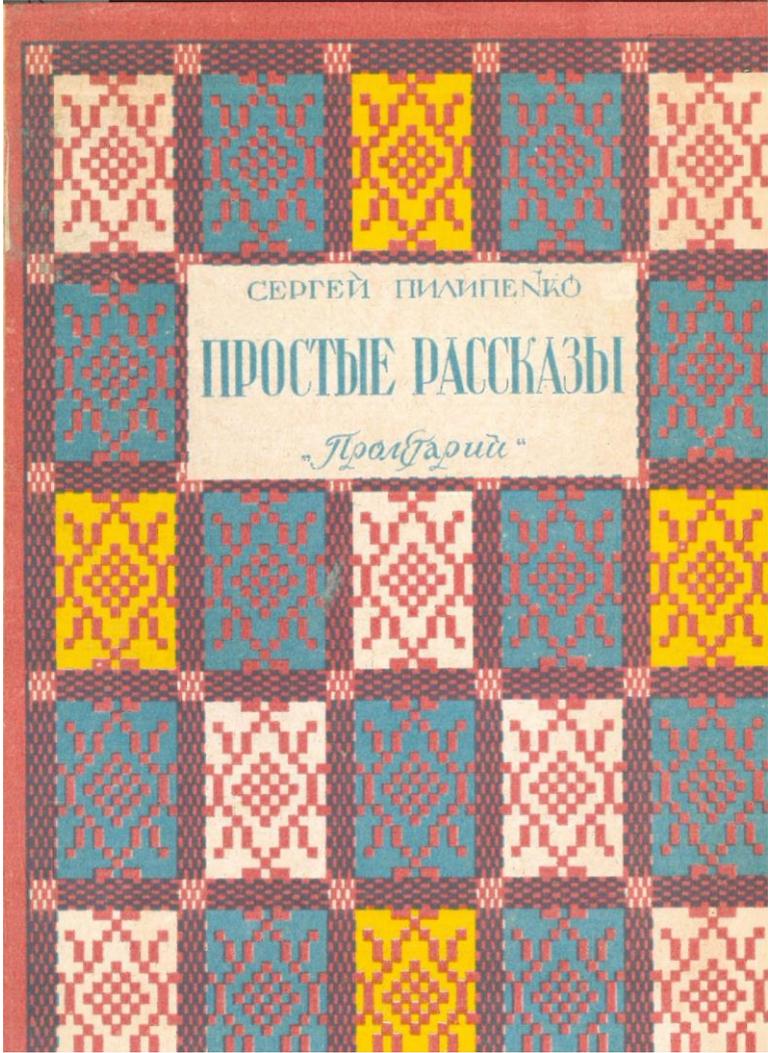
СЕРГЕЙ ПИЛИПЕНКО

ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С УКРАИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»

*[Харьков] : Пролетарий, [1928]
(2-я тип. изд-ва "Пролетарий")*

СЕРГЕЙ ПИЛИПЕНКО

ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ

„Пролетарий“

[89179—32(081)—9171]

Упрлит № 1541.

Заказ № 205.

Тираж 4.000.

А Ф А Р Б И Т

Я окончательно решил его убить, этого паскудного короля. Сначала я долго колебался. Мое марксистское мировоззрение говорило, что личность в истории — ничто, а индивидуальный террор — бессмыслица. Но когда заболел тов. Ленин и я вспомнил, что это до некоторой степени следствие эсэровской отравленной пули; когда фашистский наемник Конради в Лозанне убил по-злодейски, сзади, тов. Воровского, когда монархисты в Болгарии своими бандитскими выходками принудили выехать оттуда наше советское посольство — терпение у меня лопнуло.

Надо отомстить... Это во-первых.

А во-вторых, разве личность, выдающаяся личность не является организационным центром, вокруг которого скопляются определенные классовые силы? Конденсатором, откуда идут провода на послушную периферию, послушную, так как в этом конденсаторе воплощен авторитет этой классовой группы? Так, так! Авторитарность еще так сильна, так глубока. Много коммунистов, когда заболел тов. Ленин, растерянно спрашивали: что мы будем делать без него?

Этот королишка, которого я должен непременно убить, вовсе не гений, вовсе не талант. Это серый заурядный человек. Но вокруг сосредоточиваются наши гетманцы, монархисты всех цветов, оргеша, фашисты, разный контрреволюционный сброд. Он — центр их омерзительного плетенья. Порвать его — и все липкие нити рассеются, перепутаются. Придется плести заново.

Так. Я уже решил. Мой поступок будет актом дезорганизации враждебного лагеря. Хотя бы на короткое время. Это — словно на пиве ярлычок „Бавария“ или „Грехгорное“. Я сорву ярлычок — пусть подыскивают иной. Пока ознакомят с ним массы. Ведь массам нужен стяг, маячащий перед колонной. Нет стяга — за кем идти?..

Я забыл сказать, где такие мысли сновали в моей горячей голове.

Полутемная “Bier halle“ неподалеку от королевского дворца. Туда заходила выпить разная челядь. Там я мог ознакомиться с обычаями короля, чтобы найти удобный момент для покушения.

Не раз уже спускался я в этот прокисший погреб. И не один метр пива выщедил с лакеями из королевских покоев... Может быть, вы не знаете, как это пить пиво метрами? Наверное, нет, так как метрическая система у нас только недавно. Так вот, видите ли, кельнер несет вам кружку пива, а под ней кружочек гуттаперчевый, сантиметр высотой.

Кричите:

— Еще кружку!

Наливает еще, а на стол кладет второй кружечек,

— Довольно! Счет!

Поглядел:

— Пять кружочков — пять кружек. Что это вы сегодня так мало пьете?

— Мало? К чорту ваши кружки, торгаши мелочные, шарманщики! Давай мне кувшин. Покажу, как наши прадеды-запорожцы когда-то пили.

Ну, и выпил же! Показал себе на беду — и вспоминать противно... А виноват во всем был старичок-фельдшер из королевской амбулатории. Сам бы я не пил, его укачать хотел. Болтлив был лысый немец, напившись. Вот и сегодня плетет и плетет:

— Вы думаете, что я так себе — простой фельдшер? Нет, мой дорогой! Мое имя узнает весь мир. Вскоре мой афарбит увенчает мое чело лаврами громкой славы. Уже десять лет я работаю в химической лаборатории королевского университета, и мои опыты имеют несомненный успех. Вот видите — он вытащил было из кармана маленькую баночку с какой-то желтоватой жидкостью, а из другого — миниатюрный электрификатор — но сразу снова спрятал: к нам приближался кельнер, неся два больших глиняных сапога с пивом. Ставя на стол, пояснил:

— Тут по десять литров в каждом. Когда-то наши бурши выпивали на пари.

— Ого, — говорю, — это словно во времена Петра Первого на ассамблеях „Кубок белого орла“ фигурировал. Ох же и пьяницей этот император-сифилитик был! Эти рейтерские сапоги ему, пожалуй, по ноге были бы. Вишь — громаднющие!

— Ну-ка, мой великий изобретатель, за ваш афарбит или как там его, хотя я и не знаю, куда он годится.

— О,— подскочил ученый фельдшер: — куда он годится? Куда он годится! Молодой человек! Только ваша молодость спасает вас от моего презрения. Читали ли вы когда-либо „Невидимого“ Уэльса, эту чудесную сказку? Ее нет уже, этой сказки. Она стала действительностью, как становятся действительностью все сказки наших прадедов, осуществленные в реальной жизни могучей силой современной науки. Нелепыми игрушками кажутся давешние катапульты перед нынешними броневидами. „Наутилус“ Жюль Верна также детская игрушка перед нашими подводными суднами. „Цепелины“ заставили покраснеть от стыда примитивные мечтания древних фантастов. А я — я, королевский фельдшер, — выброшу в мусорный ящик жалкую макулатуру Уэльса — его „Невидимого“. Я реализую старые сказки про шапку-невидимку. Она тут, в этой баночке.

И он снова вытащил из кармана свои препараты.

— Слушайте, — шепотом продолжал немец, наклоняясь ко мне,— только вам, мой молодой друг, расскажу я впервые мою великую тайну, заключенную в этих препаратах. Я ее сам еще не до конца разгадал, но уже близко, близко...

Огоньки сумасшествия блестели в его старческих глазах. Очевидно, передо мною маньяк, Что же, может быть и он пригодится...

— Выпьем!

Ох, братцы мои, товарищи! Вероятно, и запорожцы такими сосудами не забавлялись. Даже в глазах завертелось...

А немец рассказывал дальше:

— Если намазать что-либо этой кислотой и сразу пустить электрический ток из этой машинки, получится реакция, преобразующая данное вещество, делающая его про-

зрачным, как чистое стекло. Вы помните Уэльса? Вы понимаете, почему это так? Вещество после реакции не отражает лучей спектра, пропускает их сквозь себя. Мой афарбит делает вещи невидимыми. И вы спрашиваете, „куда это годится?!“

— О, я уже понимаю,— возразил я,— если бы я знал, что за штука сидит в вашем кармане, мы не брали бы этих рейтерских сапог. Пусть бы давали свои кружочки, а вы бы потом их наафарбитировали. Так дешево можно выпивать.

Немец рассердился, взялся было за шапку и петухом наскочил на меня.

— Я работаю не для этих кружочков. Если моя практика до сих пор ограничивалась клизмами для горничных их величеств, то это еще не значит, что я никогда не преступлю этого положения. Эрлих прославился только 606-ым своим препаратом, а далее был еще лучший —914-ый. Я их имею за десять лет также несколько сот. И я достигну своего, слышите вы, молодой скептик?! Вон Эйнштейн всю физику вверх дном поставил своей теорией. Разрушается убеждение про неизменяемость элементов. А я разрушу весь внешний вид их. Я осуществлю сказки Шехеразады и войду невидимым во дворец Алладина...

Неожиданно мысль сверкнула:

— А вы мне этот револьвер не сделаете невидимым?

Немец взглянул подозрительно:

— Зачем вам невидимый револьвер?

— Да так, ни за чем... Хочу вас проверить. Вот и все.

— Проверить, Фома неверный! Перст в мою рану вложить? А что, если я таки докажу?

— Докажите-ка, докажите!— подзадоривал я, не забывая тем временем глотать из моего сапога.

Сквозь дым и пар в погребе едва можно было различить соседние столики. Но сутолока уже падала. Было поздно, и кельнеры погасили часть лампочек.

Наш уголок казался каким-то кабинетом средневекового алхимика. Поставив себе на колени огромный сапог и уютившись глубоко в драное кресло, я понемногу сосал кис-

ловатое пиво. Напротив лысый немец в длинном сюртуке возился с моим револьвером. Машинка свистела, шипела, разбрасывая синеватые искры, немец бранился и снова начинал мазать револьвер желтоватой жидкостью из баночки, что-то бормоча в козлиную бородку.

Мне казалось, что он где-то далеко, а я в какую-то щелочку гляжу на его возню. Мысль сковала мечты. В самом деле, если бы мне такую „шапку-невидимку“. Ого-го! И Петлюру укоцал бы со всеми его присными, и всех кандидатов бывших, настоящих и будущих на царей и гетманов, и фашистским штабам страху нагнал бы, и жандармам покоя не дал... Эх, здорово было бы! Только врет ведь старый выдумщик, дырявая клизма немецкая...

Лениво мысли перекачивались. Лениво пиво пилося. Лениво глаза моргали.

Вдруг — что это? Неужели револьвера нет? Не ослеп ли я?

Да нет. Я вижу. Вот немецкий афарбит под самым носом у меня торчит. Под самым носом. Как-то истомно-сладко мне стало. Ого-го! Так это мне пригодится. Это пригодится...

Пользуясь тем, что новоявленный алхимик между своими манипуляциями не забывал прикладываться и уже со дна выхлебывал, задравши сапог почти к потолку — я в тот момент, когда он погрузил туда свою лысую голову, мигом схватил баночку и машинку и махнул через задние двери „биргалки“.

Вихрем примчал я в свою мансарду где-то в глухом квартале. Ага! Пусть найдет. Да хоть бы и нашел — я уже буду невидим.

Три минуты — и я наг. И буду нагим ходить. Это уэльсовский дурак должен был забинтовывать себе голову, натягивать перчатки, нацеплять на нос черные очки. К черту все это! Мешает. Ну, лишь бы жидкости хватило. На ватку — и осторожно мажусь. Теперь электрификатор. Фу, как щекочет! Ничего, терпи, парень: если не атаманом, так известным террористом будешь. Невидимая кара! Надо будет везде записки оставлять:

„Я, великий красный мститель, невидимой своей рукой покарал этого контр-революционера. Так будет со всеми, кто осмелится поднять кощунственную руку на красное знамя. Я везде и нигде. Нет спасения от моей руки. Берегитесь невидимой кары!“

Они сначала будут смеяться, будут думать, что это фокусы какого-то сумасшедшего анархиста. Но ряд безумно смелых покушений в неожиданные моменты и в неожиданных местах убедит их, что дело не так просто. Будут искать объяснения и не найдут его. А тут везде эти зловещие записки...

Сверхъестественный, мистический ужас охватит их. Он парализует их разум, дезорганизует их ряды, посеет внутреннюю вражду, недоверие. Каждый замкнется в себе и будет избегать своих единомышленников, так как не будет знать, где застанет его невидимая рука красного мстителя.

Ого-го, старый немец, я-таки знаю, куда годится твое хитрое изобретение!

А машинка делает свое дело. Мои руки и ноги превращаются в туманные тени. Наклонившись, сквозь свой живот я видел, что было сзади меня. Я — прозрачен. Я — невидим.

Ах, чортова бедность! Почему у меня нет большого зеркала? Разве в это засиженное мухами стеклышко себя рассмотришь?

Ну, все равно! Проверю на улице. Заметят? Вот дурак: чуть не нацепил на невидимую голову шляпу. Ты бы еще калоши взял!

Ну, айда!

Голый человек всегда чувствует себя каким-то легким, и мне казалось, что я бесплотный дух. Хотелось прыгать, танцевать, кричать во весь голос.

Ну и позабавился я, не взглянуть бы!

Та толстозадая торговка на углу издавна вызывала во мне безграничный гнев. Как у поэта Юлиана Шпола в сборничке „Верхом“:

*Рыли мы, рыли...
Вымотали все жилы,
А мордатая торговка
Замызгала в сало
Мечтательный порыв:
Пришла и села...*

Так, так, товарищи! Пока там на углу будет сидеть эта баба-торговка — не поверю, что наступает пора социализма. Про это уже писал и еще буду писать. Ишь, какие глазки свиные на свекловице-роже!

Ох, и хватил же я по этой роже! Перевернулась и юбка-ми закрылась, блеснув на солнце задом. Заверещала, как свинья, захрипела, как тысяча граммофонов испорченных.

Стою и смеюсь: не видит. Ага, мерзавка! Так вот же тебе еще, а вот еще, и еще еще, и еще еще... Довольно. Отвел душу.

Гм... Геройский поступок. Побил торговку революционер. Ловко! Может быть, думаешь, от этого социальные взаимоотношения изменятся, скорее коммунизм настанет? Та-ак! Мое покушение, кажется, не лучшим пахнет. Эх, снова колебаться! Вали дальше, отводи душу...

Вскочил в автомобиль: порожняком куда-то ехал.

Не видит шофер. Ну, вези. К театру? Ладно. Посмотрим. Что — „Фауст“? Отлично. Там тоже алхимия. Только профессор Штейнах теперь Фаустов иным способом делает и душ не покупает.

Иду проходом в партере. Сбросил шляпку у какой-то дородной барыни-нэпманки. Вытащил из жилета у кого-то часы и бросил наземь. Сорвал у генерала эполеты. Дернул за бороду какого-то толстяка. Кулаком двинул в нос модника-щеголя. Бросил окурочек в декольте раскрашенной даме. Ох-хо-хо! Везде скандал, ссоры, крик. Один на другого набрасываются.

Иду прямо на сцену. Пусть во все бинокли глядят. Ни черта не увидят! А самого так и щекочет, так и подмывает еще что-нибудь учинить.

Поет:

*Позвольте предложить,
Красавица, вам руку...*

— Вот и не позволю, дурак намазанный! И вам там не позволю спокойно глаза тарашить, болваны партерные! Неужели до сих пор, в XX столетии, эта допотопная опера дает вам наслаждение? Неужели не найдете иного искусства, иных форм, достойных эмоциональности нашей переходной эпохи? Черви вы могильные, и могильный вкус ваш с этими дуэтами любовными и ариями предсмертными. Вампуки на вас мало, чурбаны-опероманы!

Бранился бы и еще, сев на суфлерскую будку, — но опустили занавес и забегали по сцене, ища, кто тут сошел с ума.

Тогда опомнился: ну, не дурак ли? Ведь так можно весь план провалить. Будут знать, что между ними есть какое-то невидимое существо, и станут осторожнее. Довольно ребячеств! Проверка сделана.

Пошел.

Вот королевский дворец. У ворот часовой. Приближаюсь и чихаю. Оглянулся усатый. Не видит. В калитку и к самому дворцу. Длинные коридоры. Два гвардейца стоят возле каких-то дверей. В киверах, словно с наполеоновской гравюры минувшего столетия. Постучал в двери.

— Кто-то хочет войти.

Открыли, а я — туда. Вижу: зала, длинный стол, покрытый зеленым. Вокруг в креслах с резными спинками лысые мастодонты сидят. На груди разноцветные ленты, кресты, ордена. Совещаются. На председательском месте сам король, которого мне убить надо.

Ну, задавить этого клопа еще есть время. Не удерет никуда. Пока послушаю, какие у них тут планы.

Сел в уголок на диване, стоявшем под стеной как раз против „его величества“, самодурством великогого.

А он так своим советникам говорит:

— Московский Интернационал разослал своих агентов повсюду. Они следят за каждым нашим шагом. Мы не можем быть уверены, что и тут, в этой зале нет их шпиона, что он не сидит где-нибудь между нами...

Ох, беда! Невольно глаза всех пробежали все стулья и остановились на мне.

— Чортов немец обманул! Афарбит никуда не годится. Солгал буржуазный прихвостень и заманил в их лапы...

Я посмотрел вниз. Мои руки, чувствую, лежат на коленях. Сквозь них вижу позолоченные гвоздики на кресле и морщины на его кожаном сиденьи. Нет, фельдшерское зелье еще действует. Я невидим. Но почему же все ко мне так присматриваются?

Передвинулся в другой угол. Как будто успокоились.

Король продолжает:

— Их отдельные агенты нам не страшны. Пусть делают, что хотят. Страшно, когда восстают массы. А массы восстают не от агитации отдельных людей. Их агитирует жизнь. Мы должны так поступать, чтобы голос этой агитации был не слышен за другими голосами. В этом мудрость руководителей государства. Кто-то из коммунистов сказал, что класс обмануть нельзя. Но он сам может обмануть себя. И вот я хочу иметь провокаторов среди тех, кто угрожает трону. Мы купим тех, кто прикидывается приятелями народа. Пусть лгут пролетариям, пусть показывают не те двери. И пусть сидят тут, между нами, как наши союзники. На этом диване, возле нашего стола, место представителям социалистов. Дать им их „демократическое“ „общее и равное“...

Снова все облезлые головы повернулись ко мне, и в глазах у них промелькнуло удивление. Кой-кто даже приподнялся, чтобы лучше всмотреться. Привидением, видимо, казался им я.

— Вот тебе и наафарбитировался! Что же делать? Среди этих генералов я гол-гоlexонек. Никакого оружия. Это тебе не торговка и не театр...

Потихоньку вдоль стены стал передвигаться к дверям, оглядываясь на лысых чучел. А они смотрели мне в глаза не то в ужасе, не то в изумленьи. Некоторые вынимали платки и протирали очки. Толстый фельдмаршал поднялся и пошел прямо ко мне, придерживая шпагу. Оловянные глаза выпучил, глядит в мои.

— Эге-ге! Это я снова превращаюсь в туманную тень — внезапно сообразил я и опрометью прыгнул к дверям, опрокинул здорового гвардейца и загрохотал по лестнице. Вдогонку выстрел. Ерунда! Минута — и я на улице. Еще немного — и дома.

Растянулся на постели, еле перевожу дух и думаю (зеркальце в руке).

— Что за несчастье? Вот я смотрю — и меня нет. А они заметили. Неясно, но заметили. Глаза у них, что ли, иные? Глаза?

Внезапно мысль:

— Постой, дорогой мой! А как же ты их видишь? Значит, у тебя глаза не прозрачны? Значит, в них отражаются изображения? Значит, твои глаза видимы. Они видели мои зрачки где-то в пространстве. А я, идиот зеленый, поверил сказке Уэльса! Эх, мудродурень вместе с немцем полоумным!

В сердцах хлопнул себя по лбу и... проснулся.

Передо мной стоял кельнер и говорил:

— Время пивную закрывать. Позвольте получить за пиво.

— А куда же мой товарищ делся?

— Какой? Тот лгун невидимый, который с афарбитом в кармане носится? Он уж всем гостям тут надоел, только вы его, очевидно, не знали. Давно уж выскользнул, как ящерица.

— Чортов фельдшер! — выругался я.

— Какой там фельдшер, — возразил кельнер: вы лучше пощупайте, все ли у вас в карманах. Ведь это агент его величества...

Верно: кроме револьвера, недоставало еще моих документов — и липовых, и настоящих.

Вы думаете, что я выхлебал целый сапог? Ошибаетесь. Он был почти полон.

Не путайте афарбит с морфием, иначе будете, как и я тогда, арестованы.

С. КОЛБАСЬЕВ

РАДИОКНИЖКА

Рассказы

С. КОЛБАСЬЕВ

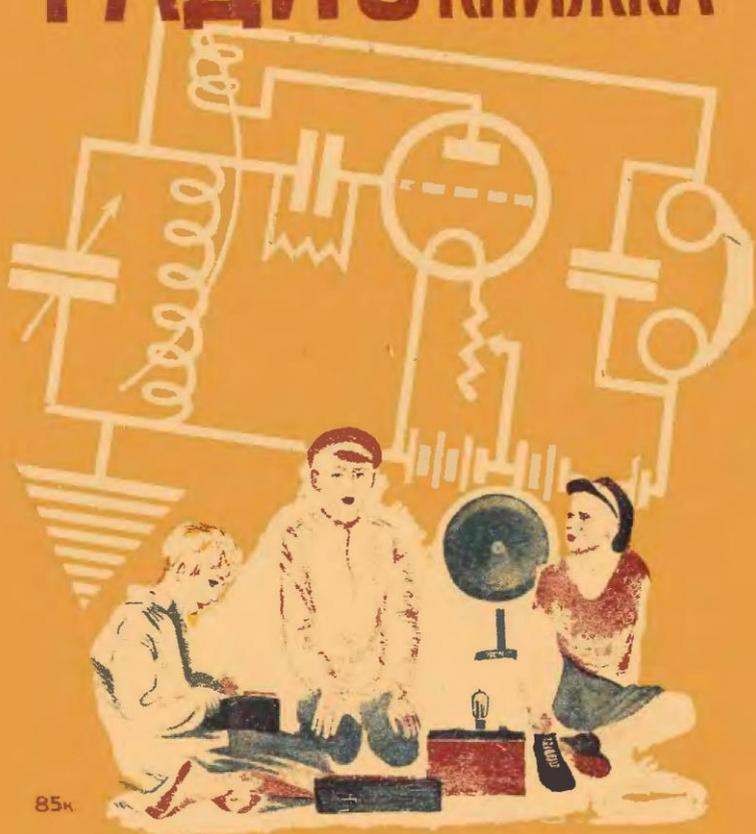
РАДИОКНИЖКА

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ
С. МОЧАЛОВА

О Г И З — М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я
М О С К В А 1 9 3 1 Л Е Н И Н Г Р А Д

РАДИО СКОЛБАСЬЕВ КНИЖКА

85к

ОГКЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1931

ДВУСТОРОННИЕ РАЗГОВОРЫ КОСТИ ШОЛОХОВА

Костя Шолохов, в частной жизни киномеханик, а другим радиолюбителям-коротковолновикам более известный как 87 РА, к сожалению для всех его знакомых, уехал из Ленинграда в Ташкент.

Произошло это из-за его любви к коротким волнам. Случай этот не совсем обыкновенный, а потому заслуживает описания.

С тех пор, как Костя пустил свой передатчик и в секции коротковолновиков получил свой позывной 87 КА, — он стал другим человеком. В нем будто прибавилось на вершок росту и даже с заведующим своего кино он стал говорить медленными и сухими фразами.

Такие фразы получались у него от того, что он мысленно выстукивал их телеграфными знаками.

После того, как он установил двустороннюю связь с Ростовом-на-Дону, он в жизни почти перестал разговаривать. В самом деле: какой смысл говорить на несколько метров, когда можно переговариваться на две тысячи километров?

Но приятели его, в том числе и я, на такое его поведение не обижались. Мы знали, что оно происходит от того, что Косте, за неимением времени, приходится зубрить теорию радио в трамвае.

И вот однажды ночью, когда он добивался Нижнего Новгорода, ему вдруг ответил Ташкент. Голос у Ташкента был звонкий и тоненький, как у комара. Он совершенно отчетливо своими точками и тире сообщил Косте, что слышит его передачу и что слышимость ее превосходит все ожидания.

Правда, сказал он это на сухом языке принятых между радиолюбителями сокращений, но, тем не менее, Костя от радости обомлел: ведь надо же быть такой удаче, что он слушал как раз на той волне, на которой работал ташкентский любитель. Иначе этот удивительный двусторонний разговор не мог бы состояться.

Быстро был исчерпан весь словарь условленных сокращений. Обе стороны точно сообщили, как они друг друга слышат, и подробно описали свои отправительные устройства. Ташкент пищал все громче и отчетливее, сказал, что его зовут «91 RB», а потом не знал, как продолжать разговор...

Вдруг сообщил, что только что ходил на реку купаться. Это он сообщил уже без всяких сокращений.

Костя взглянул в окно и вздрогнул. На дворе моросил дождик, и было сыро и холодно.

— Простудишься, — строго отщелкал он ключом, но Ташкент ответил ему, что у них сегодня жарче, чем полагается. Ночью — и то тридцать градусов. Теперь он говорил не спеша и длинными фразами, — связь была налажена вполне надежная.

Костя вздохнул и позавидовал ташкентской погоде. За все лето он ни разу не видел тридцати градусов.

— Вчера имел двусторонний разговор с Эриваньей, у них тоже жара, — сказал он, чтобы успокоиться. Жара в эту фразу была прилеплена только для порядка, — ему просто хотелось похвастаться, что он так далеко разговаривает. И, похваставшись, он почувствовал облегчение.

— А я с Австралией. У них холодно. Зима...

Ташкент замолчал, и Костя почувствовал жгучий приступ зависти.

Его отдаленный собеседник, не слыша ответа, вероятно, понял, что Костю огорчил такой рекорд, и тоненьким голоском стал высвистывать слова утешения:

— От меня Австралия ближе, чем от вас. Ташкент вообще чудесное место. Хорошая слышимость, и говорить можно с кем угодно. И дыни дешевые. Я тоже из Ленинграда, но здесь мне больше нравится... — И, подумав, добавил: — У вас, наверное, слякоть?

Костя подтвердил это предположение и пожалел, что сам тоже не находится в Ташкенте.

— Если жаль, приезжайте, — коротко посоветовал далекий «91 RB».

Костя вдруг почувствовал, что было бы прекрасно сидеть в Ташкенте, купаться в теплой речке, есть дыни и говорить по ночам со своим родным Ленинградом. Главным преимуществом Ташкента была близость к Австралии, но в этом он не хотел признаться самому себе даже наедине.

— Есть работа киномехаником? — спросил он.

— Приезжай срочно, как раз есть место, — затараторил Ташкент. — Вместе оборудуем станцию. Выйдет здорово.

— Как тебя зовут и как адрес? — перебил его Костя.

— Улица Карла... — и вдруг передача Ташкента ослабела и пропала.

Костя выругался и стал вызывать. Надо же узнать, что это за улица Карла. Может быть Либкнехта, а может Маркса, и какой номер? И вообще надо узнать, что к чему.

— 91 RB! 91 RB! — но ответа не последовало. Вместо Ташкента вдруг загремел чужой густой передатчик.

Он пришел в восторг от слышимости Костиной передачи, и на вопрос Кости, где он живет, назвал соседнюю улицу.

Костя опять выругался, на этот раз не только про себя, но и по радио. Громкий сосед обиделся и замолчал, но 91 RB больше не появлялся. Костя пожал плечами: с короткими волнами такие случаи бывают. Пришлось потушить передатчик и лечь спать.

На следующий день на службе он вдруг рассердился на толстую кассиршу и обиделся на толстого заведующего кино. Окончив последний сеанс, спустился из своей будки и решительно заявил, что едет в Ташкент.

Так и уехал, а из Ташкента сообщил, что сразу же по приезде женился на 91 RB, потому что этот самый 91 RB оказался очень милой учительницей, заведывавшей школьным передатчиком.

Говорят, Костя совершенно счастлив, и ведет двусторонние и приятные разговоры не только с Австралией, но и со собственной своей женой.

ШИРОКОВЕЩАТЕЛИ

Петр Ефимович Стуколкин, заведующий Орешковской широковещательной станцией (волна 343 метра), в глубоком горе сидел на своей кровати.

Горе это произошло оттого, что, желая прославить свой родной Орешков, он уговорил председателя исполкома Яковкина строить широковещательную станцию.

Началось все это прекрасно: станцию построили и открыли с большим торжеством. Кончилось хуже: деньги все вышли, наступила зима, и ветром выбило половину стекол в студии.

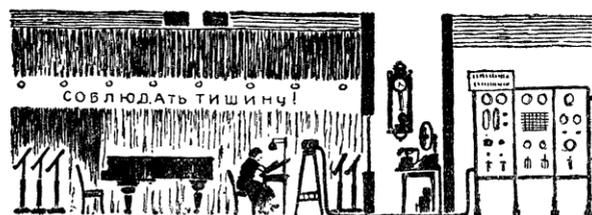
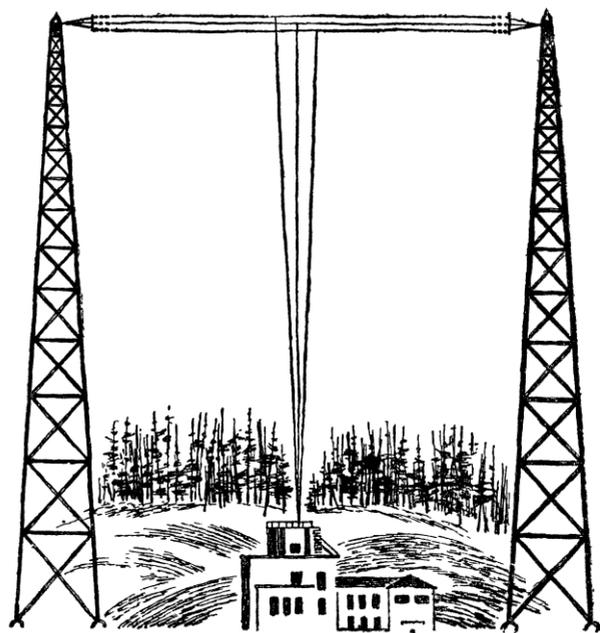
Петр Ефимович сжал голову обеими руками и напряженно думал.

Если только удастся в течение недели продержаться, Яковкин вернется из командировки и поможет. Ток на станции пока что есть и микрофон в порядке. Значит, передавать можно. Но что передавать?

В студии — снег и никто туда не пойдет, особенно даром. Жители Орешкова предпочитают вечерами сидеть у себя дома и пить чай...

И вдруг Петр Ефимович вскочил. Он придумал! Он сам к ним пойдет со своим микрофоном. Шнура для микрофона у него хватит, и настойчивости тоже. Он сумеет их уговорить.

— Только бы сочинить семь программ! — и Петр Ефимович застонал, потому что сделать это было трудно.

— Надо начать с друзей. Учительница Анна Физлик поет и может читать вслух Лермонтова, — это раз... Граммофон из клуба и доклад Тимошенки оттуда же — это два...

Больше Петр Ефимович придумать ничего не мог. Ему стало страшно, но тут он вспомнил о братьях Караваевых.

Вспомнил, схватил шапку и, как был без пальто, побежал через улицу к Караваевым. Открыл ему старший из братьев, Ярослав Никанорович, лысый и тихий зубной врач. Младший, ветеринар Олег Никанорович, широкими шагами ходил по комнате и ел бутерброд с колбасой.

— Здорово, широковецатель! — сказал ветеринар, а зубной врач, улыбнувшись, блеснул очками и кивнул головой. Но Петр Ефимович, не здороваясь, вбежал на середину комнаты и бросил шапку на пол.

— Убейте меня на этом самом месте! — кричал он. — Не сдвинусь я с него, пока вы мне не поможете. Нет у меня денег, и пропадет моя станция! Если я хоть на несколько дней ее остановлю, Яковкин, когда вернется, на мое дело плюнет. Никаких денег не будет, и придется вовсе закрываться.

— Душа моя — ответил ветеринар, — у нас денег тоже нет, и не будет. Сам знаешь. Не спасем мы твоего дела. Придется мне тебя убить каким-нибудь лошадиным лекарством.

— Да ну тебя в болото с твоими деньгами и лекарствами! Человеку говорить не даешь! — Петр Ефимович так рассердился, что даже задрожал. — Мне нужно обоих вас передавать.

— Кому? — испугался зубной врач.

— Зачем? — удивился ветеринар.

Но Петр Ефимович не слушал. Он быстро говорил и размахивал руками.

— Станция пропадает! Наша знаменитая станция на волне 343 метра! Станция, на которую из губернского города приезжали передаваться такие люди, как поэт Перепелкин и знаменитая балерина Мимозова. Она танцевала перед микрофоном свой танец, и весь СССР слышал по радио, как она

топала ногами! И теперь эта станция гибнет! Вы обязаны ей помочь! Олег Никанорович, прочти какой-нибудь содержательный доклад! Ярослав Никанорович, сыграй на своей удивительной флейте: никаких отказов! Микрофон я принесу сюда. Вот здесь на столе поставлю!

Когда братья поняли, чего он от них хочет, зубной врач со страху сел на подоконник, а ветеринар громко расхохотался.

— Придумал! — щелкнув пальцами, крикнул он. — Здорово придумал! Да что ты, душа моя? Может быть, ошалел?

Зубной врач ответил точнее. Он ни за что не согласится играть на флейте по радио. Он не умеет играть по радио.

— Слушайте! — Петр Ефимович чуть не плакал. — Надо спасти наш Орешков! Пока в нем есть широкоэвещательная станция, его слышит весь СССР, вся Европа и даже Турция! Не будет станции — конец всему. Поймите, что о нас пишут столичные газеты. Вот журнал «Радиолюбитель» писал, как охотились за нашей волной. Она бегала с 275 метров до 582 и обратно, и за ней гонялись все радиолюбители. Они не могли оторваться от нашей программы...

— Довольно! — сказал ветеринар и кулаком ударил по столу. — Я согласен. Пускай нас турки слушают. Прочту им свою статью про корову. Доставай флейту, Ярослав.

И зубной врач пошел за флейтой, потому что с детства привык слушаться своего младшего брата.

Петр Ефимович принес микрофон, поставил его на стол, от него через окно и по деревьям провел шнур до передатчика, а потом вернулся с маленькой электрической лампочкой.

— Когда лампочка загорится, значит, микрофон включен и станция работает, — быстро проговорил он. — Объявляйте станцию и волну. Номера тоже объявляйте. Сперва пятнадцать минут музыки, потом двадцать пять доклада и еще пятнадцать музыки. А потом я прибегу читать «Известия». Ни одной минуты лишней! — И он грозно поднял палец.

— Как?.. — начал зубной врач.

— Очень просто, — ответил Петр Ефимович. — Через полчаса включу... — Смотрите, не кашляйте и не сморкайтесь. Помните, что каждый звук разносится на тысячи километров! Я бегу! — и убежал.

— Как эту станцию объявлять? — крикнул вдогонку зубной врач, но дверь за Петром Ефимовичем уже захлопнулась.

Ветеринар сдвинул брови и крепко задумался.

— Алло! Алло! Говорит Орешков! — сказал он наконец решительным голосом, но взглянув на микрофон, смутился, и уже менее решительно добавил: — На волне в столько-то метров, или что-то в этом роде.

Микрофон стоял на столе, и от него комната казалась необыкновенной и даже страшной. Хотелось говорить шепотом.

Зубной врач сел у стола, вынул из футляра флейту и протер ее носовым платком. Ветеринар сел рядом, разложил рукопись и от волнения высморкался в носовой платок своего брата. Вспомнил, что нельзя сморкаться, и похолодел. Сообразил, что микрофон еще не включен, но никак не мог успокоиться.

Молча ждали полчаса, но лампочка не загоралась, и комната с каждой минутой становилась все более зловещей. Тридцать пять минут, сорок минут — лампочка не загорается. Тишина в комнате была невыносимой, но сказать что-нибудь не было сил.

На сорок седьмой минуте из кухни пришла домработница Анисья с большим медным чайником.

— Вон! — зашипел ветеринар, но Анисья не услышала, и поставила чайник рядом с микрофоном и прямо на шнур.

От страха зубной врач ощутил небывалый прилив храбрости.

— Вон! — завизжал он и даже затопал ногами. — Вон отсюда вместе с чайником! — И вдруг увидел, что лампочка горит. Он побелел и захлебнулся.

Анисья, увидев на столе какую-то странную штуку и неизвестно почему вспыхнувшую лампочку, тоже испугалась.

Она схватила чайник и, расплескивая кипяток, убежала на парадную лестницу.

Ветеринар хотел объявить станцию, но вдруг почувствовал, что, не кашлянув, не начнет. А кашлять нельзя — это слышно за тысячи километров.

По его глазам зубной врач понял, в чем дело, и ему стало так страшно, как бывает только во сне: дикий ужас и нельзя пошевелиться. Он вдруг представил себе, что тысячи людей подслушивают то, что делается в его комнате. Они все слышат и очень им недовольны. Нужно было что-нибудь им сказать, но язык не слушался. Тогда, зажмурившись, он схватил флейту и с дрожью в голосе заиграл марш Буденного. Но на самом трудном месте вспомнил, что не объявил станцию и от этого сбился. С трудом выправился, но, доиграв марш до конца, не смог остановиться и сразу заиграл «Письмо к матери». Играл его два раза под ряд и остановился лишь крайним усилием воли. Как рыба, открыл рот и глотал воздух, но сказать ничего не мог. Наконец, стремительно выпалил:

— Алло! Алло! Письмо матери из Орешкова!

— Корова животное парнокопытное, — громко и отчетливо сказал ветеринар. Он решил загладить ошибку своего брата, но вдруг заметил, что сам тоже ошибся: не назвал своей статьи. Но он не растерялся и, дочитав до конца первый абзац, заявил:

— Так начинается доклад ветеринарного врача товарища Караваева на тему о корове, читаемый самим автором через посредство радиостанции города Орешкова на волне 343 метра.

Это вышло очень складно, и он обрадовался. Продолжал он еще увереннее, читал с выражением и на веселых местах даже хихикал. Но дойдя до середины статьи, до седьмой страницы, он вдруг заметил, что читает уже двадцать минут. Когда же он кончит?

Уверенность сразу пропала, и голос стал срываться. Голова работала со страшной быстротой и к концу седьмой страницы нашла выход. Он кончит на восьмой. Там есть

подходящее место. Спокойно переложив лист, он вместо восьмой страницы увидел девятую. Восьмая пропала. Со всем пропала. Даже среди остальных ее не было. Наверное, Анисья...

На лбу у него выступили капли пота. Это была гибель. Но он был сильным человеком. До боли стиснув кулаки, он спокойным голосом сказал:

— Доклад товарища Караваяева по техническим причинам прерывается. Теперь товарищ Караваяев... другой Караваяев... сыграет нам на флейте вторую рапсодию Листа.

— Сыграть ее на флейте невозможно! — пронеслось в голове Ярослава Никаноровича. — Нужен целый симфонический оркестр... Нет, умру, а сыграю.

— Алло! Алло! — сказал он. — Слушайте, товарищи: Слушайте! — и заиграл.

Он вдруг почувствовал, что играет перед тысячами и десятками тысяч людей. Он вдруг ощутил в себе такую силу, какой в нем никогда не было, и глаза его ярко загорелись. Он играл, как никогда в жизни. Флейта его была всесильной — она издавала такие звуки, каких до нее не издавала ни одна флейта. Ярослав Никанорович плавал на волнах музыки, и с этими волнами уносился в беспредельное пространство и, когда с парадной раздался громовой стук, ему показалось, что он получил удар кулаком под ложечку. Флейта его всхлипнула и замолкла, а сам он чуть не свалился с кресла.

В раскрывшейся двери стоял красный от гнева Петр Ефимович.

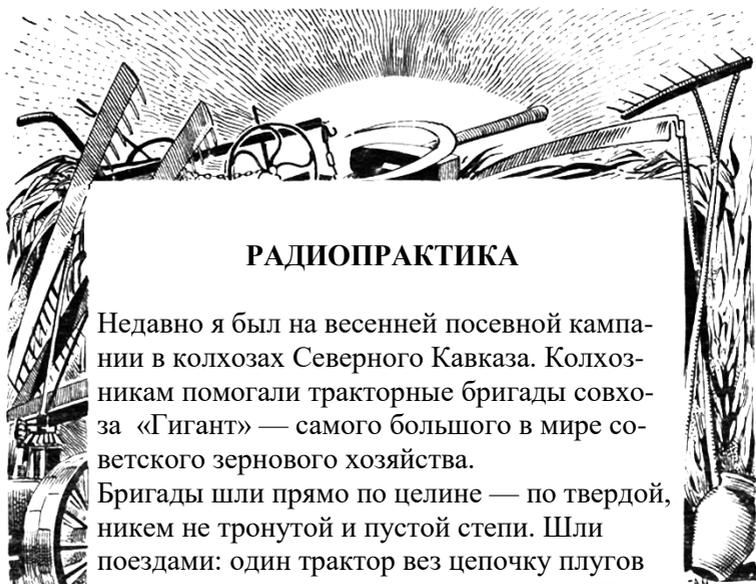
— Чего ждете? Почему ничего не передаете? Любители уже пришли на станцию ругаться.

— То есть как... не передаем? — с трудом выговорил ветеринар. Он был очень бледен, но держался прямо. — Мы передали всю программу.

Петр Ефимович подбежал к столу и схватился за шнур. Он был оторван от микрофона. Точно не понимая, Петр Ефимович рассматривал оборванный шнур и в комнате стояла полная, нестерпимая тишина.

Эта тишина была нарушена Олегом Никаноровичем, ветеринаром и рассудительным человеком. Он вдруг хлопнул себя по лбу ладонью и расхохотался.

— Это Анисья! — крикнул он. — Чайником! Молодец, Анисья!

РАДИОПРАКТИКА

Недавно я был на весенней посевной кампании в колхозах Северного Кавказа. Колхозникам помогали тракторные бригады совхоза «Гигант» — самого большого в мире советского зернового хозяйства.

Бригады шли прямо по целине — по твердой, никем не тронутой и пустой степи. Шли поездами: один трактор вез цепочку плугов с поднятыми лемехами, за ним второй — сѣялки, третий — платформы, груженные железными бочками горючего, четвертый и пятый — большие, похожие на железнодорожные, вагоны с бригадниками.

Сальская степь любит раннюю распашку и быстрый посев. Чтобы управиться в срок, бригады шли и работали круглые сутки.

Я попал на ночную пахоту. Было совсем темно, и тракторы вдалеке ревели как аэропланы. Они работали без огней. Мой спутник, рослый бригадир, доказывал, что это вовсе не трудно:

— Места здесь просторные, есть, где развернуться. Идут машины уступчиком — значит, друг за дружкой, только не

прямо в хвост, а вторая чуть вбок от первой. Правят так, чтобы идти колесом по борозде впереди идущего, и все тут.

Он говорил, и голос его покрывался ровным, тяжелым гулом, который, казалось, шел от самой земли. И внезапно сквозь гул зазвенели отчетливые скрипки.

— Будапешт, — пояснил бригадир. — Ребята слушают.

Вторая смена бригады отдыхала за чаем у радиоприемника. Антенна была протянута между двумя вагонами, заземление взято к колесу, сам четырехламповый приемник стоял на столе рядом с медным чайником. Бригадники сидели кругом на деревянных, с виду совсем железнодорожных, койках.

— Кто хозяин приемника? — спросил я, испугавшись за целостность ламп. — Кто на нем управляется?

— А все, — ответила чумазая трактористка. — Все управляют. Небольшое дело.

Она осторожно налила себе кружку чая и так же осторожно перестроила приемник с Будапешта на московскую станцию ВЦСПС. Привязанный к верхней койке громкоговоритель «Рекорд» кашлянул и объявил о начале передачи для рабочих ночных смен.

Сидевшие даже не подняли голов. Голос Москвы был знаком им так же хорошо, как голос любого товарища по бригаде. Они привыкли к радиоприемнику, как к электрической лампочке или к примусу.

Во второй раз я услышал те же будапештские скрипки ночью на Неве. Сквозь разведенный мост буксир тащил караван высоких, смутных за пеленой косога дождя, барж. На корме последней баржи был домик. В нем горел свет и звенела музыка.

Я не был в этом домике, но знаю наверное, что невские баржевики так же запросто обращались со своим приемником, как трактористы Сальской степи. И так же знаю, что они слушали не только тягучие венгерские скрипки, но и политические доклады, речи и лекции Ленинграда и Москвы.

Промокшие и продрогшие на ветру, они отдыхали в своей светлой, звучащей голосами всех городов каюте. Они,

конечно, давно привыкли к удивительным свойствам радио, но как бы они ощутили внезапную порчу своего приемника?

На этот вопрос мне однажды ответила одна пожилая работница. Ее сын, пионер Вася Воронков, смастерил отменный трехламповый приемник, работавший в семье сплошь без выходных дней с ранней утренней гимнастики и до позднего вечернего концерта, пока у него не израсходовались батареи.

— Беда, — сказала работница. — Будто покойник в доме. Совсем скверная жизнь стала. С первой же полочки эти самые батареи ему куплю.

А ей все-таки было легче. Она жила в большом городе, работала на большом заводе и у нее была семья. Что же дает радио тем, кто вовсе отрезан от всякой культурной жизни?

Далеко на севере, на земле Франца Иосифа, зимует советская научная экспедиция. Она окружена сплошным льдом, полной тишиной и чернотой многомесячной полярной ночи. На сотни километров кругом нет ни одного человека, но в зимовке есть отличная радиостанция.

Что должны чувствовать зимовщики этой экспедиции, когда Ленинград устраивает для них специальные передачи? Когда их товарищи по научной работе делятся с ними новостями, когда из громкоговорителя неожиданно звучит взволнованный голос отца доктора или слабый голосок семилетней дочери метеоролога. Крепкой связью радиоволн вся Советская страна связана в одно целое.

Прошли времена, когда мой вологодский приятель Родион Степанов один на всю деревню имел детекторный приемник, а потому ходил и торговал новостями. Весь СССР охвачен широкой волной коллективного слушания.

В заводских клубах и избах-читальнях колхозов стоят ламповые приемники и усилители, работающие сразу на десятки соединенных с ними проводами громкоговорителей. Эта так называемая «проволочная трансляция» вносит радиопередачу прямо в цех, прямо в квартиру рабочего и в избу колхозника. Она не требует никаких забот со стороны слушателя и действует без отказа.

Когда-то Ленин назвал радио «газетой без бумаги и постоянный, но с миллионами читателей». В его дни радиотехника еще не могла осуществить этой газеты, но он предугадывал ее будущее и в самые тяжелые годы гражданской войны из последних возможностей уделял средства на развитие наших радиолaborаторий.

Сейчас наша техника выросла. Сейчас мы можем, а потому обязаны осуществить ленинский завет — проложить пути для несущей культурную революцию радиоволны, провести сплошную радиофикацию страны.

А. Р. ПАЛЕЙ

ГИБЕЛЬ „F-24“

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Ардо

А. Р. ПАЛЕЙ

ГИБЕЛЬ „F-24“

(Научно-фантастический рассказ)

Рис. Ардо

Трагический случай с подводной лодкой «F-24» в свое время наделал много шума. Это судно, одно из новейших и лучших в своем роде, принадлежало крупному европейскому государству. Незадолго перед тем оно было закончено постройкой и спущено на воду.

Однажды, во время учебных занятий, лодка была обнаружена в Немецком море одним из миноносцев того же государства в странном состоянии: она беспомощно носилась по волнам (ветер был свежий). На сигналы миноносца подводная лодка не отвечала. Тогда командир миноносца, почуввав недоброе, лично, в сопровождении двух матросов, причалил к ней.

На борту «F-24» его глазам представилась ужасная картина. Весь экипаж лодки, за исключением одного матроса, Ганса Дахшлегера, был мертв. Матроса этого, подававшего слабые признаки жизни, отправили на миноносец в судовой лазарет.

«F-24» тщательно исследовали. В общем, судно было в целости. Не действовали только электрические механизмы и аккумуляторы. Похоже было, что по ним прошел сильный электрический ток.

Впрочем, это было ясно и из того, как выглядели трупы: обугленные, они имели вид, характерный для пораженных молнией или сильным током. Матрос Дахшлегер также был весьма похож на человека, подвергшегося удару молнии, и это было принято во внимание при его лечении.

На первых порах фашистская пресса пришла в дикий раж. Еще бы, — пропустить такой предлог для травли Советского Союза! Газеты с апломбом заявили, что гибель экипажа подводной лодки — дело рук «советских агентов». Клевета эта была так бессмысленна, что даже большая часть буржуазной печати смеялась над ней. Судно найдено было в исправности, и после ремонта электрических механизмов могло быть пущено в дело.

Тогда возникло казавшееся единственно правдоподобным объяснение: в лодку, шедшую на поверхности воды, ударила молния.

Специалисты утверждали, что такой случай возможен, хотя и маловероятен.

Однако, тут обнаружилось новое обстоятельство, полностью опровергающее это предположение: не только в том районе, где была обнаружена подводная лодка, но и на сто километров в окружности вот уже около месяца не было никаких гроз и даже не наблюдалось грозových туч. А от момента выхода «F-24» с места стоянки до обнаружения ее с трупами экипажа прошло не более двух суток.

Кто знает, сколько времени пришлось бы теряться в догадках, если бы лечение Ганса Дахшлегера оказалось безуспешным. Но через две недели после того, как была найдена лодка, он оправился настолько, что мог дать показания. Ввиду особой важности дела, его допрашивал лично командующий морским флотом, и допрос стенографировался. Дахшлегер сообщил вещи столь невероятные, что им трудно было поверить, подтвердить же или опровергнуть его показания было некому. Одно было несомненно — покушение со стороны чьих бы то ни было агентов исключалось. Поэтому, спустя некоторое время, стенограмму допроса разрешили опубликовать в печати, что и было сделано. Мы воспроизвели ее полностью, опустив некоторые, не относящиеся к делу, подробности и утомительное титулование Дахшлегером высокого начальника. Мы устраняем также некоторую бессвязность в изложении Дахшлегером приключений подводного судна — бессвязность, легко объяс-

няемую сильным потрясением. Впрочем, наши исправления не выходят за пределы легкой стилистической правки.

Ввиду особой важности дела, Дахшлегера допрашивал лично командующий флотом.

Командующий флотом. — Итак, мой друг, вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы рассказать обо всем подробно?

Дахшлегер. — Так точно, достаточно хорошо.

Командующий. — Вы знаете, кто я?

Дахшлегер. — Никак нет.

Командующий. — Я командующий флотом адмирал Фремдлих... Нет, нет, лежите, вам вредно. Да лежите же, черт возьми, раз я приказываю! Имейте в виду, что нам важно знать все как можно более точно. Поэтому постарайтесь припомнить все подробно, с начала до конца.

Дахилегер. — Слушаюсь!

Командующий. — Итак, рассказывайте.

Дахилегер. — Когда мы вышли в море, погода была тихая. Вскоре мы достигли назначенного нам квадрата. Сначала все было в порядке. Но вдруг рядом с нашим судном показалась громадная акула... Впрочем, я не уверен, что это была именно акула; величиной она напоминала скорее кита, но имела форму настоящей рыбы...

Командующий. — Не отвлекайтесь по пустякам. При чем тут рыба, да еще такая, какая вряд ли бывает?

Дахилегер. — Слушаюсь! Но, оказывается, эта рыба имела отношение к делу. Что же касается ее величины, то я готов в этом поклясться, потому что она плыла совсем близко около судна, и я видел ее так же ясно, как вижу вас. Впрочем, можно спросить еще кого-нибудь из товарищей или командира.

Командующий. — К сожалению, это невозможно. Ну, ладно, рассказывайте все подряд.

Дахилегер. — Рыба долго плыла рядом с нами; и нам казалось, что она принимает нашу лодку за другую, еще большую рыбу. Она живо интересовалась судном. Это нас развлекало...

Командующий. — Вы должны были в это время выполнять свои обязанности, а не развлекаться.

Дахилегер. — Так точно...

Командующий. — Что же замолчали? Продолжайте!

Дахилегер. — Затем мы почувствовали что-то странное. Те, кто прикасались к металлическим частям руками, стали ощущать электрические удары — не сильные, вроде тех, какие получаются, если прикоснуться к голым проводам освещения. Сначала командир думал — случилось что-нибудь с нашими механизмами или где-то происходит утечка тока. Но механизмы тщательно исследовали, и они оказались в полном порядке. Тогда командир сказал, что это, может быть, электрическая рыба, и она пускает в нас ток.

Командующий. — Что за чушь? В Немецком море никогда не было и не может быть электрических рыб.

Дахшлегер. — Так точно! Чтобы проверить это, а также боясь вредного действия тока на механизмы, командир приказал погрузиться. Но рыба, по-видимому, последовала за нами и упорно не отставала — мы продолжали чувствовать ее присутствие по повторявшимся, хотя и не сильным электрическим ударам. Мы старались без надобности не прикасаться к металлу. Затем командир приказал подняться близко к поверхности. Теперь мы шли на глубине перископа, но и рыба поднялась и плыла вслед за нами. Тогда он скомандовал «самый полный вперед» и приказал приготовить мину. Я понял, что он хочет отойти от рыбы на такое расстояние, чтобы в нее можно было пустить мину. Рыба, однако, не только не отставала, но даже приближалась к судну, несмотря на всю быстроту нашего хода. Наконец, она подошла вплотную к борту и прижалась к нему. В это время весь экипаж был занят у механизмов. Вдруг я почувствовал удар невероятной силы и потерял сознание.

Командующий. — Дальше!

Дахшлегер. — Дальше я проснулся здесь, и после этого удара ничего не помню.

* *
*

Нам кажется, что фашистский штаб допустил ошибку, разрешив опубликовать эту стенограмму. Она не в очень-то выгодном свете рисует вождя фашистского флота. Судя по его репликам, это человек довольно ограниченный и даже тупой, не способный ориентироваться в событиях, выходящих из рамок обыденного.

Что касается Дахшлегера, то он, по-видимому, человек недалекий, но обладающий достаточной дозой житейского здравого смысла и наблюдательности.

Однако, принимая во внимание пережитое им физическое и моральное потрясение, многие были склонны относиться скептически к его рассказу. В прессе началось оживленное обсуждение происшествия. Наиболее правильно по-

ступила крупнейшая лондонская газета, обратившаяся к знаменитому маринисту Джерсею. Последний опубликовал статью, в которой подробно обсудил возможность события, описанного Дахшлегером. Мы приводим здесь эту статью лишь с небольшими сокращениями, — главным образом, за счет тех мест, которые интересны преимущественно специалистам и все равно были бы пропущены рядовыми читателями.

«Электрическая рыба или миф?»

Известно несколько видов рыб, обладающих электрическими органами: таковы электрический угорь (гимнот), электрический скат (гнюс), электрический сом. Некоторые из этих рыб достигают значительной величины, хотя до сих пор и не встречались такие, которые приближались бы по величине к киту. Наиболее крупные электрические угри, наблюдавшиеся до сих пор, имели до двух метров в длину и весили до двадцати килограммов. Электрический удар такой рыбы может быть смертельным для человека и даже для лошади, хотя он и не в состоянии непосредственно убить того или другую. Последняя фраза кажется парадоксом, но дело объясняется просто. Электрический удар, нанесенный в воде, ошеломляет, парализует человека или животное, и случается, что они тонут прежде, чем оправятся. Морские и океанские глубины, и, в частности, морская фауна, до сих пор так мало исследованы, что мы отнюдь не имеем оснований отрицать существование видов электрических рыб значительно более крупных, чем до сих пор известные. Если же такие рыбы существуют, то их способность производить электрический ток должна быть, соответственно их величине, более сильной. Ведь у электрического угря (*gymnotus electricus*) вес электрических органов превышает третью часть веса всего его тела.

Все подробности рассказа уцелевшего матроса весьма правдоподобны. Так, он сообщает, что вначале, несмотря на близкое расстояние рыбы от судна, ощущались лишь слабые

удары. Это и неудивительно. Правда, вода — хороший проводник электричества. Но именно поэтому посылаемые рыбой удары расходились во все стороны, и до судна доходили лишь в незначительной степени. То, что они все же были заметны, указывает на феноменальную электрическую силу этой рыбы.

Когда же она приникала вплотную к лодке, весь удар был направлен на судно. В таких случаях сила удара может усугубляться еще одним обстоятельством: тело электрического угря покрыто слизью, проводящей ток в двадцать-тридцать раз лучше, чем вода. Вполне возможно, что подобной слизью покрыто и тело гигантской рыбы.

Обычно при нападении на людей, животных или других рыб, служащих им пищей, электрические рыбы плотно прижимаются к телу своей жертвы. Так, Брем рассказывает, со слов Гумбольдта, что электрический угорь, нападая на лошадь, прижимается к ее груди и животу и одним ударом поражает сердце, внутренности и брюшные нервы.

Весьма интересно и наблюдение матроса, что рыба приняла подводную лодку за какую-нибудь другую рыбу. Дело в том, что электрические органы принадлежат к числу органов произвольного действия, которыми рыбы пользуются для нападения или обороны. В последнем случае, они обычно не ждут нападения со стороны возможного противника, но берут инициативу на себя. Вполне правдоподобно, что сигарообразная форма подводной лодки заставила рыбу принять ее за другое животное и вызвала в ней враждебные эмоции.

Своим замечанием, что в Немецком море не может быть электрических рыб, адмирал Фремдлик обнаружил большую самоуверенность, соединенную с таким же, мягко говоря, незнанием. Электрические скаты — правда, длиной всего до полутора метра — и до сих пор иногда встречались в Немецком море, проникая сюда из более южных широт. Если в глубинах океанов существуют такие огромные электрические рыбы, о какой рассказывает Дахшлегер, то нет ничего удивительного в том, что они могут проникнуть и в Немецкое море.

Электрические сомы и угри живут в пресных водах Африки, Южной и Центральной Америки. Но электрические скаты распространены в различных морях. Около пятнадцати их видов живут в Индийском, Тихом и Атлантическом океанах. Некоторые из них, кроме того, встречаются в Средиземном море.

Да и вообще, не существует какого-нибудь принципиального различия между бассейнами, доступными для одного и того же вида. Разница между соленой и пресной водой не служит непреодолимым препятствием. Широко известно, что многие морские рыбы заходят в реки метать икру и иногда забираются очень далеко вверх по течению. Тем более легок переход из одного моря в другое. Известно, что отдельные рыбы и даже большие стаи совершают переходы на огромные расстояния. Рассуждая логически, вполне можно допустить заход очень крупной электрической рыбы из тропиков или, тем более, из Средиземного моря в Немецкое.

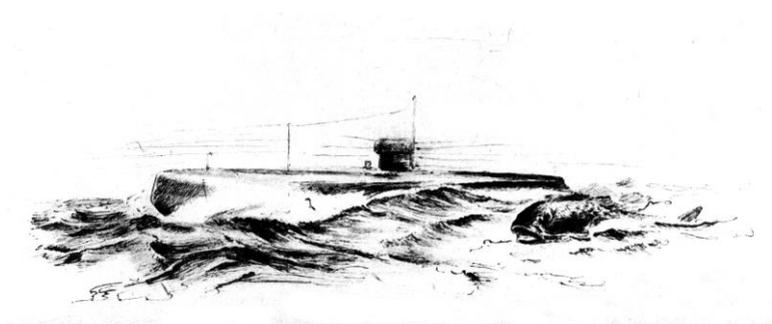
В рассказе матроса есть только один сомнительный момент. Он уверяет, что рыба все время наносила электрические удары. Хотя они и ощущались слабо, но, как мы уже сказали выше, это происходило оттого, что ток расходился по воде в разные стороны. Энергии же рыба должна была тратить очень много, если часть тока все же доходила до судна и, распространяясь по его корпусу и механизмам, явственно ощущалась командой. Наконец, прижавшись к судну, рыба нанесла последний сокрушительный удар, который и явился причиной катастрофы.

Между тем, нанося удары, рыба, естественно, растрчивает свою электрическую энергию, и удары последовательно ослабевают. Затем они вовсе прекращаются, и должно пройти некоторое время, пока в органах рыбы накопится запас электричества.

Поэтому приходится допустить, что данная рыба отличается совершенно невероятной электрической потенцией. Но более правдоподобным будет предположение, что матрос, подвергшийся тяжелому поражению и не совсем еще оправившийся, да еще волновавшийся в беседе с высоким

начальством, здесь немного напутал. Именно — промежутки времени между отдельными ударами ему показались гораздо более короткими, чем были в действительности. Очевидно, все происшествие заняло значительно больше времени, чем кажется из рассказа матроса.

В целом же его сообщение, безусловно, заслуживает доверия, и я думаю, что существует вид или целый род гигантских электрических рыб, еще неизвестных науке. Найти его и изучить — почетная задача исследователей».

Столь авторитетное разъяснение положило конец спорам, тем более, что никто из коллег Джерсея не оспаривал его мнения.

Описанное здесь происшествие имело тот результат, что изобретатели всего мира стали работать над вопросом электроизоляции стальных корпусов военных и торговых судов. Но разрешить эту задачу оказалось не так-то просто. Между тем новых сообщений об электрическом чудовище не поступало. Постепенно происшествие с «F-24» забывалось, и, наконец, память о нем совсем стерлась — тем более, что поиски необычайной рыбы, организованные научными институтами различных стран, до сих пор ничего не дали.

И все же нам кажется, что эту живую электростанцию еще удастся обнаружить. На такую мысль нас наводит, между прочим, маленькая заметка, появившаяся совсем недавно в одной из газет Рио-де-Жанейро и перепечатанная

лишь немногими европейскими газетами. В этой заметке рассказывается о необъяснимой гибели трех мужчин, купавшихся в море в ясный солнечный день.

Один из них пропал без вести, а двое других найдены на берегу в виде обугленных трупов. Вызванный врач скорой помощи нашел картину, характерную для поражения молнией. Заметка кончается выражением полнейшего недоумения; так как уже неделю не было грозы, и в последние дни стояла тихая сухая погода.

Однако, если привести этот случай в связь со всем сказанным выше, то он, пожалуй, становится понятным.

М. САФРОНОВ

„ГИБЕЛЬ РАКЕТЫ“

Фантастический рассказ

М. САФРОНОВ

13 лет

„ГИБЕЛЬ РАКЕТЫ“

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

На восемь часов был назначен отлет ракеты „ЦАГИ № 6“. Ракета летела для изучения космических лучей. Я, как старший начальник технических работ, должен был присутствовать при отлете ракеты. Часы показывали пять часов тридцать минут. В моем распоряжении было два с половиной часа. Позавтракав, я решил отправиться к месту отлета ракеты, а заодно совершить прогулку за город. Закрыв на автоматический замок квартиру, я вошел в лифт. Нажал кнопку. Лифт стал быстро и бесшумно подниматься. Выйдя из лифта и поднявшись по маленькой лесенке, я очутился на широкой площадке, находящейся на самой крыше здания и служащей для посадки и отлета геликомобилей и геликоптеров. Я нанял отдельный трехместный геликомобиль. Усевшись поудобнее, я дал знак отправляться. Шофер нажал рычаги, и сбоку геликомобиля выдвинулись крылья. Я почувствовал над собой жужжание пропеллеров, а затем толчок: мы поднялись в воздух! Мы понеслись по направлению к западу. Под нами виднелись две прямые ленты дороги. Одна была автострада, другая — для шаропоезда. Недалеко возвышалась большая постройка. Она поддерживала рельсовый путь для ракеты. Вдали на лотковой дороге показалась темная точка. Она увеличивалась, становилась все больше и больше и, наконец, уже можно было различить

шаропоезд, который быстро промчался под нами. Геликомобиль приближался к постройке. Опустившись на площадку перед ангаром, он мягко покотился по асфальту. Убрав на ходу крылья, геликомобиль вкатился в ангар и подъехал к подъемной машине. В ангаре на подставках с тележками стояла блестящая ракета. Вокруг все суетились, быстро подвозили на электротележках внутреннее снаряжение ракеты.

Поднявшись на лифте, я перешел в подвесную лодку и включил мотор. Лодка быстро понеслась вперед.

Я остановил ее над ракетой. Отсюда все было видно как на ладони. Ракета представляла собою веретенообразную с тупым носом стальную оболочку, разделенную внутри на три помещения. Первое: каюта для пассажиров, в этой же каюте расположены главные рулевые механизмы; второе: хранилище одежды, продуктов и разного снаряжения; и последнее: хранилище для водорода и кислорода. Ракета была укреплена на двух вспомогательных снарядах, которые помогали пробить слой атмосферы, после чего она отрывалась от Земли. У конца сопла имелись направляющие поверхности. Движение ракеты было основано на принципе реактивного двигателя. Из газохранилища водород и кислород поступали в небольшую камеру, находящуюся у внутреннего конца сопла, образуя сильную взрывчатую смесь. Происходил взрыв, и газ, выходя из сопла, с силой толкал ракету в направлении, противоположном своему движению. Стоя в лодке, я вдруг услышал громкую команду и увидел, как внизу люди стали выстраиваться по бокам ракеты в две шеренги.

Я посмотрел на часы. Было семь часов пятьдесят минут. Отлет близился. Я подъехал в лодке к кабинке, укрепленной в куполе ангара. В этой кабине находились специальные телескопы для наблюдения за полетом ракеты днем, так называемые релескопы. Все были на местах. Я занял свободное место у релескопа. До отлета осталось две с половиной минуты. Летчики попрощались со всеми и вошли в ракету. Люк немедленно захлопнулся за ними. Наступила ти-

шина. Оставалась одна минута. Вот прошло двадцать секунд, сорок секунд, пятьдесят... пятьдесят пять... пятьдесят семь... Остается две секунды.

Но вот и они уже прошли...

Чудовищный взрыв потряс весь ангар. Ракета рванулась вперед по рельсам, покатилась, вот она уже несется в воздухе, оставляя за собой струю желтого дыма. Все припали к релескопам. В них видно, как ракета все уменьшается и уменьшается, пока не стало видно только черное пятнышко среди клубов дыма. Через две минуты и оно исчезло совсем. Все были возбуждены. Побеседовав, мы разошлись. Я ехал обратно вместе с моим начальником на его прекрасном сильном „Кодильяке“. Я пригласил его к себе. Мы беседовали за столом, как вдруг в окошечке радиоприемника появилась красная надпись: „Важное известие“. Мы надели наушники. Раздался голос: „Говорит центральное бюро известий. Слушайте все. Ракета „ЦАГИ № 6“...

Наши нервы напряглись.

...Улетевшая час тридцать минут тому назад из Ленинграда ракета для изучения космических лучей упала около города Якутска. Летчики погибли. Ракета разбита, но аппараты уцелели. Ракета поднялась на высоту двенадцати тысяч двадцати пяти километров. На этой высоте записи прекратились. Причины падения выясняются“,

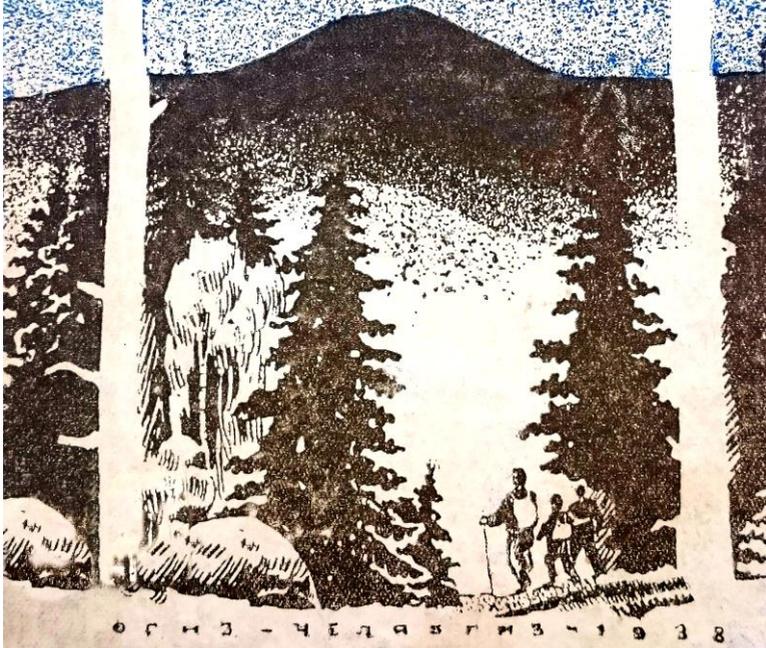
У нас вырвался болезненный вздох...

— Еду домой, — сказал начальник.

Я попрощался с ним и сел за стол. Мой мозг лихорадочно работал. „Летчики погибли. Неужели во время постройки ракеты вкралась какая-нибудь ошибка? А может быть, я и есть виновник их гибели?“

Часы пробили двенадцать. Я лег в постель, но долго не мог заснуть, и только перед утром мне удалось забыться.

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

ОСНОВАННО НА РАССКАЗАХ ЧИЛДРИСОВ 1938

Сборник рассказов „Тайна Уральских гор“ посвящен путешествиям с исследовательской целью: поискам полезных ископаемых южноуральских недр, изучению пещер с их подземными реками, озерами и т. п. Путешествия такого рода неизбежно связаны со многими приключениями и с необычайными эпизодами.

Об этих интересных приключениях рассказывает сборник.

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

СБОРНИК РАССКАЗОВ

СОСТАВИЛ

В. А. П О П О В

1 9 3 8
ЧЕЛЯБИНСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК

Обложка, форзац, иллюстрации
худ. **В. Челищевой.**

*

Редактор **Е. Блинова.**

Тех. редактор **М. Пальмин.**

Корректор **Н. Греков.**

*

Сдано в набор 26 /I-1938 г. Подписано
к печати 5 /V-1938 года. Опиз № 139.
Челябоблит № 1741 от 4/V-1938 года.
Индекс X-2-в. Формат бум. 70 x 108 1/32.
Бумажных листов 3. Печатных листов 6.
Учетно-авторских л. 8,85. Тираж 5000.

*

Типография издательства Облесполкома
«Челябинский рабочий».

*

Цена 2 р. 65 копеек. Перешлет 85 коп.

Г.ЮЗ (Г. МИХАЙЛОВ)

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

Фантастико-приключенческая повесть

*Обложка и иллюстрации
художника В. Челинцевой*

*Тайна Уральских гор: Сб. рассказов /Сост. В. Попов;
Предисл. изд-ва; Обл., форзац и илл. худож. В. Челинцевой. -
Челябинск: Челябингиз, 1938 г.*

Глава I

НА ТАГАНАЕ

К перевалу. – Изотермы января – Буран. – Ночной крик. – Замерзший.

– Сверток. – В Златоуст.

Высокие сугробы еще не осевшего снега обманчивы. Лыжи часто проваливаются под колодины, где чавкает вода, – на лыжи настывает грязь с травой и листьями. Горные болота Таганая не промерзают до февраля. Защищенные от ветров стеной таежного леса и толстым покровом снега, они долго сохраняют теплоту. И охотники и крупные звери обходят заболоченные площади, по которым на первый взгляд путь кажется более легким, чем по лесному трущобнику.

Осторожно обходя сугробы и торчащие из-под снега черные корневища валежника, вдоль опушки леса идут два лыжника. Они в коротких полушубках, штанах из овечьих шкур наверх шерстью и валенках.

Идущий впереди шупает землю заостренной палкой. Вот он с силой погрузил палку в снег, и, когда вытащил обратно, на конце ее оказался ком льда.

– Опять болото, – сказал идущий впереди. – Обходить будем, Николай Степанович, или пойдем прямо?

Спутник подошел.

– Не знаю, Сергей, – ответил он, – обходить не хочется: дорога по лесу меня основательно измотала. Но выдержит ли корка на болоте?

Сергей посмотрел на внушительную фигуру спутника и снова проткнул снег палкой.

– Должна выдержать... Если будем проваливаться, – снимем часть вещей.

Лыжники пошли по болоту. Верхний слой снега был: рыхлый, и лыжи проваливались глубоко, но корка держала.

Лыжники шли к перевалу Таганая, где была метеорологическая станция. Сергей был заведующим станцией и старшим наблюдателем, а его спутник – Николай Степанович Михайлов – метеоролог. Михайлов шел на станцию ловить изотермы, как он говорил.

Последние три года метеоролог занимался изучением климата Южного Урала. Данные прежних исследователей для некоторых районов были неточны и нуждались в пополнении. Климатическая карта требует производства наблюдений в течение всего года – и в жаркую погоду, когда июльское солнце накаливает скалы, и в декабрьский сорокаградусный мороз, в который даже птицы не пролетают над скованным морозом лесом.

– Дальше нет хода, – крикнул Сергей, остановившись и показывая палку, на конце которой была корка льда.

Теперь лыжи уже глубоко проваливались в снег, его подтаявшая корка не выдерживала веса людей, да еще нагруженных тяжелыми мешками. Посоветовавшись, путники решили сделать попытку пройти по болоту, оставив часть груза. Сбросив один мешок, Сергей легко пошел по снеговой поляне. Опушка леса была в расстоянии каких-нибудь двухсот метров. В ложбине, в самом низком месте болота, палка показала мертвый слой талой жижи. Провалиться в этом месте – значит рисковать совсем не выбраться на поверхность.

Сергей быстро шел через поляну, за ним осторожно следовал Михайлов. Через пять минут оба благополучно вышли к опушке – болото кончилось.

К месту, где были оставлены мешки, пришлось возвращаться не по старым лыжницам, а целиной. Медленный переход по болоту вызвал задержку не меньше часа. Диск солнца уже спускался за частокол леса.

Михайлов и Сергей, взвалив на плечи мешки, углубились в чащу.

В разных направлениях по пушистому покрову тянулись цепочки звериных следов. Лыжи оставляли за собой широкий темно-синий след. По небу пробегали редкие белые облака с розовыми тонкими краями; они, казалось, спешили на юго-запад, туда, где только что скрылся красный диск солнца. В разрывах облаков кой-где уже начали мигать бледные звезды.

В лесу начало быстро темнеть.

Подъем становился круче. Лес поредел и постепенно стал переходить в кустарник. Местами из-под снега торчали острые глыбы сахаровидного кварцита. Полоса заката из пурпурной и широкой превратилась в сине-розовую узкую ленточку. В разрывах между облаками уже ярче обозначились звезды, а внизу по лесу от болота пополз едва заметный беловатый туман – выморозок.

Кустарник кончился. Сергей и Михайлов вышли к перевалу Тагалая.

Далеко впереди упиралась в темно-синее небо громада Большого Таганая. Справа к скалам примыкала черная полоса леса, и на самом перевале виднелся полузанесенный снегом домик. За широким низким окном горел красноватый огонек, освещающая высокую стену сугроба. Это была метеорологическая станция.

Сверху от нее доносились голоса. В тихом, вечернем воздухе они резко подчеркивали безмолвие гор.

Лыжники пошли быстрее. У перевала потянул ветерок. Сергей резко свистнул. От станции отделился черный ком и покатился вниз по поляне.

– Мухтар, ко мне! – крикнул Сергей.

Ком постепенно стал принимать очертание собаки, она часто проваливалась в сугробы и тьякала.

У станции Сергея и Михайлова встретили зимовщики, их было двое.

Мухтар – низкорослая уральская лайка-медвежатница – визжал от восторга, хватал снег и рычал на пришедших. Зи-

мовщики с полудня разгребали снег. Недавно прошла метель и возле станции намело сугробы.

Метеорологическая станция Таганая – одноэтажный небольшой домик с низкими широкими окнами и грибовидной крышей. К станции примыкает просторный дощатый сарай. На открытом возвышенном месте расположена площадка с приборами для наблюдений: на столбах укреплены дождемеры, психрометр¹ и в центре площадки анемометр². Заходя на крыльцо станции, Михайлов взглянул на большой наружный термометр. Фиолетовый столбик спирта опустился до тридцати двух градусов. Ясное небо с точками звезд предсказывало дальнейшее падение температуры. Помещение станции состояло из двух комнат. В меньшей были расставлены по полкам и развешаны на стенах метеорологические приборы и запасные части к ним.

Перед окном стоял небольшой слесарно-плотничий верстак, на котором наблюдатели производили несложный ремонт приборов. Вторая комната, побольше, служила жилищем зимовщиков. Бревенчатые стены изнутри были обиты фанерой, оклеены старыми газетами и черновиками таблиц наблюдений. Пространство между бревнами и фанерой забито хорошо задерживающим тепло мхом. На чердаке устроен склад провизии. Посредине комнаты грузно осела печь, легко способная выдержать нагрузку хорошей пекарни. Возле стен расставлены кровати. Большой стол около окна нагружен всем, что только могло на нем уместиться.

– Включите электричество, – сказал Сергей.

Михайлов с удивлением посмотрел на стены – проводки нигде не было. Он хорошо знал, что осветительную линию для одной станции, за несколько десятков километров, тянуть не будут.

Один из зимовщиков ушел в аппаратную, и через минуту над столом вспыхнула лампочка.

¹ Психрометр – прибор для измерения относительной влажности воздуха.

² Анемометр – прибор для определения силы ветра.

– Автомобильная... на шесть вольт,— пояснил Сергей и, заметив удивление Михайлова, добавил: – Энергию дают аккумуляторы, а зарядку их производим в Златоусте, примерно раз в месяц.

Ужином послужил убитый накануне огромный глухарь; его мясо было нежным и сочным; тонкие кости птицы хрустели на зубах проголодавшихся зимовщиков. Вокруг стола расположились, кто как сумел – на табуретках, на ящиках. Яркий глазок лампочки из-под самодельного абажура бросал на стол широкий сноп света.

– Барометр пошел, – сказал Сергею младший наблюдатель.

– Да, я по дороге заметил, – ответил тот, – будет перемена погоды.

– Влияние северного циклона? – спросил второй зимовщик.

– Нет, как раз не циклона, а наоборот – антициклона, – пояснил метеоролог.

Товарищи Сергея были еще новичками, они остались на первую зимовку и не знали климатических особенностей района.

– Циклоны, возникающие у берегов Норвегии или на Ледовитом океане, – заметил Михайлов, – проходят только Пермский район и обычно в южной его части затухают. В районе Южного Урала преобладают среднеазиатские циклоны, особенно развитые в зимний период. Причем ветры характерны своей силой и устойчивостью; иногда вызывают здесь сильные метели.

Ужин прошел в разговорах о климатических особенностях южно-уральских гор.

Таганайский хребет, на одном из перевалов которого находится станция, состоит из трех гор: Большого, Среднего и Малого Таганаев. У подножья Малого Таганая расположен Златоуст. Высшая точка Таганайского хребта носит название Круглой сопки; она имеет отметку 1154 метра. На юге-востоке от Большого Таганая идут Средний и Малый, разделенной небольшой речкой. Южно-уральские горные

речки замечательны во многих отношениях: они бурны, маловодны, но очень стремительны в своем течении благодаря значительному уклону местности. Они берут свое начало где-то в ущельях и текут часто в противоположных направлениях. Например, с плоскогорья Малого Таганая стекают две реки: одна (р. Киолим) несет свои воды к Сибирской равнине, а вторая (р. Тесьма) – на юг, впадает в р. Ай.

В тихую ясную погоду с одной из вершин Таганая видны далекие Урал-Тай, Ильменские горы и ряд хребтов западного склона.

Если бы не высокий Ирмельский гребень и Нургуш, то в семидесяти пяти километрах от Таганая, после дождя, когда дым лесных пожаров не туманит даль, можно увидеть великана Южного Урала – красавица Яман-Тау³, который до июня не снимает своей белой снежной папахи.

Михайлов перечислял одну за другой горы и называл их высоты.

Юрма – 930 м, Уреньга – 1370 м, Ирмель – 1599 м и, наконец, Яман-Тай – 1645 м.

Скучающие зимовщики были рады гостю и забрасывали его вопросами чуть не до полуночи.

На следующий день с утра, как только в долине обозначился лес и растаяли ночные тени, Михайлов принялся за работу. Тридцатиградусный мороз его не остановил, – наоборот, он давал ему возможность проследить за понижением температуры.

Нагрузив сумку инструментами, метеоролог спустился в долину.

По скованному настом снегу лыжи шли хорошо. До полудня Михайлов успел замерить температуру в шести характерных точках на общем протяжении хода в двадцать километров.

Необходимо пояснить, что Михайлова интересовали вопросы микроклиматологии, то есть той области климатологии, которая занимается изучением особенностей

³ *Яман-Тау – дурная гора.*

непосредственно прилегающего к земле слоя атмосферы. Горные болота оказывают влияние на микроклимат не только в летний период: Михайлову удалось заметить их влияние даже в наиболее холодные зимние месяцы. Этому вопросу, почти совсем не освещенному, Михайлов уделил много внимания.

Замер температур занял у него целый день. Он до темноты бродил по долинам, забирался на склоны, и только когда обозначились первые звезды, пошел к станции. Следующий день ушел на обработку материалов. По окончании температурных замеров Михайлов перешел к замерам снегового покрова. В новой работе ему помогал Сергей. Площадь выбранного на карте района они разбили на сеть треугольников, сторона каждого из которых равнялась километру. В натуре эти треугольники ложились не всегда на ровную поверхность; иногда для измерений приходилось залезать на площадки высоких скал или спускаться в глубокие долины. В треугольниках от вершины к вершине переходили по визирным линиям. Один из наблюдателей, оставшись на месте, давал приблизительное направление. Расстояние измеряли в шагах.

Михайлов дважды попадал в болото, но, наученный опытом, он осторожно пробирался от коряги к коряге и, взяв глубину, быстро уходил в безопасное место.

На четвертый день они перешли на открытую площадь с неглубоким снегом, и работа быстро подвинулась к концу.

Не обращая внимания на сильные морозы, Михайлов и Сергей с утра до позднего вечера пересекали в разных направлениях склоны Таганайских гор. К концу пятидневки Михайлов полностью закончил работу и мог покинуть станцию. Просмотрев последний раз записи наблюдений, он упаковал вещи в мешок и утром решил идти в Златоуст.

Вечером барометр начал нервничать. Столбик термометра поднялся всего на пять градусов. Появились характерные признаки метели.

Решив утром идти в Златоуст, Михайлов пошел еще раз проверить показания приборов. Термометр больше не

поднимался. Чашечки анемометра порывы ветра то совсем останавливали, то начинали быстро вращать... Силуэт Большого Таганая скрылся в тумане мельчайшей снежной пыли. По небу торопливо бежали низкие облака с разорванным краями. На склонах вихрились и блестели в лунном свете снежинки – начинал играть поземок.

Приборы не вращались – с математической точностью они предсказывали надвигающуюся метель.

Буран начался с полуночи. Михайлов слышал, как за стеной на разные голоса пел ветер.

Луна ныряла из облака в облако, и квадрат окна вспыхивал, освещая комнату...

Михайлов проснулся ровно в десять, но в комнате было темно: окно было занесено снегом. Дверь в сени открыли с трудом. В снегу пришлось пробивать траншею.

Подождав до полудня, Михайлов попрощался с зимовщиками и, снарядив лыжи, решил, во что бы то ни стало спуститься к Златоусту.

Выйдя из снежной траншеи, он был, однако, тотчас же повален ветром в сугроб. Ветер хлестал порывами и со страшной силой. Острые ледяные кристаллы снега кололи лицо. В рыхлом снегу лыжи тонули и разъезжались в стороны. По колено в снегу, Михайлов попытался сделать несколько шагов. Он наклонился вперед и, закрыв варежкой лицо, старался подняться на сугроб. Ветер выл на разные голоса, метель плясала вокруг человека, и мороз пробирался сквозь полушубок.

После неудачной попытки пройти к лесу, Михайлов вернулся. В течение дня он три раза пытался спуститься с Таганая, но каждый раз буран загонял его на станцию.

Ночью, когда ребята заснули, Михайлов достал из мешка жестяную трубку, открыл ее и вынул план с недавно намеченными изотермами. Наклонившись над листом, он начал тянуть синие жирные линии одинаковых температур.

Спать не хотелось.

Буран не сдавал. Снег сыпал и сыпал, как будто тучи решили сравнять долины с Таганайским хребтом. В эту

зиму на редкость суровые морозы наступили рано. Изотерма тридцати градусов капризно обогнула восточный склон Таганая и пошла по крутому подъему. Синяя тушь оставляет извилистый прихотливый след на плане. Сетка изотерм покрывает карту Южного Урала; они огибают гряды гор, пересекают тайгу в разных направлениях, но редко забираются на горы. Изотермы июля навевают приятный холодок, в тихую погоду они дышат жаром или разряжаются грозами и исходят дождем.

Изотермы января несут с собой трескучие морозы, могучие азиатские ветры и бураны.

Михайлов работает, слушая песню ветра и шуршание вьюги за окном. Ветер по-прежнему налетает порывам – он точно решил снести станцию и, собравшись с силой, разбегается и обрушивается на нее со всей силой.

Около Михайлова сидит Мухтар. Собака широко открыла немигающие глаза и поднимает то одно, то другое ухо...

– Что ты, Мухтар, прислушиваешься? – говорит Михайлов и гладит собаку.

Мухтар привстает, виляет хвостом, но опять садится, наклоняет в сторону голову и настороженно поднимает уши, подходит к двери и, чуть-чуть скуля, начинает скрести лапами порог...

– Ну, изволь, пушу, – говорит Михайлов. Он открывает дверь и выходит в сени.

Ветер рвет из рук входную дверь. Из мрака ночи на Михайлова летит охапками снег. Не смущаясь метелью, Мухтар твякает и прыгает с крыльца в объятия бурана.

«Около двадцати пяти», – думает Михайлов, ощутив потепление.

Собака долго не возвращается. Михайлов уходит в комнату. Минуты через три в сенях слышится лай. Михайлов открывает дверь, выпускает Мухтара. Собака, отряхиваясь от снега, начала бегать по комнате и лаять. Она подбежала к печке, встала на задние лапы и потянула зубами полушубок Сергея.

– На место! – крикнул тот, проснувшись.

Но собака не унималась, она подбегала к койкам, тьякала на зимовщиков, прыгала около Михайлова и, с разбегу бросившись в дверь, открыла ее и выскочила в сени.

– Вот пришла дурь... – ворчал Михайлов, – пуцу, но в последний раз.

– Вы его плетью, – посоветовал Сергей.

Второй раз собака прыгнула с крыльца в снежный хаос пурги. Михайлов ждал в сенях. Мухтар на этот раз быстро вернулся. С нижней ступеньки крыльца, он махнул прямо в дверь и, вбежав в комнату, протянул морду хозяину. В зубах собаки была зажата потрепанная меховая варежка.

– Что за рвань суешь, брось!

Мухтар бросил варежку и, вернувшись, снова потянул с печи тулуп.

– Кончено, всыплю!.. – решил Сергей, выведенный из терпения поведением собаки. Он откинул тулуп и спрыгнул с печи. Собака вильнула хвостом и радостно залаяла.

– Сейчас, сейчас, – грозил Сергей.

Вид ремня заставил собаку прижаться к полу, она медленно поползла за ящик в свой угол.

Хлопнув дверью, в комнату поспешно вошел Михайлов.

– Сергей, я сейчас слышал чей-то крик, – сказал он.

– Крик... Кому здесь кричать? – удивился Сергей.

– Я отчетливо слышал. Кроме того, обрати внимание на поведение собаки.

Мухтар точно понимал разговор; он поднялся к Сергею и тихо заскулил.

Михайлов, надев полушубок, вышел в сени, за ним проскользнула собака. Ветер выл на разные голоса.

– О... оа! – донесся вдруг до слуха Михайлова человеческий крик...

На этот раз это не было похоже на песню ветра. Мухтар сорвался с места и исчез в сугробах. Беря с бою каждый шаг, Михайлов спустился с крыльца и пошел на крик. При свете вынырнувшей из тучи луны, сквозь мглу метели, шагах в десяти Михайлов успел разглядеть темный предмет и возле него собаку.

Чуть не по пояс в снегу, с трудом вытаскивая то одну, то другую ногу, Михайлов, наконец, подошел к собаке. Мухтар фыркал и раскидывал лапами снег. Лайка была охвачена охотничьим азартом. Но на этот раз она нашла не медведя, а человека...

Михайлов начал вытаскивать человека из сугроба.

Лежащий одной рукой обнял столб, а ноги его провалились глубоко в снег. Человек лежал неподвижно, а ветер делал свое дело, беспрерывно засыпая человека снегом.

Михайлов начал вытаскивать человека из сугроба. Когда Михайлов поднял замерзшего, показались концы лыж. Лыжи пришлось отвязать, так как они, зарываясь в снег, только мешали. Лыжи были грубо выстроганы из толстых, колотых досок.

Освободив человека от лыж, Михайлов хотел поставить его на ноги, но тот упал. Его помороженные руки висели

плетьюми, болталась из стороны в сторону голова и волочились по сугробу ноги.

Михайлов несколько раз падал с тяжелой ношей в снег. Пока он возился с замерзшим, у крыльца надуло целую гору снега, и через нее не было возможности перетащить человека.

Оставив замерзшего на снегу, Михайлов пробрался в сени станции.

– Сергей, помоги... там человек! – крикнул он, вбежав в комнату. Сергея, как ветром, сдуло с печи. Не надевая полушубка, он вслед за Михайловым выскочил на крыльцо. Помороженного затащили сперва в сени, а потом в комнату. Ребята, протирая заспанные глаза, с удивлением смотрели на принесенного человека.

Мухтар вильнул хвостом, несколько раз гавкнул и улегся в угол: мое, мол, дело сделано, теперь вы возитесь с ним... Человека положили на пол около порога и стали приводить в чувство, оттирая снегом.

Помороженный, казалось, был безнадежен. Буран отнял почти все тепло его тела, лишённая крови кожа была анемичной. Еще в худшем состоянии были руки. Пальцы правой руки, с которой Мухтар сдернул варежку, побелели и были холодными; левая пострадала, кажется, меньше. И каким-то чудом мороз пощадил лицо, – должно быть, спас сугроб, в который упал несчастный, не дойдя нескольких шагов до станции.

Когда ноги и лицо его порозовели, он тихо застонал.

– Должно быть, шел издалека. Смотрите, – показал Сергей на варежку. – Вся изорвана лыжной палкой. Пройдено не меньше тридцати-сорока километров.

Оттерев незнакомца снегом, его перенесли в аппаратную, где было холодней и, положив на лавку, накрыли двумя тулупами.

– Сам теперь отойдет, – заключил Сергей.

Но больной не приходил в сознание. Через полчаса Михайлов прошел в аппаратную, подошел к незнакомцу в заглянул под тулуп. Керосиновая лампочка освещала серое худое лицо.

«Долго голодал», – подумал Михайлов. Он достал из кармана перочинный нож и поднес никелированное лезвие к губам больного. Блестящая сталь слегка затуманилась.

– Ну как? – подойдя, спросил Сергей.

– Дышит, – ответил Михайлов.

Оба ушли. Дверь в аппаратную оставили открытой.

Прошел час. Решили лечь спать. Михайлов еще раз осмотрел больного. Тот все так же, без движения, лежал на лавке, хотя лицо его больше порозовело и заметней стало дыхание.

Ребята уже храпели. Михайлов погасил электрическую лампочку из аппаратной, где был выключатель, и ушел.

Теперь, только одна керосиновая коптилка, стоящая у изголовья больного, немного разряжала темноту.

Слушая завывание ветра, Михайлов строил различные предположения о причинах странного появления незнакомца. Метеоролог хорошо знал местность в районе Таганайских гор.

На север от станции, сразу же за метеорологической площадкой, шли скалы и через полкилометра кончались тридцатиметровым обрывом. К Златоусту был довольно крутой спуск, а по этому пути, да еще в метель, конечно, добраться до станции никто не мог. С юга протянулся на несколько километров голый хребет, а по обе стороны от него покрытые снегом осыпи приходили в движение даже от сильного ветра. Незнакомец мог подойти к станции только лесом, то есть тем же путем, по которому несколько дней назад пришел он и Сергей. Но ведь они, идя от Златоуста, нарочно сделали небольшой обход, чтобы измерить в некоторых местах мощность снегового покрова, и пошли к станции с другой стороны. Внизу, за лесом, по которому они прошли, в долине проходят дороги на Кусинский завод и рудник. Немного в стороне расположены старые углеобжигательные печи. Дальше река Шунга, и по ее берегу несколько мелких селений. Но все это находится в расстоянии не меньше тридцати километров. Незнакомец, конечно, вышел еще до бурана. Без крайней необходимости едва ли кто

рискнет выйти на открытое место в такую погоду. Путника метель застала в пути. Пока он шел по долинам с подветренной стороны, где таежный лес значительно ослаблял силу ветра, – все, кажется, обстояло благополучно. Но вот он стал подходить к перевалу... Одно осталось непонятным – почему одинокий путник пошел на Таганай? Хорошо еще, что на пути ему попалась станция...

Промерзший, наконец, пришел в сознание. Когда к нему подошел Михайлов, он стал делать рукой какие-то знаки беззвучно зашевелил губами. Больной был настолько слаб, что не имел силы говорить. Михайлов следил за его жестами, но ничего не понимал.

Из бессвязного полурасового бормотания больного Михайлову удалось уловить всего несколько фраз.

– Я двое... суток шел... за Большим Таганаем... они лежат Каменке... в пещере трех старцев... Возьми... я не жилец... – и негнуцими пальцами больной кое-как достал из-за пазухи небольшой сверток и отдал его Михайлову.

Метеоролог машинально взял сверток и, сунув его в карман, тотчас же забыл о нем.

Придя в сознание, больной скоро заснул. Но сон его был беспокойный, с частыми перерывами, в которые он просил пить.

Перед утром стоны в аппаратной прекратились, и на станции на несколько часов все заснуло.

К утру метель отбушевала. Ветер угнал тучи к Ильменским горам. Порозовели далекие вершины, засинели между ними долины. Где-то далеко, стряхнув с себя снег, на опушку леса вышла стройная, тонконогая сайга⁴. Она настораживает уши и прислушивается, не завоет ли снова ветер. Но ветер уже стих; он вихрит поземок на Ильменских горах. Опустив хвосты и приседая на задние лапы, трусят легкой рысцой по трущобнику отощавшие волки.

Ворочает кустарник не засевающий с осени в берлогу медведь, и ведет ровную строчку следов лесная мышь...

⁴ Сайга – местное название косули.

После бурана обитатели тайги принимаются за поиски пищи.

– Ох, и красота же! – выйдя на крыльцо, крикнул Сергей. Затопив очаг и поставив на плиту чайник, ребята пошли разгрести снег. Михайлов остался с больным, который теперь был в сознании, но, почти не переставая, тихо стонал. Сквозь стон он повторял по нескольку раз одни и те же слова, должно быть сознавая, что слушатель его не понимает. Из бессвязной речи больного Михайлову все же удалось кое-что разобрать. Он узнал, что человека звали Петром Антиповым, что жил он на Кусинском заводе, но откуда ушел в Таганайские горы, где и жил до зимы. В горах он работал; но что у него была за работа, Михайлов не понял. Рано наступившие холода застали Антипова врасплох. Запасы провизии уничтожили мыши.

Наступили сильные морозы, и, голодный, в сапогах и коротком полушубке, он был обречен на смерть.

Решение уйти с Таганаев им было принято слишком поздно; оставшиеся несколько сухарей могли поддержать в нем жизнь в течение пяти-шести дней, а сильные морозы сокращали и этот небольшой срок. Короче говоря, последней надеждой Антипова была сравнительно недалеко расположенная метеорологическая станция, куда он и направился за сутки до наступления бурана. Ночью, когда ветер взрывал снежные сугробы, он вышел к перевалу и увидел освещенные окна. Путник побрел к станции, но, не дойдя нескольких шагов до нее, обессиленный, упал.

Антипов сильно поморозился. Ему нужна была помощь врача, без которой могла начаться гангрена.

Ребята, окончив работу на площадке перед станцией, сели завтракать. С помощью Михайлова, Антипов выпил горячего чая и съел несколько кусочков хлеба с маслом.

После завтрака Сергей принялся мастерить из пары лыж санки. Через час подобие нарт было готово.

Широко расставленные полозья придавали санкам устойчивость, поперечины из березы, связанные сыромятными ремнями, – прочность, а фанерная спинка позво-

ляла больному, для которого предназначались эти нарты, занять удобное, полулежачее, положение. Антипова укутали в тулуп и, положив на нарты, привязали его к нартам ремнями. В полдень Михайлов и Сергей покинули станцию и через час вышли на Златоустовский склон. Сергей тащил нарты, на которых мешком лежал Антипов, а Михайлов, идя впереди, прокладывал след.

Спуск к Златоусту имеет массу неожиданных и крутых склонов, и нужно быть хорошим лыжником, чтобы дорогой внезапно не оборваться с двадцатиметровой высоты на каменные осыпи.

Когда по снегу легли длинные синеватые тени деревьев и в морозной дымке потонула громада Таганая, из-за поворота показались первые дома Златоустовского завода. В больнице на вопросы Михайлова доктор отвечал уклончиво и неопределенно:

– Больной долго голодал, и его организм почти не мог сопротивляться морозу... Да, обмороживание конечностей, сильной степени. Хорошо, что вы его привезли ко мне.

– А как руки? – спросил Михайлов.

– Прихвачены основательно.

Поздно вечером Михайлов и Сергей вышли из больницы. Сергей пошел к знакомым отдохнуть, чтобы завтра утром идти на станцию, а Михайлов свернул к гостинице. Ему предстояла охота за изотермами на Ильменских горах.

Глава II

КРАСНЫЙ САМОЦВЕТ

План. – Пылающий самоцвет. – Письмо в Горный институт. – Месторождения корунда. – Куусинский завод. – Предание о трех старцах.

Охоту за изотермами Михайлов в основном закончил, хотя наступившая рано весна не дала возможности произвести наблюдения в районе озера Увильды и по склонам Собачьей горы.

Михайлов рано утром выехал из небольшого рыбацкого колхоза, расположенного на берегу озера Аргазы.

Пообедав часа в четыре в сторожке лесника на озере Тургояке, он поздним вечером приехал на станцию железной дороги... и через два часа уже устраивался в вагоне поезда Челябинск – Москва.

Когда поезд замедлил ход и в окнах вагона замелькали огни Златоуста, Михайлов вздохнул с сожалением. Ему не хотелось снежные долины и крутые склоны гор менять на чертежный стол и мелко исписанные листы наблюдений. Обработка материалов – скучное занятие. Изотермы интересны там, в горах, где их направление еще неизвестно, а пойманные термометром и нанесенные на план, они теряют интерес...

Два дня Михайлов бродил по городу, «раскачиваясь» для работы. Полагающимся ему декадным отпуском он не воспользовался, боясь, что потом, когда сотрутся свежие впечатления, хуже пойдет работа по обработке полевых материалов.

Михайлов имел привычку постоянно записывать свои наблюдения. Так как его записные книжки не могли вместить нескончаемых цифр, то второстепенные мелкие заметки он делал на клочках бумаги и рассовывал их по карманам.

Теперь, приступая к работе, Михайлов занялся осмотром карманов костюма, в котором был в годах.

Он доставал из своих объемистых карманов обрывки бумаги и аккуратно раскладывал их на столе. Последним из этой своеобразной коллекции, он извлек небольшой сверток, по внешнему виду напоминающий футляр полевого термометра. Михайлов вертел в руках незнакомый предмет.

– Откуда это? – спрашивал себя Михайлов. Он разрезал шнурок, которым был обернут сверток, и стал разматывать уже сильно истлевшую материю. Пришлось размотать не меньше полуметра этой материи, прежде чем в руках Михайлова осталась берестяная трубочка, заткнутая с одного конца деревянной пробкой.

Береста!.. В воображении Михайлова промелькнули белые, покрытые гололедом стволы, лапчатые темные ели, Тагайайский перевал... метель и померзший человек. Ведь это он дал ему сверток.

Михайлов открыл пробку, и из трубки на стол вытряхнул сложенный гармошкой пожелтевший лист бумаги. На одной стороне листа было что-то написано синими чернилами. Строчки почти стерлись, но по их внешнему виду и нескольким сохранившимся словам Михайлов узнал прошение.

«Кусинский завод... 1911 г. Нижайше пр...» – читал Михайлов обрывки фраз.

На оборотной стороне листа Михайлов увидел что-то, не похожее на прошение. Опытный глаз метеоролога быстро схватил линии плана. Он разгладил бумагу и начал внимательно рассматривать изображенное химическим карандашом.

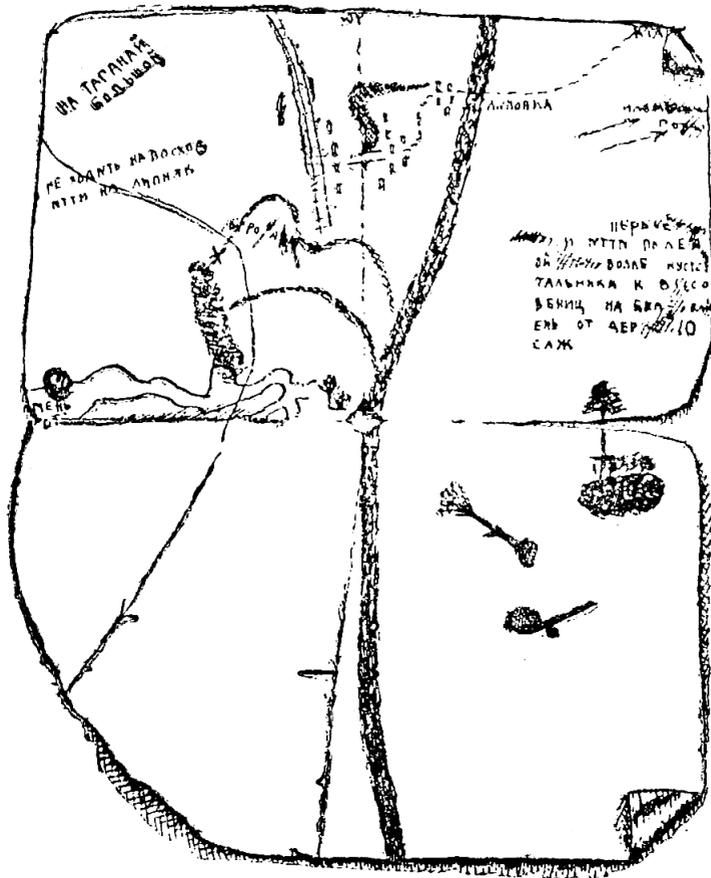
Составитель плана был, очевидно, человеком совершенно незнакомым с картографией.

– Уж не Антипов ли это состряпал, – сказал Михайлов, вспомнив фамилию спасенного им человека. Он вспомнил также и слова Антипова о каких-то трех старцах.

Желание узнать о загадочном приключении незнакомца заставило Михайлова заняться расшифровкой плана. Ме-

теоролог, привыкший работать не только с картами, но и со схемами топографов, иногда страшно запутанными, однако, – сразу не мог подобрать ключа к этому плану.

На бумаге не было ни одного правильно изображенного топографического знака, хотя это был план – на нем должны были быть и дороги, и реки, и лес.

Михайлов задумался:

«Во-первых, что это за широкая линия, тянущаяся в меридиональном направлении? Это или река, или дорога. Сле-

ва к ней присоединяется двойная линия, не такая жирная, но более извилистая. Их пересекает еще одна линия. Вот – это дорога, а те, должно быть, речки или ручьи. Но ниже изображено что-то не увязывающееся с этими ручьями».

«Может быть, это – детали, отдельные участки ракета, – думает Михайлов, – или просто составитель ввел какие-то условные обозначения».

На плане имелись надписи. Большинство слов стерлось, некоторые были не дописаны или заменены рисунками.

– Ерунда, не стоит тратить время, – встав из-за стола, сказал Михайлов.

План Антипова и берестяная трубочка полетели в корзину.

На пол что-то упало.

– Что еще тут, – уже недовольным тоном заворчал Михайлов, подняв с пола завернутый в свинцовую бумагу предмет, величиной с горошину. Когда Михайлов развернул бумагу, яркий красный огонек блеснул в его руке. Метеоролог от неожиданности остолбенел. Перед ним был рубин. Самоцвет превращал падающий на него свет в кроваво-красные искры и бросал их в разные стороны. Рубин, пылая, горел, сверкал благородным огнем.

Михайлов не был знатоком драгоценных камней, но кое-что в них понимал. Во время метеорологических наблюдений он иногда посещал разработки самоцветов, и там ему показывали редкие образцы изумрудов.

Судя по чистоте и размерам, этот рубин имел огромную ценность.

«Несколько тысяч», – подумал Михайлов, смотря на сверкающий камень.

«В пещере трех старцев... там они лежат... возьми, я не жалею...» – вспомнил Михайлов слова Антипова. Он извлек из корзины измятый план и возобновил его расшифровку.

Красный самоцвет лежал на столе рядом с планом. Он служил наглядным доказательством важности изображенного на бумаге. Хотя и медленно, но все же Михайлов расшифровывал стертые временем изображения.

Он определил, что жирная меридиональная линия – это река Миасс. На плане был изображен ее участок между Таганаями и Ильменскими горами. Надписи на правой и левой сторонах плана подтвердили это. На севере была обозначена гора Юрма, о чем говорила буква „ю" и полустертая «р». К югу от Ильменских гор расположено озеро Аргази. У правой порванной кромки листа с трудом можно было прочитать буквы: «ар... аз...» – несомненно, это было Аргази.

Имея такие исходные пункты, как Таганай, Юрму, Ильменские горы и озеро Аргази, можно было лишь приблизительно определить местоположение участка, где находилось месторождение рубинов, или, точнее, корунда.

Михайлов был теперь убежден, что перед ним не бессмысленные каракули, а важный документ. По собственному опыту он знал, что в лесах Урала не всегда удается найти замеченное раньше место, поэтому охотники и разведчики-старатели, не умеющие разбираться в планах, делают очень примитивные схемы, которые служат им дополнением к сохранившимся в памяти приметам.

Для расшифровки деталей Михайлов разбил весь план на отдельные участки.

После внимательного изучения каждой детали он записал:

1. Установлена река Миасс, а, следовательно, две соединяющиеся с ней линии – ручьи или речки.

Необходимо точно установить: ручьи это или речки. Михайлов вспомнил, как Антипов пытался назвать место, откуда он пришел; он сказал: – Каменка. – Можно предположить, что это и есть название одной из речек.

Крестиком на плане показано, конечно, месторождение – так люди, не уговариваясь, почти всегда отмечают главное.

Но речка, на которой поставлен крестик, не Каменка, она имеет другое название. Это название почти стерто, с трудом можно было разобрать буквы: «ро...ащ...я».

2. Путь к месторождению показан линией от Таганайских гор, а пометка: «не ходить на восход», должно быть,

сделана на разветвлении дорог. «Идти на липняк» – уточняет направление по одной из дорог.

3. Точного положения месторождения на плане нет. Не несколько полустертых строк у правой стороны листа есть не что иное, как объяснение последнего этапа пути. Вот что там можно было прочитать:

*...пересе
и идти поле
ой возле кусто
тальника к высо
веннице на б
ень от дер 10
саж*

и дальше уже сознательно зашифровано. Или, может быть, составитель плана считал лучше сделать пояснение рисунком.

Первую часть не трудно было расшифровать следующим образом:

*пересе(чь) (что-то)
и идти поле(в)
ой (речке?) возле кусто(в)
тальника к высо(кой) (лист)
веннице на б(елый) (кам)
ень от дер(ева) 10
саж(ен)*

а дальше следовал непонятный рисунок.

Прямая линия со стрелкой между круглым предметом и изображением, похожим на куст, означала расстояние, и оно, конечно, равно 10 сажням, как и сказано в пояснении. Но что означает этот круглый предмет?

Михайлов еще раз прочел расшифрованные строки.

– Ну, ясно!.. не может быть другого толкования! – воскликнул он. – На белый камень от дерева... Круглый предмет – белый камень, а куст – изображение лиственницы в плане. А дальше... Это дерево... Ах, чудак этот Антипов! Конечно, он не имел компаса и заменил его деревом, крона

которого пышнее развита с южной стороны, а стрелка проведена от стороны, где крона развита беднее. Значит, белый камень расположен на север от лиственницы.

Главное было разгадано, оставалось выяснить, каким путем Антипов попадал к речкам.

«Липова...Липова.. – повторял Михайлов, заметив это слово в верхнем углу плана. – Да это – Липовая гора! Пунктирная линия – путь от какого-то селения... На плане квадратами изображены избы по обе стороны. Есть! По обе стороны Кусинского пруда. Стрелка «к таг» означает: от Кусинского завода нужно идти к Таганю, а дальше все понятно».

Утомленный, но довольный, Михайлов только под утро окончил расшифровку плана.

Он установил, что к месторождению имеет какое-то отношение изображенная на плане пещера «Трех старцев».

«Она чем-то характерна для района месторождения», – подумал Михайлов. Неизвестным осталось только название второй речки.

Просмотрев записи, Михайлов в дополнение к схеме Антипова составил свою. Тайна рубина оживила скучную работу по обработке полевых материалов.

В свободное время Михайлов стал читать книги по минералогии. Эта наука раньше казалась ему скучной. Профессоров-минералогов, всегда окруженных пыльными обломками камней, он считал маньяками. Но когда он открыл книгу академика Ферсмана: «Самоцветы России», то он не мог оторваться от нее, пока не прочитал ее до последней страницы. Прекрасный знаток мертвой природы, Ферсман сумел оживить камень, он вдохнул в него жизнь. Запылал рубин, загорелся зеленым огнем изумруд, встала очаровательной легендой судьба священного камня нефрита. Под пером академика ожили древние восточные сказки о драгоценных камнях.

О рубине Михайлов прочитал у Ферсмана следующее: «Красным камнем не богата русская природа, – говорит он. – В 1824 году был открыт на Урале первый, некрасивый ко-

рунд; находка невзрачного камня в россыпях Березовки была правильно определена известным знатоком камней Саймоновым, назвавшим этот камень – корунд, сапфир, рубин. Прошло почти сто лет со времен пророчества профессора минералогии Соколова, но найти на Урале настоящий красный самоцвет не удавалось русскому человеку, и только полярная Сибирь подарила нас красно-бурыми и красными сердоликами... Но искристого, настоящего красного камня мы до сих пор не знаем у нас».

Прочитав это заключение, Михайлов достал антиповский рубин и подумал:

«Вот он – искристый, красный камень, настоящий и найденный на Урале. Может быть, там, возле притоков Мисса в отрогах Ильменских гор, находится первое, еще не известное минералогам месторождение этого драгоценного камня».

О рубине Михайлову мог подробно рассказать составитель плана, но про Антипова в больнице, куда зашел метеоролог, ему сказали, что больной через три недели поправился и немедленно оставил больницу...

Потеряв надежду встретиться с Антиповым, Михайлов не переставал думать о его плане и месторождении рубинов.

Немногочисленная литература о самоцветах подтверждала возможность нахождения рубинов на Южном Урале. Но заключение академика Ферсмана оставалось в силе: «еще никто на Урале не находил чистого рубина большого веса, несмотря на то, что корундовые месторождения Урала очень многочисленны. Отдельные находки рубинов и сапфиров – большая редкость».

«После находки в 1858 году в Корниловой логу крупного сапфира начались систематические разведки по реке Шилловке (недалеко от Мурзинки), но удалось найти в галечнике только четыре крошечных рубина и один сапфир. Кусочек сапфира, найденный в 1858 году, был огранен и представлен Александру II, как особая ценность... Вот, пожалуй, и все».

На отмелях рек крестьяне часто находили небольшие гальки, окрашенные в разные цвета. Среди обломков квар-

ца, полевого шпата и граната попадались корунды самых разнообразных оттенков: синие, синевато-красные, фиолетовые, а иногда красные и даже сине-черные. Но цвет их был не чистый, и вес редко превышал половину карата. Очень редко находили рубины в 2 – 21 карата.

Таков Средний Урал.

На Южном Урале месторождения корундов, главным образом рассыпные, приурочены к реке Каменке золотоносного Кочкарского района. Гальки корунда чаще неправильной формы с почти не сохранившимися кристаллическими гранями. Цвет этих небольших камешков не привлекает внешне своей чистотой и яркостью: преобладают цвета серый, желтовато-синий, с мутными оттенками.

В 1915 году было найдено коренное месторождение корунда. Так же как и камни Северной Каролины, рубин здесь залегал вместе с хромовой слюдой, но он оказался трещиноватым.

В Кыштымском районе также немало корундовых месторождений.

Перелистывая страницы книг по нерудным ископаемым, Михайлов надеялся разыскать описания хоть одного месторождения драгоценного корунда – рубина, яркого и пылающего.

«...Найденный академиком Карпинским в 1871 году на Собачьей горе...»

У Михайлова екнуло сердце. Он знал Собачью гору, как свою квартиру.

Но... «обломок корундовой породы оказался занесенным туда с другого месторождения...»

В 1916 – 1917 гг. геолог Клер на Южном Урале обнаружил громадные запасы чистого корунда... «По чистоте материала и запасам, – прочел Михайлов, – можно вполне рассчитывать на присутствие большой ценности рубинов. Но на следующей странице было написано: «Эти месторождения заслуживают самого большого практического внимания. На материале этих месторождений предполагалось построить... фабрику наждачных кругов... а сортов органических здесь не встречалось...»

Ильменские горы, знаменитые по разнообразию найденных в них минералов, также пока еще крепко хранят тайну самоцвета.

Но академик Ферсман не отрицает возможности нахождения месторождений рубинов... Особенно в контактах с известняками. И невольно по этому поводу приходится вспомнить слова Соколова: «отчаиваться в этом могут только те, которые уверены, что климат имеет влияние на образование камней и металлов, и что изящные из них могут существовать только под палящим солнцем экватора», — пишет он.

Убедившись в возможности нахождения рубинов на Южном Урале, Михайлов принялся за изучение образования корундовых месторождений.

Среди минералов корунд выделяется своей, только немного уступающей алмазу, твердостью. По химическому составу корунд представляет собою чистую, кристаллическую окись глинозема.

Цвет корунда очень разнообразен: встречаются кристаллы серого, синего, красного, розового, желтого, бурого, зеленого, фиолетового и других цветов. Окраска корунда зависит от примеси в нем окислов титана и других элементов. В периоды великих земных изменений, когда древние моря расступались, когда морщилась земная кора в гигантские складки — горы, — в глубине ее бушевала огненно-жидкая магма, часть которой вырывалась на поверхность, расплавляя и поглощая верхние слои земной коры — осадочные породы, содержащие в себе глинозем.

Когда пресыщенная этими породами магма постепенно охлаждалась, то избыточный глинозем под большим давлением в ней кристаллизовался часто в виде корундовых масс. Но корунд в месторождениях этого типа не образует больших скоплений, и поэтому они промышленного интереса не имеют.

Та же магма, поднявшись из земных глубин и устремившись в разломы земной коры, часто встречала на своем пути известняковые пароды. Когда между раскаленной маг-

мой и этими породами происходил контакт, то под влиянием высокой температуры и давления находящийся в известняках глинозем перекристаллизовывался в корунд. На контактах гранитов с известняками и в кристаллических известняках, близких к этим контактам, могут встретиться красные и синие корунды – рубины и сапфиры.

Вот почему «на берегу бурного Пянджа, в известковой скале Кух-и-лал, далеко на юг от русских владений, находятся старинные рубиновые копи... В темных и низких ходах добывался красный камень... и верноподданные сыны афганского эмира, ломая твердые известняки и доломиты, выбирали из них рубины...»

Много ночей Михайлов просидел над минералогией, петрографией⁵ и описаниями корундовых месторождений. Большинство книг было написано специальным языком. Перед глазами Михайлова мелькали химические формулы, фотографии шлифов⁶, даты открытий месторождений и находок самоцветов.

...Греция, Египет, Индия, Афганистан, Южная Африка... Урал, Северная Сибирь представлялись ему в синих цветах сапфира, василькового, кианита, в зеленом сиянии изумрудов и дерзком кровавом глазе рубина.

...Авантюрин, гиацинт, Лабрадор, лунный камень, солнечный камень, сфен, турмалин, хризоберилл... – вот цветы мертвой природы, рожденные в недрах земли тысячелетия, а может быть, и миллионы лет назад.

Много наделала дел берестяная трубочка Антипова: метеоролог превращался в страстного любителя-минералога. Из массы прочитанных страниц Михайлов составлял себе конспект, а по нему представление о корундовых месторождениях Южного Урала.

Участок, изображенный на плане, был где-то около Ильменских гор, в долине реки Миасса.

⁵ *Петрография – наука, изучающая минеральный состав горных пород, условия их залегания и историю их происхождения.*

⁶ *Шлиф – препарат для микроскопического исследования металлов и минералов.*

... А в нерудных ископаемых было ясно написано: «...в долине р. Миасса залегают кварциты, кварцитовые сланцы и известняки...»

Известняки!.. Михайлов кой-что понял в сложном процессе образования корундовых месторождений. Он знал, что на контакте магмы с известняками могут быть рубины. Но какие породы у пещеры «Трех старцев»? К какому типу отнести месторождение, отмеченное крестиком, – этого Михайлов не знал.

Находясь под влиянием прочитанных книг, он написал письмо в Свердловский горный институт.

Михайлов, подробно рассказав историю с неизвестным месторождением, однако, забыл написать о главном. Он ни словом не обмолвился о рубине, лежащем в его кармане... В письме Михайлов просил кафедру минералогии института снарядить экспедицию для поисков месторождения рубинов, в которой он охотно принял бы участие.

Если бы Михайлов смог прочитать свое письмо через неделю, когда оно было уже в Свердловске, он бы заметил, что обилие восклицательных знаков и отступлений едва ли подействует на руководителей кафедры, и те будут настаивать перед директором на снаряжении экспедиции. Через полмесяца из Горного института пришел ответ:

«Уважаемый т. Михайлов!

Получив Ваше странное письмо, мы, однако, показали его профессору, за что, конечно, и получили головомойку. Профессор не дочитал Вашего письма до конца и сказал, что он еще в детстве читал что-то подобное у Ж. Верна или Э. По, но там было написано гораздо лучше. Кроме того, он, зная Вас как метеоролога, высказал предположение, что письмо сочинил и дослал какой-нибудь шутник, подписав Вашу фамилию.

Ассистент кафедры Петров.»

Прочитав ответ, Михайлов вспомнил, что не написал ни слова о рубине – главном доказательстве существования неизвестного месторождения.

На следующий день Михайлов опустил в почтовый ящик небольшой синий конверт. На этот раз он сухо и коротко изложил свою просьбу об экспедиции, а в доказательство реальности существования месторождения написал о рубине.

Ответ на второе письмо пришел быстрее, чем ожидал Михайлов. Первая строка ответа заставила его нахмуриться. Ответ был таким, какого не ожидал метеоролог:

«Дорогой т. Михайлов!

Ваше второе письмо мы, конечно, не показали профессору, еще подумает, что мы, вместо подготовки к зачетам, занимаемся «открытием месторождений». Мы сожалеем, что не имеем возможности взглянуть на Ваш «рубин». Для исследования «нового» месторождения нет необходимости посылать экспедицию. Вам, наверное, известно, что некоторые наши славные геологи, не прибегая к помощи, открыли и дали авторитетные описания некоторых месторождений, правда, им посчастливилось меньше Вашего, но тем лучше для Вас. Счастливый путь к новым открытиям. Студенты будут рады присоединить к фамилиям исследователей и Вашу. Не забудьте в экспедицию взять томик Э. По, он Вам более нужен, чем лучшая петрография.

Веселый студент».

Дальнейшее обращение за помощью в Горный институт было бесполезным. Первое письмо все испортило, и теперь уж было поздно исправлять ошибку.

Городские организации Златоуста ничем не могли помочь Михайлову – ему нужны были геологи, а их-то и не было.

«А почему бы мне не воспользоваться советом «веселого студента» и не отправиться на поиски месторождения одному», – подумал Михайлов. Он взвесил все обстоятельства «за» и «против»...

Разыскать участок он может, пожалуй, лучше геолога, в этом отношении его специальность охотника за изотермами поможет ему ориентироваться в лесу.

Кроме того, он кой-что усвоил из прочитанного материала и сможет разобраться в горных породах. Но он не геологоразведчик: у него нет «нюха», свойственного этим охотникам за камнями.

Говорят, что геологи видят сквозь землю, а он даже не может сразу отличить известняка от кварца. Может случиться, что он будет бродить по лесу возле самого месторождения и его не обнаружит.

Михайлов долго колебался. Посмотрев на рубин, он решил отправиться на поиски месторождения, но, заглянув в полевую геологию, раздумывал, затем снова решал и опять раздумывал.

Из затруднения его неожиданно вывели изотермы. Как ни странно, но эти линии помогли ему принять окончательное решение отправиться летом в долину реки Миасса к Ильменским горам на поиски рубинов.

Обрабатывая синоптическую⁷ карту склонов Ильменских гор, Михайлов обнаружил незначительные аномалии⁸ в направлении июльских изотерм. Тщательная проверка наблюдений показала, что эти аномалии могут быть порождены только двумя причинами: первая – это ошибка в наблюдениях и вторая изменения климатических условий.

Как в том, так и в другом случае желательна проверка, то есть производство повторных наблюдений. Отклонение изотерм было настолько незначительным, что не будь самоцвета, Михайлов не был бы так придирчив к таблицам температурных замеров. Район аномалий был недалеко от реки Миасса, и поэтому проверка направления изотерм могла быть совмещена с поисками месторождения.

⁷ Синоптическая карта – географическая карта, на которой особыми значками и линиями изображаются атмосферное давление, температура, сила ветра, облачность, осадки и пр.

⁸ Аномалия – отклонение от нормы.

Итак, изотермы помогли. Михайлов был в восторге. Решение взяться за геологоразведочное дело теперь оправдалось необходимостью...

В мае новый «минералог» начал готовиться к отъезду, в горы.

Для пополнения сведений о месторождении он решил заехать на Кусинский завод, где должны были знать Антипова.

В первых числах июня Михайлов приехал на Кусинский завод и, поселившись в запрудной стороне, начал расспрашивать стариков о пещере «Трёх старцев».

Настойчивые расспросы, однако, не давали результатов. На Кусинском заводе никто не занимался добычей самоцветов. Ни о старцах, ни о пещере они тоже не имели никаких сведений.

Как-то в жаркий тихий день, возвращаясь с рыбалки, на перекрестке дорог Михайлов встретил телегу. Уставшие лошади еле шли. На передке телеги сидел крестьянин лет сорока пяти. Михайлов попросил подвезти его до завода. Тот охотно согласился.

Крестьянин, по фамилии Ковригин, оказался весьма разговорчивым.

Когда Ковригин на минуту умолкал, Михайлов задавал ему вопросы, и его собеседник легко менял тему. Он пространно рассказывал о том далёком времени, когда на берегу речки Кусы бежавшие из России раскольники поставили два десятка хижин и начали обрабатывать землю.

– А вы откуда и по каким делам приехали к нам? – неожиданно, прервав рассказ, спросил Ковригин.

– Я в Кусу заехал по пути, – ответил Михайлов. – Меня интересует одно дело, – и Михайлов рассказал, что разыскивает на заводе людей, знающих месторождения самоцветов.

– Вот оно что, самоцветы! – протянул Ковригин. – Об этом знали только старцы из староверов, но они в большой тайне держали это дело. Был у нас тут один мужик, Антипов, вот тот знал.

От последних слов Ковригина Михайлова даже подбросило на телеге, хотя дорога была ровной.

– А где теперь живет Антипов? – спросил Михайлов.

– С Антиповым приключилась такая история... Можно сказать, что сгубила его жадность. Вдвоем с женой жили, а завели трех коров, почти что стадо овец, лошадей. Молока сам не пил и жене не давал, мяса оба ни-ни – вроде у них как бы вечно великий пост был. Двум своим многочисленным братьям Антипов не то чтобы помочь, он их и к дому не подпускал. С заводскими приказчиками Антипов водил тесную компанию – он им угощения ставил, а они ему подрядец на поставку материалов, на вырубку лесной делянки... Не забывал Антипов и хлебопашества. На правой стороне Кусы, где хорошая пахотная земля, он открыл себе порядочные участки. Работали у него бедные крестьяне с запрудной стороны и собственные работники.

Не проглядел Антипов и зеленого липняка – шестьдесят колодин, да около сорока рамочных ульев приспособил он за обжигательными печами на склоне Липовой горы...

Ковригин подробно рассказывал о большом хозяйстве Антипова. К семнадцатому году это хозяйство уже не походило на крестьянское, а больше – на предприятие мелкого заводчика.

– Антипов имел какие-то дела с заводским начальством, – продолжал Ковригин. – Он хотел ставить свою плотину ниже заводской, на горе – ветряк, но революция спутала все его планы. В голодные годы все знали, что он где-то прячет хлеб, но найти не могли. Присмиривший было кулак с двадцать четвертого года опять взялся за свои прежние дела, но его раскулачили и сослали. С тех пор и не слышно про него.

Лошади пылили уже по заводской односторонке, и Ковригину не приходилось их понукать.

– А началось у Антипова все это из-за того дела, которое когда-то мутило наших мужиков, – заключил Ковригин свой рассказ.

– Какое дело? – спросил Михайлов.

– Есть за Таганаями никому не известная копь самоцветов, про которую знал Антипов, и через эту самую копь нажил свое богатство, а потом мытарства.

Вечером Ковригин рассказал Михайлову предания о трех старцах.

Еще до постройки Кусинского завода, то есть во второй половине восемнадцатого века, дремучая тайга Южного Урала приютила в своих лесах много бежавших из Центральной России раскольников. Большинство из них селилось по берегам горных речек и постепенно обзаводилось хозяйством. Некоторые уходили в непроходимые лесные дебри и там «спасались». Где-то за Таганаями поселялись три кусинских старца, но никто не знал наверное, где именно.

Однажды кусинский охотник Хорек ушел в горы. Он решил перемахнуть Таганай и на противоположном его склоне разведать новые места для охоты.

Склоны Таганая оказались богатыми дичью, и Хорек, подстрелив пару птиц, изжарил их, плотно поел и завалился спать. Проснулся он на следующее утро, и ему страшно захотелось пить. Хорек плохо знал местность, и ему пришлось долго искать воду. Лето было жаркое, многие ручьи пересохли, а в низинах болотные лужи кишели водяными блохами. Местность на восток понижалась, и охотник решил идти по звериной тропе, которая должна была привести к речке.

В низине, где раньше протекала речка, оказались редкие лужицы, густо заселенные водяными блохами, и белый мелкий песок. Русло пересохшей речки было очень извилисто, один берег сильно изглодан водой. В некоторых местах белая порода берега превратилась в осыпи и обнажила глубокие сводчатые ниши. Хорек знал, что должна быть где-нибудь поблизости еще «парная» речка. Горные речки часто, встретив на пути массивы пород, делятся и, обогнув возвышенность с обеих сторон, сходятся в одно русло; иногда же они, разделившись, отходят одна от другой и уже не сливаются вместе.

Хорек забрался по осыпи на крутой берег и поднялся на невысокую скалу. За скалой местность круто уходила вниз и сквозь листву липняка виднелась голубоватая поверхность воды.

Хорек не ошибся – за деревьями была «парная» речка.

Солнце поднялось над лесом, но его лучи едва пробирались сквозь чашу береговых зарослей.

Измученный жаждой охотник, сминая кустарник, побежал к берегу. Но у самого обрыва к реке кустарник был настолько густ, что ему пришлось снять сумку с ружьем, остановить их в кустах и заняться поисками удобного спуска к воде.

Метров через двадцать тальник кончился, и река, сделав крутой поворот, вышла на большую поляну.

Хорек пересек поляну и, подойдя к берегу, прыгнул вниз. Но не успели его ноги коснуться песка, как раздался крик и перед ним вырос высокий бородатый старик. От ног старика к воде покатила тальниковая плетенка, из которой сыпались разноцветные гальки.

Хорек оробел, он хотел бежать, но было уже поздно. Старик протянул руку и схватил охотника за плечо.

– Откуда взялся?

– С берега прыгнул, напиться... – заикаясь, ответил Хорек.

Старик отпустил охотника и, отойдя, громко свистнул.

Из-за высокого белого камня, лежавшего посредине реки, вышел второй старик, такой же бородатый и страшный. Хорек осмотрелся. Он заметил откатившуюся к воде плетенку и синий небольшой мешочек на том месте, где стоял первый старик. Недалеко стояло измятое ведро с водой и валялась лопата с короткой рукоятью.

Видавший виды Хорек сразу определил, чем занимался старик.

«Самоцветы моют», – подумал он. А потом быстрая, как молния, мысль мелькнула у него в голове: «Старцы... бабюшки, да это они и есть». Кусинцы думали, что святые отцы просто не хотят, чтобы нарушали их покой, но теперь

оказалось другое. Отшельники нашли месторождение самоцветов – вот причина их отчуждения.

«Убьют...» – подумал Хорек.

– Ты откуда, сынок? – спросил старик.

– Я с Кусннского завода. А вы как живете, отцы? – в свою очередь спросил Хорек, стараясь не смотреть на плетенку с гальками.

– Трудимся в поте лица, – неохотно ответил старик, а потом, посмотрев на синий мешок, добавил: – На пригорке святой крест соорудили, так украсу к нему из камешков хотим сделать. А ты кто?

– Охотник.

– Где же у тебя ружье?

– Потерял, – соврал Хорек.

– Ох, лукав ты, сыне...

Старики перемигнулись... И вдруг сильный удар по голове затуманил сознание Хорька, он зашатался и упал в речку.

Около берега было мелко, и Хорек не мог утонуть. Вода освежила его, и он быстро пришел в себя.

Несколько минут охотник лежал без движения и сквозь полуоткрытые веки смотрел на стариков. Вода попала ему в уши, и поэтому он не слышал, о чем говорили старцы; но по их жестам можно было догадаться, что они о чем-то спорят.

Воспользовавшись этим, Хорек уперся ногами в песок. Старики перестали спорить. Один из них нагнулся и поднял тяжелый угловатый камень.

Медлить было нельзя. Хорек вскочил и кинулся в сторону. Старик взмахнул рукой, но камень пролетел мимо. Охотник, так неожиданно оказавшись на положении дичи, бросился бежать в лес так быстро, что старцы не могли его догнать. Он убежал от речки версты на четыре, затаился в густом малиннике и просидел в нем до вечера. Когда посинело небо и от опушки легли черные тени, Хорек вышел из малинника.

Хорек не был трусом; он осторожно обошел опушку, спустился обратно к реке и долго ползал по прибрежным кустам, пока, наконец, не нашел ружье и сумку.

И вдруг сильный удар по голове затуманил сознание Хорька.

Быстро темнело. От речки потянуло сыростью. Хорек раздвинул кусты и стал внимательно смотреть.

Стариков не было. Возле переката лежала опрокинутая плетенка.

Над водой поднялся легкий туман. Противоположный берег потемнел и, казалось, отступил дальше в лес. Контуры окружающих предметов стерлись, и только высокий белый камень ясно выделялся в вечернем полумраке.

Хорек старательно приметил место: изгиб реки, две большие осыпи, белый камень; вылез из кустарника и снова скрылся в лесу.

В Кусу Хорек пришел на следующий день к ночи. Голодный и усталый, он побежал к знакомым рассказать о своей необычайной встрече.

Через неделю пятеро охотников под предводительством Хорька отправились к Ильменским горам. Четыре дня бродили они по тайге, но не обнаружили никаких признаков человеческого жилья. На речке у белого камня только одни осыпи выдавали недавнее присутствие человека. По-прежнему журчала вода на перекате, а кусты и травы, примятые Хорьком, выпрямились. За белым камнем, у крутого поворота речки, начиналась непроходимая тайга. Заболоченная местность тянулась на много верст.

Охотники побывали в самых диких местах. В болоте они встретили тучи комаров, целые кладбища полусгнившего леса, но ни одной свежей порубки, никаких следов человека.

На пятый день, уставшие и злые, охотники вернулись в поселок.

После неудачной попытки разыскать старцев, как Хорек ни божился, ему не удалось организовать поиски вторично. О приключении Хорька постепенно забыли. Но вот на следующее лето в июле в лесу около Кусы поймали человека. Его подозревали в краже, но в берестяной трубочке у него нашли самоцветы. Пока разбирали дело, спорили да шумели, пойманный с самоцветами человек убежал.

Ряд других фактор: появление у хозяина завода крупных драгоценных камней, таинственные встречи его со старцами

– убедили, наконец, кусинцев в правдивости рассказанного Хорьком приключения.

Лет через восемь старцы перестали появляться на Кусе – может быть, они умерли или решили совсем не показываться людям. О трех старцах постепенно совсем забыли. Один только Антипов знал правду о копиях.

Михайлов теперь был уверен, что отшельники добыли рубины, – он узнал больше, чем рассчитывал.

К рассказу Ковригина он отнесся с доверием. Описание места, где произошла встреча Хорька с отшельниками, совпадало с планом Антипова.

Теперь Михайлову в Кусинском заводе нечего было больше делать, и он собрался уезжать.

Рано утром, еще на рассвете, Михайлов и Ковригин оставили за поворотом дороги завод. Михайлов торопил провожающего его Ковригина. Около полудня они проехали мимо титано-магнетитового рудника и свернули влево.

Покрытый туманом Таганай постепенно прояснялся, его голая вершина высоко поднималась над окружающей местностью.

Ночевали у самого подножия Таганая, у крутого подъема, где кончалась дорога.

Утром, попрощавшись с Ковригиным, Михайлов пошел со своей собакой-овчаркой Нероном к перевалу.

Глава III

В ЛЕСУ

*Антипов. – К Таганайскому перевалу. – Ловушка. – По восточному склону.
– Известняковые «замки». – Странное поведение собаки. – Лесной пожар.
– Спасательная скала. – Гроза.*

В оборванном, похудевшем бродяге кусинцы не сразу узнали Антипова. Появился он на заводе внезапно, вскоре после ухода Михайлова.

Бывший кулак очень изменился. От прежней его самоуверенности не осталось и следа. Целые дни он где-то бродил и только к ночи появлялся в поселке. Огородами он, как вор, пробирался к знакомым и шептался с ними – выпрашивал о метеорологе.

Старики были любителями поговорить и сочиняли про Михайлова разные небывлицы. Они ввали про большую экспедицию, которую будто бы снарядил Михайлов. Говорили, будто метеоролог имеет такие инструменты, которыми можно сразу отыскать любое месторождение самоцветов.

Когда заводская милиция узнала о возвращении Антипова, тот уже покинул завод.

Во время сильной грозы и ливня, темной июльской ночью он ушел вверх по Кусе.

* * *

Мы остановили Михайлова у подножья Таганайских гор, где с ним расстался Ковригин.

...Пройдя около полукилометра по сравнительно хорошей тропе, Михайлов вышел на небольшую полянку, покрытую высокой травой. Такие поляны довольно часто попадаются среди лесной чащи по склонам гор – они представляют собой высохшие болота с толстым слоем плодородного грунта на дне. На полянах в изобилии растет ма-

линник, но местные жители иногда его уничтожают и устраивают покосы.

Накошенное летом сено не вывозится до зимы. И только когда снеговой покров достигнет значительной мощности, сено увозят по тропам на особых санках, имеющие широкие, лыжные полозья.

Михайлов прошел поляну, но на другой ее стороне тропы уже не было. Кончилась последняя пешеходная дорога. Раньше Михайлов рассчитывал: пользуясь тропой подняться до Круглой сопки Большого Таганая и, обойти ее по границе распространения леса, перейти на восточный склон.

Теперь, встретив абсолютное бездорожье, он решил изменить маршрут.

Михайлову оставался один путь – по старой тропе спуститься вниз до первого ее разделения, свернуть на север и обойти Круглую сопку значительно ниже. В этом случае, при достижении перевала, Большой Таганай остается на юге и местность начнет подниматься к Среднему Таганаяю.

В обход до перевала было приблизительно около двадцати километров, и Михайлов мог рассчитывать дойти до него только к вечеру.

Спустившись от поляны по тропе, Михайлов заметил что-то похожее на дорогу, которая шла как раз в нужном для него направлении. При внимательном изучении, дорога оказалась руслом пересохшего ручья.

Не имея другого выбора, Михайлов свернул с тропы и углубился в чащу по руслу ручья. Не успел он пройти и пяти шагов, как окружающий его лес резко изменился. По обе стороны русла он поднимался хмурым неприветливым массивом. Кругом были тишина и полумрак. Часто бурелом перекрывал ручей. С образовавшейся естественной крыши спускались бледно-зеленные плети хмеля и лесных выюнов. Стройные стволы хвощей как будто нарочно были воткнуты в полусгнившую древесину. С берегов ручья протягивались лапчатые, невероятно широкие листья папоротников. Над руслом в густом переплете сомкнулись девственные южно-уральские джунгли.

Будь Михайлов новичком, он не решился бы продолжать путь по такому дикому лесу.

В сером полумраке не слышно было пения птиц, но птицы были; они иногда почти из-под ног стремительно шаркались в сторону и исчезали в буреломе. Где-то высоко, по освещенным солнцем вершинам лиственниц, перепархивал ветерок, и его шум едва доносился до слуха. В лесу было тихо.

Михайлова не пугала тишина, – наоборот, он был доволен: «дорога» пока шла в нужном направлении и не особенно виляла, берега ручья поднялись довольно высоко, образовав как бы коридор. Мелкий галечник был плотным. Под «крышей» можно было идти, не наклоняясь, что особенно было удобно Михайлову, нагруженному тяжелым мешком.

В некоторых местах ручей промыл себе настолько глубокую траншею, что берега поднимались выше человеческого роста. Откосы русла покрывал сплошной дерновый слой, разорванный только в некоторых местах. При внимательном осмотре оказалось, что дерно свободно свешивается с берега и доходит почти до низа откоса. Боковые породы и дно русла состоят частично из сланцев, но, главным образом, из известняков, полуразрушенных и потому подвергающихся размыву.

Во время таяния снега, а также после ливней, русло ручья наполняется водой. Благодаря большому уклону, поток, при сравнительной маловодности, обладает большой энергией, чем и объясняется наличие глубокой траншеи. Исследуя русло ручья, Михайлов обратил внимание на сильно размывшие стенки его, где известняк походил на источенный водой весенний лед.

Впереди, метрах в тридцати, ручей делился на два русла, одно из которых резко поворачивало на восток, второе шло по-прежнему в северном направлении.

Выбрав северный ручей, Михайлов скоро убедился в ненадежности дороги. По руслу пошли частые перепады, острые известковые камни поднимались на высоту до двух метров и костры бурелома преграждали путь. Несколько

попыток перебраться через бурелом заставили Михайлова вернуться обратно и пойти по ручью в восточном направлении.

После полукилометра сносной дороги ручей исчез, и его заменила извилистая звериная тропа.

Выигранное раньше на хорошей дороге время теперь Михайлов тратил, обходя поваленные бурей огромные деревья. Он попал в такую глушь, что, кажется, и звери избегали ее посещать.

Деревья боролись здесь за обладание светом – этим редким гостем густой тайги. Хилые, но высокие березы опирались своими слабыми стволами на ветви елей; рябины переплелись с липами, а жимолость и черемушник, казалось, росли от одного корня.

Тропа тянулась едва заметной цепочкой, часто теряясь в кучах валежника и густом мхе.

Михайлову надоело вилить из стороны в сторону, и он решил идти прямо, руководствуясь компасом и уклоном местности.

Тропа только создавала видимость некоторого облегчения пути; на самом же деле приходилось часто перелезать через кучи гнилого валежника и скользить по известняковым осыпям. Как и предполагал Михайлов, идти без тропы оказалось не трудней, даже наоборот, легче: теперь, имея свободу в выборе направления, можно было держаться известняковых обнажений.

Михайлов переходил от скалы к скале, карабкался по осыпям; но это было легче, чем перелезать через бурелом. Иногда ему попадались прикрытые растительностью ямы.

Михайлов прошел уже километров семь. Лес немного поредел и уступил место густым кустарниковым зарослям. Идти стало значительно легче, бурелом исчез, а кустарник можно было не обходить. Справа, в просветах между деревьями, иногда мелькал силуэт Круглой сопки.

Михайлов зашел в кустарник и вдруг почувствовал под ногами пустоту.

Михайлов полетел вниз

Он хотел отступить, но было уже поздно. Кусты, как от сильного ветра, низко наклонились, и Михайлов вместе с ними полетел вниз, в темное пространство. Кусты падали вслед за ним; они обрушили массу еле державшейся породы, и грохот обвала наполнил яму.

Несколько мгновений Михайлов летел по воздуху, потом ноги его стали скользить по чему-то сыпучему, падение несколько замедлилось. Михайлов, скользнув по склону осыпи, остановился, по пояс погруженный в рыхлый навал дерновника и мелкой щебенки. Посмотрев вверх, он увидел на высоте пяти-шести метров полоску света; она падала на белую известковую стену ямы. Михайлов понял, что попал в большую карстовую воронку.

Карстовые провалы имеют различные объемы и формы: от небольших конусообразных углублений и до огромных в несколько ярусов пещер. Часто провал земной поверхности образует воронку, стенки которой из вертикальных в верхней части сходятся на конус в нижней. Воронки бывают глухими, – когда в результате провала почвы перекрывается первоначальный подземный канал, и переходящими в пещеры, – когда этот канал остался не засыпанным обвалившейся породой. В последнем случае воронки почти никогда не выпускают попавшего в них зверя, да и человек из такой воронки выберется не всегда.

Михайлов был знаком с деятельностью подземных вод. Около Уфы он видел десятки провалов и знал, насколько опасно проваливаться в карстовую воронку.

Электрический фонарик был в мешке, и как только Михайлов сделал движение, чтобы сбросить мешок с плеч, щебенка посыпалась, производя звук, характерный при падении в пустоту.

«Ниже еще провал», – подумал Михайлов и почувствовал, как холодок пробежал по спине.

Нужно было зажечь спичку и насколько возможно осмотреться.

Однако желтоватого небольшого пламени спички оказалось недостаточно. Только в момент вспышки удалось рас-

смотреть вертикальную белую стену и осыпь, уходящую в темноту.

Стараясь не производить резких движений, Михайлов достал из кармана тужурки компас, завернутый в восковку. Из восковки он свернул жгут и зажег его. Бумага загорелась и сильно задымила, но света было достаточно, чтобы успеть осмотреться.

Предположение Михайлова о существовании провала оказалось верным. Осыпь, в которой он завяз, покрыла незначительную часть конуса воронки. Противоположная стена известняка метра на полтора ниже уступа, на котором лежала щебенка, обрывалась над темным отверстием, стен и дна которого не было видно. Над провалом лежало полусгнившее, покрытое мхом, дерево. Вершина его упиралась в известняковую стену, а корневище было засыпано щебенкой. Только благодаря этому дереву, Михайлов и задержался на выступе. Жгут догорел, и Михайлов опять остался в темноте.

Нужно было придумать, что предпринять сначала для того, чтобы более надежно основаться на выступе, а потом и выбраться из воронки.

Как бы достать свечу? О фонарике нечего было и думать – он лежал на самом дне мешка. Свеча же была в кармашке мешка, и если запрокинуться назад, то рукой можно было достать кармашек.

Достав, наконец, свечу, Михайлов зажег ее и укрепил справа от себя на выступе известняковой стены.

Свеча горела достаточно ярко, и Михайлов мог осмотреть внутренность воронки. На уровне уступа она имела диаметр около двух метров, причем кверху немного суживалась. Дерево, лежавшее поперек провала, было хорошо расклинено. Когда Михайлов стал вылезать из осыпи, он с ужасом обнаружил, что под ним никакого естественного уступа нет. Уступ был создан корневищем дерева. Ниже воронка не сужалась. Значит, он стоял на дереве, а дерево висело над провалом, глубиной, может быть, в несколько десятков метров.

Известны карстовые провалы до ста и больше метров, но Михайлову достаточно было провалиться еще на пять метров, чтобы потерять всякую надежду выбраться на дневную поверхность.

Ждать было нечего. Свеча могла еще прогореть не больше часа – и Михайлов начал сбрасывать с корневища щебенку. Камни лавиной падали в темный провал с сильным грохотом. Сбросив всю щебенку, Михайлов обнажил корневище. Оно опиралось на небольшую площадку и было сильно зажато.

«Теперь надежно, – подумал Михайлов. – До поверхности пять, а может быть, и шесть метров. По стенам выбраться нечего и думать – они отвесны. Остается одно: укрепить где-нибудь на поверхности конец веревки и по ней подняться». Веревка у него была, но как конец ее укрепить на поверхности? Это решилось бы просто, если бы наверху был человек. Но Михайлов был один, – если не считать Нерона, оставшегося наверху, – кругом на расстоянии тридцати километров нет даже селений.

При свете свечи Михайлову было плохо видно устье воронки, и он, чтобы лучше его рассмотреть, погасил свечку. Когда его глаза привыкли к темноте, он стал постепенно различать нависший над кромкой воронки кустарник, потом плети какого-то растения, мох и... Да, он не ошибся! Поперек устья лежал ствол толстого дерева. Этот ствол – последняя надежда попавшего в ловушку метеоролога!

Михайлов быстро зажег свечу, достал из мешка веревку и, привязав к концу ее камень, стал забрасывать его, стараясь перекинуть через ствол дерева.

Нерон теперь уже не лаял, он тихо скулил и, просунув голову между валежником, смотрел вниз.

Когда брошенный Михайловым камень ложился на кромку устья воронки, собака хватала его и, подержав немного, выпускала его изо рта. Камень падал обратно.

– Взять! – кричал Михайлов, и собака хватала камень.

– Пошел, пошел! – кричал метеоролог. – Нерон, пошел! Взять, не бросай камень. Да ползи же ты, бестолковая собака, к дереву. Ах ты!..

Камень летел обратно.

Собака, конечно, не была бестолковой, но догадаться, что камень нужно унести за ствол и бросить обратно в воронку, она не могла. Рассчитывать можно было только на случайность. А эта случайность едва ли представится.

Заплывший огарок свечи стал мигать, и светлый круг сузился.

Несколько повторных попыток заставить Нерона перенести камень через ствол также не привели ни к чему.

Выполняя противоречивые приказания хозяина, собака начала нервничать и брать камень с неохотой – она не понимала, чего от нее хотят. Михайлов ласковым голосом разговаривал с собакой. Та, наклонив в сторону голову, заглядывала в темный провал воронки и тихо визжала.

Когда огарок свечи погас, Нерон, не видя больше хозяина, громко залаял и, низко припав к земле, передними лапами стал разбрасывать валежник.

– Нерон, я здесь, не волнуйся! – воскликнул пленник воронки.

Потеряв всякую надежду заставить собаку отнести камень за дерево, Михайлов решил испробовать последнее средство. Оно состояло в следующем. Если бросить камень на противоположную кромку воронки, а потом заставить Нерона взять камень, то собака должна будет обойти воронку. Когда камень будет у Нерона в зубах, его надо будет послать на место, не разрешая бросать камень. На прежнее место собака возвратится, обойдя воронку либо со стороны, где лежало дерево, либо с противоположно стороны. В первом случае Михайлов был бы спасен; во втором – пришлось бы все повторять снова до тех пор, пока у собаки хватит терпения выполнять приказы хозяина.

– На место! – крикнул Михайлов и бросил камень, который удачно упал на кромку борта воронки. – Теперь взять!

Голова собаки скрылась. Сверху полетел мусор. Нерон обошел воронку и лег против камня.

– Взять!

Собака схватила камень и села.

– Держать, держать!.. – Михайлов легонько дергал веревку. Нерон упирался и не выпускал камня.

– Держи, Нерон, держи. А ну... на место!

Нерон выпустил камень.

– Взять! – опять раздалась команда. Собака гавкнула и схватила камень.

– Держать! Пошел на место!

Веревка натянулась, но...Нерон пошел не в ту сторону...

Собака села. Он потянул веревку, и Нерон пополз обратно.

– Так, так. Хорошо! – подбадривал Михайлов собаку.

Та ползла дальше. Вот уже веревка заскользила по коре дерева. Еще немного... но собака подползла слишком близко к краю обрыва, и сверху полетели камешки.

– Брось! Назад! – крикнул Михайлов.

Камень упал в воронку.

Первая неудача не смутила Михайлова. Подвергать собаку опасности он боялся. Правда, она ползла очень осторожно. Но кто может ручаться за крепость выветрившихся известняков?

Забросив камень во второй раз, Михайлов начал всю операцию сначала. Умная овчарка хорошо понимала опасность своего положения. Она взяла камень, отползла немного назад, так что над обрывом были видны только одни ее уши и, осторожно ощупывая передними лапами валежник, пошла в сторону дерева. Нужно направление она выбрала, конечно, совершенно случайно.

– Держать, держать! – отчетливо приказывал Михайлов, держа веревку в натянутом состоянии.

Нерон стал обходить дерево.

– Сидеть! – крикнул Михайлов. – Держать!

Нерон сел, не выпуская изо рта камень. Михайлов стал понемногу ослаблять веревку. Теперь она была перекинута через ствол дерева.

– Нерон, брось!.. Брось!.. – тихо сказал Михайлов. Собака, не понимая в чем дело, вытянула голову и стала смот-

реть вниз. Михайлов легонько подергал за веревку, но собака не разжимала челюсти. – Брось! Ты мне провалишь вес! Ну, Нероша, брось!

Новое осложнение: Нерон не выполняет приказ. Да и не удивительно. Он десятки раз брал камень, потом бросал его, снова брал – и, в конце концов, запутался.

Внезапно Михайлов вспомнил.

– Голос! – крикнул он собаке.

Услышав новую команду, Нерон разжал челюсти и залаял. Камень упал в воронку. Михайлов поймал его на лету. Послушная собака громко гавкала, а Михайлов привязывал к одному концу веревки мешок. Желая проверить надежность опоры, он потянул веревку. Вниз полетела лавина щебенки и валежника, но дерево не сдавало.

...Когда голова Михайлова показалась над краем воронки, Нерон схватил хозяина за плечо и потянул. Сильная собака очень кстати помогла Михайлову забраться на дерево, с которого он уже легко перескочил на почву подальше от края воронки.

Пока Михайлов доставал мешок и отвязывал веревку, Нерон вертелся около него, не зная, как выразить свою радость.

Придя в себя от перенесенных потрясений, Михайлов почувствовал сильный голод. Было четыре часа, а он не ел с восьми утра.

Отдохнув и подкрепившись едой, человек и собака пошли снова в северном направлении. Теперь идти было легко. Валежник уже не преграждал путь, а осыпи, покрытые мхом, не резали обувь.

Нерон бежал впереди. Движения собаки сковывала тяжелая сумка, укрепленная у нее на спине.

Михайлов торопился. В оставшиеся до наступления темноты часы нужно было дойти до перевала и успеть сделать приготовления к ночлегу.

Высокий силуэт Круглой сопки постепенно отступал назад. Впереди, из начинающей розоветь вечерней мглы, выступала громада Среднего Таганая. Вечер наступал быстро.

Оставшийся внизу лес посинел, и в его массе потонули очертания отдельных деревьев. Сахарные головы кварцита ярко выделялись на фоне покрытых мхом откосов. До перевала осталось не больше шести километров.

Иногда Михайлову приходилось проходить возле отвесных утесов с громоздившимися на их вершинах глыбами пород в несколько тонн весом. При взгляде на выветрившиеся вершины казалось, что эти глыбы находятся в неустойчивом равновесии и легко могут рухнуть вниз. На самом же деле, на них мог, не опасаясь произвести обвал, залезть человек.

В половине десятого показалась седловина перевала. Она представляла собой довольно широкий естественный проход между двумя складами.

Солнце уже коснулось вершин деревьев. Вечерняя мгла, которой были покрыты горы Южного Урала, позволяла смотреть на огромный красный диск. Было заметно на глаз, как он опускался в чашу леса. Внизу долина горела в пурпуре заката. По скалам медленно ползли тени, синеватые и мягко чередные.

Большой Таганай скрылся из вида, но на востоке можно было рассмотреть несколько меридионально направленных невысоких горных гряд. Их кварцевые вершины, как гребни волн, выделились среди вечернего полумрака.

На горизонте розовело пятно, похожее на легкое облачко. Так бы подумал неопытный наблюдатель, но Михайлов знал – это был хребет Ильменских гор.

Между ними и перевалом, где-то внизу, в долине, может быть, скрытые густыми зарослями, по перекатам, бежали два притока Миасса. Они хранили тайну красного самоцвета, и к ним стремился Михайлов.

Увлечшись осмотром местности, Михайлов не заметил, как скрылось солнце, и яркие блики на кладах потухли.

Пользуясь последними минутами уходящего вечера, Михайлов быстро пошел вперед, чтобы до наступления ночи достигнуть лесной зоны.

Когда перевал остался позади, сразу стало темней. Из долины поднимались токи нагретого за день воздуха.

Но вот, наконец, и опушка леса. В лесу стояла уже такая темнота, что нельзя было отличить колодины от камня. Михайлов стал спотыкаться, и вынужден был достать фонарик.

Тайга ночью очень своеобразна.

В лесу еще не наступила тишина. Миллионы летающих, бегающих, ползающих живых существ не умолкают сразу, погружаясь в сон. Засыпает на ветке птичка, убаюкивая себя тихим посвистыванием. Издаёт отрывистый писк, похожий на щелканье ножниц, полосатый зверек бурундук, скрываясь в норе. Где-нибудь на остывающем камне свернулась в кольцо медянка, стараясь сохранить живительное тепло. По гнилушке ползет огромный жук-стригун. Его хитиновые лапы издают тихие звуки.

Лесная жизнь постепенно замирает.

Между ветвями зажигаются первые звезды.

– До воды бы нам дойти, Нерон, – обращается к собаке Михайлов. – Ты мастер искать.

Ага, знакомое слово! Нерон сильно втягивает воздух, прижимает уши и бежит вперед, разыскивая воду. Скоро в тишине леса раздаются булькающие звуки.

– Нашел-таки! Сиди на месте, я сейчас подойду, – крикнул Михайлов и зажег фонарь. Он прошел шагов двадцать и увидел Нерона, с морды его капала вода.

Собрать валежник и развести огонь даже в темноте – дело нескольких минут, если под рукою имеется сухая береста для растопки.

– Ну, повесим чайник и займемся ужином, – сказал Михайлов, усаживаясь удобнее у костра.

Нерон уже сидел около мешка и обильно пускал слюни.

– Чтобы ночью ты не видел страшных снов, не следует перегружать желудок, – обратился Михайлов к собаке, бросив ей несколько сухарей и кусок сушеной конины.

Нерон в три минуты разгрыз сухари, проглотил мясо и, вильнув хвостом, убежал в кусты. Что такое попрошайничество – он не знал.

Нерон не был охотником, но чутье его было не хуже, чем у премированного пойнтера. Какое разнообразие запахов! Нерон нырял в кустах и нюхал воздух.

Вот потянуло чем-то приятным. Нерон вспомнил: этот запах издавала серая курица, на которую он наткнулся сегодня днем. Где теперь затаилась эта курица – не найти. Острые сучья колют бока, а влажные испарения мешают разыскать источник запаха.

А это что за запах? Это другое. Ноздри собаки начинает щекотать, и ей хочется чихнуть. Острый и неприятный запах раздражает слизистые оболочки. Нерон поворачивает назад голову. Между деревьями видно пламя костра и густой дым.

Побродив по лесу, Нерон вернулся к костру; но Михайлова там не было. Уши собаки поднялись, спина вытянулась, и она прыгнула в темноту, а через минуту послышался голос Михайлова.

– Вот дурной, да я с тобой в прятки играть и не собираюсь. Просто мне нужен мох для постели. Отстань!

Тихо шипели сырые сучья валежника, на углях вспыхивали звездочки, и серый налет пепла уже стал покрывать костер. Михайлов стал засыпать. Вдруг совсем рядом раздался звук стригущих ножниц, и на березовой гнилушке появился изящный полосатый зверек, похожий на белку.

– На месте! – шепнул Михайлов.

Поднявшийся было Нерон присел к земле. Любопытный зверек, нисколько не смущаясь светом костра и видом огромного черного пса, сидел на стволе и тер лапой мордочку.

– Пошел! – крикнул Михайлов и бросил в бурундука сучком.

Зверек скрылся. Нерон по инерции перемахнул березовую гнилушку.

– Ну, довольно, теперь спать. Лежи! – крикнул Михайлов на собаку.

Нерон покорно улегся. Минут десять он полежал, потом посмотрел на заснувшего хозяина, неслышно поднялся и ушел в темноту...

Через несколько минут он вернулся, и положил к самому лицу хозяина свою добычу – пойманную зверька.

– Вот спасибо! Зачем мне это дохлый бурундук? Нечего сказать – удружил, – сказал Михайлов, проснувшись рано утром, и, встав, бросил бурундука в кусты.

Для выбора направления при спуске в долину метеоролог залез на высокую скалу кварцита.

Только в утренние часы просторы Южного Урала доступны для наблюдений. Низкое солнце создает благоприятное освещение, а не поднявшиеся еще испарения не застилают мглой горизонт.

Это утро было очень удачным. Силуэты Таганаев были резко очерчены. Восточный их склон, освещенный солнцем, не скрывал даже такую мелкую деталь, как кустарник по берегам ручьев. Отчетливо были видны параллельные просеки, поросшие березняком, не прикрытые растительностью сланцевые и известняковые россыпи и поляны, желто-розовые от цветов.

В мало знакомой местности, при полном отсутствии не только геодезических знаков, но даже и каких-либо примет, трудно ориентироваться. Михайлов, опытный в блужданиях по тайге, составил себе маршрут. Он наметил несколько характерных пунктов. Хорошо заметные россыпи, отдельные высокие деревья и поляны будут служить опорными точками маршрута. Расстояние можно определить на глаз и по числу вырубков. Конечный пункт маршрута – ярко-зеленая кайма кустарников, обступивших берега реки. Еще с перевала Михайлов заметил перемену в характере растительности западного и восточного склонов. Раньше он поднимался по угрюмой тайге, окруженной полумраком и тишиной, а теперь все чаще и чаще попадались веселые лужайки. Эти лужайки были прекрасными островками среди, все же, мрачного лесного окружения.

Лужайки были покрыты высокой травой, среди которой синел аконит, мелькали золотисто-желтые шапки зверобоя, берега ручейков обрамляли купальницы и голубенькие глазки незабудок, розовые цветы сибирского лука были вплетены в ярко-зеленый ковер, а кольца царских кудрей еще издали привлекали внимание.

Поляны кишели множеством пчел, шмелей, сотнями бабочек и небольших птичек. Целый день здесь слышалось пение птиц, треск кузнечиков и жужжание шмелей.

Михайлов не мог не задержаться на несколько минут в этих благоухающих и цветущих лужайках. На каждой поляне его внимание привлекало что-нибудь новое и оригинальное. Вот кружится над цветами синяя «игла», – насекомое, похожее на стрекозу, только значительно меньше ее. Трепещет прозрачными крылышками над желтыми головками зверобоя, а малиновка пулей пронесится мимо нее и садится на ветку черемухи, охотясь за ней.

Вот на высоте полуметра от муравейника бойко бегают по разорванной сетке тонких нитей паук.

Паук не похож на домашних безобидных сереньких паучков – у него жирное тело и сильная с огромными челюстями голова. Глаза его выпуклые и блестящие, а длинные ноги, с крючками на концах, мохнаты. На его спинке светло-серый крест.

Паук чем-то взволнован. Он несколько раз пытается убежать, но почему-то возвращается обратно.

Присмотревшись внимательнее, Михайлов догадывается, в чем дело: искусный охотник теперь сам попал в плен. Его неумолимые враги – муравьи – отрезали ему все пути к отступлению. Где бы паук не пробовал спуститься на землю, везде его ждали сотни муравьев.

Должно быть, осада длилась давно. Муравьи терпеливы, а паук уже изголодался. Он пробовал раскачиваться, рассчитывая зацепиться за что-нибудь, но поблизости кусты были заняты предусмотрительными муравьями.

Наконец, упал в траву. Его немедленно облепили муравьи. Крестовик обрызгал ядом, рвал челюстями. Но муравьи наседали. Они разорвали нежную кожу на брюшке паука, выпустили ему кишки. Умертвив паука, они поволокли его к муравейнику. Надо только удивляться громадной силе и организованности этих маленьких созданий.

Незаметно солнце начало принимать красноватый оттенок. Михайлов обратил внимание на это явление, но не

придал ему значение. Нерон же усиленно нюхал воздух и часто чихал.

— Будь здоров! – смеялся над ним Михайлов. Однако он ощутил во рту горечь и заметил белый туман, наполнивший долину.

Дымом это быть не могло, так как при наличии его чувствуется запах гари. Скорей всего, это испарения, хотя влага обычно сгущается к вечеру, когда температура, понижаясь, конденсирует воду в капельки тумана. Белый, как молоко, туман шел по дну долины, а воздух стал наполняться мглой. Тусклый диск солнца едва был виден, и лучи его приобрели желтоватую окраску.

Нерон не бежал впереди, а шел рядом, низко опустив голову и поджав хвост.

Михайлов прошел мимо отвесных стен высокого «замка» и, выйдя на поляну, наконец, понял, откуда взялась мгла: по поляне медленно полз зеленовато-белый дым.

«Подземный лесной пожар! – решил Михайлов. – Горят торф и корни кустарников».

Но вот он услышал характерный треск. Сквозь дым еще можно было рассмотреть в чаще леса красные звездочки, они то вспыхивали, то гасли. Шел верховой пожар – самый страшный. Этот пожар еще называют повальным, и, действительно, там, где он пройдет, остаются только груды пепла да редкие обгорелые стволы лесных великанов.

Впереди был хвойный лес, и потому огонь приближался быстро. Треск усиливался, и только из-за дыма не видно было пламени.

Не теряя времени, Михайлову надо было спуститься ниже и липняком обойти район пожара.

Спуск по склону был крутым, и Михайлов, хватаясь за кустарники и ветви деревьев, стал скользить вниз. В липняке не было дыма. Михайлов остановился, чтобы передохнуть и выбрать направление. Нерон убежал вперед, но вернулся быстро, поджав хвост и непрерывно фыркая. Михайлов побежал не захваченным огнем липняком, но метров через полтора липняк выклинился, окруженный стеной горящего ельника.

– Назад! – крикнул Михайлов. Он знал, что вниз спускаться было бесполезно. Липы выросли на вырубке, а за ними – хвойный лес, теперь уже навверное охваченный пожаром.

Ну да, так и есть. Над вершинами лип виден дым – это в долине горит лес. Одно спасение – обратной дорогой бежать, пока хватит сил, до какой-нибудь речки и в воде переждать пожар.

– Нерон, Нерон!.. – кричал Михайлов, чтобы не потерять собаку, и бежал по откосу.

Тяжелая сумка и мешок очень стесняли движения Михайлова, но дым и треск горящих деревьев гнали его вперед. Михайлов несколько раз падал, запинаясь за скрытые в дыму пни. Но вот дым стал реже.

«Неужели прорвался?» – подумал Михайлов.

Да, нечего сказать – прорвался! Липняк кончился. Впереди был смолистый горный лес. Между соснами – горы сухого валежника. Стволы, ветви и кустарники объаты пламенем. Здесь верховой и подземный пожары соединились в один свистящий вихрь. Благодаря большой разности температур поднялся сильный ветер. Он уносил дым вверх, но подавал жаром, как из каменки.

Михайлов оказался внутри кольца, горящая периферия которого сужалась. Последним начнет гореть липняк, но в нем можно задохнуться от едкого густого дыма.

Стало нестерпимо жарко. Температура поднялась, навверное градусов до пятидесяти. Несчастлиная собака ползала у ствола березы, но кругом не осталось ни одного уголка, где бы температура была хоть на десять градусов ниже.

Увидев, как пламя налетело на белую голову известняка, Михайлов крикнул:

– Нерон, за мной! – и побежал обратно в липняк.

Повинуясь приказу хозяина, собака кинулась за ним.

Михайлов бежал к известняковому замку. Там, среди высоких скал и глубоких трещин, найдет он спасение. Полоса, не охваченная пожаром, была настолько узкой, что пламя с обеих сторон было уже видно.

«Только бы успеть», – подумал Михайлов. Если бросать сумку и мешок, то это значит остаться без пищи, и тогда надо немедленно возвращаться в Кусу.

Выбиваясь из сил, Михайлов старался взять последний подъем.

Спасительные скалы были уже близко. Михайлов подбежал к известняковой стене и стал искать места для подъема.

К «замку» со всех сторон подступал огонь. Михайлов уже почти не помнил, как ему удалось рассмотреть широкую трещину и по кустам малины взобраться вверх.

Но нужно было карабкаться еще выше, туда, где удалось бы спрятаться от дыма. «Замок» был достаточно обширным. Михайлов залез на самую его вершину и сбросил мешок и сумку. Только теперь, спасшись от опасности, Михайлов пришел в себя и вспомнил о Нероне.

Слушая вой пламени, он уловил собачий лай. Лай доносился из-под обрыва.

Тогда Михайлов подполз к самой кромке скалы и увидел внизу, у подножия стены, бегавшую по не затронутому еще пожаром участку собаку.

– Нерон! – что есть силы крикнул Михайлов. Собака заметила хозяина. Она стала кидаться на известняковую стену, но каждый раз падала обратно. Стена была высотой около пятнадцати метров.

Нерон оставил попытки взобраться к хозяину и, подняв высоко голову, жалобно завыл.

Михайлов вспомнил, как Нерон там, в лесу, полз с концом веревки в зубах по кромке воронки....

– Нерон, сейчас! – крикнул он и, рискуя упасть со скалы, бросился к месту, где лежал мешок. Спасение за спасение!

В известняковой стене было множество выступов, за один из них Михайлов привязал конец, веревки. Вниз полетела щебенка, мох, кусты малины, и Михайлов, скользнув по веревке, прыгнул к Нерону. Собака начала радостно лаять и бросаться на хозяина.

– Теперь не время. Дай лапы, – торопил Михайлов, продевая веревку под грудь собаки. Нерон словно понял замы-

сел Михайлова и сидел смирно, провожая взглядом своего спасителя, поднимавшегося по скале обратно.

– А ну, ко мне! – крикнул Михайлов, как только вылез на площадку.

Он протянул веревку, и Нерон прыгнул вверх. На отвесных участках откоса приходилось собаку тащить. Веревка до боли врезалась ей в тело, а языки пламени старались ее лизнуть.

Нерон не переставал визжать и только, втащенный на верх, в прохладной трещине у ног Михайлова немного успокоился.

У откоса собаку приходилось тащить.

Человек и собака затаились в трещине, прижав к выступу известняка. Не меньше двух часов «замок» выдерживал огненный штурм, и только спалив близко к нему расположенную растительность, пламя и дым отступили в долину.

Михайлов выглянул из трещины. Огненное море теперь разлилось по юго-восточному склону. Сочная растительность долины упорно сопротивлялась огню, на что указывал обильный дым. Его густые завесы поднимались высоко в небо и, встретив холодное течение, распространялись в горизонтальном направлении.

С вершины скалы Михайлов теперь видел район липняка, сильно пострадавший от пожара. Видел, как пожар, отступая на север, не прекращался, а скорее наоборот, – переходил в мощную огненную реку. Она медленно разливалась, поглощая вырубку за вырубкой и протекая в таежные заросли.

Солнце начало проясняться, хотя дым не рассеивался. В атмосфере творилось что-то странное. Наблюдательный крестьянин предсказал бы грозу; но Михайлов, забыв о высоких белых облачках, этих предвестниках перемены погоды, о грозе и не подумал.

И вдруг внезапно раздался сильный удар грома, и серую мглу прорезала стрела молнии.

Михайлов поразился, хотя в наступления грозы не было ничего странного. Ее начало ускорил лесной пожар. С охваченной пламенем обширной площади испарилось большое количество воды, которая вместе с частицами дыма поднялась теплым течением воздуха на большую высоту и там сконденсировалась.

Первые капли дождя были крупны и мутны. В пять минут сплошная пелена воды загасила пламя лесного пожара.

«Замок» покрылся туманом мельчайших брызг. Закопченный и покрытый головешками известняк побелел. Набросив брезентовый пиджак на мешок, Михайлов смотрел со скалы на долину. Около него сидел Нерон. Им некуда было спрятаться от дождя.

Внизу боролись две стихии: огонь и вода. Но вода побеждала. Тучи концентрировались над пожарищем. Дым постепенно заменялся паром. Пламя исчезло и потухли смолистые факелы. Михайлов вымок до последней нитки. От его одежды шел пар. Нагретые скалы курились.

Сделав свое дело, тучи ушли на юг. Сквозь их разорванные кромки брызнули яркие солнечные лучи. В долину спускаться было еще рано, и Михайлов, раздевшись, стал просушивать одежду.

Над пожарищем зарябил воздух, поднялись испарения и подул легкий, теплый ветерок.

Глава IV

ПЕЩЕРА «ТРЕХ СТАРЦЕВ»

По пожарищу. – Речки близнецы. – «Часы». – Одно слово стоит целого для поисков. – Исчезнувшая лиственница или ошибка. – Второе русло.

Михайлов с сожалением оставил приютившую его в страшный час скалу. Он шел пожарищем и изредка оглядывался туда, где высокий «замок» белел между обгорелыми стволами.

Какое опустошение произвел пожар!

Нужны десятки лет, чтобы черные площади, еще несколько часов назад покрытые прекрасным лесом, изменили свой унылый вид. Прежде чем поднимутся стройные стволы берез, зацветут черемуха и боярышник, покроют обгорелые пни кусты малины и зарозовеют шапки Иван-чая, – в корнях этих растений, в полусгнившем валежнике найдут себе приют и богатую пищу короеды, которые не только уничтожат остатки леса на пожарище, но и переберутся на здоровые участки.

Спускаясь в долину, Михайлов старался не смотреть на унылое пожарище, но острые сучки и черные стволы сами лезли на глаза. Цветущие, веселые лужайки исчезли, как мираж. Даже солнце, своими яркими лучами скрашивающее дикость тайги, придавало теперь какую-то зловещую окраску окружающим предметам.

Сапоги Михайлова и шерсть Нерона скоро покрылись серым налетом пепла. В воздухе еще пахло дымом и горькими испарениями болота.

До вечера Михайлов шел по обгорелому лесу. Восточной границей распространения пожара оказалась небольшая речка, только перейдя которую Михайлов облегченно вздохнул.

От речки шла широкая тропа вдоль кустов черемушника. Но прежде чем воспользоваться новой дорогой, Михай-

лов решил ориентироваться, так как основные пункты намеченного им со скалы маршрута уничтожил пожар.

При проверке компас показал значительное отклонение пройденного пути на север, и, таким образом, удобная тропа оказалась бесполезной. Чтобы не делать обхода, Михайлов решил идти в южном направлении по берегу речки. Широкая отмель вдоль правого берега тянулась, кажется, без перерывов и избавляла от утомительного лазания по колодинам. Оба берега речки были покрыты густой кустарниковой растительностью. Слева над самой водой склонялся тальник, а плакучие березы своими ветвями – почти касались зеркала воды. На отмели, между камнями, пробивалась редкая шелковистая травка, откосы правого берега поросли тальником, а выше тонкий слой почвы пронизывали корневища лиственниц и сосен.

Журчащие перекаты и тихие заводи привлекли внимание Михайлова. Нерон бросался в воду, поднимая каскады брызг. Он перебежал неглубокую речку, выгонял из кустов птиц, фыркал, разрывал мышинные вторы и снова бросался в воду.

Когда солнце зашло за Таганайские горы, в долине речки исчезли светлые блики, и Михайлов прибавил шагу. Он шел вдоль речки, не замечая перемены в характере окружающей ее растительности. Правый берег значительно понизился: теперь он был почти одинаковой высоты с левым. Малинник исчез, уступив место тальнику; выше поднялись плакучие березы, а полоса отмели стала суживаться и переходить в илистые намывы.

Дойдя до широкой заводи, где отмель исчезла, Михайлов остановился. Дальше дороги не было. «Придется подниматься и идти лесом». – подумал он.

Но подниматься было некуда: за кустами тальника берег не повышался, а скорей, даже наоборот, понижался. Окружающая речку местность едва ли имела большую отметку, чем уровень воды. В полукилometре был низкий сосновый лес; ровное поле между ним и речкой представляло собой камышовые заросли.

Михайлов сбросил с плеч мешок и сумку и, повесив на сучок березы, углубился в камыши.

Болото у речки было мелким, но дальше к лесу сухие кочки попадались все реже и реже, камыши сменились осокой, между кустами которой просвечивала вода.

Исследование берега не дало ничего нового. Михайлов стоял в раздумье, не зная, какое решение ему принять. Ровная поверхность болота, покрытая желтоватой осокой, редкие островки кустов тальника да одиноко стоящие березы не могли быть выбраны основным пунктом нового маршрута. Постояв на кочке, Михайлов вернулся к оставленным на берегу мешку и сумке, позвал собаку и решил пересечь болото, придерживаясь общего направления на юго-восток. Это решение было сделано безо всякого основания, но ведь необходимость и любого другого направления также не удалось бы доказать. Наступивший вечер заставлял поскорей выбраться из болота.

Болото, в которое попал Михайлов, не было похожим на те страшные болота, трясина которых засасывает. Это болото имело торфяной слой мощностью всего около метра, а ниже его был материковый, скалистый грунт. Несмотря на это, болото, однако, не имело даже мало-мальской тропки, и перепрыгивание с кочки на кочку было утомительней пути по тайге.

Пройдя болото, Михайлов ожидал встретить тайгу, но ее не оказалось. Невысокий сосновый лес был редким, кустов почти не было, только небольшие заросли малинника виднелись между деревьями. Под ногами шуршал мох и бледная сухая травка.

Отсутствие пышной растительности вблизи болота удивило Михайлова, и только обнажив слой почвы, он понял, в чем дело: под толстым слоем мха был плотный известняк.

Открытие обрадовало Михайлова. «Полоса известняковых отложений, – подумал он, – это, значит, где-то недалеко должны быть речки, отмеченные на схеме Антипова». Он не ошибся. Каменные обнажения стали часто попадаться на пути. Местность имела незначительный подъем на восток, и

чем дальше, тем лес становился все реже, отдельные деревья были низкорослыми и чахлыми.

«Пройти еще немного, перевалить на ту сторону склона, и в долине будет речка», – рассуждал Михайлов, чувствуя, что близится конец утомительного перехода.

Он поднялся до известняковых обнажений; за ними тропа шла вниз, но не к речке, а исчезала в кустах жимолости. За кустами высокой стеной поднималась тайга. Резкую перемену в растительности можно было объяснить только одним: известняки имели сброс, за границей которого была плодородная почва. С правой стороны тянулись гряды осыпей, и за ними невысокие скалы. Отроги известняковых холмов врезались в тайгу.

Пройдя около километра, Михайлов оказался в вершине треугольника известняковых обнажений. Справа и слева был лес. Впереди над деревьями виднелись вершины острых скал. Не меняя направления, Михайлов пошел лесом. Бурелом лежал высокими кострами, подлесок пробивался где только было можно. Почва была страшно неровной: она то крутым склоном шла вниз, то внезапно поднималась почти вертикально. Мысль отыскать речки, помеченные на плане Антипова, Михайлов не оставил, его не смущала тайга. Полоса известняка не исчезла, только изменилось напластование пород: из слабо наклонного оно перешло в вертикальное, а это не значило, что впереди не будет больших площадей обнажений. Михайлов не был геологом, но прочитанная им литература и многолетние скитания по лесу помогли разобраться в окружающем рельефе по незначительным признакам. Например, он уже знал, что внезапная смена растительности указывает на изменение грунта и даже материковых, подстилающих его пород. По едва заметному понижению местности и характеру расположения кустов он научился определять водоразделы и угадывать присутствие ручьев или речек.

Расстояние, пройденное им за эти два дня, и уровень долины говорил о местоположении где-то приблизительно участка Антипова. Заросли страшно затрудняли по-

иски, и Михайлов, поэтому, особенно внимательно следил за известняками, боясь их потерять. Тропу стали пересекать узкие канавки. Проследив одну из них, Михайлов убедился в наличии карстов.

О близости речки Михайлов догадался по крутому спуску. На протяжении каких-нибудь полсотни метров дикий угрюмый лес вначале сменился березняком, а затем перешел в рощу, где различные представители лиственных и хвойных пород спорили о каждом клочке земли. Трава была выше человеческого роста, а кусты достигали трех-четырёх метров. Русло речки образовало щель в двадцатиметровой стене леса. Михайлов раздвинул кусты и пролез в эту щель, но русло не было заполнено водой. Июньский зной высушил последние лужицы.

«Это не беда. Поблизости должна быть вторая речка», – решил Михайлов и спрыгнул на голубоватый песок намыва. Под тонким слоем песка оказался плотный, немного источенный водой, известняк. Михайлов прошел несколько метров по руслу и опять разрыл песок. Те же серовато-желтые кристаллы были и здесь. Кристаллическая порода дна не впитывала ни одной капли воды, и, тем не менее, речка пересохла. Судя по береговой растительности, можно было с уверенностью сказать, что она зачахла еще до весеннего разлива, то есть речка пересохла еще до наступления засушливого времени. Сделав такое заключение, Михайлов не придал ему значения – он искал месторождение самоцветов, и поэтому ему было безразлично, пересохла речка в мае или в июне.

На схеме Антипова были показаны две речки, одну из которых Михайлов нашел. Теперь осталось разыскать вторую, а потом найти месторождение самоцветов.

«Если только я встречу поблизости парную речку, значит, это район, показанный на схеме», – решил Михайлов и пошел по руслу.

Лишенное воды, оно странно выглядело в окружении высоких деревьев, кустов и травы, походя скорей не на дно речки, а на аллею старого парка.

После резкого поворота вправо русло упиралось в чашу бурелома, заваленного обломками скал. Внизу, под стволом лиственницы, чернел невысокий проход, в котором не замедлил скрыться Нерон.

Михайлов посмотрел на крутой откос довольно высокого холма и решил, что проследивать направление русла в буреломе не стоит. Лучше вернуться и пройти в другую сторону. Опытный взор метеоролога заметил слабое понижение русла, то есть он направился вниз «по течению». Путь по плотным намывам и безукоризненно ровной каменной поверхности не мог быть сравнен даже с хорошей широкой тропой. Радуясь прекрасному «шоссе», Михайлов даже не заметил, как расступились стены леса и впереди показалась вода.

Бесполезно было бы пытаться описать состояние Михайлова. Целая зима подготовки, расспросы на Кусинском заводе, лесной пожар и, наконец, тяжелый путь по лесу – все это не пропало даром. Схема Антипова и рассказ Ковригина не оказались вымыслом. Теперь Михайлов был у цели. Вот она, парная речка. Неторопливо течет вода в известняковых берегах, журчат перекиды и отражают облака тихие заводи. Конечно, еще хорошо бы найти самое месторождение, но это уже не так трудно. Во всяком случае, во много раз легче, чем отыскать где-то за Таганайскими горами речку Каменку. Несколько примет Антипова и, главным образом, белый камень значительно облегчат дальнейшие поиски.

Он достал схему Антипова и посмотрел на расположение речки. Восточная речка, на берегу которой стоял Михайлов, была Каменка, и значит, та, пересохшая, была безымянная, или, верней, название ее Михайлов не расшифровал. На севере обе речки соединялись, и место их слияния было отмечено крестиком.

«Месторождение выше по течению, и, следовательно, надо идти на север до деления речки на два русла, одно из которых, наверное, и есть западное, пересохшее», – рассуждал Михайлов.

Он не замечал наступающей темноты и не думал о ночлеге. Мысль, что месторождение может быть где-то близко, не давало ему покоя.

...Вот сейчас за поворотом речки покажется белый камень, о котором рассказывал кусинский охотник Хорек. Михайлов пошел по берегу речки.

В полумраке позднего вечера силуэты некоторых предметов походили на белый камень.

Вон у правого берега поднялась тупым клином скала – Михайлов всматривается. Наступающая ночь и фантазия помогают ему дорисовать белый камень.

Он бежит вперед, но камень исчезает, верней, превращается в ствол березы. Михайлов смеется над своей галлюцинацией.

На поверхности реки уже задрожало отражение звезд. Кусты и деревья слились в черную массу. Замолкли птицы, а наступления ночи Михайлов все еще не замечал. Когда берег, по которому он шел, уперся в подножье скалистого холма, сухая песчаная отмель кончилась. Михайлов остановился и с удивлением стал осматриваться. Кругом темно, даже узкая полоска зари потухла, слышен шум переката и нет собаки.

Только теперь Михайлов почувствовал тяжесть ноши и обнаружил отсутствие Нерона. Он вспомнил, что пес скрылся в нише под стволом лиственницы и обратно не выбежал.

«Что-нибудь ищет», – подумал Михайлов и, достав фонарик, стал выбирать место для ночлега.

Недалеко от берега в известняковых скалах он скоро обнаружил нишу с прекрасной постелью из мха. Ниша была достаточно вместительной и могла укрыть от дождя. Через пять минут на перекат упала красная полоска света, забегали по поверхности воды блестящие звездочки и над речкой поднялся столб дыма.

Долгое отсутствие Нерона не так беспокоило, как удивляло Михайлова. Он хорошо знал свою собаку, ни один ее даже замысловатый фокус не составлял для него тайны. Он

был теперь уверен: внимание Нерона привлекло что-то особенное и настолько важное, что он забыл даже про ужин.

Михайлов почти кончил закусывать, когда эхо громкого лая пронеслось по речке. В ответ на сигнал собаки раздался резкий свист хозяина. В следующий момент в ночной тишине до Михайлова доносились то хруст веток, то плеск воды. Нерон не рассчитал скорости своего бега и, внезапно попав в полосу света костра, по инерции пробежал дальше.

– Ну и бешеный же ты, Нерон, – сказал Михайлов, когда забрызганная грязью собака выбежала из кустов. – Получай свою порцию!

Михайлов собрался спать. Он улегся на моховой постели и стал было уже дремать, как слух его поразили особые, странные звуки, повторяющиеся через определенные и одинаковые интервалы времени.

«Что за ерунда», – подумал Михайлов. Он достал часы. Короткий глухой звук точно отсчитывал минуты.

«В чем дело, надо узнать» – подумал Михайлов и поднялся. Он бросил на покрытые пеплом угли охапку сухого черемушника и, присев около костра, закурил.

Местонахождение странных «часов» даже приблизительно было трудно установить. Удары были слабыми. Михайлов отошел к реке и прислушался. Сначала ему показалось, что удары доносятся с правой стороны, и он пошел вниз по течению, но удары стали совершенно не слышны. Пришлось вернуться обратно и идти вверх по течению. Новое направление оказалось правильным: удары стали громче и отчетливей. Как на охоте за токующим глухарем, шаг за шагом, осторожно, не зажигая фонаря, шел Михайлов по отдели. Скоро звуки привели его к кусту шиповника. Михайлов обошел куст и оказался перед стволом упавшей березы. Звуки теперь стали настолько отчетливыми, что Михайлов без труда определил местоположение их источника. Дальше идти было очень неудобно, но он не зажигал фонаря, боясь, чтобы не остановились «часы». Еще несколько шагов, и Михайлов решил быстро раздвинуть кусты и зажечь фонарь. За кустом не было ничего, способного при-

влечь внимание: крутой поворот берега омывала спокойная заводь. Редкие перья осоки, сонные листочки молодого тальника – вот и все, что увидел Михайлов.

Он погасил фонарь и дальше пошел ощупью. Перед Михайловым оказался большой, покрытый мхом камень. Михайлов полез через этот камень и почувствовал неустойчивость. Обычно глыбы разрушенных пород даже на кромках обрывов занимают устойчивое положение, только в редких случаях удается обнаружить их неустойчивость. Михайлов уже почти залез на камень и хотел бы осветить темное пространство за ним, но раздумал и, спустившись обратно, стал внимательно осматривать береговую осыпь. Звуки теперь доносились откуда-то из-за кустов и были настолько ясно слышны, что, казалось, обнаружить их источник не стоило труда.

Глухой, короткий стук сопровождался каким-то скрипом, похожим на скрип ржавой пружины, или, скорей всего, бульканье быстро выливаемой из бутылки воды

Все происходящее казалось Михайлову странным и, в то же время, смешным. Он не раз слышал сильный треск в горах, когда дневной зной сменялся вечерней свежестью и разогретые камни давали трещины. Он знал тихий стон узких ущелий, медленно остывающих ночью. Он мог бы перечислить десятки замечательных примеров – курьезов природы, но теперь он не понимал ничего.

Прислушиваясь к звукам, Михайлов заметил на камне ровную, тонкую полосу коричневого цвета. Вода, где уровень ее постоянен, часто на скалистых берегах делает такие отметки. В этом, конечно, не было ничего особенного, если бы под первой полоской Михайлов не обнаружил вторую. Он направил свет фонаря на поверхность небольшого залива у камня. В это время раздался знакомый звук и уровень воды в заливчике опустился до нижней черты. Что будет дальше, Михайлов уже догадался. Уровень воды у камня стал вновь постепенно подниматься, и как только он достиг верхней черты, секундная стрелка его часов обошла круг. Ребус был разгадан наполовину. Естественные часы своим

точным «ходом» были обязаны обширной тихой заводи. В заливчике у камня уровень воды постепенно повышался до известной высоты, а потом быстро падал. Где-то был сток.

Забыв сон, Михайлов начал раскидывать валежник и приминать кусты в надежде обнаружить сток воды и узнать, что производит звук. Михайлов долго возился возле камня, прежде чем ему удалось заметить неплотность между стеной скалы и камнем. Щель была шириной в два пальца; в нее и устремлялась вода, достигнув верхней черты. Причем, огромный камень, должно быть, под влиянием напора воды немного поворачивался около своей вертикальной оси и, после того, как вода спадала, вставал в прежнее положение, производя звук. Желая проверить свое наблюдение, Михайлов взял толстый сучок и, как только камень повернулся, просунул его в щель. Камень не отошел обратно, и, как и следовало ожидать, звука не получилось.

– Испортил часы, – сказал Михайлов и выдернул сук. Он несколько минут наблюдал за водяными часами, стараясь подметить малейшую неточность в работе простого механизма. Его не интересовала щель между стеной и камнем, хотя именно в эти минуты он был у заветной цели своего похода.

Выяснив происхождение заинтересовавших его звуков, Михайлов отошел от камня к костру. На тлеющие головешки он бросил смолистое корневище и, улегшись вновь на мох, быстро заснул.

В эти последние часы ночи, когда звезды кажутся особенно яркими, когда с гор спускается приятная прохлада, в тайге все живое спит. Даже хищники спешат закончить свою охоту.

Перед пробуждением сон особенно крепок. Растения, и те наслаждаются отдыхом под покровом темной ночи.

Когда на востоке обозначится зубчатая линия горизонта, мрак ночи отхлынет к западу. Но утро еще не наступило. Румянец зари еще не позолотил востока.

Кто сумеет стряхнуть с себя сон и отойти от костра во мрак ночи, тот увидит пробуждение тайги и никогда этого

не забудет. Он увидит тончайший переход от черного цвета к синему, когда на востоке начнется борьба дня и ночи. Он услышит крики еще полусонных птиц. Молочный туман обозначится в долинах, выступает контуры лесов.

Первые лучи солнца потушат звезды, залиют небо пурпурным цветом и рассыплются по земле миллионами радужных бликов. Раньше всех пробуждаются птицы. Утренняя перекличка пернатых обитателей леса начнется с отдельных, несмелых голосов и постепенно перейдет в нестройный хор.

Нерона разбудила птичка. Она села на сучок почти перед самым его носом и пискнула. Нерон вскинул голову и щелкнул челюстями, а потом уже проснулся. Птичка перелетела на ветку боярышника.

Нерон чихнул, потом встал, подошел к костру, потрогал лапой холодные угли и пошел к речке напиться.

Когда заблестела на листьях роса и рассеялся туман, проснулся Михайлов.

Михайлов не собирался проводить время в безделье, он внимательно посмотрел свои материалы – записки и схемы участка – и составил план поисков. В первую очередь он решил осмотреть речку вниз по течению, а потом уже ее окрестности и западный скалистый берег.

Целый день Михайлов провел в поисках участка, и только к вечеру вернулся обратно.

Михайлов сделал разведку, которой позавидовал бы геолог. Вниз по реке он спустился на шесть километров, осматривая чуть ли не каждый кустик и углубление в скалистом берегу. Когда началось болото, дальше идти было бесполезно: тучи комаров и гнуса по праву считались единственными обитателями долины. На обратном пути Михайлов хотел пройти высохшим руслом, куда его усиленно тянул Нерон, но солнце уже садилось, и он ограничился осмотром известнякового холма и скал, в трещинах которых также не нашел ничего похожего на жилище трех старцев или Антипова. Подробно познакомившись с местностью, Михайлов поразился дикости окружавшей его тайги. По

звериным тропам даже нога охотника-промысловика ступала не везде. Некоторые тропы были узки и покрыты мягким бархатным мхом. Непроходимые заросли окружали речку с обеих сторон, а на редких полянах трава высотой в рост человека глушила не только цветы, но и малину. Ни пней, ни следов пыли, ни полусгнивших поленниц или хотя бы следов порубки – только лес, могучий, высокий; горы валежника и частокол сухостоя.

Если даже предположить, что жилище старцев бесследно уничтожила тайга, то ведь еще сравнительно недавно где-то поблизости жил Антипов. Он, конечно, имел шалаш, рубил для костра лес...

Михайлов себя следопытом не считал, но Нерон по части сыска был опытен.

Исследование верхнего течения реки Михайлов отложил до следующего дня. Повесив над костром котелок, он достал схему Антипова и стал ее изучать.

Все ли в этой bestолковой схеме им было расшифровано? Да, все, кроме названия второй речки. Но это название не должно иметь отношения к поискам. «Однако, чтобы уничтожить малейшую неясность, попробую», – сказал себе Михайлов и стал подбирать буквы в дополнение к оставшимся. От названия остались буквы: *«ро...ащ...я»*.

Слово не начиналось с «р», но начальную букву подобрать трудно.

– Между *«щ»* и *«я»* должна быть какая-нибудь гласная буква, – рассуждал в слух Михайлов. – Пусть это будет *«е»*. Получаем: рощея. Дальше – между *«о»* и *«а»* должна быть согласная, но какая?

Михайлов перебрал все гласные буквы.

Несмотря на то, что в слове не хватало одной или двух букв, смысла все же не получалось.

Нужно попробовать подобрать к некоторым из полученных слов начальную букву. Предположим, что в начале слова не хватает только одной буквы. Из тридцати двух букв алфавита определенно бесполезно подставлять: *«й»*, *«р»*, *«з»*, *«ы»*, *«ь»* и едва ли могут быть буквы: *«ч»*, *«ц»*, *«ч»*,

«ш», «щ», «э», «я». Итак, остается двадцать букв, одна из которых, представленная в начале пятнадцати не имеющих смысла слов, раскроет название речки.

Пятнадцать подставок из двадцати букв – это триста вариантов.

Михайлов выбрал из оставшихся согласных букв несколько хорошо сочетающихся с «р». Этими буквами были: «б», «г», «п», «с», и «т».

Подставленная в первое слово буква «б» давала что-то не совсем бессмысленное.

– Бробащя... бробащя... – повторял Михайлов, стараясь уловить в этом зашифрованном слове какое-нибудь знакомое название.

– Так, так... А ну-ка, поставим вместо «б» букву близкую по произношению – «п». Пробащя – это уже лучше.

Михайлов написал слово: «пропащя», и... название речки было расшифровано. Предпоследняя буква «е» должна быть заменена на «а».

Михайлов посмотрел на схему Антипова, на исписанный вдоль и поперек лист и вскочил.

– Бестолковый! – воскликнул он. – Да ведь одно это слово стоит целого дня поисков! Что может быть проще? Антипов поставил крестик не на Каменке. Название второй речки говорит о том, что в некоторых местах она пропадает: пропадающая, то есть текущая под землей. Как об этом раньше я не подумал!

Михайлов так волновался, что забыл про котелок, содержимое которого бурлило и выплескивалось на костер.

– А пещера «Трех старцев»? – продолжал Михайлов. – Теперь все увязывается самым лучшим образом. Месторождение самоцветов в пещере или близко от нее. Пропащая где-нибудь скрывается в землю – в пещеру «Трех старцев». Лиственница и белый камень – немаловажные детали, иначе бы их не отметил Антипов.

Михайлов очень сожалел, что наступала ночь, и он не мог с известняковой скалы осмотреть местность. Ночью Михайлов несколько раз просыпался и, не веря часам, смот-

рел на восток, надеясь над деревьями заметить полоску зари.

Первые лучи солнца осветили угасший костер да пустую нишу. Ни собаки, ни человека не было.

Михайлов отправился на поиски лиственницы. Он долго бродил в зарослях, но его преследовала неудача – лиственницы не было. Встречались повсюду березняк, ельник, черемушник, рябинник и снова березняк – причем все это было обвито диким хмелем и покрыто лишайником.

Михайлов, расцарапав в кровь руки и лицо, наконец, не выдержал и решительно повернул в сторону «палатки». Чтобы сократить путь, Михайлов пошел напрямик к известняковому холму. В густых зарослях вилась едва заметная тропинка. Пробираясь по ней, обходя костры валежника и пролезая в узкие проходы между переплетенной хмелем чащей, Михайлов заметил странного вида узловатые лапчатые ветви, покрытые ярко-зеленым лишайником. Ветви были толсты и кряжисты – они принадлежали, должно быть, лесному великану, поваленному бурей. Раздвинув кусты шиповника, Михайлов увидел заваленный хвоей и листьями ствол дерева. По его огромной толщине и сохранившейся кое-где коре в нем нетрудно было узнать лиственницу.

Сколько было потрачено энергии и времени на поиски, а упавшее дерево оказалось в нескольких десятках метров от «палатки»!

«Десять сажен на север», – вспомнил Михайлов пояснение в схеме Антипова.

Высокий пенек лиственницы найти уже не составляло труда. От него Михайлов шагами отмерил десять сажен и вышел на берег Каменки. Место ему было хорошо знакомо: впереди заводь, под ногами небольшой заливчик и камень... «Нечего сказать, открыл Америку», – с раздражением подумал Михайлов.

«Хотя, впрочем!..» – блеснула у него мысль, и он бросился к камню.

Будь в лесу охотник, он с удивлением посмотрел бы на человека, сдирающего траву и мох с большого, яйцевидной формы камня. Когда зеленый растительный ковер был снят,

перед Михайловым оказалась обточенная водой белая известняковая глыба.

Метеоролог ругал себя за несообразительность и бегал около камня.

– Я где-то у пещеры «Трех старцев» – кричал он. – А-а, все понятно. Антипов на плане изобразил рычаг!

Со стороны залива, внизу, между стеной берега и камнем, находилось отверстие. Прикрытое мхом и валежником, оно раньше совсем было незаметным. Из отверстия тянуло холодком и пахло плесенью.

Для рычага Михайлов выбрал березу с тонким длинным стволом, но достаточно упругую. Трудно было поверить, чтобы усилием одного человека огромный белый камень был сдвинут.

«Не повернуть», – думал Михайлов, заводя нижнюю часть ствола березы в щель. Камень теперь уже не отклонялся под напором воды, и она, лишенная стока, поднимала уровень.

Михайлов стал постепенно отводить ствол березы. Камень медленно поворачивался, но чувствовалось большое сопротивление воды. Береза гнулась; с одной стороны ее ствола лопнула кора; где-то, кажется, под камнем, скрипел песок. Михайлов напрягал последние усилия. Ему не видно было, как вода, поднявшись до верхней черты, хлынула в щель. Камень быстро повернулся, и Михайлов вместе с рычагом полетел в заводь.

На шум прибежал Нерон. Случайно принятая Михайловым ванна избавила его, по меньшей мере, от нервного потрясения, так как, выйдя на берег, он увидел за повернутым им камнем темное отверстие. Нужно ли говорить, что перед ним был вход в пещеру «Трех старцев».

По новому руслу устремилась вода, она шумела в камнях, и приглушенное эхо доносилось из глубины пещеры.

Осмотрев вход, Михайлов осторожно стал спускаться в отверстие, но его опередил Нерон. Собака легко перескочила водопад и побежала вперед.

«Странно, – подумал Михайлов: – Нерон так смело идет только по знакомой дороге».

Глава V

ПЕЩЕРНЫЙ ЖИТЕЛЬ

По берегу подземного ручья. – Поиски рубинов. – Выработка, пройденная к контакту. – Михайлов превращается в забойщика. – Промывка породы. –

Гроза.

Вход в пещеру был высотой около метра и шириной не больше полутора. Повернутый Михайловым камень, в новом положении, почти не загораживал входа. В расстоянии трех-пяти метров от входа почва заметно понижалась, благодаря чему высота коридора увеличивалась. Карстовые известняки изобилуют массой трещин, провалов и прикрытых тонкой коркой пустот.

Хорошо зная это, Михайлов шел осторожно, освещая стены и кровлю фонариком. Слева журчал ручей. Стены казались сложенными из плитняка, а с потолка свешивались заклинившиеся камни.

Чем дальше, тем коридор становился обширней, высота его достигла уже двух с лишним метров. Порода почти утратила трещиноватость и приобрела красивый светлосерый цвет. Судя по откосу холма у правого берега Каменки, мощность пород в кровле была не более двадцати метров, и на эту глубину по незаметным трещинам должна была с поверхности проникать вода. Деятельность воды, как и предполагал Михайлов, скоро себя показала – свет его фонаря упал на кучу щебенки. Подойдя ближе, Михайлов оказался перед горной «мельницей». Этим, довольно удачным, термином горняки называют вывал, с кровли которого происходит обрушение пород. «Мельница» прекращает свою работу только в том случае, когда свободное пространство под кровлей все будет завалено обрушенной породой или когда потолок примет куполообразную форму, способную выдержать давление вышележащих слоев.

Перед Михайловым была старая «мельница», уже давно прекратившая свою работу. В кровле ее висели заклини-

шие друг друга камни. Теперь опасаться обрушения было нечего, и Михайлов, перебравшись через кучу известняка пошел дальше. Каменная плотина не преградила путь ручью: прорыв под кучей ход, он бежал дальше в глубь подземелья. Коридор опять сузился, и Михайлов уже хотел развенчать легенду о пещере «Трех старцев», как вышел в обширный зал, потолок которого ушел вверх, стены расступились, и пол выровнялся почти в плоскость.

Второй зал Михайлов прошел, не обратив на него внимания, и только шум воды остановил его. Ручей исчезал в провале, образуя водопад.

Глубину провала Михайлову установить не удалось. Свет фонаря не проникал сквозь брызги воды, а звук от падения брошенного камня поглощал шум водопада. За провалом коридор расширялся, образуя в кровле и стенах уступы, а затем настолько суживался, что Михайлов в нерешительности остановился.

Идти дальше, пожалуй, было опасно. Известняки – не гранит, и полагаться на их крепость не приходится. Внизу проход был завален крупной щебенкой, а сверху переходил в щель.

Из затруднения Михайлова вывел Нерон. Не смущаясь темнотой подземелья, он вышел вперед и скрылся в узком проходе.

«Похоже на то, что Нерон здесь уже побывал», – подумал Михайлов и, следуя примеру собаки, пошел дальше. Когда навал щебенки поднялся выше, а щель еще больше сузилась, Михайлов был вынужден опуститься на колени и дальше уже пробираться ползком. Впереди показалась голубая полоска света и донесся шум ветра.

Второй выход из пещеры был завален камнями и упавшими деревьями.

Выйдя на поверхность, Михайлов понял, почему Нерон вел себя так уверенно. Собака уже побывала в пещере, когда он искал Каменку. Русло Пропащей врезалось в тайгу, выход из пещеры перегораживал ствол дерева, под которым проскользнул Нерон. Русло по-прежнему было сухое.

Михайлов задумался.

Пропащая не выходила на поверхность, ручей исчезал в провале. Однако русло речки кончалось у выхода из пещеры и могло быть наполнено водой, вышедшей только из нее, а значит – бывают моменты, когда не вся вода ручья стекает в провал. В эти моменты узкую щель выхода заливают водой, и им пользоваться уже нельзя.

Сделав такое открытие, Михайлов догадался о его важности, хотя и не знал, какую оно роль может сыграть в будущем.

Михайлов осмотрел выход, спустился вниз и пошел по руслу.

«Пещера пройдена, – думал Михайлов, – но по каким признакам найти месторождение рубинов; следует ли его искать в пещере?»

Прямых указаний на это в схеме Антипова не было. Там пещера была помечена только как основной пункт. Может быть, она служила лишь убежищем? Если месторождение рубинов коренное, – значит его надо искать в пещере; если же оно рассыпное, – то в песках Каменки.

Михайлов вспомнил, что самоцветы образуются в приконтактной зоне. Следует и здесь найти контакт.

Со скалы было видно несколько обнажений пород. Светло-серые известняки на левом берегу Каменки местами сменялись более темными породами, должно быть другого происхождения. Осмотр на месте показал присутствие гранитов. Таким образом, наличие гранита говорило за коренное месторождение. Падение гранитов было западным, и они пересекали карстовые пустоты на глубине около тридцати метров.

Вести разработку Михайлов, конечно, не мог: у него был только геологический молоток, а твердые породы требовали взрывания. Подземный коридор, по которому прошел Михайлов, отстоял далеко от контакта, и в его стенах встретиться рубины не могли. Но пещера могла иметь несколько горизонтов, один из которых должен пересечь зону контакта или, в крайнем случае, подойти к ней на близкое расстоя-

ние. На присутствие пустот ниже горизонта ручья указывал провал, – он не был «слепым», так как за большой сравнительно промежуток времени, пока Михайлов находился в пещере, вода не могла его наполнить.

Судить о размерах пещеры «Трех старцев» пока еще было нельзя, и Михайлов решил, не теряя времени, приняться за ее осмотр. Он вернулся во второй зал, где был водопад, чтобы использовать провал для спуска на нижние горизонты. Через провал можно было спуститься, если отвести воду или перед самым ее падением, или при входе в пещеру. Последнее сделать было легче: стоило только с помощью жерди отвести камень в первоначальное положение и этим совершенно осушить русло Пропащей. Если же перегородить поток у провала, то есть обрушить с кровли породу, то может, во-первых, получиться горная мельница, а во-вторых, даже и при удачном обрушении, нельзя ручаться за плотность щебенки, промыв которую, вода устремится на исследователя. Подумав, Михайлов решил загородить ход в пещеру. Только случайность не дала ему возможности выполнить это рискованное решение. В правой стене первого вала он заметил нишу, темным пятном обозначившуюся в известняке. Судя по расположению ниши, она должна была совпадать с направлением трещин. Но осмотр пещеры показал обратное – просторный коридор яйцевидного сечения шел вначале горизонтально, а затем спускался вниз.

Этим открытием Михайлов был доволен: он только теперь понял, чем для него мог кончиться спуск в провал с разрушенными стенками.

Забраться в нишу было делом одной минуты. Свет фонаря позволит рассмотреть идущий круто вниз коридор с отполированными скользкими стенками.

Спустившись метров на пять, Михайлов увидел расклиненное в стенках дерево.

«Лестница», – подумал он и ударил по дереву геологическим молотком. Раздался глухой звук, ствол переломился пополам, и «лестница» упала вниз. Этим уклоном пользовались, должно быть, очень давно. Прошел не один десяток

лет, прежде чем смолистое дерево превратилось в рыхлую развалину.

С глубины десяти метров уклон начал расширяться, почва его перешла в небольшую горизонтальную площадку, ниже был двухметровый обрыв и шли ступеньки. Только теперь начиналось настоящее исследование, и оно обещало быть интересным.

Пещера, несомненно, была очень древнего происхождения. Потребовались тысячелетия, а может быть и десятки тысячелетий, для медленного размывания и растворения пород.

Только поздно вечером Михайлов вышел из пещеры. Долина Каменки уже покрылась синеватой мглой, а последние лучи солнца еще золотили высокие перистые облака.

В безмолвии подземелья законсервирована история его тысячелетий, его случайных обитателей, от животного и до человека. Теперь уже было трудно сказать, что больше волновало Михайлова: месторождение ли самоцветов или история самой пещеры.

Скорее всего, и то и другое в равной степени. Во всяком случае, первое хорошо сочеталось со вторым, и Михайлов, потеряв надежду заснуть, решил сейчас же перебраться на новую квартиру и потратить ночь на исследование.

Свое имущество Михайлов перенес по второй зал пещеры и разместил вещи в нишах – этих естественных шкафах и полках. Чтобы обеспечить себя топливом, он натаскал в пещеру сухарника.

В естественном известняковом углублении развел костер, и незаметные в темноте кристаллы минералов заискрились и засверкали. Но красивая иллюминация стала быстро меркнуть, дым густыми клубами поднялся к потолку, а копоть покрыла стены.

Михайлову не было времени любоваться своеобразием окружающей его обстановки. Он позвал Нерона и пошел в первый зал.

Михайлов дошел до спуска на второй горизонт и начал внимательно изучать структуру пород. Ниша имела направ-

ление на восток; следовательно, даже те два метра, на которые она уходила в сторону, несколько приближали ее верхнюю часть к контакту. Михайлов был профаном в геологии; то немного, что он вычитал у Ферсмана, Федоровского и др., к сожалению, не научило его читать, хотя бы по складам, летопись магматических вторжений, написанную огненно-жидкими гранитами на плоскостях известняковых парод. Да, опытный глаз геолога не пропустил бы ясно выраженный приконтактный пояс дислокаций⁹, где миллионы лет назад грохотали не небесные, а подземные громы, где в огненном окружении поднявшейся из глубина магмы, известняки сначала плавилась, как сахар, а потом выстраивали свои молекулы в гексагональные ромбоэдры и призмы¹⁰. Между тем, налицо был целый ряд признаков, говоривших о близости контакта, близости той зоны, где в массив пород были вкраплены краевые самоцветы. Михайлов открыл одну из величайших страниц истории мертвой природы и, как слепец, равнодушно перелистнул ее.

Освещая почву под ногами, он начал спускаться. Свет фонаря теперь уже скользил по известняковой стене с ровным, едва заметным напластованием. Область нарушений осталась выше.

Нерон – неплохой исследователь, однако не последовал за хозяином. Вдохнув затхлую сырость подземелья, он гавкнул раза два на прощанье и выпрыгнул из ниши. По знакомой дороге Михайлов спустился в обширный грот, в восточной стене которого были высечены ступени. В отличие от пустот верхнего горизонта, этот грот своим происхождением был обязан не только одной деятельности воды. Михайлов заметил на стене параллельные царапины. Они были нанесены каким-то острым инструментом.

– Следы кирки! – воскликнул Михайлов и поднял фонарь к стене.

⁹ Дислокация – нарушение в пластовании пород.

¹⁰ Ромбоэдр, призма – формы кристаллов.

Теперь даже и не горняк мог догадаться, что он находится в выработке. Фонарь давал хотя и яркий свет, но конус его лучей был очень узким и позволял рассмотреть только небольшую площадь.

Пристроив удобней фонарь, Михайлов стал осматривать внутренность грота по частям.

Почва грота была покрыта ровным слоем щебенки, конечно, отбитой киркой от стены. Следы царапин группировались в местах наибольшей кристаллизации породы. «Пробовали в разных местах», – подумал Михайлов. Сердце его сильно забилося, на лбу выступил пот, и он, как сыщик, попавший на верный след, начал изучать плоскость стены сантиметр за сантиметром. Почти белые, сильно измятые известняки имели неравномерную кристаллизацию. Горевшие в свете фонаря кристаллы Михайлов откалывал ножом и пробовал на стекле – в каждом из них он готов был признать рубин. Но кристаллы не царапали стекло – это был всего только известняк, твердость которого в два раза меньше корунда¹¹.

Отсутствие рубинов в стене грота не смутило Михайлова. Он знал, что не только эта драгоценная разновидность корунда, но и другие, не имеющие никакого практического значения, попадаются очень редко. В самых богатых по содержанию самоцветов месторождениях считается обычным явлением – когда десятки и даже сотни тонн горных пород подвергают тщательной обработке и получают драгоценный камень, весящий после огранки немногим больше или даже меньше карата¹².

Для Михайлова способ определения корунда по твердости был пока единственным. При дневном свете еще можно было надеяться заметить скопления корундовых масс, уже не говоря о кристаллах рубинов.

¹¹ Один из внешних признаков, по которым распознают минералы, является твердостью. В минералогии существует шкала Мосса, в которой минералы подобраны по степени их твердости: от 1 до 10, причем известняк имеет твердость 4, стекло 5, а корунд 9.

¹² Карат – единица веса, равная 0,2 грамма.

Михайлов не преследовал цели личного обогащения, и поэтому удельное содержание в породе корунда для него не играло решающего значения; ему важно было только установить наличие рубинов.

Только бы найти несколько рубинов, а там геологи лучше его разберутся во всех тонкостях.

Старые копи были им найдены, а это главное. Старцы, а после них Антипов, не могли вести массовую добычу, они даже едва ли пользовались динамитом, и поэтому копь должна иметь всего одну или две выработки, отыскать в которых гнезда корунда не трудно.

Утром Михайлов и Нерон расстались около первого зала.

После неудачных ночных поисков, вид стены со следами разработки теперь уже не волновал Михайлова, и он мог проследить направление горных работ. Щебеночный навал в почве грота был распределен неравномерно – в южной части слой его по объему не соответствовал глубине искусственной ниши. Насыпанная здесь порода добывалась где-то в другом месте.

Но где?.. После внимательного осмотра восточной стены и потолка грота, среди многочисленных углублений Михайлову удалось рассмотреть выработку. Форма сечения выработки – сводчатая кровля, вертикальные стены и горизонтальная почва – говорила о ее искусственном происхождении. Куча щебенки была как раз под самой выработкой. Михайлов поднялся по ступеням на уровень выработки и направил свет фонаря в ее отверстие.

– Прекрасно! – воскликнул он.

Выработка пройдена в восточном направлении, то есть к контакту. С кучи щебенки до почвы выработки было около двух с половиной метров. Михайлов пробовал подпрыгнуть и ухватиться за кромку породы, но это ему не удавалось – трещиноватый известняк обрушивался.

Подняться в выработку можно было только с помощью лестницы, за изготовление которой Михайлов и вынужден был приняться.

Он, конечно, не собирался плотничать. Выйдя из пещеры, он срубил елку, оставив торчки, и унес в пещеру. Ниж-

ний конец елки он зарыл в щебенку, верхний укрепил в трещине почвы выработки, и примитивная лестница была готова.

Михайлов залез в выработку. Она имела длину около пяти метров, причем на протяжении первых трех метров шли сравнительно слабые известняки. Забой же выработки упирался в кристаллические плотные породы.

О близости контакта говорили мелкие сбросы и крутые изгибы гранато-известняковых слоев. Здесь осадочные породы были основательно проплавлены магмой. Стенки небольших пустот были одеты красивыми щетками кристаллов. Но не ими интересовался Михайлов. Он искал гнезда серовато-желтых скоплений корунда.

Прежним способом – при помощи пробы на стекло – Михайлову удалось обнаружить несколько крупинок корунда. Но этим серовато-зеленым, мутным камешкам далеко было до рубинов.

Однако наличие корунда говорило о многом.

Три метра выработки подтверждали также, что Михайлов отыскал, наконец, месторождение.

Он вспомнил слово из рассказа Ковригина: «старцы промывали на берегу какие-то гальки».

Это были не гальки, а добытый в пещере и измельченный известняк с включением корунда. Михайлов, как и старцы, мог вести лишь весьма примитивную разработку в микроскопических масштабах. Но поскольку масштаб добычи не мог иметь решающего значения, Михайлов, не обращая внимания на трудности, принялся за работу.

При свете дымной лучины узкая выработка с работающим в ней человеком казалась картиной из истории далекого прошлого, когда горняки еще не знали ни керосиновых ламп, ни свечей.

Геологический молоток, к счастью, оказался подходящим инструментом. Известняк откалывался почти по всей плоскости забоя.

Михайлов работал долго, но куча отбитой им породы могла легко уместиться в шапку. Корундовые скопления не

давались на молоток – их приходилось вырубать с большим трудом.

К вечеру настойчивый забойщик отбил ведра два породы.

Следующей стадией должна быть промывка. В три приема Михайлов вынес породу из пещеры и высыпал ее на берегу Каменки.

Щебенка была мелкой и не требовала дополнительного измельчения. Наскоро пообедав, Михайлов принялся за промывку.

Чистый, белый известняк не нуждался в проверке, но его было немного. Остальная серая масса с включениями гранатой и каких-то еще минералов должна быть тщательно промыта и осмотрена.

– Рубин! – воскликнул он.

Михайлов начал добросовестно промывать щебенку, не пропуская ни одного камешка. Попалось уже несколько кристаллов корунда. Мелкие и трещиноватые, они, тем не менее, заставили Михайлова волноваться. Теперь он походил на изобретателя, который вот-вот откроет желанную формулу. И эта формула открылась.

Взяв несколько камешков, Михайлов стал их один за другим пробовать на стекле. Те, которые скользили, не оставляя на стекле черты, он отбрасывал, а оставлявшие царапину осматривал.

Вот небольшой серый кристаллик дал глубокую черту – это, конечно, корунд. Михайлов только мельком взглянул на него и хотел уже бросить, но ровная плоскость излома отразила солнечный луч.

– Рубин! – крикнул Михайлов и вскочил.

Рубин оказался небольшим, не больше четверти карата, но был густ по окраске и не трещиноват.

Насмотревшись вдоволь на первую находку, Михайлов завернул его в платок и принялся снова за промывку.

В первый раз за время пребывания Михайлова в лесу солнце село в тучу.

Наступление грозы можно было определить по многочисленным признакам. Подул прохладный ветерок, и зашелестели листья берез. Спокойная раньше заводь покрылась рябью, и поверхность воды приняла свинцовый цвет.

Михайлов вовремя оставил промывку. Едва он успел заготовить на ночь дров и спуститься в пещеру, как на юге ухнуло, словно из пушки и в небе метнулась стрела молнии.

Раскаты грома вызвали в пещере низкий протяжный гул.

Михайлов подбросил в костер дров и, снимая сумку, заметил на дне ее несколько пригоршней галек – это была случайно оставшаяся порода.

Высыпав поближе к подземному потоку содержимое мешка, Михайлов снова занялся промывкой. Он не хотел оставлять не просмотренной даже самую маленькую гальку.

Света костра было достаточно, чтобы отличить корунд от известняка.

В первой горсти оказалось много корундовых осколков довольно порядочной величины. Промытую щебенку Михайлов аккуратно высыпал на мешок для просушки.

«Старатель» был так занят промывкой, что не слышал раскатов грома. А гроза теперь бушевала в районе пещеры. Молния наискось резала небо, ее вспышки сменяли одна другую почти без промежутков. Низкие тучи набухали влагой, но дождь не шел; только редкие крупные капли хлопали по листьям деревьев. Это была так называемая «сухая» гроза. Она не всегда кончается дождем.

В «сухую» грозу гибнет масса деревьев, порывами ветра с корнем вырываются старые лиственницы, а кусты на открытых полянах припадают к самой земле.

В Пропащей вода не прибывала, но стала грязной и теплой. Это ветер надел в речку горячего песка.

Михайлов промыл всю щебенку и, примостившись у коистра, занялся сортировкой породы.

Он почти не пользовался стеклянной пластинкой. Корунд от известняка он теперь уже отличал по цвету, а от граната по строению. Из промытой массы щебенки набралось серых камешков около сотни, среди них были довольно ясные кристаллы красивого синеватого оттенка. Более крупные осколки содержали в себе чешуйки слюды и крупинки полевого шпата; некоторые крошки просвечивали, и попадались участки, слабо окрашенные окислами металлов.

Синие, голубые, зеленоватые оттенки не привлекали внимания Михайлова. Только красный свет мог приковать его внимание.

Но рубинов не было! Осталось три самых крупных осколка, трещиноватых, грязно-серых, но очень твердых. Под ударом молотка первый осколок разлетелся на маленькие крошки, среди которых некоторые имели слабо-розовую окраску.

Михайлов стал осторожней. Из второго осколка удалось выделить небольшой трещиноватый рубин. Это был уже шаг вперед...

Каким-то чутьем Михайлов угадал присутствие драгоценного корунда в третьем осколке. По волосным трещи-

нам он отделял от него корундовую массу и следил за изменением окраски.

Вот зеленоватый цвет стал бледнеть, осколок постепенно приобретал другую окраску. Появились прозрачные розовые области и уменьшилось число трещин.

Под коркой мутно-розовой породы, как в скорлупе раковины, было заключено драгоценное зерно – рубин.

После огранки получится полноценный камень в несколько карат – об этом нетрудно догадаться, наблюдая характер изменения корундовой корки.

Занятый промывкой, Михайлов забыл о грозе, во время которой Каменка могла выйти из берегов и, повернув камень, хлынуть по руслу Пропащей в пещеру.

Шум подземного ручья напомнил ему об этом, и он побежал к выходу укреплять камень.

При первой же попытке выйти на берег Каменки он должен был изменить свое обычное представление о грозе, хотя и видел настоящие южно-уральские грозы.

Ветер постоянно менял направление, он не дул, а хлестал порывами, как ударами кнута.

Мелкий песок бил по лицу, а пыль тучами носилась в воздухе и смерчем пробегала по берегу речки в круговороте воздушных течений. Деревья, как по команде, наклонялись в одну сторону, их стволы скрипели и лопалась кора.

Голубые вспышки молнии часто раскалывали туманный полумрак.

Михайлов ползком пробрался к вращающемуся камню и укрепил его при помощи ствола березы.

Теперь воды Каменки уже не могли прорваться в пещеру до тех пор, пока ствол дерева не будет вынут из трещины.

Вернувшись в пещеру, Михайлов удивился исчезновению собаки. Несмотря на всю свою живость, Нерон не мог решиться уйти в лес. Единственно, что он мог сделать, это пойти из ущелья полюбоваться на грозу.

Прошел час. Раскаты грома не умолкали, эхо по прежнему наполняло пещеру. Уровень воды в ручье несколько

поднялся, а температура ее понизилась – начался дождь. Благодаря разности температур на поверхности и в пещере незаметные раньше воздушные токи перешли в ветер. Потянуло прохладой, и охлажденные дождем испарения проникли в грот. Ветер раздувал костер и у самой почвы тянул тонкую полосу дыма.

При свете раздутого ветром костра Михайлов рассматривал найденные им рубины. Их было пять штук. По чистоте окраски они мало уступали один другому, но по величине последний превосходил остальные. Общая ценность самоцветов была немалой. Но ведь это были всего-навсего камни, найденные случайно. О богатстве месторождения можно судить уже хотя бы по тому, что человек, не знакомый практически даже с основой разведочного дела, сумел найти рубины. При систематических поисковых работах в долине Каменки и в пещере «Трех старцев» месторождение красных самоцветов, конечно, даст немало камней громадной ценности.

Михайлов даже не представлял всей важности своего открытия. Он, конечно, не знал, что найденное им месторождение способно открыть новую страницу в истории Южного Урала, богатого рудами, золотом, но не открывшего еще до конца свои сокровищницы драгоценных камней.

Счастливый разведчик рассчитывал пробыть в пещере еще дня три, взять пробы из разных участков береговых отложений Каменки и с доказательством в виде нескольких рубинов отправиться в обратный путь...

Нерон лежал на широком плоском камне у выхода из пещеры и смотрел на стонущий от порывов ветра лес. При каждом ударе грома он вздрагивал, жался к стене, но не убегал в глубину пещеры, где было душно, а теперь оттуда еще тянуло едким дымом.

Нерону было видно русло Пропащей, оба ее берега и часть тальниковых зарослей. Вспышки молнии хорошо освещали окрестности пещеры. Во время одной особенно сильной бело-голубой вспышки, последовавшей вслед за многократным треском грома, Нерон вскочил и прыгнул с

камня, но не в пещеру. Не молния и не гром заставил собаку покинуть наблюдательный пункт. Когда молния на мгновение осветила прижатые ветром береговые кусты, Нерон заметил, как по левой стороне русла, под защитой скалисто-го берега, к пещере пробирался человек...

Нерон, считавший себя хозяином района пещеры, не обращая внимания на раскаты грома, скользнул вниз по мокрому камням, перемахнул через ствол лиственницы и присел в береговых кустах, откуда инстинктивно ожидал следующей вспышки молнии. Когда ее прихотливый зигзаг расколол небо, резкий силуэт человека проявился на фоне изветняковых прибрежных скал.

Нерон в два прыжка достиг зарослей и побежал по тропе. Частые вспышки молнии помогли ему ориентироваться в хаосе склоненных и сломанных бурей деревьев.

Когда черная тень легла на дно пересохшего русла совсем близко, Нерон присел на тропе и через мгновение прыгнул вниз.

Человек остановился, выдернул из-за пояса топор и приготовился встретить нападение. Нерон прыгнул на человека, и тот метнул в него топор. Страшное оружие описало дугу и врезалось в комель березы. Потеряв равновесие, человек упал головой к березе.

«Кончено!» – подумал он, почувствовав собаку у себя на спине.

Нерон схватил его за воротник пиджака и прижал лапами плечи.

Человек потянул руку, чтобы ухватиться за топориче, но собака крепче сжала воротник и зарычала.

Гроза, между тем, бушевала. Деревья, наклонившись в одну сторону, как по команде, вдруг выпрямлялись и затем склонялись в другую. Дождь бешено хлестал, а вспышки молнии и гром следовали друг за другом без промежутков.

Промокший до нитки, лежал на земле человек; не ослабляя хватки, в напряженной позе стояла над ним собака. Человек обдумывал, как ему сбросить собаку – он рассчитывал на темноту, а потом, может быть, и на свой топор.

Подождав некоторое время и убедившись, что человек лежит спокойно, Нерон немного разжал челюсти и снял лапы с плеч человека. Он не знал, что сейчас наступит решительный момент. Человек лежал по-прежнему не шевелясь.

Но вот наступило временное затишье, и все погрузилось в непроницаемую темноту. Человек, воспользовавшись этим, вскочил и кинулся к намеченному им пункту – за ствол дерева, выхватив из комля березы свой топор. При новой вспышке молнии Нерон увидел его и, не раздумывая, бросился к стволу.

Собака вела себя согласно статьи «задержать неизвестного». Несложный курс дрессировки Нерон усвоил превосходно; он знал, что обнаруженный им человек должен вначале отбиваться, а затем покорно идти за ним. Статью «взять» Нерон самовольно применял только на собаках, и всегда ключья шерсти летели в сторону, раздавался визг, и перепуганная свора разбегалась по подворотням. Без команды хозяина «взять!». Нерон еще ни разу не бросался на человека.

Широкий топор блеснул при свете молнии, но Нерон был уже около человека и рванул его за руку. Человек закричал от боли. Нерон решил больше не преследовать неизвестного, а «взять» его. Он схватил человека за горло. Оба упали на валежник. Толстый кожаный воротник спас человека – собака не могла сжать ему горло.

Не выпуская воротника, Нерон перехватывал его, подбираясь к горлу. Человек чувствовал его горячее дыхание на лице. Не делая резких движений, с большой осторожностью он нащупал у собаки затылок и опустил на него топор.

Но в то мгновение, когда лезвие топора погрузилось в густую шерсть, от страшной боли в области горла и от удушья человек потерял сознание. Тем не менее, удар топора причинил собаке ранение. Она разжала челюсти и упала на землю.

Буря хозяйничала в тайге почти до утра. Свалив массу деревьев и вырвав с корнем береговые кусты, она только перед самым восходом солнца ушла на юг.

Солнце долго не могло проникнуть сквозь густой туман, а когда проникло, то осветило хаос разрушения, произведенный ночной грозой.

Выйдя утром из пещеры, Михайлов был поражен переменной в окружающей местности.

Во-первых, обращала на себя внимание Каменка, – она вышла из берегов и залила низкий левый берег. Далеко виднелась спокойная превосходность воды, не затронутая течением; стволы берез разлиновали воду белыми полосами; кусты походили на острова. В разных местах по основному руслу Каменки выросли песчаные отмели; ниже переката шла коса, почти перегораживая русло. У входа в пещеру намыло песку.

Михайлов спустился к заливику, где вчера он укрепил вращающийся камень. За ночь ствол березы, продетый трещину скалы, выдержал не один шторм разбушевавшейся Каменки; Но все было в порядке. После такой грозы вполне можно было рассчитывать на крепость «замка». Только человек мог вынуть ствол и, освободив камень дать возможность воде прорваться в пещеру.

Набрав валежника, Михайлов ушел обратно в пещеру, Он не спал всю ночь: раскаты грома почти до рассвета сотрясали каменные своды грота, да и, кроме того, его не на шутку беспокоило отсутствие Нерона.

После завтрака Михайлов пошел искать его. Осмотр он начал с провала в конце коридора. Собака могла упасть в широкий провал, хотя это было так невероятно – ловкий пес прекрасно лавировал между камней и, кроме того, знал не хуже него весь верхний горизонт пещеры. В провал сбегал ручеек мутной воды. В глубине виднелся широкий уступ, на котором при падении должна была бы задержаться собака. Михайлов, наклонившись над провалом, опустил на шнурке фонарик и осветил уступ. На площадке скопилась вода, лежала куча обвалившейся щебенки и больше ничего. В стороне чернела ниша – спуск на второй горизонт. Убедившись, что не совершилось самого худшего, Михайлов повеселел. Найти собаку в лесу ему казалось просто. Да,

пожалуй, и искать не придется. Нерок где-нибудь ночью переждал грозу и теперь сам прибежит.

Русло Пропащей за пещерой было местами завалено ветроломом. На вывороченных корневищах еще блестели кристаллы полевошпатовых обломков, разорванные плети выюнков висели на сучьях и прибитая ветром трава обнажала каменистый грунт. Солнце уже поднялось над деревьями, и сильно парило; холодные токи воздуха веяли из чащи.

Михайлов бродил по руслу Пропащей – единственной пока дороге в районе пещеры – и звал Нерона.

К полудню он ушел далеко на юг. Русло опустилось в низину; кругом его обступило болото и тальниковые заросли. Дальше идти было бесполезно. На обратном пути Михайлов ушел вправо и после трудного пути по бурелому вышел на берег Каменки километров на шесть ниже пещеры. На всем протяжении пути он не встретил ни одной дороги; узкие извилистые тропы почти все кончались у реки. Михайлов недоумевал, куда мог убежать Нерон. Возвращаясь поздно вечером в пещеру, он надеялся, что собака вернулась.

Надежда Михайлова оказалась напрасной – собаки не было. Вечерние длинные тени легли на поверхность воды, вытянулись стволы берез. На елях возились крикливые пищухи. Моховая полянка над самой водой, где обычно любил лежать Нерон, была пуста.

Михайлов с трудом заставил себя съесть обед. Уставший, он лег и быстро заснул.

Утром следующего дня Михайлов продолжал поиски.

Все сроки возвращения собаки прошли. С Нероном, очевидно, случилось несчастье.

На одной из лесных полян внимание Михайлова привлекла беспокойная серая птичка, похожая на кедровку. Она перелетала с куста на куст и кружилась над небольшим овражком. Михайлов направился к овражку, но птичка не улетала, она пронзительно кричала и кружилась в воздухе.

Около обрыва Михайлов остановился. На дне овражка лежал какой-то черный предмет. При внимательном рассмотрении, он оказался телом животного.

– Нерон! – крикнул он, узнав собаку. – Убили моего пса!..

Михайлов побежал к Нерону и наклонился над ним. Собака лежала между камней на правом боку в неудобной позе. Голова ее была откинута в сторону, глаза закрыты, нижняя челюсть отвалилась и свесилась бледно-розоватый сухой язык. От левого глаза и почти до уха шел широкий, покрытый мухами и мошкаррой, шрам. На камне возле головы были видны капли крови.

На шее была видна широкая рана.

Со дня овражка Михайлов достал пригоршню холодной воды и выплеснул ее на голову Нерона.

Когда вода попала в пасть собаки, та сделала едва заметное глотательное движение, язык вздрогнул и приоткрылся один глаз.

Нерон еще был жив. Михайлов облил голову собаки фляжки, соединил челюсти. Нерон подал явные признаки жизни, открыл глаза, подобрал задние ноги и тихо заскулил.

Оставив собаку, Михайлов принялся за осмотр овражка.

У подножья крутого откоса Михайлов заметил кучу свежей осыпи. Он подошел к месту обвала – на ровной плоскости илистого намыва ясно отпечатался след сапога. И на одном из уступов красно-бурые пятна. Это были следы крови, но уже не собаки, а человека. Михайлов убедился в том, что здесь произошла кровавая схватка Нерона с неизвестным человеком, появление которого было зрительно, а поведение загадочно.

Михайлов до пещеры донес Нерона на руках.

Промыв рану, он устроил ему подобие конуры на солнечном берегу Каменки. Перед вечером Михайлов пошел искать человека. Он еще раз осмотрел овражек и окончательно убедился в том, что собака преследовала человека по правому берегу Пропащей. Несмотря на довольно ясные следы, место встречи обнаружить не удалось. Выйдя на тропу за овражком, Михайлов пошел по следам. По их расположению можно было без ошибки заключить, что человек первые метров сто бежал. Должно быть, он боялся преследования, и затем перешел на неуверенный шаг.

Михайлов шел по сравнительно знакомой ему местности. Слева метрах в трехстах тянулось почти меридионально русло Пропащей. Тропа в весеннее время заливается водой – это один из притоков речки. Ниже, в километре расстояния, начинается низина. Там и без того непроходимая тайга погружена в непроходимое болото. Даже в жаркое время голубоватая дымка стоит над лесом. В чаще полумрак, тучи комаров, а под ногами трясына.

Михайлов пробовал пробираться по болоту в надежде найти какой-нибудь островок. Но островка не было – редкие березы, густой тальник и заросли камыша уж никак не могли служить пристанищем человеку. Может быть, человек вернулся обратно? Эта мысль показалась Михайлову правдоподобной, но отсутствие обратных следов заставило его отказаться от этой догадки.

Так и не разыскав человека, ранившего Нерона, Михайлов вернулся в пещеру. Он ухаживал за Нероном, как за человеком, и уложил его на мягкой подстилке из мха в удобной нише. «Больной» чувствовал, по-видимому, некоторое улучшение, – это было видно по блеску глаз и попыткам делать резкие движения.

– Лежать, лежать! – часто повторял Михайлов, поджаривая мясо для Нерона.

Между тем запас продуктов был на исходе, оставалось килограмма два сушеного мяса, полбанки масла и сухари. Большим подспорьем были хариусы из Каменки, но рыбная диета уж успела надоест и Михайлову, и Нерону.

По состоянию собаки полного выздоровления можно было ожидать не раньше пяти-шести дней. Вынужденный остаться на этот срок на Каменке, Михайлов решил еще раз попытаться найти человека и, в случае неудачи, продолжить горные работы.

Но и последующие поиски не привели ни к чему. Из всех предположений об исчезновении человека наиболее вероятным казалось одно: раненый, он решил перейти, и при выполнении этой безумной попытки утонул.

Тогда Михайлов возобновил работу по поискам рубинов.

Нерон весь день лежал на берегу Каменки на солнечной лужайке.

Прошло пять дней. Рана на шее Нерона заживала успешно. Нерон был уже снова бодр и весел. Наступил последний вечер перед уходом. Солнце опустилось в тучу узкая полоса чистого неба на западе приобрела пурпурную окраску. Такой закат предвещал дождь или ветреную погоду. Но ни то ни другое не могло задержать Михайлова. Мешок был уже упакован, ружье вычищено и драгоценный рубины лежали завернутые в промасленную бумагу на уступе стены. Собираясь уходить, Михайлов любовался ими все чаще и чаще.

Последнюю ночь Михайлов решил провести в пещере. Он спустился на нижний горизонт, снял подробный эскиз с выработки и забоя, на всякий случай убрал лестницу и, принеся охапку хвороста, принялся за изготовление ужина. Нерон растянулся рядом у костра на своей моховой постели – его ждала сытная еда.

После ужина, прежде чем лечь спать, Михайлов вышел из пещеры проверить свое предположение о перемене погоды. В темноте был слышен тихий плеск воды, вошедшей в берега Каменки, дул свежий ветерок. На небе блестели яркие звезды. С запада подымалась туча, но ее, кажется, пронесло мимо. Над вершиной далекой горы посветлело небо – над горизонтом всходила луна. Признаки на перемену погоды были неопределенными. Постояв минут десять, Михайлов ушел обратно в пещеру. В грот постепенно пробралась ночная свежесть, и Михайлов устроился спать в нише, отделив себя от входа в нее костром, по другую сторону которого лежал Нерон.

Постепенно сгорал легкий хворост, и только сырые толстые стволы тлели, превращаясь в уголья.

В полночь над лесом взошла полная луна и осветила безбрежное таежное море.

Вьется от болота узкая песчаная тропа; на поворотах и прогалинах луна проникает в чащу леса и освещает голубоватые галечные намывы. Тропа идет от болота на восток;

она пересекает Каменку, и по ее левому берегу между кустов тальника тянется на несколько километров. Тропу эту Михайлов не знает, иначе она бы его заинтересовала. На илистых намывах вперемешку с рисунчатыми отпечатками лапок лесных обитателей видны широкие следы сапог... Они еще свежи – острые кромки не осыпались и даже сохранились отпечатки шляпок гвоздей...

По тропе ползут тени. Лунный свет то гаснет, то вспыхивает. Быстрые облака скользят по небу и медленно двигается тяжелая туча...

Нерон внезапно проснулся и стал прислушиваться. Рядом с ним журчал ручей, потрескивали сырые головни – знакомые звуки наполняли пещеру. Кажется, не о чем было беспокоиться, но собака, тем не менее, насторожила уши.

Нерон слушал. Через равные промежутки времени к журчанию ручья присоединялись короткие тихие звуки, походившие на шорох шагов крадущегося человека...

Сгорела высохшая головня, и костер почти погас; куча угольев освещала только спящего Михайлова и нависший над ним белый известняковый свод.

Нерон медленно повернул голову в ту сторону, откуда доносился шорох, и стал всматриваться в темноту коридора. Шорох постепенно усиливался. Через некоторое время, когда вспыхнувшая головня озарила грот, Нерон вскочил и бросился вдоль ручья к выходу из пещеры. Добежав до кучи щебенки, он сделал прыжок через ручей, но впереди раздался глухой удар – и камень, повернувшись, загородил выход. Нерон ударился головой о камень и упал в ручей.

Отряхнувшись, он начал лаять и искать выхода, но камень настолько плотно прилегал к стенкам грота, что даже ручей почти лишился притока. Убедившись в невозможности выйти на поверхность, Нерон побежал обратно. Мимо костра он пролетел стрелой, даже не взглянув на спящего хозяина, перепрыгнул через провал и, миновав узкий коридор, выбежал в лес. По берегу Каменки он обогнул гору и остановился у заводи перед белым камнем.

На площадке никого не было.

Сделав несколько кругов около входа в пещеру, Нерон, низко опустив голову, побежал по тропе. Чутье вело его на берег Каменки.

Михайлов уже привык пробуждаться в тот момент, когда последняя головня издавала треск, похожий на птичий писк, рассыпаясь на уголья и падая в кучу золы. Отсутствие Нерона не удивило Михайлова – собака, верно, где-нибудь носилась в лесу, выгоняя из кустов задремавших птиц. Поставив на костер пирамидой несколько поленьев и подбросив хвороста, Михайлов снова лег.

Через час к разогревшемуся костру подошел мокрый и грязный Нерон. Он часто дышал и отряхивался.

Нерон отошел от костра и лег на берегу ручья, по дну которого едва сочилась вода.

Собака уже задремала, когда раздался плеск воды и высокая волна чуть не смыла ее с площадки в ручей. Волна так сильно ударила о выступ, что веер брызг поднялся до потолка грота и зашипел костер. Нерон отскочил ближе к стене. В одно мгновение ручей превратился в ревуший поток, вода не умещалась в его русле, и уровень ее быстро поднимался...

Начало заливать площадку, костер, и Нерон, чтобы разбудить хозяина, несколько раз гавкнул.

Нерон стоял уже почти по грудь в воде, и только ниша где спал Михайлов, была еще сухой.

Вода заполнила всю почву коридора, мимо неслись гнилушки пней, четки деревьев – Каменка пошла по новому руслу...

Тогда Нерон прыгнул прямо на Михайлова. Тот проснулся. «Камень повернуло!» – сразу мелькнула у него мысль. Но раздумывать не было времени. Грот наполнился водой. Площадка – ниша – представляла собой остров среди бушующего потока.

Новой волной потушило костер, и в гроте стало темно. Нерон жался к ногам хозяина. Едва Михайлов успел зажечь фонарик, с которым он не расставался, как его сбросило с площадки. Такое количество воды могло прорваться в пе-

щеру только в единственном случае – если полностью повернуть камень.

Михайлова несло по потоку; рядом с ним плыл Нерон. Пользуясь неровностями почвы, Михайлов иногда касался ее ногами. Впереди был провал, к которому несло человека и собаку. Только чудом можно было избежать стремительного водоворота, который теперь грохочет над отверстием. Михайлов несколько раз пытался схватить Нерона за ошейник, но собака не давалась.

– Ко мне, ко мне! – кричал Михайлов. Только в нескольких метрах от провала ему удалось схватить собаку за ошейник.

Перед провалом раньше была куча щебенки и больших камней. На последние рассчитывал Михайлов. Фонарик он держал в зубах, одной рукой держал за ошейник Нерона, и только вторая рука была свободна.

Михайлов напряг все силы, чтобы держаться у стены. Вода поднялась до пояса, но ее уровень с минуты на минуту повышался, так как провал поглощал только часть потока. Главная масса воды устремлялась дальше, по узкому коридору. В шести-семи метрах за провалом уровень воды достигал кровли, и дальше коридор представлял собою каменную трубу, наполненную быстро несущейся водой. Когда вода поднялась по грудь, Михайлов решил броситься вместе с собакой в кипящую воронку грота с расчетом, что бурное течение через несколько секунд выбросит их из пещеры наружу.

Как только он сошел с уступа, вода поднялась ему по горло. Осторожно, нащупывая ногами почву, Михайлов пробиравался вперед, прижимаясь к стене.

У водоворота Нерона стало затягивать в провал. Михайлов тянул осторожно собаку к себе. Ошейник врезался в горло, и она стала задыхаться. Еще минута, и они оба исчезнут в водовороте.

Внезапно в освещенное фонарем пространство выплыло корневище сухостоя. Михайлов уже знал, что делать. Когда спасительная коряга приблизилась достаточно близко, он

схватил ее за толстый сук, направил в сторону водоворота и, дождавшись момента исчезновения ее в горле провала, с силой оттолкнулся обеими ногами и нырнул в воду за водоворотом.

Едва он успел прижать уши Нерона к голове, как поверхность воды сомкнулась над ними. Михайлов втянул голову в плечи и прижал плотно к себе Нерона. Несколько раз Михайлов ударился о подводные выступы кровли. Должно быть, получив ушибы, бился Нерон.

Два сильных толчка, следовавших один за другим, заставили Михайлова открыть глаза. Он и собака лежали на ветках сломанного водопадом дерева. Под ним шумел поток. Нерон сразу вскочил на ноги и зафыркал. С дерева оба без труда спустились в безопасное место на камни. Михайлов осмотрелся. Поток выбросил его на левый берег Пропащей. Вода заполнила теперь ее русло. Благодаря большой разности отметок входа и выхода пещеры, водопад превратился в струю гигантского брандспойта. Живая сила такой струи измерялась десятками тонн. При свете ныряющей в облаках луны, блестела бурная поверхность Пропащей.

По тайге бежали тени. Свежий ветер гнал низкие лохматые облака.

Михайлов пошел вдоль берега бурного ручья. Луна освещала путь.

Появление в лесу человека заставляло Михайлова быть осторожным. Ему было ясно, что повернутый и заклиненный им камень кто-то поставил в прежнее положение, открыв тем самым доступ вод Каменки в пещеру.

Когда прибрежные скалы отошли на запад. Михайлов тихо позвал Нерона и велел ему идти рядом. Осторожно раздвигая кусты, он подошел к площадке перед входом в пещеру и из-за уступа стал смотреть вниз.

На берегу Каменки ярко пылал костер. Перед костром спиной к наблюдателю сидел человек. Около костра лежал ствол березы, служивший рычагом для вращающегося камня. Как только Нерон увидел человека, шерсть на его спине встала дыбом и напряглись для прыжка мускулы.

– Спокойно! – прошептал Михайлов и положил руку на голову собаки.

Человек не спал, он поправлял головни и посматривал на темный вход в пещеру, куда с ревом устремлялась вода. Он выжидал.

Михайлов и Нерон тихо стояли за камнем. Человеку, должно быть, надоело сидеть, и он встал.

«Антипов!» – чуть не крикнул Михайлов, увидя лицо человека.

Теперь ему все стало ясно. Хищник-старатель, узнав, что метеоролог отправился в Таганайские долины, сообразил, в чем дело, и пошел следом. По пути, недалеко от пещеры, в бурную ночь он встретил собаку. При схватке оба пострадали, но Антипов нашел силы уйти в безопасное место и там укрыться.

Антипов задумал недоброе. Наводнение было его рук дело. В доказательство предположения Михайлова, Антипов подошел к пещере и, действуя стволом, как рычагом, начал поворачивать камень. Поток стал уменьшаться, и через некоторое время освободился проход. Антипов укрепил в трещине ствол, зажег от костра смолистую лучину и скрылся в пещере.

– Мерзавец, пошел посмотреть на мой труп, который, по его предположению, сейчас лежит на уступе в провале, – сказал Михайлов, выйдя из-за камня. – Однако ничего себе, хорош его план...

Не успел Михайлов кончить фразу, как внизу раздался треск, и сдерживающий камень рычаг сломался. Сильным давлением вода повернула камень и хлынула в пещеру снова. Все попытки Михайлова поставить на место камень не привели ни к чему. Обломок ствола был слишком короток. Не раньше, как через два часа, когда Михайлову удалось найти и сломать достаточно прочную березу, русло Пропавшей было перегорожено.

Михайлов с ярко пылающей головой побежал по коридору пещеры вслед за последней волной.

Около провала поток еще бурлил.

Когда уровень воды понизился, на уступе провала Михайлов увидел тело Антипова. Руки его были вывернуты и неестественно запрокинута голова.

«Вывихнуты шейные позвонки... пробыл в воде не меньше двух часов», – заключил Михайлов.

С тяжелым чувством вышел Михайлов из пещеры. От его геологических инструментов осталось только стеклянная пластинка, случайно положенная им в карман, а от продуктов не сохранилось даже куска хлеба. Все остальное, в том числе и сверток с рубинами, унесло во время наводнения.

Началось утро. Около костра Михайлов нашел старый меховой пиджак, топор и пол мешка сухарей. К счастью, этого было достаточно, чтобы отправится в обратный путь в Кусу.

Н. КУШТУМ

**ВОСХОЖДЕНИЕ
НА ТАГАНАЙ**

Приключенческий рассказ

Вечерело. Заходящее июльское солнце багровыми отблесками отражалось в прозрачной воде озера Тургояка. Солнце позолотило верхушки стройных сосен на скалистом берегу.

На берегу озера, на распутье двух тропинок, уходящих в горы, стояли два молодых парня, Павел и Леонид, и ожесточенно спорили, а третий – здоровый детина с копной рыжих волос, Миша – сидел на берегу и меланхолично бросал гальки в воду, совершенно безучастно относясь к спору, который разгорался все яростней из-за того, куда свернуть – вправо или влево.

– Ну, теперь вам до утра хватит, – лениво пробурчал рыжий парень. Он прицелился и ловко пустил плоскую гальку рикошетом. Галька запрыгала по воде. По ее поверхности расплывались зеленоватые круги.

В разгар спора из лесу вынырнул парнишка лет тринадцати, с пестрем за плечами, в домотканном пиджаке и лаптях. Был он белобрыс и вихраст. Он остановился и молча слушал, как спорят два парня, которые в пылу спора забыли обо всем на свете. Затем подошел к рыжему и тронул его за плечо.

– Что это они спорят? – спросил мальчик.

– Горячие. Перепутали все и спорят, по какой тропе в Куштум идти, – лениво обернувшись, ответил рыжий,

– Я сам оттудова. Вон по той надо, – парнишка указал направо.

Тогда сидящий неторопливо поднялся и подошел к спорившим:

– Довольно болтать. Проводник нашелся!

Ребята разом обернулись.

– Ты откуда взялся? – обратился один из споривших к мальчику.

– Из Куштумги.

– Вот нам туда-то и надо, а потом на Таганай. Проведи нас по этим местам, мы тебе заплатим. Отец тебя отпустит?

– А што ему меня держат. Я дома мало живу. Все по лесам хожу.

Соглашение состоялось.

* * *

Три свердловских студента: Леня Костомаров, Миша Дубровин и Паша Соколов сговорились пройти за время каникул пешком по Южному Уралу. Они слышали от многих, что Южный Урал по праву считается советской Швейцарией.

Сборы были недолги. Доехав поездом до Миасса, дальше двинулись пешком.

В Миассе, в краеведческом музее, им посоветовали до Златоуста идти тропинками прямо через горы по маршруту: Миасс – озеро Тургояк – Куштумга – Таганай – Златоуст.

Заведующий музеем, ходивший по этим местам десятки раз, подробно объяснил им направление тропинок и даже нарисовал план.

– С планом вы не собьетесь с пути, – сказал он на прощанье. – Обязательно идите по этому маршруту. Вы увидите самые интересные места на Южном Урале.

С помощью этого плана туристы пришли к вечеру в большое село Тургояк, расположенное на берегу одноименного озера, в 20 километрах на запад от Миасса.

Переночевав в доме отдыха на берегу озера, с утра начали осматривать окрестность. Их восхищению не было границ.

Недаром об озере Тургояке ходит слава, как о самом красивом озере на Южном Урале.

Окруженное горами и лесами, на двенадцать километров в длину и шесть в ширину раскинулось это глубокое голубое озеро.

Вода его, имеющая радиоактивные свойства, настолько чиста и прозрачна, что с лодки простым глазом видно, как

на дне плавают рыба. Дно усеяно песком и мелкой галькой. Озеро славится обилием рыбы – главным образом окуней и щук.

Ребята не устояли против соблазна покататься по озеру. Наняв у рыбаков лодку, они отчалили от берега. Двое гребли, а Миша мирно дремал на корме лодки. Скоро показался маленький скалистый островок Вера. Причалив к нему, они нашли там рыбаков из Тургоякского колхоза. Рыбаки угостили их свежей ухой и рассказали, что около другого берега, на Пинаевском острове, раньше был кержацкий скит, и сейчас еще сохранилась пещера, в которой жил когда-то отшельник.

Смотрев островок Веру, туристы решили отправиться туда.

– Смотрите, ребята, – предостерег их старый рыбак, – время к вечеру. Как бы буря не поднялась.

– Ерунда! – возразил Леонид. – Мы не маленькие.

– Ну, как знаете!

Оттолкнув лодку от берега, студенты отправились дальше. А небо и в самом деле нахмурилось. Лодку уже подбрасывали набегающие волны. Грести становилось все труднее. Издалека доносились раскаты грома.

В бурю озеро Тургояк становится неузнаваемым. Высокие волны с разбегу бешено бьются о скалистые берега. Бушует озеро, пытаясь вырваться из кольца гор. Горе неопытному человеку оказаться на озере в разгар бури; ежегодно здесь гибнут зазевавшиеся новички.

Миша не на шутку перепугался. Большие волны высоко подбрасывали лодку. Озеро потемнело. Далекий берег скрылся из глаз. Назад вернуться было нельзя – ветер гнал лодку к противоположному берегу. Сверкнула молния, загремел гром, еще сильнее запрыгали волны и ребята съежились под потоком дождя.

Когда уже до Пинаевского острова осталось недалеко, на лодку обрушилась огромная волна. Мише показалось, – она была не меньше двухэтажного дома. Он бросился на дно лодки, выпустив из рук кормовое весло.

– Что ты делаешь? – закричал Леонид.

Но было уже поздно. От резкого толчка лодка, ставшая боком к волне, опрокинулась, и ребята очутились в воде. Лихорадочно работая руками и ногами, они поплыли к острову.

От резкого толчка лодка опрокинулась.

– Выбрасывай камень! – хрипло крикнул Павел.

Плывя на спине, потерпевшие крушение торопливо выбрасывали из карманов камни, собранные на острове Вере.

Плыть стало легче. Лодка исчезла, увлекаемая вдаль.

Отчаянными усилиями борясь с волнами, ребята с трудом добрались до острова. Стоя на скалистом берегу, они наблюдали разыгравшуюся стихию.

– Ну, робинзоны! – обратился к ним Леонид. – Придется здесь ночевать.

– Небольшое удовольствие ночевать под дождем, – проворчал Миша.

– Сам виноват. Зачем опрокинул лодку? – упрекнул его Леонид.

– А пещера! – вспомнил Паша. – Давайте-ка поищем ее, пока ночь не наступила.

Не меньше часу, спотыкаясь о камни, бродили они в темноте, отыскивая пещеру. Попали в болото и еле выбрались из него, пробираясь в камышах. Продрогли, потеряли всякую надежду найти пещеру.

– Ребята, огонь! – закричал вдруг Павел.

И в самом деле, недалеко, прорезая тьму, сверкал огонек. Ребята бегом бросились туда и вскоре очутились у входа в пещеру. В камельке горел огонь. Широкоплечий, густобородый лохматый старик сидел у огня и варил уху.

Когда вошли ребята, он поглядел на их мокрую одежду и усмехнулся:

– Искупались?

– Искупались, дедушка! – хором ответили ему потерпевшие крушение.

– Ну, ничего. Хорошо, что не утонули. Раздевайтесь. Сушите одежду, да сами грейтесь.

Угостил их ухой, разговорился. К ребятам вернулось хорошее настроение. Они засыпали старика вопросами.

– Тургояк, это тебе не простое озеро. Чуть не угодил ему – утопит беспременно. Разгуляется, разбушует – беда. Видно, у вас, ребятки, богатое счастье – спаслись, а то бы тут и вашей жизни конец, – говорил дед.

– Дедушка, а ты откуда сам будешь?

– Крапивин я. Тут за горой Куштумга есть. Может, слышали?

– Туда мы и пробираемся.

– Ну дак вот, я оттудова родом.

– А как сюда попал?

– Рыбачил. Живу я наискосок, на берегу, смолу курю да рыбу ловлю.

Поговорили еще немного со стариком, высушили одежду и легли спать. После пережитого волнения спалось крепко.

Утром Крапивин разбудил их.

– Ну, ребята, поехали на берег.

Подплывая к смолокурке, ребята обрадованно вскрикнули. На берегу лежала лодка, на которой они вчера потерпели крушение.

– Вишь ты, на берег выбросило. Э, да это кумова лодка-то! – заметил старик.

Ребята обрадовались.

– Дедушка, ты переправь ее хозяину, а то он, наверное, ругается.

– А что переправлять-то. Он ко мне часто ездит. Приедет и возьмет.

– Значит, лодка не пропадет?

– Знамо, нет.

Крапивин показал им свою смолокурку. Смолокурка была маленькая, самого простого устройства. Смолье и бересто для курения смолы и дегтя он добывал тут же, в лесу. Старик почти круглый год проводил на берегу озера, изредка наведываясь в деревню.

– Здесь вольготнее жить. Ругаться не с кем. Обидеть тоже некому.

– А не скучаешь? – спросил его Леонид.

– А что скучать-то? Тут места веселые. Посмотри-ка кругом. Глаза радуются – такой тут простор.

Понравились Крапивину веселые ребята, и он предложил попутным делом повезти их вдоль берега Тургояка на Озерские печи.

– Не пожалеете. Увидите хорошие места. А после обеда пойдете дальше, в Куштуму. Поехали?

Ребята с радостью согласились. Предложение старика давало им возможность лучше осмотреть берега чудесного озера.

Озеро было великолепно. Освещаемое утренним солнцем, оно ослепительно сверкало. На берегу высились строй-

ные высокие сосны, перемежаемые кудрявыми березами. За поворотом увидели, как в зеленом уборе лесов высится круглой вершиной гора.

– Это что за гора?

– Пугачевской называется.

– А разве Пугачев здесь проходил?

– Сам не видал, а деды рассказывают, что тут его помощник с войском стоял. К нему со всех сторон мужики шли, которые обиженные были. Рассказывают, хороший человек был, помощник-то. Строгий, но справедливый. Богатых не миловал, но бедных любил. Грамота ему была такая от самого Пугачева. Вот с тех пор гора так и называется.

Крутой берег постепенно понижался. Сосновый лес сменился лиственным. Вскоре лодка повернула в узкий залив. Крапивин указал на дым, вьющийся над деревьями.

– Озерские печи. Заедем к брату – он нас обедом накормит.

Минут через десять пристали к берегу.

В двухстах саженьях от берега расположились над озером Озерские печи. В сосновом бору беспорядочно раскинулся десяток изб, а повыше вытянулись в ряд восемь углевыжигательных печей. Около них стояли длинные поленницы заготовленных дров, а в угольных сараях и просто в отвалах лежал выжженный уголь. Зимой по первому санному пути углевозы повезут его на Златоустовские домны.

– Дедушка, расскажи нам, как выжигается уголь, – попросил Леонид.

Крапивин подвел их поближе к печи.

– А вот смотрите сами. В печь сажают дрова, березовые там или сосновые, или еще какие. Потом печь наглухо закрывают и все щели замазывают, чтобы продуха не было. Не дай бог, если продуха где-нибудь окажется – все дрова начисто сгорят, тогда начинай все сначала. Тут зоркий глаз нужен. Ну, ладно. А внизу, под печью, устроена топка. Кочегар ее бесперечь топит, чтобы был одинаковый жар. Дрова-то, значит, не горят, а томятся и помалу превращаются в уголь. Пока из дров не потечет серя по желобку, все топит

кочегар топку. А когда потекла сера – тут уж и довольно топить. Начинают печь остуживать. Дрова уже сделались углем. Через двое суток печь открывают и начинают выламывать уголь. А потом сызнова садку дров делают.

– А как раньше уголь жгли?

– Раньше-то? А тогда никаких печей не было. Уголь мы жгли в кучах.

– В каких кучах?

– А это вот как делалось. Кладется несколько рядов дров, поленицы вроде. Их плотно закрывают свежим дерном, а сверху засыпают землей и утаптывают. Получается высокая куча. У нее тоже есть вроде топки. Ну вот, сидишь и караулишь, как томятся дрова, как из березового полена делаются угольки. Только в кучах уголь хуже получается. Часто дрова загораются, и приходится тушить пожар. Так, бывало, все лето и живешь в лесу. Дрова рубишь да кучи жжешь.

– А это не опасная работа?– спросил Миша.

– Как тебе сказать. Ничего такого ровно нету. А бывают, конечно, и тут случаи. Помню, еще молодым когда был, утаптываю землю на куче, а в дерне-то, видать, щель появилась, али вовсе это место не заложили. Топтал, топтал, а потом не успел голосу подать, как провалился с головой меж полениц в самую середину кучи. Провалился и сижу. Позвать некого – моя куча в стороне была. Сам выбраться тоже не могу. Так я весь день и целую ночь и просидел в куче. Боялся все, как бы кто топку не зажег. Только на другой день, когда мой парнишка принес мне обед из деревни и позвал на помощь людей, вытащили меня из кучи, всего исцарапанного.

Осмотрев печи, ребята стали собираться в путь.

– Идите по тропе вдоль озера, – сказал им на прощанье Крапивин.– А как дойдете до речушки, поворачивайте направо. Перейдете через гору – там будет тракт.

– Спасибо тебе, дедушка, за добрую встречу, – сказал ему Паша, крепко пожимая руку.

– Не за што. Заходите еще, коли путь будет.

Тропа вилась вдоль берега. С веселой песней ребята шагали вдоль берега озера Тургояка. По дороге они искупались в маленьком заливе. Купаться было приятно. Вода теплая, дно чистое, нечем ногу ушибить – все устлано песком и мелкой галькой. Выкупавшись, долго лежали на песке. Но вот солнце стало склоняться к закату.

– Пора и в дорогу, – забеспокоился Леонид.

И снова все трое зашагали по извилистой тропе.

Вскоре они дошли до быстрой речушки, которая журчала в камнях и с обрыва низвергалась в озеро. Все невольно, очарованные, остановились и долго наблюдали за тем, как сверкает на солнце падающая вода.

– А красиво же здесь, ребята! – воскликнул Павел.

– Здорово, – подтвердил Леонид. – Однако, пошли дальше! – и он, повернув по тропе налево, решительно зашагал в гору.

– Куда? Куда ты пошел? – закричал Павел. – Направо надо.

Леонид остановился.

– Ничего подобного, – возразил он. – У тебя, верно, память отшибло. Старик сказал, что надо свернуть налево.

Тут-то и разгорелся жестокий спор, описанный нами вначале, и только неожиданное появление парнишки прекратило препирательства горячих спорщиков.

Нанятый ими в проводники уверенно повел их по тропе. Перевалили через гору и вышли на зимний тракт. Уже стемнело, когда Володя Кирьянов (так звали парнишку) привел их в деревню Куштумгу.

* * *

У самого подножия Уральского хребта, закинутая в глухие леса, окруженная высокими горами и тропками болотами, стоит на косогоре деревушка Куштумга.

В ней 120 дворов, хотя остановились здесь жители около 1760 года, когда строился тульским купцом Мосоловым

Златоустовский завод. Пригнали тогда семь семей крепостных сюда, в непроходимую тайгу и сказали:

– Живите здесь. Работайте. Дрова рубите да уголь томите. А убежать вздумаете – пощады не дадим.

С тех пор и живут здесь углежог и лесорубы. Лес их кормит, одевает и согревает.

На 120 дворов – всего только 10 фамилий. Все коренные, давнишние. Одних Волокитиных – 31 двор.

Со времени основания деревни лесорубы и углевозы работают на Златоустовские домны, что расположены в 25 километрах, по ту сторону Уральского хребта.

Хлеба не сеют, потому что вокруг горы непроходимые леса да болота – непригодные места для посевов.

Колхоз здесь особенный – лесной. Уголь, дрова, баклажки и деготь – вот что производит он. Да еще продает возами малину и бруснику на городском рынке. Ягоды здесь всякой множество: малина, брусника, черника, земляника, голубика, клюква.

Около самой деревни, на берегу Куштумги, у Вороньего омута, расположились углевыжигательные печи, построенные уже после революции. А дальше, среди лесов, по течению маленьких горных речек, стоят печи Сухаменские, Индаштинские, Озерские и Галовские. Зимами со всех пяти печей окрестные углевозы везут через Уральский хребет древесный уголь на Златоустовский завод.

Солнечным утром вышли ребята из Куштумги по тракту на север, направляясь на Таганай. Вел их шустрый проводник Володя Кирьянов. Он охотно сообщал им сведения о местах, по которым они проходили. Ему нравилось, что взрослые парни разговаривают с ним, как с равным. Дорога вилась над речкой, скрывающейся в зарослях черемухи и тальника, вдоль Варгановой горы.

Когда они дошли до Волокитинской дороги, Володя показал им на хребет.

– Вон там, за хребтом, из болота две речки в разные стороны бегут.

– Так это, значит, здесь водораздел? – спросил его Павел.

И ребята вспомнили рассказ миасского краеведа.

Около самого хребта, на плоскогорье, раскинулось большое болото. Из него вытекают две маленькие речки – Большая Тесьма и Киолима. Выйдя из одного болота, они, как поссорившиеся, текут в разные стороны. Недаром сложена о них такая легенда.

В далекие времена, когда на Урале звери редко видели человека, когда на сотни верст вокруг не было никаких поселений, на этой горе жили две речки-сестры: Киолима и Тесьма.

Жили они дружно, текли рядом и никогда не ссорились. В ясную погоду улыбались, отражая в себе яркие прибрежные цветы и голубое небо. Игнали с каменными россыпями, с разбегу бросались на скалы, падали с них стремительно вниз, сверкая брызгами на солнце.

Иногда приходил сюда высокий, стройный лось – смелый и красивый вожак. Он приводил сюда на водопой свое стадо, и здесь оно отдыхало. Вожак купался в воде речек-сестер.

Но вот полюбила Тесьма красавца лося сильной любовью. И сказала она лосю:

– Люби меня одну. Не ходи к Киолиме – вода моя мягче и вкуснее. Берега мои красивее. Когда тебе придет время вести стадо на север, я скроюсь под землю, и ты проведешь стадо, не замочив копыт.

Увлекла его Тесьма жаркими словами. Показалось вожаку, и в самом деле Киолима – плохая речка, и перестал он водить свое стадо на ее берега.

Заскучала Киолима.

Когда уводил вожак свое стадо на север, Тесьма бросилась под землю и обнажила свое русло, и все лоси прошли, не замочив копыт, и скрылись в лесу.

Когда ушли лоси, Тесьма решила снова вернуться на белый свет, в свое русло.

Но не тут-то было.

Киолима завалила выход огромной скалой. Испугалась Тесьма, заплакала, куда ни кинется – нигде ходу нет. Попа-

ла она навеки в сырую и темную подземную тюрьму. Стала Тесьма у сестры пощады просить. Год плакала наконец, разжалобила сестру. Выпустила та ее на белый свет, но через глиняный грунт, за пять верст от своих берегов.

Вышла Тесьма на волю и не радуется: испортила Киолима, сестра-соперница, ее красоту. Берега у нее стали вязкие, болотистые, а воды ее – желтые, грязные. Разгневалась она и повернула в другую сторону от сестры. На другой год снова привел вожак свое стадо. Поглядел он на Тесьму, сразу разлюбил ее и повел лосей прочь. Звала, приглашала к себе Киолима – но не пошел лось и к Киолиме.

Гордо шел он на восток, не оборачивая головы назад. С тех пор Киолима и Тесьма стали врагами и текут в разные стороны: первая по одному склону, вторая по другому склону Таганая.

Так в поэтической форме объясняет легенда водораздел в этой горной точке Уральского хребта. Пути этих речек таковы:

Тесьма впадает около Златоуста в Ай, Ай – в Уфимку, Уфимка – в Белую, Белая – в Каму, Кама – в Волгу, Волга – в Каспийское море.

Брось в Тесьму кедровую шишку, и, если она по пути нигде не застрянет, уральские воды унесут ее в далекое Каспийское море, в незнакомые, теплые края.

А Киолима убегает от сестры на север. Она впадает в Миасс, Миасс – в Исеть, Исеть – в Тобол, Тобол – в Иртыш, Иртыш – в Обь, а Обь несет свои холодные воды в Ледовитый океан.

И может быть, и сейчас упавшая в воды Киолима другая кедровая шишка вмерзла в льдину и плавает в холодных северных просторах.

Так разошлись пути двух горных речек.

...Ребята перешли шаткий мост, перекинутый через реку Куштумгу. Здесь она, резко повернув на север, идет узкой долиной между Варгановой и Красноглинной горами, чтобы около Исильского бугра вырваться из плена гор и кинуться в дремучие леса на восток.

Здесь путники задержались ненадолго. Они тщательно осмотрели бугор, где увидели залегание слюды. Блестящие слюдяные плитки валялись на земле.

– Мы, когда ходим по малину, берем с собой эту слюнду играть, – сообщил Володя.

– Не слюнду, а слюду, – поправил его Ленка.

– Ну, все равно. Она красивая. Здесь ее француз в японскую войну добывал, а потом что-то бросил. А то прямо ящиками куда-то ее отправлял.

Записав в блок-нот местоположение слюдяной залежи, ребята с Исыльского бугра спустились в красивую березовую рощу. Все березы казались одетыми в белые, чистые халаты.

За рощей показались Сухокаменские печи. Они ничем не отличались от остальных. Осмотрев их, тронулись дальше. Дорога стала подниматься вверх. В семи километрах от печей они взойшли на Филинский стан, как раз на перевале. Здесь, около Гранитного утеса, устроили короткий отдых. И снова, входя в роль опытного проводника, Володя сообщил им:

– Тятка сказывал, что он здесь робыл пять годов назад.

– А что он делал здесь?

– Гранат добывали. Инженерша какая-то тут распоряжалась.

– Тут наверное, не только гранат в земле спрятан, – сказал Леонид, записывая эти сведения в блокнот.

– Ты не записывай, копать все равно нельзя, – заметил юный проводник.

– Почему?

– Вода затопит. Дедушка сказывал: Таганай рыть начали, а оттуда вода как хлынет – все и разбежались. А в Тагане всякие камни есть: и красные, и зеленые, и еще много других.

– Удивляюсь, – пожал плечами Паша, – почему сюда геологическую экспедицию не пошлют.

– А вот кончай институт, да и приезжай сюда ковыряться, – усмехнулся Миша.

– Подожди, до всего доберемся, – авторитетно заявил Леонид. – Урал и на сотую долю не разведан. Вон посмотри, – он указал на висящий вдали Таганай. – Никто еще не знает, какие богатства в нем скрыты. А будет время – все пойдет на пользу Советского Союза.

Взглянув на Таганай, Володя поторопил их:

– Пойдемте скорее, а то не успеем.

– А что? – торопливо спросил его Миша.

– А видишь?

* * *

Вершину Таганая заволакивала черная туча. Вот уже он стал виден только наполовину.

– Гроза большая будет. Дождище будет большущий. Тогда тропкой через болото не пройдешь. Кругом придется обходить.

Молча, быстрым шагом пошли ребята вперед. Дорога, извиваясь между скалами, привела их в глубокую долину, где теснились утесы Исыла и слышался грохот далекой грозы на вершине невидимого для глаз Таганая.

Деревья тревожно качали вершинами. Птицы замолкли. Лес под порывами ветра шумел и трещал.

Вот и тропа. Володя свернул на нее и пустился бежать. Спутники бросились за ним. В лесу потемнело. Тучи покрыли все небо. Не успели они пройти еще болото, как молния разрезала мрак. Загрохотал гром, гулко отдаваясь в горах.

И вот разразился сильнейший ливень. В одну минуту все смокли до нитки. Шли молча, стараясь не оступиться в болото. Тропу было трудно различить. Но Володя уверенно шел вперед, торопя своих спутников.

– Давайте где-нибудь укроемся, – завопил выбившийся из сил Миша.

– Еще в темноте влетишь куда-нибудь и не выберешься, – поддержал его Павел.

Гроза разбушевалась не на шутку. Грозовые раскаты, казалось, потрясали горы, словно кто-то бил по ним огром-

ной кувалдой. Вдруг вблизи грохнулось на землю дерево, раздробленное грозой. Ребята испуганно отскочили в сторону и остановились.

– Володька, где ты? – испуганно крикнул Леонид.

Ответа не было.

Огромная сосна перегородила тропинку. Ребята лихорадочно шарили руками вокруг. Спичку зажечь было невозможно.

Дважды обшарили они ствол сосны. Володи не было. Миша в изнеможении сел на ствол.

– Может, его в болото сшибло? – пробормотал он.

– Давайте поищем, – предложил Леонид и первый спрыгнул с тропинки в сторону.

– Помогите! Тону! – дико закричал он тотчас же, ибо, спрыгнув, сразу же погрузился в тину. Его неодолимо тянуло вглубь.

Паша, схватив толстый сук, кинулся к нему.

– Держись!

Леонид ухватился за сук обеими руками.

Общими усилиями Паша и Миша вытащили его на тропинку. Весь он был облеплен липкой грязью. Тяжело дыша, он спросил:

– Где же Володя?

– Утонул наш проводник! – со слезами в голосе пробормотал Миша и отвернулся в сторону. Плечи его вздрагивали.

Ребята подавленно молчали. В голове у всех бродили тревожные, невеселые мысли.

А кругом грохотала гроза. Казалось, еще немного – и небо расколется, а горы опрокинутся в болото.

Испуганные, стояли они в темноте под яростным ливнем, не зная, что предпринять и куда идти.

Вдруг в промежутке между ударами грома они услышали звонкий крик откуда-то из темноты.

– Это Володька! – радостно завопил Миша. Стараясь не сбиться с тропинки, ребята бросились в крик.

И вот уж Володя стоит рядом с ними и весело смеется:

– Где вы пропали? Я кричал, кричал! Думал не знаю што...

– А ты куда девался? – сердито спросил Леонид.

– Балаган искал. Тут он, недалеко.

Не прошли они и ста сажен, как вышли на пригорок. Почувствовав под ногами твердую землю, облегченно вздохнули. Балаган стоял на бугре, среди высоких сосен в стороне от тропинки. Через полчаса все сидели около камелька, в котором весело потрескивал огонь, и смеялись над своими недавними страхами.

– Чей это балаган? – спросил Паша.

– Охотничий. Дядя Максим построил.

– Ну и молодец же ты, Володька, – похвалил его восхищенный Леонид.

Выспавшись в балагане, путешественники утром пришли на берег Киолимы, где стоят Верхнекиолимские углевыжигательные печи.

Киолима, как маленькая юркая змея, вьется между Таганаем и Исылом и, огибай их, уходит дальше в урман, а здесь, над самыми печами, сияет на солнце высокими утесами красавец Таганай, достигая высоты 1400 метров.

Таганай – священная гора башкир, населявших прежде этот край.

По преданиям, в незапамятные времена под горой было башкирское село. Жители поклонялись горе, на вершину которой раз в месяц спускалась луна. Из далеких сел, за сотни верст по горным тропам, через дремучие леса приходили башкиры поклониться священной горе.

Но все это народные легенды, древние предания, – а перед глазами восхищенных ребят высился живой Таганай, с высокими вершинами, с цепью горных кряжей, протянувшихся вплоть до Златоуста.

Осмотрев печи, они перешли по узкому мосту через бурную Киолиму и устремились по тропе вверх, туда, на вершину.

Тропа вилась вверх через хвойный лес, через вырубленные делянки, поросшие высокой травой и кустами маличника.

Выше! Выше! Вот уже лес редееет. Чаще встречаются каменные россыпи, деревья становятся ниже.

Выше! Ельник и пихтач остаются за спиной. Их заменили багульник, можжевельник, карликовые березы.

Из скал бьет холодный ключ и бурными каскадами низвергается вниз по склону, чтобы превратиться в горную речку.

Вокруг в разные стороны, окруженные скалистыми грядками, раскинулись широкие поляны, поросшие мхом и брусничником.

Брусники неописуемо много. Здесь ее черпают железными бралками. Наберут ведро и тащат на стан, где стоят телеги с огромными корзинами. Возами отсюда бруснику и голубику в Златоуст возят по горному тракту.

Отдохнув у ключа, ребята начали взбираться на вершину Таганая. Подъем был очень труден. Ежеминутно рискуя свалиться вниз, медленно продвигались они вперед.

Из-под ног летели камни. Володя, как горная коза, легко взбирался вверх.

Отдохнув на выступе минут пять, а он уже их снова подгоняет:

– Скорей! Скорей! А то как закроет все облаками, туманом заблудимся и свалимся вниз.

– Какие тут облака? – возразил Миша. – Вокруг все ясно.

– Ты еще ничего не знаешь. Сейчас ясно, а, глядишь все туманом закроет. Тут место такое, – поучал юный проводник.

И он снова двинулся вперед.

Выше! Выше! Вот уже они пробираются сплошной россыпью. Вот уже ползут, осторожно перебираясь с камня на камень. Дует легкий ветерок. Еще напряжение – и они на вершине.

Но как же здесь хорошо!

Под ногами необозримо море зеленых лесов. Цепи гор синеют вокруг. На севере, среди лесов, маячит величественная вершина Юрмы. На юге вдали виден город Златоуст, горы Косотур, Уреньга, а еще дальше Иуртуш.

На востоке могучей стеной стоит Урал-Тау (главный хребет). За ним озеро Увильды, а еще дальше, в солнечном мареве, чуть виднеется далекий Кыштым. Правее сверкает озеро Тургойак, за ним Ильменский хребет и город Миасс.

Тут и там среди лесов маленькими прогалинами виднеются лесные деревушки.

Синь. Простор. Необъятность.

Хочется громко кричать, петь, чтобы голос твой отдавался по округе, эхом ударяясь в горы, перелетая дальше. Хочется набрать полную грудь горного воздуха и пить его, как целебную воду.

Здесь, на высоте, под облаками, земной шар кажется более осязаемым и понятным. Здесь яснее, чем в учебнике, раскрывается история земли, становятся ясными те далекие времена, когда гигантские смещения земной коры выдвинули, возвысили эти хребты и вершины. Земля шаталась, она вставала на дыбы, и на память от тех времен остались прекрасные горы. Сколько же богатств таят в себе они? Сколько полезных руд ждут человека? Ждут, когда он придет и вскрыет их недра, наполненные сокровищами.

Долго стояли на вершине и мечтали трое ребят. Они мечтали о прекрасном будущем, которое будет еще лучше нашего радостного настоящего. Они стояли и смотрели, пожирая глазами просторы.

Очнувшись от очарования они лишь тогда, когда туча начала окутывать вершину и юный проводник дернул за рукав Леонида. Тот обернулся.

Володя молча показал ему на соседнюю вершину.

– Надо спускаться вниз.

Тем же путем осторожно стали спускаться они с вершины.

Когда они вошли в балаган около ключа, снова началась гроза с проливным дождем. Но она уже была не страшна. Раздевшись, в одних трусах, ребята выбежали под ливень, радостно хохоча.

Ливень прошел. Выглянуло солнце, и еще прекраснее стало вокруг.

Проголодавшийся Миша деловито кипятил чай.

Володя с Пашей ушли на западный склон за голубикой.

Они прошли мимо высокого утеса, а затем перевалили через невысокую гряду скал. Нагибаясь, Паша подбирал небольшие камни, отбивал некоторые молотком, клал их в карман и бормотал про себя.

– Авантюрин... Гранат... Сланец... Кварц...

Володе то и дело приходилось окликать его. Но вот и склон. Он весь усеян кустиками спелой голубики. Склон круто обрывался вниз.

Дул свежий ветерок. Володя и Паша, ползая на коленках, собирали в котелки голубику. Паша, сидя на корточках над обрывом, наполнял свой котелок и восхищенно покрикивал:

– Вот это да. В жизни не видал столько ягод!

Вдруг резким порывом ветра его бросило в сторону.

Он вскрикнул, взмахнул руками и покатился с обрыва. Котелок, перегоняя его, звенел о камни, а затем исчез внизу.

Володя стоял, словно охваченный столбняком, без крика, без движения. Он видел, как, взмахивая руками, Паша пытался ухватиться за камни, за мелкий кустарник и снова катился вниз.

Но вот ему удалось ухватиться за кустик. Напрягая последние силы, он подтянул тело, и ногами и руками обхватил его. Кустик гнулся и потрескивал. Тогда он, осторожно цепляясь за траву, за камни, пополз вверх. Метр за метром медленно полз он к группе огромных камней, торчащих из заросли карликовых березок. Вот он добрался до них, укрепился ногами и руками и, тяжело дыша, взглянул наверх.

Тогда Володя схватил котелок и стремглав бросился бежать.

– Куда ты? – крикнул Паша, но тот уже исчез.

Ленька и Миша, не дождавшись товарищей, начали пить чай, когда в балаган ворвался испуганный Володя. Ребята вздрогнули и вопросительно взглянули на него.

– Паша свалился вниз! – крикнул он.

– Где?

– Там, за утесом.

– Пошли скорее! – крикнул Леня и бросился к двери.

– Постой, веревку надо, – Володя начал шарить под нарами. Он знал, что на случай несчастья в балагане всегда лежала крепкая веревка. И он нашел ее. Это была длинная пеньковая веревка с петлей на конце.

Через пять минут они были на краю обрыва.

– Жив? – крикнул Леня.

– Жив! – раздалось снизу.

– Сейчас мы тебя вытащим. Ты не сильно расшибся?

– Нет, не очень.

– Лови веревку!

Укрепив веревку за камень, другой конец с петлей бросили Паше. Он поймал ее, обвязал вокруг пояса и медленно пополз вверх, подтягиваемый товарищами.

Ближе, ближе. Еще немного – и его голова уже показалась над обрывом. Он уже протянул руку, чтобы схватиться за камень, как вдруг с диким криком отпрянул в сторону.

Ребята пошатнулись, едва не выпустив веревку из рук.

– Змея! – закричал Паша. – Тащите! Тащите!

Сильным рывком ребята выдернули его на площадку.

Еще секунда, и было бы поздно.

Большая серая змея, шипя, взметнулась из-под и камней, где только что полз Паша.

Все отскочили в сторону. А Володя, схватив камень, с силой бросил его в змею. Змея упала обратно на камни, свившись в кольцо, скатилась вниз.

Укрепив веревку за камень, другой конец с петлей бросил Паше.

Бледный, с окровавленным лицом и руками, стоял Паша и радостно обнимал своих спасителей.

Они привели его к балагану и обмыли ключевой воде. На его счастье, он отделался только легкими ушибами ссадинами. Переломов не было. Но уже взбираться на горы и идти по горным тропам он не мог.

Ушибленное колено болело, а левая рука плохо поднималась. Переночевав в балагане, утром повели его вниз на Киолимские печи.

– Там есть фельдшер, – сообщил им Володя.

К обеду ребята пришли на печи, а вечером вернулся с Нижнекиолимских печей фельдшер – седенький старичок, – и сделал Паше перевязку.

Отсюда до Златоуста оставалось лишь 25 километров.

Решили дальше ехать на лошадях. Наняли две попутные телеги и с песнями отправились дальше.

Проехали мимо Откликного Гребня, в семи отвесных столбах которого долго бродит эхо, ударяясь о скалы и перерезывая человеческий голос.

Затем дорога поднялась на высокий перевал. Оставив в стороне Малый Таганай, спустились в долину реки Тесьмы.

Здесь путешественники пообедали, искупались и поехали дальше через ельник и сочные зеленые луга по берегу реки. К вечеру они уже были в Златоусте. Не доходя до города, Володя спрыгнул с телеги.

– Ты куда? – спросил его Леонид.

– Домой. Вон дорога в нашу деревню.

Ребята тепло распрощались с ним и долго смотрели, как, весело напевая, он шел по дороге. Скоро он исчез в зеленой чаще.

– Хороший парнишка, – тихо проговорил Паша.

К вечеру были в Златоусте. Два дня осматривали город и заводы, а затем уехали обратно в Свердловск.

А когда началась учеба, они на общем собрании студентов рассказали о своем путешествии на Таганай так ярко, так красочно и интересно, что организовать путешествие новой группы студентов на Таганай не составило никакого труда.

И вот, однажды, в начале зимы Володя Кирьянов получил письмо. Прочитал его и сказал отцу:

– Понравились наши горы. Летом тридцать человек приедут. Опять поведу их на Таганай.

С. ЛЯЛИЦКАЯ

**ПОДЗЕМНЫЕ
РОБИНЗОНЫ**

Приключенческая повесть

Избушка «на курьих ножках»

Но крутому склону высокого лесистого холма, – их немало в окрестностях Багаряка, – по узенькой, едва заметной лесной тропке торопливо пробиралось трое путников с рюкзаками за плечами.

Старшему из них, студенту геологу Виталию, было не более 19 лет. Это был высокий, плотный широкоплечий юноша. Вся его внешность дышала здоровьем и силой. Темные волосы густой шапкой окаймляли крупное смуглое лицо с ослепительно белыми зубами. Он не был красив, но когда улыбался, лицо его делалось особенно привлекательным и симпатичным.

Его двоюродные братья, Борис и Павлик, были городскими жителями, и только недавно приехали в Багаряк.

Старший брат Борис, худой, бледный, с большими серыми глазами, был не по летам серьезен и задумчив.

Полной противоположностью ему был его младший брат, двенадцатилетний Павлик. Живой, подвижной, всегда смеющийся, он выглядел совсем ребенком. Павлик в первый раз в жизни попал в глухой лес, и все, что ни встречалось по пути, доставляло ему неподдельную радость, приводило его в неописуемый восторг.

Молчание нарушил Виталий:

– Пожалуй, не дойти нам к ночи домой. Нечего и спешить. Наберем побольше хворосту, разложим костер, да и будем спать у костра.

– Вот чудесно! – воскликнул Павлик, – я буду хворост собирать...

Виталий посмотрел на мальчика и улыбнулся своей милой улыбкой. Протянув загорелую руку, он похлопал братишку по плечу.

– Нравится тебе здесь, Павлик?

– Еще бы! – живо ответил тот, и глаза его заискрились радостью. – Ты не можешь себе представить, Виталий, как мы с Борисом всегда завидовали тому, что ты живешь на Урале, среди лесов.

– И как хорошо, – подхватил Борис, – что ты пригласил нас этим летом к себе. Теперь мы попали в настоящие лесные дебри...

Разговаривая, путники незаметно поднялись на вершину холма и очутились на обширной, заросшей шиповником и малиной каменистой площадке.

Заходившее солнце играло в ярко-зеленой хвое сосен и золотило их стройные красноватые стволы.

Братья подошли к краю площадки и замерли на месте, любуясь чудесным, видом. Перед ними расстилалась широкая панорама живописных лесистых холмов, кое-где усеянных голыми серыми скалами, прорезанных изумрудными горными долинами.

– Какая красота! Как здесь хорошо! – взволнованно произнес Борис, останавливаясь на каждом слове и вдыхая полной грудью чистый горный воздух.

Виталий взглянул на брата.

– Я думаю, на всем Урале не найдется уголка живописнее этого...

– Борис, Виталий! – вдруг раздался где-то в стороне голос Павлика. – Домик, настоящий домик, вон там...

Отправились за Павликом.

Действительно, недалеко от обрыва, среди огромных глыб камней, приютилась крохотная избушка: ветхая, покосившаяся, наполовину вросшая в землю. На крыше ее, когда-то выложенной дерном, цвели бледно-голубые колокольчики. Настоящая лесная избушка, какие бывают только в лесной глуши Урала...

В избушке была узкая покосившаяся дверь, забитая доской, и крошечное окошечко без стекла. По обе стороны избушки, словно часовые, стояли две огромные сосны, в сравнении с которыми она казалась совсем игрушечная.

– А вот и второй домик, – захлебываясь от радости общал Павлик, – смотрите, совсем маленький, без окон без дверей и... на ножках!

– Точно на курьих ножках! – воскликнул Борис. – Как в сказке: «Избушка там на курьих ножках»... Что же это такое? Улей?..

– Это амбарчик, – пояснил Виталий. – Охотники обычно укрепляют их над землею на четырех столбиках, чтобы предохранить продукты от мышей и других мелких грызунов.

За избушками высилась высокая скалистая горка, и из-под нее вытекал прозрачный ручеек. Он растекался по цветной гальке, небольшим водопадиком падал с камня и быстрой журчащей струйкой бежал вниз.

Братья молча созерцали это дикое живописное место. Вид уединенной, полуразрушенной избушки на вершине холма, избушки, в которой, без сомнения, кто-то когда-то жил, заставил их громко высказать то, о чем мечтает не один мальчик их возраста: «хорошо пожить в лесу одним, так, как живут дикари».

– Виталий, – спросил Борис, – ты жил когда-нибудь в лесу?

– Жил в таборе, когда ездил с ягодниками за малиной. Но жил не больше двух дней.

– А вот в такой избушке бы пожить... – мечтательно протянул Борис.

– Великолепно придумано. Завтра вернемся домой, поговорим с отцом.

– А сейчас мы в избушке ночевать будем? – не отставал Павлик. – Можно дверь отбить?

В избушке оказался просто сбитый из необтесанных досок стол и такая же скамья. Сквозь крышу в некоторых местах, видимо, протекал дождь – в углу избушки виднелись плесень и мох. Пол прогнил, печка развалилась.

– Сегодня-то мы, конечно, в избушке ночевать будем, – заявил Виталий, – только надо помягче постель устроить. Павлик, возьми-ка топор и пойди, наруби еловых лап.

Через некоторое время Виталий уже устраивал постель из душистых еловых лап. Он устлал ими весь пол, а сверху положил свое пальто. Укрылись плащами Бориса и Виталия. Закрыли дверь, собрались спать. Вдруг при свете луны в незастекленном окне вырисовалась какая-то фантастическая тень, взметнулись широкие крылья.

– Что это? – спросил Борис.

– Это летучая мышь, – сказал Виталий, – залетела в избушку. Она всех мух и комаров переловит, спокойно можно спать будет.

– А волки и медведи к нам не придут? – сонным голосом спросил Павлик.

– Нет, нет, не бойся, не придут, – успокоил его Виталий.

Через минуту все смолкло в лесной избушке. Братья спали крепким сладким сном.

* * *

Вернувшись домой, Виталий узнал от отца, что это за домик в лесу. На Урале, в самых глухих местах часто встречаются такие избушки. Углежоги много лет назад выстроили ее, прожили в ней лето; с тех пор она стояла пустая.

Василий Ефремович, отец Виталия, ничего не имел против того, чтобы мальчики поселились на месяц в лесу.

– Неплохо пожить в лесу. Дома и без вас со всеми делами справимся. Живите себе на здоровье. Мы с братом в детстве тоже мечтали о такой жизни. Под боком леса были, а мы в Америку бежать собирались. Совсем ошалели. Особенно брат. Сидит, бывало, на уроках, ничего не слышит, не соображает, когда учитель спросит. А потом рассказывает, что ему в это время битва с тигром или удавом чудилась...

Василий Ефремович взял в колхозе лошадь, чтобы отвезти ребят в их новое жилище. До холма было около пятнадцати километров. Ехали по едва заметной, заросшей колее. У подножья холма протекала в узких каменистых берегах мелкая речушка Урка. Там кончилась дорога, а от нее вела тропинка к вершине холма, где стояла избушка.

– Смотрите, ребята, – указал Василий Ефремович на скалу, высившуюся недалеко от избушки. – здесь в скале находится пещера. Старики рассказывают, что когда-то, еще в крепостное время, беглые рабочие скрывались в ней от преследования.

– Вот интересно! Непременно осмотрим ее, – в один голос воскликнули ребята.

С телеги сняли мешки с продуктами, чемоданы с бельем, ведра, посуду...

– Устраивайтесь, ребята, – сказал Василий Ефремович. – Недельки через две, как только освобожусь, приду вас навестить. Остался бы с вами, да нельзя. А хорошо здесь. Ну, прощайте.

Василий Ефремович хлестнул лошадь и скрылся за поворотом дороги.

Трое ребят остались одни среди уединенных Багарякских холмов.

Лесные робинзоны

На другое утро неугомонный Павлик проснулся чуть свет. Сначала он не мог понять, где находится. Маленькая комнатка с бревенчатыми растрескавшимися стенами, фанерным потемневшим потолком. В углу навалены мешки и чемоданы. И спят они все вместе, все три брата прямо на полу, на мягкой душистой хвое.

Тут Павлик сразу все вспомнил. Ведь они теперь не в просторном и удобном доме Виталия, а в лесной избушке, не в большом селе Багаряке, а в глуши холмов.

– Ура! Да здравствуют Уральские холмы, да здравствуют лесные робинзоны! – закричал Павлик так громко, что Борис повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. А Виталий открыл глаза, сладко потянулся и расплылся в широкой улыбке.

– Что так рано проснулся, робинзон? – спросил он Павлика.

– Ты говорил, много дела сегодня. Вот я и проснулся рано. Сейчас за водой пойду.

Павлик, захватив ведро, отправился за водой.

Едва выйдя за дверь избушки, мальчик остановился. Прямо перед ним, на стволе сосны, сидел пестрый красно-головый дятел и долбил длинным носом по дереву.

– Тук, тук, тук, тук, – разносилось по лесу.

Павлик попятился назад, в еще не закрытую дверь.

– Виталий, Виталий, посмотри, какая птица красивая по дереву лазит, – зашептал он, – дятел, наверно.

– Дятел, я по стуку слышу. Не мешай спать, – ответил задремавший было Виталий.

– Да нет же, посмотри на него, – не унимался Павлик.

Добродушному Виталию ничего не оставалось, как встать и посмотреть на дятла.

– Дятел и есть... А теперь не мешай мне спать.

Но не успел Павлик сделать и нескольких шагов, как опять вернулся обратно.

– Виталий! Я только на одну минутку... Белка на сосне. Шишку вниз бросила, посмотри.

– В последний раз смотрю, неугомонный ты, – не мог не уступить Виталий своему любимцу.

– Хорошо, больше не стану тебя беспокоить. Принесу воды, разожгу костер, вскипячу чайник и сварю кашу.

– Тогда меня и разбуди, а до тех пор я буду спать.

Но не судьба была Виталию заснуть в то утро. Только что он закрыл глаза, как раздался грохот пустого ведра, и на пороге опять появился Павлик.

– Виталий!?!

– Опять что-нибудь увидел? Жука, муравья, слона, кенгуру?..

– Виталий, не сердись и не смейся надо мною, – взволнованно заговорил мальчик. – Я воды не принес. Пошел я на то место, где вчера ручеек протекал. Именно на то место, я не мог ошибиться... А ручья нет... И след от него остался. А ручей исчез... что же это такое?

– Не волнуйся, Павлик, да, ручей действительно исчез если его нет на прежнем месте. Я забыл вам рассказать, что этот ручей называется: «Пропащий ручей». Он то появляется, то опять исчезает.

– Что это ты там рассказываешь? – заинтересовался проснувшийся Борис.

– Да про ручей. Сегодня он исчез...

– Исчез? Ручей? – Борис даже привстал от удивления. – Куда же исчез?

– Еще школьный учитель рассказывал, – продолжал Виталий, – что здесь под землю находится озеро. Озеро это соединяется с поверхностью земли коридором, промытым подземной водою. Когда подземная вода наполняет озеро до краев, она по этому коридору вытекает в виде ручейка на поверхность. Иссякает вода в подземном озере – перестает бить из-под земли и ручеек. Поэтому его и называли: «Пропавший ручей». У нас на Урале много таких рек и ручейков. Они питаются водою подземных озер.

– Как это интересно, – мечтательно произнес Борис – Вот если бы пробраться в такую пещеру, посмотреть, каковы подземные озера...

– Дай срок, доберемся и до них.

– А вдруг Пропавший ручей не появится, как мы будем жить без воды?

– Какой ты рассеянный, Борис. Разве ты забыл про узенькую речку у подножья нашего холма? Отец еще сказал, что она называется Урр, но все зовут ее просто: Урка. А где же вы с Павликом рыбу собираетесь ловить? Ведь в Пропащем ручейке она не водится...

Через минуту трое ребят, весело болтая, спускались с холма за водою. Павлик веселился, как маленький ребенок. Он громко напевал, гонялся за бабочками, целился шишками в любопытных белок. То его внимание привлекал невиданный жук, то цветок, то камешек. Не было ни одного предмета, который бы не вызвал его бурного восторга и удивления.

Вот он нашел красивый белый блестящий камешек.

– Смотрите, золото вкраплено в камень!..

– Да это же кварц со слюдою, – улыбнулся Виталий.

– Ай, да геолог! – поддразнил его Борис.

Павлик обиделся и решил больше ничему не удивляться, по крайней мере громко, при братьях.

После завтрака принялись за дела. Прежде всего надо было осмотреть амбарчик.

– У такого амбарчика всегда бывает лесенка, – заметил Виталий.

Но здесь лесенки не было. Подсадили Павлика, он повернул вертушку, открыл дверцы и скрылся в амбарчике. Вскоре он вытащил оттуда сначала рассохшуюся кадку, в которую, очевидно, наливалась в запас вода, когда иссякал источник. За кадкой последовала морда для ловли рыбы, лопата, старый зазубренный топор. В глубине амбарчика стоял большой туес, наполовину заполненный горохом. Появление каждой новой вещи сопровождалось радостными восклицаниями.

– С туесом мы будем ходить по ягоды, он легче, чем ведро...

– Кадку сначала размочим в реке, а потом будем держать в ней воду...

– Мордой рыбу ловить будем.

– У вас есть уже топор, а теперь и для меня топор нашелся, – радовался Павлик.

– Из гороха мы суп варить будем, – сказал Виталий.

– А как же углежоги? – удивился Борис.

– А мы, когда будем уезжать, оставим крупы, которая у нас останется. Ты, ведь, слышал, отец рассказывал, что на Урале, в глухой тайге, нередко встречаются избушки. Они ничьи. Издавна ведется такой обычай: в этих лесных гостиницах находят себе уют охотники. С радостью они замечают такую избушку, входят в нее, находят уже приготовленные спички на шестке. Зажигают огонь, сушат свою одежду и отогреваются. Подкрепившись и отдохнув, они покидают избушку и, в свою очередь, оставляют нарубленные дрова и спички.

Ребята сложили в амбарчик свои продукты: крупу, сахар, лапшу, картошку и прочее.

– Все, что нам нужно, мы будем брать из амбарчика. Наш домик так мал, что в нем нельзя оставлять ничего лишнего, – решили мальчики.

А Виталий прибавил:

– Амбарчик стоит как раз на солнечном припеке. Масло в нем растает, картошка завянет и прорастет, консервы могут испортиться. Давайте-ка здесь, под сосной, выкопаем яму в земле – туда и сложим эти продукты.

Сказано – сделано. Поточили об камень найденную в амбарчике лопату, выбрали место между камнями где было побольше земли, и поручили Павлику выкопать яму А для старших мальчиков нашлось более сложное занятие – надо было сделать лесенку для амбарчика.

– Мы сделаем ее самым простым способом, – сказал Виталий, – как делают народы Севера. Возьмем отрезок бревна и сделаем на нем глубокие зарубки, вместо ступенек.

Кроме изготовления лестницы, была и другая работа. Кое-где надо было подбить доски в избушке, законопатить щели мхом, замазать их глиной. Надо было сбить из досок еще одну скамейку, а также напилить обрубков вместо ступеней.

Целый день употребили мальчики на устройство своего нового жилища. Наконец, все было окончено. Было решено завтра же предпринять далекий поход. Корзины, туес, продукты и вода были заготовлены с вечера. В этот вечер братья заснули с самыми радужными планами на следующий день.

Обвал в горах

Но на следующий день все произошло совсем не так, как предполагалось. Все проснулись поздно. У всех болела голова, словно они угорели. В воздухе чувствовалась необычайная духота, было страшно жарко. Обыкновенно, даже в самый знойный день, всегда бывал легкий ветерок, но в это утро воздух был душный и неподвижный. А солнце было какого-то странного, огненно-красного цвета.

– Ну, и душно же сегодня, – жаловался Павлик, вытирая после завтрака вымытую Борисом посуду. Щеки его побледнели, и он не бегал и не сутился, как всегда.

– Гм, странно, – бормотал Виталий, тяжело опускаясь на скамеечку у избушки и обмахиваясь кепкой, – даже дышать сегодня трудно.

– А не лесной ли это пожар? – догадался Борис.

– Не знаю.. Может, и пожар. Но здесь мы в полной безопасности. Мы ведь на самой вершине холма. Наша площадка, кроме этих двух сосен и кустов, почти совсем лишена растительности. К вершине холма деревья редеют, трава почти всюду выжжена солнцем, всюду из земли торчат камни. Огню негде разгуляться. Да и к тому же у холма протекает Урка. А наш ручеек, он еще не появился?..

– Появился, я только что его видел, – сказал Борис, – и сегодня в нем гораздо больше воды, чем было раньше. Водопад сверкает на солнце, словно усеянный самоцветами.

– Ну, с водой под боком и думать нечего об опасности. Ведь не из-за красоты же углежоги выбрали для своего лагеря именно это место. Но, во всяком случае, мы должны остаться дома и не спускаться с холма.

– Как ж-а-а-ль, – протянул Павлик.

– Ну, уж поскучай один денечек, – успокоил его Виталий. – Я уверен, что днем поднимется ветер, и воздух очистится. Наверное, будет гроза.

Все утро ребята тоскливо бродили по холму, высматривая, не видно ли где дыма. В середине дня они заметили, что на западе, над скалой за избушкой, нависла огромная туча.

– Похоже, что скоро разразится гроза, Борис. Никогда я не видел подобной тучи – черной, с медно-красным отливом. У нее такой зловещий вид. Посмотри, Виталий.

– Да, будет сильнейшая гроза, – подтвердил Виталий.

Буря разыгрывалась медленно. К трем часам дня первый порыв ветра налетел на горку за избушкой и с ревом пронесся вниз по ее склону. Молния зловеще засверкала, озаряя багровыми вспышками окрестные горы, и оглушительные раскаты грома перекатывались от одной горной вершины к другой.

Павлик, боявшийся грозы, сдерживался, насколько это было в его силах. Но, наконец, при особенно громком ударе грома он бросился в свою постель и закрыл голову плащом.

Потоки воды неслись по горной площадке, на которой стояла избушка, и бурным водопадом стекали вниз, по склону холма. Иногда сильный напор воды уносил и обломки скал. Затем внезапно сверкнул ослепительный свет. Раньше чем Павлик успел вскрикнуть, раздался оглушительный треск, будто что-то сломалось и разрушилась целая скала. Избушка задрожала до самого основания. Резкое восклицание Виталия заставило Бориса поспешно подойти к двери.

– Молния попала в одну из больших сосен. Совсем близко, – чуть нас не убило!

И, действительно, огромная сосна, почерневшая и изуродованная, склонилась почти над самой избушкой, не падая на землю только потому, что ее поддерживали ветви сосны, стоявшей по другую сторону. Но в это время внимание мальчиков привлек отдаленный грохот, несшийся со скалы, которая высилась над ними. Павлик, онемев от ужаса, крепко уцепился за руку Бориса. Все три мальчика стояли рядом, с вытянутыми лицами, не спуская глаз с крутого склона за избушкой. Зловещий грохот звучал все ближе и ближе.

– Борис, ты понимаешь: по горе катится оползень, – взволнованно сказал Виталий. Едва успел он произнести эти слова, как огромный камень, окруженный целым градом мелких обломков, скатился со склона горы.

– Нужно уйти отсюда, – поспешно проговорил Борис: – нас может завалить. Но только куда? Ах, знаю. Берите самое необходимое: провизию, спички, фонарь.

– Зачем?

– Нужно быть готовым ко всему, избушку может разрушить. Живее!..

Мальчики не стали терять времени. Решено было взять всю воду, какая была в запасе. Тут пригодились и три пустых бутылки, найденные в амбарчике. Были взяты спички, свечи, консервы, сухари, горох и даже лапша.

– Зачем брать лапшу, – суетился Павлик, – ведь вы не сможете ее варить на улице, под дождем.

– Кто знает, что может случиться? На всякий случай возьмем все, что у нас есть, – говорил Виталий.

Провизию разделили на три неравные части. Самая тяжелая ноша предназначалась Виталию, самая легкая – Павлику. Ввалив рюкзаки на спину, мальчики выбежали из избушки. Это было вовремя. Большой камень с такой силой ударил в стенку избушки, что она зашаталась.

Дождь хлестал, как из ведра. Ветер налетал с бешеным порывом. Трудно было стоять на ногах.

– Сюда, за мной! – крикнул Борис, хватая братьев за руки. – Туда, в пещеру, – и мальчики, борясь с ветром и ливнем, пробрались в пещеру, которую отец указал им за несколько дней до этого.

В пещере царил полумрак, и только вспышки молнии иногда освещали внутренность пещеры, помогая мальчикам осмотреться.

– Теперь мы в безопасности, – проговорил Виталий. – Промчится ураган, и мы сможем осмотреть избушку, если ее не разрушит...

Конец его слов заглушил страшный раскат грома, что-то захлопотало и в пещере стало темно...

– Почему вдруг темно стало? – беспокойно спросил Павлик.

– Это так кажется после вспышки, – успокоил его Борис...

– Да, да, – быстро проговорил Виталий. – Вы стойте тут и возьмитесь за руки, а я – сейчас.

В темноте слышно было, как он пошел в сторону входа. Вернулся через несколько минут. Братья стояли молча.

– Хорошо, что мы взяли провизию, – проговорил Виталий.

– А что? – с тревогой спросил Борис.

– Особенного ничего. Небольшой оползень завалил нас. Мы завтра поищем выхода, – он зажег свечу. Пламя заколебалось. – Вот видите, воздух движется, значит, где-то есть еще выход. Я знаю здешние пещеры: они иногда тянутся на несколько километров.

Закусив хлебом с консервами и запив свой ужин водой, все улеглись. Было жестко и неудобно спать на камнях, и

они невольно вспомнили свои постели из еловых лап в избушке у Пропащего ручья, и особенно сильно почувствовали свое одиночество.

– Другого выхода у нас не остается, – твердо сказал Виталий, – и мы не должны терять присутствия духа.

Несмотря на жесткое ложе, подземные робинзоны быстро заснули в эту первую ночь своего пещерного путешествия.

Духи пещеры

Однако спали они недолго. Павлик, как всегда, проснулся первым. Его разбудил пронзительный писк. При свете луны, проникавшем в щели свода пещеры, он увидел множество летавших крылатых фигурок. Они носились по пещере, кружились, камнем бросались вниз, затем вдруг, словно кто их подбросил, взлетали вверх. Целые стаи их вылетали и влетали вверх обратно в пещеру, и вдруг в одном углу пещеры раздался новый непонятный звук:

– Угу-ух, ух-ух... уху.. ху-ху...

В другом конце пещеры повторилось то же уханье, раздалось хлопанье чьих-то больших крыльев, шелканье, падение какого-то тяжелого тела и отчаянный, резкий, пронзительный писк, скорее визг. Засверкали в разных углах пещеры по два красных блестящих огонька. Тут уже Павлик не выдержал.

– Виталий, Борис! – закричал он, расталкивая братьев.

Те с спросонок ничего не понимали.

– Что тебе? – спросил Борис, – разве утро?

В это время уханье раздалось совсем близко от них и там же засветились два горящих огонька.

– Виталий, Виталий! – уже вдвоем тормозили его братья.

Виталий вскочил.

– Чего испугались? Ведь это филины ухают. Прилетели, видно, сюда из лесу, а может, и здесь день в пещере проводят. Мы их и не заметили. Теперь они вылетели на охоту. А пищат летучие мыши, разве вы их не узнали?

Засверкали в разных углах пещеры по два красных блестящих огонька.

– Смотрите! – Борис чиркнул спичку. В сторону шарахнулось что-то огромное, серое. Это был филин. А кругом беззвучно летали, описывая круги, маленькие крылатые фигурки – летучие мыши.

Мальчики успокоились, но им не спалось.

– Расскажи нам про летучих мышей, Виталий, – попросил Павлик.

– Что же вам рассказать про них?.. Летучие мыши – это очень полезные животные. Они уничтожают вредных бабочек, жуков и мух. Но в нашей деревне еще есть суеверные люди. Они говорят, что летучие мыши приносят несчастье. Недалеко от нашей деревни, на реке, есть пещера, где обитает много летучих мышей.

Между тем, наступило утро. В пещере делалось все светлее. Вся она стала розовой, от проникшего света восходившего солнца. Теперь и дальний угол пещеры был тоже освещен. Виталий указал мальчикам на несколько странных сухих, сморщенных коричневых листков, висевших под кровлей. На них ясно вырисовывались тонкие жилки. Листики, несмотря на то, что никакого ветра не было, слабо колыхались.

Виталий дотронулся до одного из них, и вдруг сухой листик задергался, раздалось сердитое стрекотание. Листик вдруг разорвался надвое, и снизу высунулась крошечная головка. Сухой листик превратился в живую летучую мышь.

– Смотрите, какая смешная головка у летучей мыши: курносая, как у бульдога. Огромный рот похож на полумесяц, ушки большие, широкие, с острием наверху, – объяснял Виталий.

– У летучей мыши осязание и слух заменяют плохое зрение, а глазки у нее крошечные, как мелкие бусинки, – заметил Борис.

Между тем летучая мышь раскрыла рот, выставив мелкие острые зубки, полураспустила крылья и не переставала угрожающе стрекотать. Маленькое, безобидное, бессильное животное, видя перед собою великанов-людей, пыталось показаться грозным и сильным.

– Как же могут висеть летучие мыши? – спросил Павлик.

– Они цепляются за выступы камня длинными крючковатыми ноготками и повисают на них, закутавшись в своих длинных шелковистых крыльях. Вот эти-то странные существа и метались ночью по пещере. Отсюда, значит, они вылетали и к нам на площадку.

В разговорах мальчики, казалось, забыли и свои вчерашние ночные страхи, и ужас перед предстоящим путешествием под землю.

Виталий напомнил о том, что надо двигаться в путь. Закусили, свернули одеяла, закинули мешки за спину.

В пещере было несколько ходов. Отправились по одному из них. Это оказался узкий каменистый коридор, спускавшийся вниз и вскоре расширившийся в небольшой грот.

В коридоре стоял еще полумрак, но в гроте уже была абсолютная тьма. Пришлось зажечь свечу и вставить ее в фонарь.

Здесь мальчики увидели множество летучих мышей, которые густо увешивали потолок грота. При свете фонаря летучие мыши принялись летать по гроту и несколько раз гасили фонарь. Целые тучи их носились по гроту, не задевая, однако, крыльями по лицу. В гроте поднялся шум, напоминавший шелест листьев при сильном ветре. В конце концов, пришлось погасить фонарь.

Когда опять зажгли его, то, к удивлению своему, увидели, что на платье у них висят крошечные коричневые листочки...

– Это детеныши, – объяснял Виталий, отцепляя крошечные листочки с глазами-бисеринками. – Обычно мать – летучая мышь – куда бы она ни летела, берет с собой своих детенышей. Они крепко цепляются за ее кожу коготками. Когда летучая мышь чем-либо встревожена, она летает слишком быстро и делает резкие движения. Малыши-детеныши не могут удержаться и падают. Обычно мать подхватывает своего детеныша, если он от нее оторвется, и не дает ему упасть на землю. Но сейчас летучие мыши были

слишком встревожены. И вот, оторвавшись от матери, малютки на лету зацепились и повисли на нашей одежде.

Оторвав от себя эти странные листики, подземные путешественники постарались поскорее миновать грот летучих мышей. Они выбрались из него в узкий, тесный коридор, но которому приходилось пролезать боком, извиваться, как змее. Длинный коридор, как и предыдущий, кончился гротом. Шум и хлопанье крыльев остались далеко позади. Здесь стояла мертвая тишина, какая может быть только под землей. Всем стало жутко...

Фонарик подземного мира

Между тем, взятая с собою вода приходила к концу. Жажда чувствовалась все острее. Павлик уже не мог молчать.

– Пить... как хочется пить... – все время повторял он.

Борис и Виталий с трудом сдерживались, чтобы не говорить о воде, не жаловаться на жажду.

Усталые, едва передвигая ноги, шли мальчики дальше, экономя воду и распределяя ее по глоткам. Все их мысли и мечты были только о воде, об одной воде.

– Вода должна быть здесь где-нибудь близко, – утешал братьев Виталий. – Мы только не знаем, как ее найти. Ведь вы чувствуете сырость?

И они опять шли вперед, сворачивая в те коридоры, где, им казалось, было более сыро.

– Озеро! – вдруг воскликнул Борис.

Впереди, куда едва доходил свет фонаря, слабо светило зеркало воды. Прибавили шагу. Павлик ожил, запрыгал, захлопал в ладоши.

– Сейчас воду пить будем! – радовался он. – Вот уж я напьюсь...

Они были уже совсем близко от озера. Борис поднял камень и бросил его в голубую поверхность воды. Но, к их изумлению, не раздалось никакого всплеска. И только через несколько времени послышался отдаленный стук упавшего камня.

– Что это? Прямо волшебство какое-то.

Осторожно шагая, подошли к таинственному озеру. Борис протянул руку, чтобы окунуть ее в воду и зачерпнуть воды. Но рука свободно двигалась в пустом пространстве...

– Но ведь это же обман! – воскликнул Виталий. – Светится не озеро, а воздух, толща воздуха, пронизанная лучами дневного света. Свет проникает сюда через провал. Да, это провал, освещенный откуда-то снизу, быть может, через тот вход, в который мы вошли в пещеру.

– А может, это и не через наш вход, может быть, через другой? Надо пойти посмотреть.

– Если бы у нас была длинная веревка, мы могли бы спуститься и обследовать нижнюю часть провала.

Края провала были покрыты мхом. Кое-где в нем торчали на тонких изящных ножках невзрачные грибы с серыми шляпками. Они напоминали собою лесные поганки. Подушки мха были похожи на губки. Из них можно было выжимать воду. Измученные жаждой мальчики, недолго думая, стали вырывать мох и жадно сосать и жевать его.

Голубое сияние, исходившее от провала, постепенно слабело, и, наконец, оно погасло, слившись с общим мраком пещеры.

«На земле наступил вечер», – решили мальчики. И вдруг в непроницаемой черной тьме, где раньше голубым фосфорическим светом синела поверхность воображаемого озера, слабо замерцало зеленоватое, изумрудно-золотистое огромное кольцо.

Мальчики остолбенели от изумления. Некоторое время они молча созерцали это феерическое зрелище. Борис зажег фонарь, подошел и осветил края провала. Видение сразу исчезло. Потушил огонь – опять засветилось золотисто-изумрудным светом чудесное кольцо. Борис сорвал пучок мха и бросил его в сторону – там замерцал на несколько мгновений тот же золотисто-зеленый свет.

– Теперь я понимаю, в чем дело, – сказал он. – Свет исходит от мха, растущего по краям провала. Это светящийся мох.

Борис подполз к краю провала, где в каменных углублениях среди мха росли грибы. Там он увидел фантастическое зрелище.

Серые грибы преобразились. Шляпки их были окружены сиянием, мерцали мягким матово-белым светом.

Борис подполз на животе и сорвал один гриб. Некоторое время гриб светился, но потом стал увядать: ножка погнулась, шляпка повисла. В руке Бориса вместо гриба лежала какая-то черная слизь. Хрупкое подземное растение не вынесло прикосновения теплых человеческих рук и быстро погибло.

Все эти фантастические явления на время заняли мальчиков, оторвали их от навязчивой мысли о воде, но вскоре она восторжествовала с новой силой.

«Пить, пить, пить», – только и думал каждый из них.

Дождь под землю

Снова начались неустанные поиски воды. Мальчики блуждали по лабиринту коридоров, слизывали единичные капли воды, могли говорить только о воде и о жажде. Вдруг среди мертвой тишины пещеры до их слуха донесся глухой и монотонный звук: «кап-кап, кап-кап».

– Вода капает! – громко воскликнул Виталий и двинулся в ту сторону, откуда несся этот звук.

Подвигаясь вперед, Виталий провел рукой по стене. Рука стала совсем мокрая. Мальчики с жадностью стали слизывать воду с камней, находили углубления, где вода задерживалась, и выпивали накопившуюся живительную влагу.

Чем дальше они пробирались, тем учащеннее и громче слышалось шлепанье водяных капель. Капли падали так часто, словно там шел дождь.

– Ближе выход, слышно, как идет дождь, – радостно воскликнул Борис.

Свернули с главного коридора в ту сторону, откуда слышался дождь. потушили фонарь в надежде увидеть

дневной свет, но в пещере была темнота. Нигде не было видно выхода.

– А может быть, сейчас ночь? – спросил Павлик.

Надежда заискрилась в сердцах мальчиков. Было решено остаться здесь и ждать наступления дня.

Зажгли опять фонарь и стали внимательно осматривать пещеру. Все яснее слышалось капанье дождя.

Вскоре подземные робинзоны, к своему изумлению, увидели, что этот дождь идет с потолка, со стен.

– Хлюп-хлюп, шлеп-шлеп, – слышалось со всех сторон.

Получалась полная иллюзия дождя.

– Ну, теперь нечего бояться остаться без воды, – радовался Павлик, подставляя пригоршни и жадно выпивая воду подземного дождя. – Вкусная вода, совсем настоящая... как на земле.

– Нет, пожалуй, она не такая, как на земле, а лучше. Особый вкус какой-то, вроде нарзана или боржома.

– Откуда здесь, под землей, вода? – в досталь напившись спросил Павлик. – Ты вот все знаешь, Виталий?

– Уж и все, но это как раз знаю, – ответил тот. – На поверхности земли идут дожди. Вода, падая на землю, впитывается землею, просачивается через трещины известняка и по капелькам падает с потолка и стен пещер. Знаете – на реке Белой есть пещера, которую называли Каповой, – там все время слышится звук капающей воды: «кап-кап, кап-кап». А здесь этих трещин так много, и они такие широкие, что вода уж не капает, а прямо льется... как во время проливного дождя.

На полу грота стояли лужи. Дальше пол был усыпан большими круглыми и скользкими камнями. Среди них тоже была вода. Идти приходилось по этим камням медленно, с трудом удерживая равновесие.

– Осторожней, здесь можно оступиться, здесь опасно – предупреждал Виталий. – Нога может попасть в узкое отверстие между камнями. Вытащить ее мы не будем в состоянии.

Павлик опустил в воду удилище, которое все еще не бросил за время своего странствования в пещере.

Оно почти все ушло в воду.

– А знаете, что я придумал, – сказал повеселевший Павлик. – Здесь много воды. Не лучше ли нам вернуться обратно, пока мы еще ушли недалеко? А сюда мы будем приходить за водой.

– Молодец, это ты правильно придумал, – согласились братья.

Под огромной нависшей скалой мальчики нашли защиту от подземного дождя, отдохнули и решили идти обратно.

Но найти обратную дорогу оказалось не так-то легко. Из дождевого грота было много выходов. Каким из них вошли в него, они не могли вспомнить. Обходили и осматривали ходы с фонарем, но все они были похожи друг на друга.

Один из коридоров показался им более знакомым. Пошли по этому коридору, повернули вправо, влево. Коридор казался то очень длинным, то высоким, с огромными острыми камнями, висевшими с потолка, то таким узким, что надо было идти наклонившись, потом ползти на четвереньках.

– Это не тот коридор. Мы не выйдем к нашему входу.

– Мы пошли не в ту сторону.

Вернулись, пошли назад, но тут встретили столько новых ходов, что сбились с пути и пошли теперь наудачу.

– Тсс. Слышите, опять дождь...

– Значит, мы возвращаемся обратно.

Потолок поднялся, проход расширился, и коридор незаметно перешел в грот. Опять послышался дождь и гулкое шлепанье капель о камни.

Пропавший ручей

Путники очутились в том же дождевом гроте, но теперь они вошли в него с другой стороны. Стены грота с этой стороны были все в дырочках, словно это были коралловые образования. С потолка спускались причудливые каменные портьеры, украшенные каменной бахромой и кружевами.

Кое-где выступали углы скал, покрытых прихотливой резьбой, напоминавшей резьбу по дереву.

Мальчики, повеселевшие с тех пор, как утолили жажду, невольно остановились перед этим невиданным украшением подземного мира.

– Здесь, наверно, жили какие-нибудь художники и так чудесно украсили этот грот, – решил Павлик.

– Я слышал, – сказал Борис, – что во время башкирских восстаний многие спасались в пещерах. Но если они и спасались в этих пещерах, то им, наверно, было не до того, чтобы заниматься скульптурой и украшать стены пещер. Наверное, они испытывали и голод и жажду.

– Каково это состояние, мы убедились на опыте, – добавил Виталий и, как всегда, разрешил все сомнения: – Не люди, конечно, делали эти украшения. Это работа подземной воды. Когда-то, в далекие времена, быть может, сотни тысяч лет тому назад, подземные реки промывали огромные пустоты. Вода, размывая земные толщи, придавала им самую разнообразную форму, более мягкие породы она смывала и уносила совсем. Более твердые, не поддававшиеся ей, она оставляла. Вот и образовались эти рисунки, цветы, узоры.

– Откуда ты все знаешь, Виталий? – спросил Павлик.

– Я ведь бывал в других пещерах: на реке Белой, на реке Уфе, или Уфимке, как ее называют местные жители. Ходил с подводниками... Но что это... происходит? – прервал он себя, устремив глаза на воду.

– Что? Где происходит?

– Почему вода все время на одном уровне? В чем дело – не понимаю, – задумчиво сказал Виталий.

– Надо скорее пить ее, – весело хохотал Павлик, пригоршнями набирая воду, – а то она совсем уйдет.

– Совсем она не уйдет. Ведь сверху дождь идет, – засмеялся Виталий.

Несомненно, вода все время куда-то уходила. Сквозь звуки дождя ясно слышалось журчание воды. Так журчит она, вытекая куда-нибудь в отверстие.

Куда же уходит вода, они не могли понять. Она буквально проваливалась сквозь землю.

– Нашли, нашли!.. – закричал Борис.

– Что нашли?

– Куда уходит вода...

Зажгли и вставили в фонарь новую свечу. Здесь оказалась огромная черная дыра, вроде тоннеля. В нее и стекала вода.

Виталий спустил по гладкому, отполированному ложу тоннеля большой булыжник. Тот скользнул и исчез в пропасти.

– Вот где разгадка Пропащего ручья! – воскликнул Виталий. – Наверное, эта вода вытекает сейчас там, где раньше были скалы и где протекал Пропащий ручей.

– Как бы я хотел вместе с водою проскользнуть в эту темную дыру и выйти на поверхность, – вздохнул Павлик. – Там сияет солнышко, стрекочут сороки, играют белки.

– А вот и еще яма! – закричал Борис.

Еще один шаг, и они слетели бы в пропасть. Свет фонаря упал на правильную круглую яму, каменную трубу, которую спускавшуюся вниз.

Виталий осторожно ощупал ее края. Убедившись, что они прочны, лег на живот; спустили фонарь и заглянули в дыру. Фонарь осветил гладкие каменные стены и черное дно. Снизу доносился гул.

– Виталий, – звали мальчики, – пойдем, здесь страшно.

– Послушайте, там шумит что-то, точно у мельницы на плотине. Это, по-моему, шум воды.

Мальчики прислушались. Хладнокровие Виталия действовало на них успокаивающе.

– Это, наверное, подземная река, – решил Виталий. – А эти каменные колодцы – это органы трубы, – вспомнил он. – По геологии мы о них учили, да и в Каповой пещере я их видел. Вода в течение долгого времени размывает в вертикальном направлении пласты земли. Получаются как бы трубы. Они называются органы трубы, так как похожи на трубы органа.

Хрустальный дворец

Как ни удобно было мальчикам иметь под рукою так много воды, все же им надо было уходить отсюда, двигаться вперед, разыскивать новый выход наружу.

В поисках другого выхода подземные робинзоны набрели на круглое отверстие. Вошли в него и очутились словно в трубе, в обыкновенной водопроводной трубе. Только она была огромных размеров да стены ее были не гладкие, а рубчатые.

– Какая красота! Вы только поглядите, – с восхищением сказал Виталий.

Голубовато-белые стены, изрезанные такой гофрировкой, были чрезвычайно красивы. Далее гофрировка сменилась прозрачными натеками голубого и розового цвета.

– Кажется, что это окаменевшие струи воды, – с восторгом говорил Борис. – Мы словно идем по дну сказочного моря, и на нашем пути расступаются волшебные волны.

Пол этого интересного коридора тоже невольно обращал на себя внимание. Он весь был во впадинах и воронках. Очевидно, под ним были тоже пещеры.

Наконец, коридор расширился и обратился в зал невиданной красоты. С высокого куполообразного свода свешивались блестящие прозрачные сосульки.

Павлик дотронулся до одной из них и невольно отдернул руку: сосулька была холодна, как лед.

– Какая красота! – воскликнул Павлик.

Одни из сосулечек были кремового цвета, другие розоватые, третьи бледно-голубые. Одни матовые, другие прозрачные, совсем как ледяные. Навстречу сосулькам, висевшим с потолка, с полу поднимался целый лес таких же прекрасных, прозрачных, как стекло, и цветных столбиков.

Пол грота был покрыт такой же гофрировкой, как в предыдущем коридоре. При свете фонаря Виталий не мог удержаться, чтобы не достать свой электрический фонарик, – зал представлял собою волшебное феерическое зрелище. Стены сверкали, словно усыпанные драгоценными камнями.

ми, переливали разными цветами. Игра их при свет фонариков была изумительна.

– Вот если бы провести электрическое освещение, – мечтательно сказал Борис.

– Ну, это будет еще не скоро, – возразил Виталий, – пока же эти пещеры не только не исследованы, но даже не известны. Пока здесь все призрачно, нереально сказочно, кажется какой-то волшебной страной.

Узкий коридор вел в другой, не менее интересный грот. Здесь потолок был ниже, чем в первом гроте. С кровли его свешивались такие же сталактиты, но они висели отдельными пучками и напоминали собою дорогие люстры с хрустальными подвесками. Другие пучки сталактитов имели форму гроздей винограда или букетов цветов. И весь грот походил на фантастическую беседку.

В третьем зале потолок был очень низкий, вогнутой формы, – очевидно, он не выдержал тяжести верхнего слоя почвы и постепенно опустился вниз в виде воронки, сломав при этом часть чудесных сталактитов. Сломанные, они в беспорядке валялись по всему полу.

В следующем гроте стояло много столбов, матовых и серых, напоминавших толпу людей. Это были огромные сталагмиты. Тут же рядом два столба, поддерживавшие своды, служили как бы аркой для перехода в новый грот. В новом гроте опять были сталактиты и сталагмиты. Это был точно какой-то таинственный город с окаменевшими людьми, домами, деревьями, животными.

Из этого грота узкий коридор вел в маленький зал с резными стенами. Посредине его высилась огромная колонна – белоснежная, точно сахарная, кое-где пронизанная коричневыми и красными прослойками.

– Какая прекрасная колонна, – сказал Борис, – точно выточенная.

Он не успел договорить, как неожиданно среди мертвой тишины пещеры раздались торжественные звуки, напоминавшие аккорды духового инструмента. Прекрасные нежные звуки все разрастались, и вскоре вся пещера наполнилась ими. Многоголосое эхо, как бы сотни инструментов,

повторило эту чудесную музыку, сделало ее еще более торжественной и величественной.

И вдруг сразу все смолкло. Мальчики стояли молча. Павлик дрожал от волнения.

– Это я случайно ударил по камням. А они вдруг заиграли...

– Во многих уральских пещерах, – прервал его Виталий, – камни имеют чудесное свойство: звучать, если по ним ударить.

В следующей пещере, среди глыб камней, разбросанных среди целого хаоса каменных осей, возвышалась огромная, блестящая, отливавшая золотом скала. У этой скалы валялось несколько черепов и было много костей. Виталий поднял череп.

– А вот и кости, – он поднял фонарь.

– Золото! – воскликнул Борис.

Освещая со всех сторон золотую скалу, заметили и на полу такие же золотистые осколки. В углу пещеры находилось нечто вроде полуразрушенного очага, и в нем угольный порошок. Тут же валялись какие-то странные губчатые куски.

– А может быть, это медь! – заметил Виталий. – Возможно, что мы находимся в древнем руднике, в так называемых чудских копях. Древние доисторические люди еще далекие времена разрабатывали медь. Красивый блестящий металл издавна привлекал внимание первобытного человека. И первый металл, который он разрабатывал, была медь. Нам рассказывали еще в школе, что копи первобытного человека были неглубоки, крепей не имели. Не раз случались обвалы, и люди погибали. Поэтому древние рудокопы избегали рыть глубокие шахты.

– Ах, если бы мы не были здесь, в этих пещерах, в плену. Я все думаю, какие: это были люди. Мне уже ничуть не страшно. Они кажутся мне товарищами по несчастью.

– Опять ты за свое, – нетерпеливо перебил его Виталий. – Уверю тебя, что копи были всегда недалеко от выхода на поверхность.

– Ах, как есть хочется, – неожиданно и в первый раз заявил Павлик.

Виталий поднял череп.

Виталий и Борис переглянулись. Они и сами все время только и думали о пище. Правда, у них была еще картошка, но она была сырая. Сырую лапшу они давно уже съели. Из продуктов осталось только немного сухарей. Виталий вел выдачу их по пайкам. Голод давал себя чувствовать.

– Очень есть хочешь? – участливо спросил Виталий, – Так и быть, возьми еще сухарик. Скушай его и ищи выход. Тебе больше везет на находки, чем нам с Борисом.

Поиски выхода продолжались. Подземные робинзоны по несколько раз возвращались на одно и то же место. Теперь не было такого запутанного лабиринта коридоров и гротов, как раньше. Они сообщались между собою короткими и широкими ходами. Невольно возникла мысль о работе рук человек, расширивших естественные проходы, промытые водой.

Ущелье в горах

Откуда-то распространялся свет. Значит, где-то был выход – конец их голоду и подземному заключению.

Чувство радости и волнения охватило всех.

Вот на глинистом, мокрым полу увидели они неясную светлую полосу.

Оказалось, здесь, меж двумя камнями, была небольшая щель. Она выходила в какое-то глубокое ущелье. Против нее возвышалась отвесная серая скала. Ни окрестностей, ни солнца, ни даже клочка неба нельзя было увидеть через эту щель.

Схватив нож, Виталий поспешно стал расширять отверстие, заросшее мхом. Земля быстро была снята, но дальше нож наткнулся на сплошной камень.

– Вот это и был, вероятно, когда-то выход из пещеры; но обвал надвинул почти вплотную один камень на другой... Обвал произошел сравнительно недавно. Вот лежит в кучке земли дерево. Оно могло попасть сюда, только упав сверху, – Виталий пробовал расширить отверстие топором, но только зазубрил его.

Отчаянию мальчиков не было границ. Их дразнил свежий воздух, веявший в отверстие, вид мелких букашек и паучков, суетившихся в жалкой травке ущелья. Теперь они со всей ясностью видели весь ужас своего положения. Было еще раннее утро или вечер. В ущелье стоял полумрак. Вы-

сунуться в дыру было невозможно. Она была так узка, что в нее можно было просунуть только руку. Мальчики заглядывали в ущелье, принимали всевозможные, самые неудобные положения, чтобы рассмотреть, что в нем находится. Но ничего, кроме высокой, изборозженной трещинами стены, они не видели.

Становилось все светлее, очевидно, всходило солнце. Вот луч солнца упал на стену, и она вдруг засверкала, точно по ней были разбросаны крупные жемчужины. Жемчужины эти были овальной формы и, казалось, были живые. Павлик едва дотронулся до одной из них, как она задвигалась... Драгоценные жемчужины превратились в крупных полупрозрачных слизняков. Ими наполнены были все щели в скале.

Но мальчикам было не до исследования. Голод непрерывно напоминал о себе.

– Если бы нам достать их и съесть, – сказал Борис, – ведь едят же устриц.

Но как ни старались мальчики, они не могли их достать. Когда удочкой отрывали слизняков от стены, они тотчас же падали вниз.

– Знаете, что я придумал, – сказал Борис: – я читал, что Робинзон раскладывал костры, желая привлечь внимание проходящих судов. Давайте, и мы разложим костер. Может быть, кто-нибудь заметит дым и придет к нам на помощь.

– По-моему, это бесполезно. Местность здесь уединенная, и никто не увидит дыма нашего костра, – рассудил Виталий. – Впрочем, давайте попробуем.

Мигом извлекли из кучи земли полусгнившее дерево, изрубили его в щепы. Вскоре яркий костер запылал в пещере. Дым сизой струйкой поднимался из щели. На углях костра испекли картошку и с жадностью поели. Никогда никакого блюда не казалось им таким вкусным, как эта обуглившаяся, пахнувшая дымом картошка. Они испекли ее всю и распределили на несколько дней, как они делали это с сухарями.

К концу дня все топливо, которое удалось извлечь через отверстие, было сожжено.

Настроение мальчиков упало, никто не пришел на их дымовой сигнал.

На дне ущелья, перед самым отверстием в пещеру, стояла лужа. Виталий зачерпнул воды, но она была невкусная, отдавала гнилью. Сходили за водой в соседний грот, где протекал небольшой ручеек. Но Павлик не переставал болтаться в луже.

– Раки, – закричал он и высыпал целую горсть странных, извивающихся прозрачных существ.

– Да, похожи на маленьких раков, – сказал Борис, – только это, конечно, не раки, а скорее мокрицы.

– Это мормы, или бокоплав, – сказал Виталий. – Маленькие животные, похожие на раков. Они живут в прудах, даже в лужах. Их истребляют птицы и очень любят рыбы. На Урале это лучшая приманка, которую всегда имеют при себе рыбаки.

– А у меня как раз и леска в кармане есть! – воскликнул Павлик. – Я буду рыбу ловить на них.

– А где же ты ее ловить будешь, – мрачно перебил его Борис. – Ты разве забыл, где мы находимся?

Но все же Павлик набрал полный карман.

– Их даже есть можно, – сказал он.

Но никто не мог решиться попробовать такую пищу.

Пришла ночь, пришлось зажигать фонарь. Но зато утром, когда восходило солнце, они опять любовались чудесными жемчужинами-слизняками.

После скудного завтрака, по две печеных картошки на брата, подземные робинзоны решили двинуться на новые поиски выхода, так как у щели ждать было нечего.

Взвалили рюкзаки на спины и отправились. Странное это было шествие. Ребята были оборваны, на ногах остались жалкие остатки обуви, лица и руки расцарапаны, волосы включены. Борис тащил кремневый молот, Виталий – сумку из лосиной кожи. Единственной мыслью всех была мысль о еде.

Перед ними лежало подземное озеро,
загадочно светившееся при свете фонаря.

Спасение

– Мы теперь мало чем отличаемся от наших предков, доисторических людей, – попробовал шутить Виталий. – Да вдобавок, также пробираемся часто на четвереньках, как передвигались, вероятно, и они.

И опять бродили они по переплетающимся лабиринтам подземного мира. В конце концов, когда уже почти совсем выбились из сил и изнемогли от голода, вновь набрали на сталактитовые залы. Издали увидели знакомое голубовато-белое сияние.

«Опять провал», – подумали они. Стали бросать камни. Но, вместо гулкого удара о дно провала, неожиданно раздался звучный всплеск воды.

Перед ними лежало подземное озеро, загадочно светившееся при свете фонаря.

– Вот и сбылась, Борис, твоя мечта – увидеть подземное озеро, – сказал Виталий.

А Борис, и без того забыв о голоде, стоял перед озером, как зачарованный.

Это было новое чудо подземного мира. Вода озера была настолько прозрачна, что свет фонаря пронизывал ее и освещал его дно. На дне озера видны были цветные гальки, песок. И вдруг какие-то серебристые тени мелькнули под водою. Немного спустя метнулась целая стайка теней. Это были рыбы, каким-то образом попавшие в подземное озеро.

– Совершенно ясно, что рыба попала сюда из надземной реки, – сказал Борис. – Надо осмотреть все озеро.

Озеро имело правильную овальную форму. Но один из концов исчезал под нависшей скалой. Видимо, оно уходило далеко вглубь.

– Быть может, там сток, выходящий наружу? Быть может, на далекое расстояние над озером тянутся скалы, нависшие над водой? И поплывший туда расшибет себе голову о нависшие камни. А выплыть обратно не хватит сил, и он там погибнет, – рассуждал Борис.

– Надо рискнуть, – решительно ответил Виталий. – Остаться здесь, значит обречь себя на голодную смерть. Лучше утонуть там, разыскивая выход, чем медленно умирать здесь с голоду.

Решено было, что, отдохнув, Виталий отправится на разведку.

Между тем Павлик взялся за рыбную ловлю. Он нацепил мертвого мормыша, – все они почему-то очень быстро уснули, – и забросил леску в голубую воду озера. Почти тотчас же резко рвануло. На вытащенной леске билась большая серебристая рыба.

Пока мальчики отдыхали, Павлик наловил более десятка голавлей. С наслаждением ели изголодавшиеся робинзоны сырое мясо, посыпая его солью.

– Теперь я почти уверен, что мы спасены, – говорил Виталий, – рыбы не слепые. Значит, они попали сюда из надземной реки. Борис, а тебе не жалко будет оставить подземное озеро, сталактитовые гроты, чудесные светящиеся грибы да вообще все чудеса подземного мира, которые нам довелось увидеть?..

– Жаль, – сразу делаясь серьезным, ответил Борис, – и даю слово: если мы спасемся, я еще вернусь сюда. Я буду учиться, много учиться, и приду сюда как исследователь всех этих подземных гротов и озер.

– И я с тобой, – присоединился Павлик, – только на самое короткое время. Я не большой охотник до пещер и люблю солнышко...

– Вот и я, как ты, Павлик, люблю солнышко, – подхватил Виталий, – поэтому-то и поплыву на разведку. Вы оставайтесь здесь. Если не вернусь, значит, я погиб, и вы тогда не рискуйте плыть по моему пути. Все же ищите другой выход, но я думаю, что скоро вернусь. На всякий же случай – прощайте! – Виталий крепко обнял братьев, разделся и бросился в воду. Вскоре он скрылся под нависшими сводами.

С нетерпением и тревогой ждали братья его возвращения. Но Виталий не возвращался. И только они подумали, что он погиб, как из воды вынырнула голова Виталия.

– Ах, как холодно, скорее дайте платье! – воскликнул он. Через минуту он уже оживленно и радостно рассказывал о своем путешествии:

– Не проплыл я под нависшими скалами и двух метров, как протянул руку вверх и почувствовал, что сверху пустота. Нащупал огромный камень в воде, вскарабкался на него, и очутился в широком коридоре, служившем руслом подземной реки, которая вытекает из этого озера.

Один берег ее высокий, каменистый, другой представляет собою длинную узкую нишу. В коридоре было не совсем темно. Я хорошо различал все вокруг себя.

Осмотревшись, я быстро зашагал вдоль берега по течению реки. Кое-где мне мешали камни, но я перепрыгивал через них. Чем дальше я шел, тем светлее становилось в коридоре. Наконец, длинный коридор расширился, и я вошел в обширный грот, где стоял зеленый полумрак. Белые каменные стены и потолок грота – все было освещено зеленоватым светом. Здесь словно горела зеленая лампа. Прямо против меня в воде светилось ярко-зеленое пятно. Оно все время колебалось и расплывалось, но не перемещалось.

На месте этого светлого пятна находился водоворот. Вода здесь всасывалась и похожа была на воронку.

– Уж не выход ли это подземной реки наружу? – подхватил Борис.

– Да, я тоже так думаю, я даже уверен в этом.

– Неужели это правда?..

– Да, мы скоро будем на свободе, на чистом воздухе. Это самое главное. Подземная речка вливается в надземную реку.

– А как же мы с Борисом проберемся через этот водоворот? – прервал его Павлик.

– Вы же оба хорошо плаваете, а нырнуть в воронку и выплыть оттуда очень легко. Подземная река сама вынесет нас на волю и выбросит на берег. Подумать только, – продолжал он, – мы скоро совсем выберемся из нашего подземелья, снова будем жить на солнышке, под голубым небом, ходить по зеленой траве, говорить с живыми людьми.

Виталий обвязал веревкой талии мальчиков, обвязал веревку и вокруг своего пояса. Теперь все они были связаны вместе на некотором расстоянии друг от друга.

– Ну, теперь поплывем, – скомандовал Виталий.

Течение, чувствовавшееся в озере по направлению к стоку, подхватило мальчиков. Через минуту все они были в подземной реке, по которой быстро доплыли до зеленого грота. Первым нырнул в воронку Виталий, за ним Павлик а последним Борис. Их мгновенно вынесло на поверхность наземной реки и прибило к песчаной отмели противоположного берега. Они почувствовали дыхание легкого теплого ветерка, открыли глаза и сразу зажмурились, – солнечный свет, от которого отвыкли их глаза, ослепил их.

– Как тепло, наконец-то мы снова на земле, – слабо проговорил Виталий. Силы оставили его, и он заснул. Борис и Павлик последовали его примеру.

* * *

На другой день, рано утром, рыбаки, несшие в город свой ночной улов голавлей и щук, увидели странную картину: на песке, у реки, разметавшись, лежали трое спящих ребят. Они были связаны между собой веревкой. У них были всколочены волосы, исцарапаны руки и лицо, одежда их представляла жалкие лохмотья.

Мальчиков подобрали и отвезли в город.

Подкрепившись и отдохнув, мальчики поделились своими знаниями о подземном мире с Каменскими пионерами, и через день уехали по узкоколейной железной дороге в Багаряк, к родителям Виталия.

С. ЛЯЛИЦКАЯ

ЧОРТОВ ПРОВАЛ

Рассказ

Козел «колдуньи» Матрены

Пустынная, каменистая, почти лишенная растительности долина...

Однообразие ее скрашивается многочисленными и живописными впадинами – воронками, полузанесенными землей, скрытыми предательскими кустами и невысокими остроконечными скалами у самых провалов.

Далеко, насколько глаз хватает, уходит эта мрачная равнина на юг и на север.

На западе тянется цепь высоких, мохнатых и зеленых холмов. Один из них вклинивается в долину, и лес широкой бархатной лентой спускается к самому его подножию. На востоке протекает по каменистому дну неглубокая речушка Каменка¹³ – одна из многочисленных уральских речек того же названия, – вся в зарослях ивы, малины, смородины, крапивы, хмеля. Недалеко от этой речушки начинаются домики деревни Малой Каменки.

* * *

Наступали тихие летние сумерки. Подул легкий предзакатный ветерок. Солнце уже наполовину скрылось за зубцами потемневших холмов.

Издали доносилось позвякивание ботал на шеях коров, звонкая детская песня, смех и собачий лай.

Из лесу показались коровы и козы. За ними появился и пастух Зосимыч, сутулый морщинистый старик, с белыми волосами под черной бараньей шапкой и длинной белой бородой. В руках у него была толстая, узорчатая черемуховая палка – посох, как говорят в той местности.

¹³ Речушка Каменка впадает в интереснейшую полуподземную р. Ергальяш. Ергальяш – приток р. Ураим, а Ураим впадает в р. Уфу вблизи Нязепетровского завода Челябинской области. Уфа – приток р. Белой. Белая впадает в р. Каму. Какма впадает в р. Волгу.

С другого конца леса выбежал, размахивая кнутом и сгоняя разбежавшихся коз, пастушонок Панко. Дырявые штанишки его окаймляла широкая бахрома грязи, рваная, неопределенного цвета рубашонка едва прикрывала его спину. Здоровый румянец разливался по щекам, веселая задорная улыбка не сходила с его загорелого привлекательно-го личика. Мальчику было всего девять лет. Настоящее имя его было Павел, но все звали его Панко.

Дед взглянул на солнце, задумчиво постучал посохом по камню.

– Пора скотину домой гнать, Панко, – сказал он.

– Малышко! – свистнул Панко собаку. Оба – и пастушонок, и собака – засуетились, забегали по долине, собирая скот.

Старик Зосимыч, потрясая посохом, погнал вперед красного быка – вожака стада, за ним поспешили коровы и козы. Порядок был установлен, и животные, теснясь и перегоняя друг друга, направились к реке. Только большой лохматый черный козел все норовил удрать из стада.

– Смотри за ним в оба, Панко, – строго сказал дед.

– Я и то смотрю, дедушка.

– Не люблю я его, – продолжал Зосимыч, грозя козлу посохом, – все бежит куда попало, точно дьявол в нем сидит...

– Дьявола нет, дедушка, учительница говорила, – засмеялся шустрей Панко.

– А не твоего это ума дело, внук, – рассердился было дед, но все же продолжал: – Тетка Матрена, хозяйка этой черной животины, считается колдуньей у нас на деревне. Говорят, сглазить человека может, несчастье на него нагнать. Говорят, она даже летает ночью из деревни на Чортов провал. Знаешь, там, в кустах...

Пастухи, беседуя, следовали за стадом, направляясь к реке. Некоторые коровы уже вошли в воду, жадно приникли к ее холодным струям. Козы следовали за ними. И вдруг, совсем неожиданно и для пастухов и для собаки, черный козел с быстротой молнии метнулся в сторону и огромными скачками помчался обратно в долину.

– Опять черный убежал, – проговорил, растерявшись, Панко.

Раздался оглушительный лай, и вдогонку за козлом бросился Малышко.

– Держи, лови его, Малышко, – закричал дед, – а ты, Панко, беги ему наперерез.

Козел летел, как пуля, перескакивал, как мяч, с камня на камень. Нечего и думать было его догнать.

Животное бежало к густым зарослям кустарника, в которых скрывался Чортов провал, тот самый, о котором рассказывал дед и который пользовался „дурной славой“ среди окрестного населения.

Вот козел вскочил на большую каменную глыбу, на мгновение остановился, высоко подняв свою уродливую голову и потрясая длинной бородой, словно поддразнивая своих преследователей. Затем он спрыгнул с камня и исчез в кустах.

Козел вскочил на большую каменную глыбу.

Собака юркнула за ним... За ней пробрался в кусты и мальчик. Он оглянулся вокруг. Козла нигде не было. А на самом краю пропасти надрывался от лая Малышко.

Мальчик заглянул в провал. Козел, стоя на одном из выступов, преспокойно пасся.

Панко никогда раньше не бывал на этом месте, боялся его. Теперь он подошел поближе, раздвинул ветки шиповника и заглянул в самую глубину.

Перед ним зияла огромная черная дыра в бездну, из которой веяло холодом и сыростью. По краям провала виднелись каменистые уступы и довольно широкие площадки, поросшие кустарником. Понижение стены были совсем гладкие и голые.

Снизу, из тьмы, слышался какой-то шум, точно гул далеких голосов.

Панко вспомнил рассказы деда и отвел глаза от страшной дыры. Махнув кнутом на козла и видя, что тот не обращает на него ни малейшего внимания, мальчик поспешил к деду.

– Перегоним сначала все стадо через реку, – решил Зосимыч, – да подгоним к деревне. Там коровы уже сами до рогу домой найдут, а коз хозяйки встретят. А тогда и за черным козлом пойдем.

Покончив со стадом, пастухи отправились за беглецом.

Козел, как ни в чем не бывало, щипал траву и листья уже на другом, более широком, выступе провала. Малышко по-прежнему кружился у края провала и лаял до хрипоты.

Минуту дед и внук стояли в полном молчании, не зная, что предпринять.

— Я спущусь на выступ и выгоню оттуда козла, – сказал, наконец, Панко,

— А не свалишься ты? Веревкой бы обвязаться, — слабо протестовал дед.

— Что ты, дедушка, я не на такие места лазил, а эта площадка вот какая широкая, — беспечно ответил Панко.

Мальчик раздвинул шиповник, соскочил на площадку и, подойдя к козлу, схватил его за рога. Собака залилась отча-

янным лаем. Козел затоптался на месте, дернулся назад и... полетел вниз. Это произошло так быстро, что Панко не успел выпустить рога из рук и полетел вслед за козлом.

— Дед... — только и услышал Зосимыч.

Старик стоял неподвижно, едва сознавая то ужасное, что произошло. Но вот он придвинулся к самому краю провала, припал к земле, вытянул шею и прислушался.

— Панко, Панко! — в отчаянии крикнул старик.

Дед встал и, шатаясь и опираясь на посох, словно больной, побрел в деревню.

Через полчаса несколько мужчин в угрюмом молчании шагали к провалу.

Была уже ночь. На темном небе искрились звезды. Возшла луна, и таинственный голубоватый свет разлился по пустынной долине.

Вот уже все и у провала.

Один из мужиков поднял сухую сосновую ветку, зажег ее и бросил в отверстие провала. Из дыры шарахнулась стая испуганных летучих мышей.

— Так ты говоришь, Зосимыч, что Матренин козел парня в яму потащил? — спросил кто-то у пастуха.

— Матренин, — глухо ответил старик.

Помолчали.

— Кто в яму полезет?

Вперед выступил Федор, молодой парень, лет двадцати.

— Я полезу.

Федора обвязали вокруг пояса толстой веревкой, в руки дали зажженную сосновую головешку. Он прыгнул на ту же площадку, откуда упал Панко, и вскоре скрылся в провале.

Длинный канат почти весь был размотан, но все еще оставался натянутым. Очевидно, провал был очень глубокий, и Федор еще не достиг дна. Но вот канат слабо задергался, откуда-то из глубины раздался заглушенный крик.

Мужчины стали постепенно вытаскивать веревку. На краю провала появился Федор, страшно бледный, с расширенными глазами. Он смотрел перед собой, но точно ничего не видел, никого не узнавал.

– Федор, Федор, – тормошили его, – что, видел Панка, жив он?..

Федор только бессмысленно таращил глаза и молчал.

– Нет Панка там, – наконец, хрипло ответил он. – Дьявол там, внизу, весь красный, в крови. Красный дьявол.

Пещера у Грязного ручья

Километрах в пятнадцати от деревни Малой Каменки находилась деревня Большая Каменка. Кругом деревни – лесистые холмы, а на них тьма грибов и ягод.

По грибы и ягоды здесь не ходят, а ездят. Когда наступает грибной и ягодный сезон, крестьяне собираются артелями, запасаются пищей, берут необходимую посуду бочки и ведра для воды и... уезжают далеко в холмы километров за 15-20 от деревни.

Там находят они подходящее место, где-либо у реки или ручейка, разбивают табор и остаются на все время пока в лесу много ягод и грибов. Целыми днями ягодники и грибники за работой.

Ходят, собирают ягоды, приносят в табор, обедают, пьют чай и снова в лес.

Через день подводы увозят весь их сбор в ближайший город.

С одной из ягодных артелей поехал в этот год гостивший у учителя Каменской школы студент Горский.

Все было ново, интересно, необычно для приезжего студента. Его приводили в неподдельный восторг и нескончаемые пестрые ковры ягодника, и густые пряные запахи малинника и смородинника, перевитого хмелем, заросшего крапивой в человеческий рост, и крупные ягоды костяники, точно огромные ярко-красные бусы, рассыпанные по склонам холмов.

Нов и необычен был для него и самый сбор ягод: в огромные тусса, ростом с пятилетнего ребенка, и не руками, как всюду, а своеобразным «уральским» способом – при помощи особых деревянных решетчатых совков, срывавших сразу не менее горсти ягод.

Горский уходил сначала из табора только с ягодниками, потом, познакомившись с окрестностями, целые дни бродил один, то осматривая причудливые скалы, там и сям вздымавшиеся среди леса, то собирая для коллекции растения и камни.

Как-то, бродя по холмам, Горский услышал шорох и треск сучьев. Догадался, что это убегает от него какое-то животное. Перед ним в зарослях папоротника промелькнула неуклюжая мохнатая фигура, в которой можно было узнать медвежонка.

Студенту захотелось получше рассмотреть животное, и он решил во что бы то ни стало догнать его. Медвежонок помчался прочь, но Горскому удалось не выпускать его из виду.

Впереди вилась узкая, едва заметная тропинка, протоптанная, вероятно, животными. По ней и бросился медведь. Горский – за ним. Тропинка исчезла в кустах. Медведь проскользнул туда, за ним почти ползком пролез и студент.

Перед ним была маленькая полянка, вся в жидкой грязи, с многочисленными следами ног животных. В конце у самой подошвы невысокой скалистой горы, было полукруглое отверстие пещеры. У входа в нее лежал огромные глыбы камней. Из-под них струился маленький ручеек.

Медведь мог скрыться только в пещере. Так решил студент и зашлепал по грязи к темной дыре пещеры.

Он вошел в нее и осмотрелся. Это была большая комната с полукруглым сводом, красивыми, словно покрытыми искусной резьбой, стенами.

Из этого грота шло много коридоров, которые вели в новые гроты, но в них уже была абсолютная тьма.

Спичек у Горского не было, и он поспешил обратно, твердо решив тщательно осмотреть пещеру в ближайшие же дни.

Вечером, сидя с ягодниками перед котелком с грибной похлебкой, студент рассказал им о своем необычайном открытии.

Рассказ его произвел неожиданное впечатление.

– Это пещера у Грязного ручья, – сказал один из слушателей.

Все переглянулись и замолчали. Тогда заговорил один пожилой ягодник:

– Давно знаем мы про это место. Деды и прадеды наши знали его. Место это страшное.

– Почему страшное?

– Так еще прадеды наши считали... Кто ни входил в пещеру, не выходил больше.

Студент не стал спорить. Но после ужина он подсел к своему приятелю башкиру Селиму, с которым он уже не раз бродил по лесу.

– Пойдем со мной завтра в пещеру, – предлагал Горский.

– Ягод не наберу, если с тобой пойду, – отнекивался Селим.

– Там столько ягод, как нигде, – туда ведь никто не ходит. И к тому же мы вместе будем собирать, а не ты один. Пойдем, Селим!

Наконец, ему удалось уломать Селима. Он взял огромную запасную веревку из склада ягодников. К веревке присоединил пять свечей, целую пачку спичек и два куска хлеба.

Утром он, как всегда, двинулся с походным рюкзаком за плечами и флягой с водой.

Когда все занялись ягодами, Горский с Селимом быстро зашагали к пещере.

Горский рассказал Селиму о том, как медвежонок привел его к пещере.

– Много у вас тут медвежат водится? – спросил студент.

– Теперь что, – отвечал Селим, – а вот лет десять тому назад, когда я мальчонкой был, много их в наших лесах было. Как-то ходили мы по малину целой артелью. Помню, долго тогда на малине пробыли. Под вечер, уже уходить пора, – мы с матерью на крупную малину напали, отстали от народа... Вдруг слышим за кустами – шлеп-шлеп, шлеп-шлеп...

«Марфуня, ты?» – позвала мать.

Ответа нет. И опять: шлеп-шлеп.

Мать испугалась – «медведь, говорит, идет!»

Схватила меня за руку, с перепугу туес огромный, с ведро, с ягодами опрокинула – и бежать, к народу...

Теперь тут мало высоких деревьев, а тогда много было. А я шустрый мальчишка был. Мать прячется, молитвы шепчет, а я хоть бы что. И все думал: как бы мне медведя увидеть. Только добежали мы до своих, – я мигом на дерево. Вижу: медведь идет, на задние лапы встал, осматривается, опять на четыре опустился, и все нюхает. Дошел до рассыпанных ягод, нюхает. А потом стал есть ягоды...

– А вот и пещера! – объявил студент.

– Давно я здесь не был, – осматривался кругом Селим.

За ствол дерева, росшего почти у самого входа в пещеру, Горский привязал один конец захваченной веревки. Продвигаясь в глубь пещеры, он решил постепенно разматывать ее, а потом, возвращаясь, постепенно сматывать.

На Селима вдруг напал страх, и он забоялся идти в пещеру.

– Никто оттуда не выходил, дед говорил, – упрямо повторял он.

– Не выходил, потому что без веревки ходил, заблудился там и с голоду умер. А у нас пища с собой и вода, а главное, веревка.

Набрал целую вязанку сосновых сухих веток, чтобы ими освещать путь.

Вошли в первый грот. Студент опять с восторгом осматривал его.

– Видишь, Селим, какие здесь рисунки – ведь это сделала вода. Когда-то, тысячи лет тому назад, здесь протекала огромная подземная река, которая и промыла все эти пещеры.

Зажгли ветку сосны и двинулись по одному из коридоров дальше.

Веревку нес студент, горящую ветку – Селим.

По узкому сырому коридору пришли в новый грот. Новая ветка сосны осветила его.

Стены его были изъедены водой, но здесь были и новые украшения. Не очень длинные, тонкие и прозрачные, как стекло, сосульки свешивались с ее невысокого потолка.

– Лед! – удивился Селим и даже прикоснулся к сосулькам рукой.

– Это не лед, это камень, Селим, – пояснил студент. – Эти сосульки называются сталактитами. Когда-то, очень давно, вода, просачивавшаяся с поверхности земли и насыщенная известью, капала с потолка пещеры. Часть извести оставалась на потолке, кристаллизовалось... Другие капли оставляли еще немного извести – так нарастали вот эти сосульки... На это понадобилось много тысяч лет...

Горский увлекся. Он говорил все, что он знал об образовании пещер, разрушающей и созидающей работе подземных вод. Он видел теперь на этом ярком геологическом примере подтверждение своих теоретических знаний по геологии, и только теперь он вполне понял то, что то казалось ему малоинтересным и скучным.

Но он не забывал и о веревке. Из одного грота они переходили в другой, из одних коридоров в другие. Некоторые из них были широкие и высокие, другие узки тесные, приходилось наклоняться, передвигаться ползком.

В одном из гротов студент увидел несколько столбов – это были огромные сталагмиты. И студент прочел целую лекцию об образовании сталагмитов перед ничего не понимавшим Селимом.

– Смотри, Селим, какая красота, а ведь сколько тысячелетий потребовалось для образования такого столба, – говорил восхищенный Горский.

– Домой пора, – вернул его к действительности Селим. – Ветки уже кончаются...

– Нечего, у меня еще пять свечей про запас есть.

– Кушать хочется...

– Вот и отлично. У меня в мешке хлеб есть, сахар и вода в фляге. Хочешь закусить?

– Нет, нет, – испуганно замахал руками Селим, – здесь нельзя. Кушать буду, когда на волю выйдем.

Студент нашел новое интересное образование: две стройные, белоснежные колонны, подпиравшие своды пещеры.

Мысли его переносились в те далекие времена, когда здесь бурлили могучие подземные воды, промывая огромные подземные ходы и лабиринты.

«От них осталось вон то маленькое прозрачное озерко – точно в драгоценной голубой хрустальной вазе лежит оно...»

И вдруг нечеловеческий крик прервал его мысли. Студент вздрогнул, даже выпустил из рук путеводную веревку. Оглянулся на Селима, но в это время свет погас. Горский быстро зажег приготовленную свечу.

Перед ним стоял Селим, бледный, с искаженным лицом. Дрожащими губами он едва выговорил:

– Там, там... – он не мог говорить.

– Что?..

– Лохматый такой... Головище во какая...

– Где он?.. Пойдем туда, – храбрился студент, а сам чувствовал, что и у него мурашки забегали по спине.

– Там, вон в ту дыру голову высовывал...

Студент, сам стыдясь своего страха, решительно зашагал к дыре.

– Не ходи, беда будет, не выйти нам живыми из пещеры, – умолял его Селим.

Но студент уже втиснулся в узкое отверстие нового грота. Он был совсем небольшой, на полу была, грязь и глыбы камня. Посреди его возвышалась груда камней, очевидно, упавших с потолка. Студент осветил свечой весь грот. Ничего и никого нигде не было.

– Все тебе причудилось, Селим, – сказал он. И вдруг, подняв свечу, остолбенел на месте.

На гладкую, точно полированную, стену из белого ангидрита, освещенную свечой, падала тень от груды камней, наваленных посреди пещеры. А над нею ярко вырисовывалась огромная лохматая голова...

Но вдруг голова задергалась, один из камней задвигался и послышалось жалобное урчание молодого медведя:

– У-у-у...

Студент весело расхохотался.

– Селим, скорей на помощь! Дьявола спасти! – закричал он Селиму, стоявшему у входа в гроте.

Очевидно, испугавшись людей, медвежонок бросился прятаться, и обвалившийся камень придавил ему лапу.

Делом одного мгновенья было освободить лохматого пленника.

– Это тот медвежонок, который привел меня к пещере, – сказал студент. – Из-за меня он попал сюда и заблудился, и я его должен спасти.

Медвежонок брыкался и царапался. Но студент не выпускал его из рук.

Селим был очень рад, что, наконец, они идут обратно, и старательно сматывал переданную ему веревку.

Вот впереди уже забрезжил свет.

Подземное путешествие приходило к концу. Медвежонок еще сильнее заерзал в руках студента. Путники ускорили шаги.

Наконец, когда до выхода оставалось уже совсем недалеко, Горский пустил зверя на пол, и тот бомбой вылетел из пещеры.

– Ну, вот и кончилось наше путешествие. И дьявола видали и сами живы остались, – шутил, громко смеясь, Горский.

А пещерное эхо повторяло его смех и делало его похожим на раскаты грома.

И вдруг раздался тихий отдаленный стон. Селим страшно побледнел.

– Да это же человеческий голос, стон. Кто-то заблудился, наверное. Просит о помощи, – сказал студент. – Мы здесь... Люди!.. У нас вода и пища! – заорал он изо всех сил.

Пещера громовым многоголосым эхом повторила его слова. Селим в ужасе ждал, что будет дальше.

– П-и-ть... – раздался слабый далекий голос.

Горский выхватил веревку из рук Селима и бросился, забыв даже зажечь свечу, в темный коридор налево.

Перед ним лежал совершенно истощенный от голода мальчик.

– Кто здесь? – кричал он. – Воду несем!..

Селим зажег свечу.

Прошли узкий длинный коридор, из него попали в грот, опять коридор, опять грот.

– Где ты? – кричал студент.

– Здесь, – раздался у его ног слабый детский голос, – пить...

Студент наклонился. Перед ним лежал совершенно истощенный от голода мальчик. Только два огромные осветившиеся глаза говорили о том, что мальчик еще жив.

Студент налил воды из фляги в дорожный стаканчик и поднес к его губам. Он жадно выпил.

– Еще...

– А есть хочешь?

Мальчик едва заметно кивнул головой.

Студент положил ему в рот крошечный кусочек хлеба.

– Идти не можешь, конечно...

Студент взял его на руки и понес. Селим освещал путь.

У пещеры его положил на землю, освежили лицо и голову водой, дали еще хлеба и воды.

— Где мы? Это Грязный ручей?— слабо спросил мальчик.

— Да, — ответил Селим. — А ты сам кто такой? — и, пристально всмотревшись, воскликнул: — Да это же пастушонок Панко из Малой Каменки! Только он не такой был, а здоровый, краснощекий, всегда смеялся...

Панко (это был он) слабо улыбнулся.

Панка принесли в табор, дали знать деду.

Трудно представить себе радость старика Зосимыча, который одного себя винил в гибели внука. Он обнимал внука, Горского, Селима, всех ягодников, даже своего пса Малышка.

– Жив наш Панко, – говорил дед и плакал от радости.

Оказалось, Панко упал прямо на пушистого лохматого черного козла и только немного ушибся. Он очень испугался и плакал, зовя на помощь. Его плач и доносился наверх в виде таинственного гула и стонов. Потом он потерял сознание.

Придя в себя, Панко все ждал помощи сверху, но, не получая ее, пополз в одну из дыр, которых так много было на дне Чортова провала.

Около трех дней блуждал мальчик по лабиринтам пещеры, пил воду из подземного озера, ел какой-то мох, росший на стенах гротов. Потом обессилел, потерял озеро – и в таком виде услышал он голос и смех студента.

А над Федором, увидевшим в провале красного дьявола, много смеялись, да так и прозвали его – Красным Дьяволом.

Спустя несколько лет

Прошли годы.

Бурным вихрем пронеслась революция, миновали тяжелые года гражданской войны.

Настала новая жизнь...

И дедушка Зосимыч, и тетка Матрена давно уже нашли себе покой под высокими соснами на тихом деревенском кладбище.

Многое изменилось в жизни деревень, ставших теперь колхозами. По-иному стали жить, по-иному вести хозяйство, по-иному обрабатывать землю. Только стадо коров и коз колхоза Малой Каменки по-прежнему, по-старому, гоняют все тем же путем в лес, на холмы – через речку Каменку и пустынную каменистую долину.

И вот однажды поутру, когда пастухи гнали колхозные стада, им представилось необычное, невиданное зрелище. Шла странная процессия людей – с мешками за плечами, с топорами, кирками, веревками, веревочными лестницами, ящиками, какими-то непонятными инструментами.

Направилась она прямо к Чортову провалу.

Это была геологическая экспедиция, приехавшая исследовать Чортов провал и подземную пещеру у Грязного ручья.

Во главе экспедиции был геолог Горский, тот самый студент, который когда-то ездил с ягодниками в табор и спас из пещеры пастушонка Панка.

В числе рабочих был и Панко.

Геологические разведки дали интересные результаты. Для колхозников обеих Каменок было интереснее всего то, что на дне Чортова провала найдены были кости черного козла, на которого упал когда-то Панко в провал.

На дне провала оказалась огромная лужа кроваво-красного цвета. В нее и упал черный козел. При свете голо-вешек перепуганному Федору показалось, что лежавший мертвый козел красного цвета. А бесчувственного Панка он с перепугу и совсем не заметил.

Секрет этой кроваво-красной лужи объяснялся очень просто: вода ее была насыщена раствором бурого железняка. В подземных гротах, куда вели коридоры из провала, были найдены богатейшие залежи этой ценной железной руды.

В. МАЛЪКОВ

ЗАПИСКИ ТУРИСТОВ

Очерк

ЗАПИСКИ ТУРИСТОВ

ЧЕРЕЗ ЮРМУ

Поезд, разбрасывал по ветру клубы дыма, быстро идет под уклон.

Сквозь замершие окна слабо пробивается свет последних фонарей Челябинска.

Мерно постукивают колеса. И с каждым новым километром, с каждым новым разъездом, все ближе дремучие леса и красивые горы Южного Урала...

До Кыштыма осталось 95 километров.

– Часа в два ночи будем там, – перекладывая лыжи, говорит Николай.

– А утром Карабаш смотреть пойдем, – добавляет Иван.
– Только к поезду узкоколейной дороги не опоздать...

– А кто знает: почему Карабаш так называется? – свесившись с полки, спрашивает Сергей. – Ведь «Карабаш» по-башкирски значит «Черная голова».

Все задумываются.

– Может потому, что горы вокруг Карабашского завода ничем не покрыты и имеют какой-то черноватый цвет, – говорит Николай.

– Но почему тогда «Черная голова», а не «Черная гора»? – не успокаивается Сергей.

– А ты, Сережа, откуда знаешь, что «Карабаш» – это «Черная голова»?

– Мне один знакомый переводил.

– А «Кыштым» что такое? Ты не спрашивал?

– «Кыштым» – приблизительно, «Тихая погода зимой».

– «А Юрма»?

– А «Юрма» – «Не ходи».

– «Не ходи», говоришь, а мы перевалить ее собираемся.

– Что, Юрму перевалить хотите? – заговорил вдруг мой сосед – седенький старичок, в большой заячьей шапке. – И не думайте... Я сам карабашский. Тридцать лет там живу. И знаю: летом еще кой-кто забирается до «Чортовых ворот», что на вершине горы, а зимой не слышал, чтоб на Юрму лезли... Не слышал.

И, ядовито улыбнувшись, он добавляет:

– К тому же с вами барышня...

– Она не «барышня», отец. Она лыжница, – еле сдерживая смех говорит Сергей. – А почему вершину назвали Чортовыми воротами?

– В старину сказку такую сложили.

– Расскажи, отец, – интересно.

– «Случилось это раз деду одному за дровами на гору: ехать... Стал он рубить ель, смотрит, а перед ним мальченок вырос. Маленький такой, и на глазах у старика стал расти, расти и превратился в столб. Дед – ух – боевой был и смекалистый, думает: «Если столб срубить, он упадет и меня задавит. А дай-ка я топором его в голову...»

«Хватился, а топора-то след простыл. Унес, значит, нечистый.

«Испугался старик (куда он без топора-то?), скорей на лошадь. А тут ветер поднялся, камни сверху сыплются, темно.

Кое-как выбрался на дорогу и домой...

«С тех пор только охотники и ходят на Юрму – шайтану не жалко. Сохатого бьют, медведя, куницу, а попробуй ель свалить или камень с места столкнуть, он тебе покажет...»

Старик замолчал, а Сергей сказал, улыбнувшись:

– На Юрму мы, дедушка, сходим, непременно сходим. Старик не отвечал...

Поговорив еще немного о предстоящем путешествии ребята разошлись по местам. И вскоре только постукивание колес да скрип вагона нарушали тишину купе.

В Кыштыме, после теплого, уютного вагона, резкий северный ветер неприятно забирается под одежду, холодными струйками ползет за ворот, в рукава...

– Ничего себе «Тихая погода зимой», – ворчит Николай, распуская уши шлема...

Не выходя из станционного двора, двинулись по крайней левой линии к вокзалу узкоколейной дороги Кыштым – Карабаш.

И через несколько часов маленький поезд увозит нас в горы.

Прямая, как стрела, дорога пересекает леса, болота и сверкающие снегом долины.

Вот поезд идет по берегу озера.

У самой насыпи качаются прошлогодние камыши, а дальше все снег и снег.

Ровной пеленой он лежит по всему озеру. Только вдали чуть синее противоположный берег. Горизонт широк...

Но вдруг в вагоне быстро темнеет. Поезд проходит между двух гор. И они, закрывая солнце, бегут, то приближаясь к самому полотну, то, отпрянув, уступают место зарослям липы и березняка. А на вершинах, распластав в небе широкие ветки, качаются вековые сосны.

– Сколько леса здесь, – задумчиво смотря в окно, говорит Сергей.

– Да, Сережа, «богат и славен» наш Урал.

– Богат-то, богат, только не «славен», – не соглашается Сергей. – Мало о нем пишут, мало рассказывают. А писать есть о чем. Только подумать: золото, серебро, медь, железо, лес, пушнина – все в нашем «заповеднике» есть.

– Карабаш! Конечно остановка! – прокричал кондуктор, проходя по вагону.

Поезд, замедляя ход, остановился...

Выйдя со станции, поднимаешься на гору. И окутанный дымкой город предстает перед нами. От центра, во все стороны, тянутся нити узкоколейки. Они соединяют отдельные рудники с заводом. Медный колчан – руда, из которой выплавляют медь – поступает с рудников, разбросанных в окрестностях Карабаша, на медеплавильный завод.

Здесь, отсортированная и раздробленная, она загружается в печи.

И вскоре узкой сверкающей стружкой медь льется в ковши.

Но это еще не чистый металл, это полуфабрикат; его отправляют для очистки в Кыштым, на электролитный завод. Там путем электролиза в специальных ваннах получается чистая «электролитная медь», нужная для постройки всякой сложной и ценной машины...

Утром следующего дня, покидая Карабаш, идем на запад по дороге в село Александровское.

Впереди синееет вершина Юрмы.

Лыжи скользят по только что выпавшему снегу. Задумчиво, обступив дорогу, молчит лес. Покрытые снегом ветви клонятся к земле. Стоит нечаянно задеть сосну или березу, как целый столб снега, медленно кружась, оседет на идущих сзади ребятам...

Со смехом и шутками уходят километры. И вот мы уже недалеко от барачков лесопромхоза. Здесь дорога раздваивается. Одна огибает Юрму, идет в Александровское; другая, свернув вправо, направляется к барачкам. Идем по второй. Минуя ледянку, – гору по которой спускают лес, – встречаем ручей.

Снег, покрывающий русло, хорошо держит лыжи, защищает от ветра.

Отсюда начнем штурм Юрмы...

Растянувшись цепочкой, идем в ногу, чтобы ровней была лыжня.

Поскрипывают палки, глубоко уходя в снег. И чем выше, тем гуще становится лес. Порою ели, покрытые снегом, образуют непроходимую стену. Они стоят, близко друг к другу, а снег так обволакивает их, что кажется – не лес, а какие-то причудливые конусы – стоят перед тобой. Подъем все труднее.

Лыжи начинают скользить назад, а рюкзаки, ранее казавшиеся легкими, оттягивают плечи.

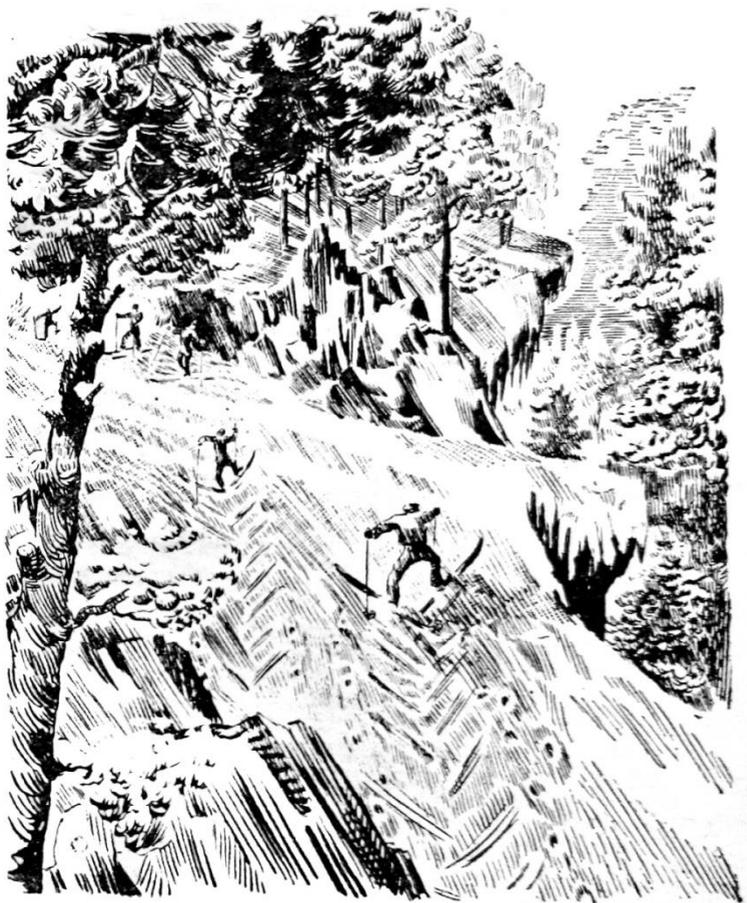
Но никто не останавливается. Все идут, зная, что вперед еще большой подъем, что дело клонится к вечеру.

Наконец, лес начал редеть, и перед нами открылась вершина горы, окутанная тучами.

До нее метров 500, но подъем здесь настолько крут, что даже «елочкой» забраться нельзя.

– Давайте здесь отдохнем, – предложил кто-то.

Быстро появился костер, и чайник со снегом над ним. Через полчаса мы уже имеем кипяток. Заботливый «повар», улыбаясь, приглашает к «столу», блистающему неплохими «блюдами»...

Идем «лесенкой», медленно осваивая метр за метром.

Закусив и отдохнув, начинаем штурмовать последние укрепления Юрмы. Глубокий снег, осыпаясь, тянет за собой, лыжи часто проваливаются.

Идем «лесенкой», медленно осваивая метр за метром...

Вдруг внизу что-то сухо треснуло...

Все, как по команде, обернулись: Николай, опершись на одну палку и кое-как держась на большом камне, тянется вниз, стараясь поймать что-то рукой...

В напряженном молчании проходят минуты. Но вот он выпрямляется и, подняв руку, показывает обломок палки.

– Эх, ты, – укоризненно качая головой, говорит Лида, – палку сломал. Не мог поосторожнее...

Николай пробует снять лыжи и пойти пешком. Но только не успел он шагнуть, как очутился по пояс в снегу.

– Нет, без лыж здесь утонешь, придется идти с одной палкой, – решают ребята...

Снова стихают разговоры, снова упрямо, перебирая лыжами, поднимаются ребята к уже близкой вершине.

Временами налетает ветер. Он рвет полы теплушек, забрасывает снегом. Ледяным языком лижет лицо. Часто то один, то другой из ребят останавливаясь, трет побелевшие щеки, нос. А ветер все крепчает. Поднимая вихри снега, он несет их, быстро засыпая след, сделанный минуту назад. Идти приходится в разброд. И как это часто бывает, когда силы уже истощились, и казалось, что мы никогда не доберемся, мы оказались на вершине. Две скалы, поднимаясь в серое небо, стерегут ее. Это «Чортовы ворота». Спасаясь от бури, торопимся перевалить их и спуститься с горы в Александровское.

Я иду первым. Каменистый скат мешает равномерно продвигаться вперед.

Вот дорогу преградил большой камень. Взобравшись на него, осторожно опускаюсь на правую лыжу.

– Кррр-ак! – раздается треск. И вместе с обломком лыжи я лечу в расщелину.

Лежа в снегу, слышу, как наверху кричат ребята и завывает в трещинах ветер.

Подниматься неохота, но нужно, иначе замерзнешь...

Быстро спустилась ночь. Густой лес снова окружает нас. Дороги нет. Идем по компасу все время на запад. Спуск крутой. Рюкзак гонит вперед, а обломок лыжи тормозит, заставляя падать то на один, то на другой бок.

Быстро спустилась ночь. Густой лес снова окружает нас. Дороги нет. Идем по компасу все время на запад. Спуск крутой. Рюкзак гонит вперед, а обломок лыжи тормозит, заставляя падать то на один, то на другой бок.

Ребята идут чуть впереди. Но как только я начинаю отставать, они останавливаются и ждут. Разбиваться нельзя, потому что две пары светящихся точек, то исчезая за кустами, то вновь появляясь, давно преследуют нас.

– «Нам не страшен серый волк!» – пробует петь Иван, но замерзшие губы не слушаются, а светящиеся точки, на минуту остановившись, снова начинают свой угрожающий бег. Сейчас не до смеха.

– Стреляйте! – предлагает Лида.

Сергей снимает винтовку, но пальцы не гнутся, а темнота скрывает мушку.

– Жги, Коля, спичку, – просит он.

И только вспыхнувшая спичка осветила стрелка, как раздался выстрел.

Сухо треснув, пуля засела где-то в сосну, а «преследователи» скрылись.

– Пусть подождут, когда луна взойдет, я им покажу, – грозит обиженный неудачей Сергей.

– Ладно уж, пойдем, будут они тебя ждать, – ворчит Иван.

Разом заскрипели лыжи, пробивая глубокую лыжню. Мерно покачиваясь, темные фигуры пробираются сквозь заросли кустарника, обходят пашни, а леса молча наблюдает эту суровую борьбу людей со снегом.

Проходят часы. Вдруг шедший впереди Сергей радостно кричит: «Дорога!».

– Ога! Ога! – лениво повторяют уснувшие горы.

И сейчас же веселое оживление охватывает лыжников.

– Наконец-то выбрались, – высказывает общую мысль Лида и, потоптавшись на твердом, укатанном полозьями снегу, просит: – Идем скорей, а то у меня ноги ничего не чувствуют.

– А почему раньше не говорила? – с фальшивой серьезностью допрашивает ее Николай.

– Почему?.. Потому, что там все равно быстрее идти нельзя было.

В двенадцать часов ночи мы в Александровском. В первом попавшемся доме останавливаемся ночевать. Добрая хозяйка кипятит самовар, заботливо оглядывая незваных гостей. Она тоже не верит, что мы перевалили Юрму...

Утром, распростившись с гостеприимным селом, отправляемся дальше.

У меня новые лыжи. У Николая – палки. «Снова можно ломать», – смеются ребята. Дорога теперь лежит прямая, к линии высоковольтной передачи ЧГРЭС, идущей в Златоуст.

Опять бегут веселые километры. Но только впереди не Юрма, а Таганай.

– Этот-то без труда возьмем, – говорят ребята, – он хотя и высок, но не крут.

И вот к четырем часам мы уже на Круглице – одной из вершин Большого Таганая.

На десятки километров открывается горизонт. Кругом горы, лес – снежное сверкающее море. А на юго-западе дымит затерявшийся в складках Снежной пелены Златоуст.

До него не больше 20 километров, но внизу, у самого подножья Таганая, приветливый домик контрольного пункта ЧГРЭС обещает тепло и спокойную ночь.

Зимнее красноватое солнце, поднимаясь из-за гор, несколько минут борется с темнотой; потом, разорвав дымку, освещает снежный пригорок, далекий сосновый лес и деревянный домик.

Неохотно поднимаясь, Николай кричит:

– Эй, путешественники, вставайте!

– Ну, уж и вставайте, – недовольно ворчит Иван, – поспать не дадут...

Сергей взглянул на него и покотился со смеху:

– Ой, Ванек, нос-то, нос у тебя какой!..

Иван ощупывает помороженный вчера нос.

– Я-то виноват, что ли...

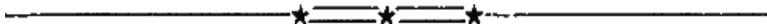
Взрыв смеха снова потрясает комнату...

Теперь все проснулись. Быстро помывшись, ребята идут к столу.

Завтрак проходит весело и шумно...

А через час цепочка лыжников, быстро скользя под уклон, подходит к Златоусту... Лыжный переход окончен.

Отсюда домой на поезде. И завтра в Челябинске замкнется пятисоткилометровое кольцо снежного маршрута.

П. ЛОПАТИН

ЭТО БУДЕТ...

Фантастический отрывок
из книги «Москва»

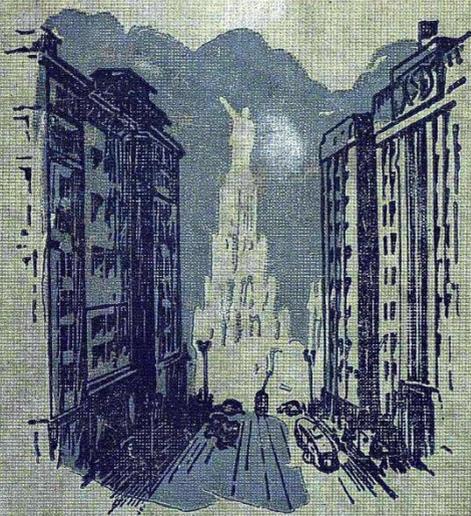
Художники С. Ковалько и Н. Шишовский

Павел Лопатин. МОСКВА, Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938 г.

П. ЛОПАТИН

МОСКВА

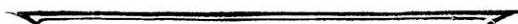

ДЕТИЗДАТ ЦКВЛКОМ
1939

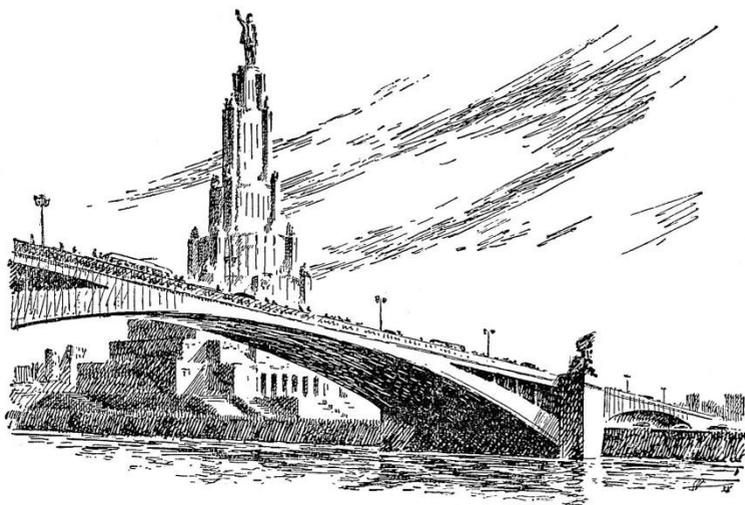

П. ЛОПАТИН

МОСКВА

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

...Новая Москва, конечно, будет не совсем такой, какой мы ее представляем. Она, несомненно, будет ярче, прекраснее, величественнее, потому что в нашей Советской стране самые богатые фантазии обычно отстают от жизни.

Но все-таки давайте фантазировать.

Это будет через несколько лет...

.....

Восточный экспресс миновал станцию Голутвин. Промелькнули гигантские корпуса Коломенского завода, залитая светом трансформаторная станция и высокие ажурные мачты электропередачи «Куйбышев — Москва». На запасных путях теснились десятки только что выпущенных советских электровозов «ВМ» — «Вячеслав Молотов».

Иван Артемьевич Герасимов, председатель колхоза «Красная поляна», ехал в Москву на съезд партии. Несколько лет он прожил в деревне. Последний раз он был в столице в 1939 году.

В купе все располагало к покою, но Ивану Артемьевичу не сиделось. Накинув на плечи шубу, он вышел на площад-

ку; приоткрыл дверь и, взявшись за холодные поручни, выглянул наружу.

Ветер сердито рвал с него шубу. В мелькающей тьме носились клочья снежной замети. Где-то вдали мелькнул и исчез огонек.

Экспресс, громыхая на рельсовых стыках, легко взял небольшой подъем, и вдруг за поворотом возникло бесконечное море огней. В самом центре этого мерцающего огненного половодья, далеко в высоте, над миллионами светящихся точек, рядом с тучами, вырисовывался туманный силуэт колоссальной человеческой фигуры. Гигантская рука статуи была простерта над мировым городом...

— Ленин... — прошептал Иван Артемьевич. — Дворец Советов...

В шесть часов вечера экспресс подошел к перрону Казанского вокзала.

Иван Артемьевич вышел на хорошо знакомую. ему Комсомольскую площадь и... не узнал ее.

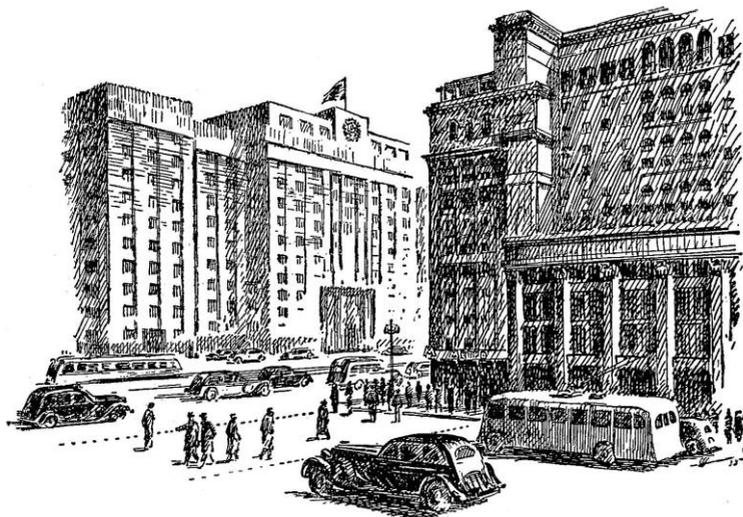
Не было больше нависшей над площадью старой, безобразной эстакады. Близ вокзала высился грандиозный монумент. На пьедестале его горели слова: «Ленинскому комсомолу». По обеим сторонам площади, вдоль широких тротуаров, серебрились покрытые инеем ели.

Площадь была заполнена автомобилями. Два потока их, поблескивая лаком и никелем, безостановочно неслись вдоль площади, уходя на продолжающие ее просторные прямые магистрали.

«Туговато здесь приходится пешеходу», сокрушенно подумал Иван Артемьевич.

Впрочем, на площади не было видно ни единого пешехода. Иван Артемьевич заметил под небольшим навесом два бесшумно движущихся широких эскалатора. Один из них непрерывно выбрасывал пешеходов на тротуар, другой уносил их под землю, чтобы доставить на противоположную сторону площади.

На темном фоне зимнего неба ярко горели бесчисленные световые рекламы:

«Лучший подарок — двухместный спортивный самолет «Воздушная блоха».

«Управление гражданского воздушного флота сообщает: с 1 марта воздушные экспрессы Москва — Лондон — Нью-Йорк и Москва — Сан-Франциско отправляются два раза в сутки: в 10 часов 15 минут и в 23 часа 30 минут».

Слева забавно гримасничала веселая физиономия клоуна. Из широко открытого рта его струилась по небу надпись: **«Иван Иванович Неунывающий приглашает всех московских ребят на детский карнавал на льду Химкинского водоема».**

Следуя указанию светящейся стрелки, Иван Артемьевич направился к стоянке такси и уселся рядом с шофером в новенькой машине «ЗИС-117»:

— Магистраль Север — Юг, угол Добрынинской и Люсиновской.

Иван Артемьевич скоро заметил, что шофер везет его не по улице Кирова, как он ожидал, а по какой-то новой, значительно более широкой улице. Над воротами одного из домов Иван Артемьевич прочел: «Новокировская». Это бы-

ла новая улица, прорубленная сквозь сутолоку старых домов.

Машина подошла к Садовой-Спасской. По ней в несколько рядов нескончаемым потоком неслись машины. Но «ЗИС-117» не остановился у светофора, потому что светофора не было.

За несколько десятков метров до Садовой «ЗИС-117» немного замедлил ход и очутился в открытой пологой выемке. Опустившись метров на шесть, машина нырнула в ярко освещенный тоннель и, проехав под Садовой-Спасской, вышла на такую же плавно поднимающуюся открытую выемку по другую сторону Садовой: в новой Москве оживленные магистрали пересекались в разных уровнях...

«ЗИС-117» несся по площади Дзержинского, и первое, что бросилось в глаза, — это ее небесно-голубой цвет: площадь была залита цветным асфальтом.

Перед зданием Народного комиссариата внутренних дел стоял гигантский памятник, поднятый на высоту пятиэтажного дома. В тонкой лепке лица сразу узнавался Феликс Эдмундович Дзержинский.

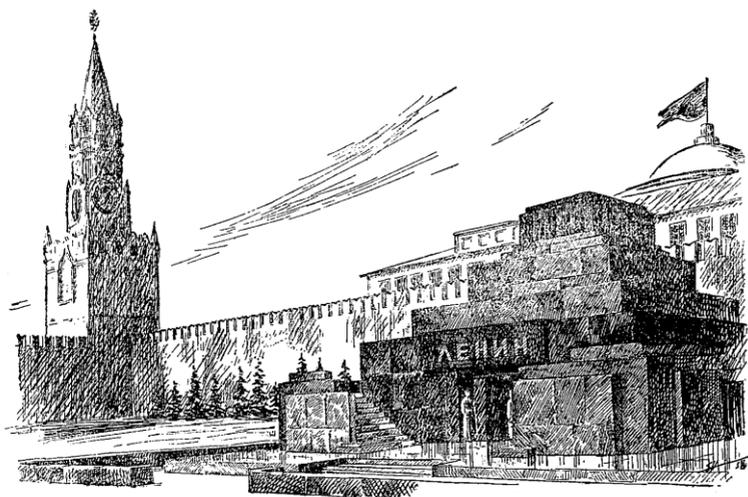
Справа от памятника стояло величественное четырнадцатизэтажное здание. Высоко поднятая арка соединяла его с таким же громадным соседним зданием. А по другую сторону площади начиналась новая, широкая, прямая, как стрела, улица, прорубленная сквозь Китай-город. В конце ее виднелись мавзолей, зубчатые стены древнего Кремля и полощущийся по ветру красный флаг над зданием правительства.

Спускаясь по Театральному проезду, «ЗИС-117» свернул налево и неожиданно опять нырнул в тоннель, ловко обогнав перед въездом в него огромный двухэтажный автобус.

Тоннель казался бесконечным: он шел под всем Китай-городом, и длина его превышала километр.

Через полторы минуты машина вышла на Красную площадь, позади храма Василия Блаженного. Вдаль тянулась дуга Москворецкого моста, залитого ярким светом молочно-белых фонарей. У въезда на мост, по сторонам, стояли две

громадные скульптурные группы, из нержавеющей стали. В одной из них во главе бешено мчащейся лавины конников неся Чапаев. В другой — окруженный своими боевыми товарищами, на приступ вражеских окопов шел Щорс. А позади все огромное пространство Красной площади было залито бледно-розовым асфальтом, и на месте тяжеловесного здания Верхних торговых рядов раскинулись высокие, обрамленные колоннадой трибуны, растянувшиеся во всю длину площади...

Машина шла по Москворецкому мосту. Навстречу ей бесшумно пронесся двухэтажный трамвай. В большом зеркальном окне вагона мелькнули двое военных, склонившихся над шахматной доской...

Проехали Чугунный мост. Машина остановилась у подъезда десятиэтажного здания на углу Люсиновской и Добрынинской площади.

Оранжевая площадь была обрамлена темно-синими тротуарами. В морозном воздухе мелькали хлопья пушистого снега. Но на площади не было заметно ни единой снежинки:

при первом же прикосновении к асфальту они мгновенно таяли.

Расплачиваясь с шофером, Иван Артемьевич почувствовал под ногой тепло тротуара: под асфальтом была скрыта густая сеть теплофикационных труб.

Иван Артемьевич вошел в просторный вестибюль. Но не успел он сделать и двух-трех шагов, как неожиданное прикосновение заставило его опустить глаза: выскочившие неведомо откуда две пушистые щетки быстро проехали по его сапогам и исчезли так же внезапно, как появились.

Мягкий отраженный свет лился с потолка. Широкая пологая лестница была покрыта ковровой дорожкой. На мраморной стене сияла неоновая надпись: «Лифт».

На площадке шестого этажа лифт остановился. На двери Иван Артемьевич увидел эмалированную дощечку:

«Доктор медицинских наук С. И. Герасимов».

Сына дома не оказалось. Ивана Артемьевича встретил внук Юрий, десятилетний пионер. Он усадил деда в мягкое кресло у письменного стола и предупредительно осведомился, не курит ли дедушка.

Потянувшись за папиросой, Иван Артемьевич отодвинул маленький черный ящик. Но как только он коснулся его полированной крышки, из глубины ящика раздался укоризненный женский голос:

— Сережа, опять подвел! А я ждала... Разве можно так обманывать жену!

Три глухих гудка, и из ящика загрохотал веселый баритон:

— Сергей, говорит Михаил! Всякой волоките есть предел! Твой буер беру я. Идем с Павлом в Каширу.

Снова три гудка, и ящик официальным тоном сообщил:

— Товарищ Герасимов, ваш доклад «Итоги десятилетней работы над продлением человеческой жизни» назначается на двадцать пятое марта, в. конференц-зале университета.

Говорящий ящик не на шутку смутил Ивана Артемьевича. Но Юрий обстоятельно разъяснил, что это не ящик, а телеграфон, что папе звонили, но его не было дома, и телеграфон записал, а дедушка неловко нажал кнопку, и телеграфон передал ему свои звуковые записи.

Потом Юрий серьезно спросил, какой климат предпочитает дедушка. Иван Артемьевич, думая о другом, опрометчиво ответил, что, мол, почти всю свою жизнь он прожил на Урале, и потому предпочитает северный климат.

Юрий бросился в угол и с полминуты возился у какого-то аппарата, вделанного в стену.

Через некоторое время в комнате стало холодновато. Иван Артемьевич ежился, потирал руки и наконец осведомился, не открыто ли окошко в соседней комнате. И снова мальчик обстоятельно объяснил дедушке, что у них в квартире, как и почти во всех новых московских домах, работает кондиционная установка, что он, Юрий, заведует погодой и, желая удружить деду, устроил ему уральский климат. Но если дедушка недоволен, он тотчас же переведет стрелку на более умеренный...

В половине восьмого Иван Артемьевич заторопился. Вместе с внуком он спустился в вестибюль.

На голубом мраморе стены было расположено несколько кнопок. Над каждой кнопкой — две крошечные, величиной с горошину, электрические лампочки. Выше — матовый экран. И лампочки и экран были темны.

Юрий нажал одну из кнопок — и тотчас же вспыхнула зеленая лампочка, и на темном экране быстро пронесся яркий силуэт автомобиля.

— Все в порядке, — сказал Юрий. — Через минуту такси будет у подъезда.

Подъехав к Дворцу Советов, Иван Артемьевич убедился, что в его распоряжении еще добрых полчаса. И он решил обойти вокруг дворца.

Перед главным входом на небольшой высоте неподвижно покачивались в воздухе два серебристых привязных аэростата. Между ними, подвешенный на толстых тросах,

спускался громадный экран телевизора. Перед ним уже собралась многотысячная толпа москвичей.

Они ждали. Скоро на белом фоне экрана возникнет трибуна Большого зала, появятся знакомые лица вождей, и радиорупоры разнесут над Москвой речи ораторов.

Иван Артемьевич шел дальше...

На фасаде дворца, окружая его со всех сторон, на три километра в длину растянулась высеченная из гранита лента барельефа. Перед Иваном Артемьевичем проходила история героической борьбы угнетенных всего мира за лучшее будущее, за счастье человечества. Он видел колонны рабов, восставших против гордого Рима, предводительствуемые мужественным Спартаком; толпы немецких крестьян, штурмующих мрачные замки феодалов под знаменем истоптанного башмака; русокудрого великана Ивана Болотникова, ведущего свою сермяжную рать на боярскую Москву; провозглашение Парижской коммуны и взятие Зимнего дворца...

За четверть часа до открытия съезда Иван Артемьевич через 38-й подъезд вошел во дворец и поднялся на лифт-экспрессе.

Перед ним раскрылась бесконечная анфилада огромных фойе: мрамор, цветы, картины, скульптура. В одном из фойе Иван Артемьевич долго стоял перед бронзовым бюстом своего старого друга, Героя социалистического труда, агронома Митрофана Федоровича Завьялова. И снова шел дальше. И не было конца нарядным залам.

В фойе царил свой особенный, присущий только ему климат. Знойный, сухой воздух казахских степей, аромат цветущих вишневых садов Украины, смоляной запах хвойного вологодского леса и теплый воздух залитого солнцем Черноморского побережья. И Ивану Артемьевичу чудилось, будто он совершает сказочное путешествие по необъятным просторам своей страны.

За несколько минут до начала заседания Иван Артемьевич занял свое депутатское место.

Много раз видел он фотографии Дворца Советов, но только сейчас по-настоящему ощутил, как грандиозен

Дворец Советов.

Большой зал. Казалось, он может вместить в себя добрую половину обитателей его старой родной Уфы.

Зал шумел, как морской прибой. Друзья обменивались веселыми приветствиями. Пневматическая почта принесла Ивану Артемьевичу записку от его друга из ложи Героев Советского Союза...

... В девять часов из-за стола президиума поднялся человек, имя которого знали все без исключения люди на земле.

Товарищ Сталин начал свой доклад.

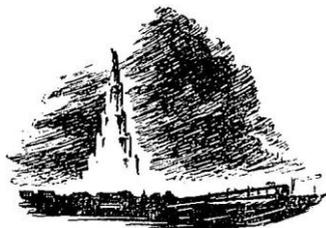
Сидевший справа от Ивана Артемьевича делегат-узбек, нагнувшись к ручке своего кресла, передвинул стрелку маленького циферблата на деление с надписью «узбекский» и приложил к уху трубку радиотелефона. На циферблате у соседа слева стрелка была установлена на делении «казахский».

В изолированных кабинах, скрытые от глаз присутствующих, десятки опытных переводчиков мгновенно переводили и транслировали речь вождя. Слова товарища Сталина, родные и понятные всему трудящемуся человечеству, неслись над миром...

Через пять дней Иван Артемьевич уезжал домой. Восточный экспресс отходил поздно ночью.

Когда поезд отошел уже довольно далеко, Иван Артемьевич вышел на площадку.

На фоне морозного темного неба он различил смутный силуэт знакомой фигуры Ленина. Неожиданно вспыхнувшие лучи прожекторов зажгли благородную сталь памятника ярким серебристым блеском. И над Москвой, над Страной Советов засиял образ великого Ленина.

АНТОН СОРОКИН

ДАФТАР

Фантастический рассказ

*Первая публикация:
ЮНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ (Омск), 1919, № 1-2
Печатается по изданию: Напевы ветра /Предисл. [Ан-
тон Сорокин, с.5-26] Е.Беленького; Примеч. [С.182-185]
Е.Раппопорт, Н.Яновского; Худож. В.Семенов. - Новоси-
бирск: Зап.-Сиб. Кн. изд-во, 1967 г.*

Дафтар — это имя того, кто основал свое царство на власти золота. Тысячелетия власти золота убедили Дафтара, что эта власть прочна и несокрушима. Принял Дафтар имя человека и путешествовал по земле. Он был изменчив, как хамелеон: то он был банкиром, то священником, то полководцем. Бессмертен был Дафтар, и нравилась ему жизнь человека, с музыкой, с танцами, со смехом и любовью женщин.

В тот год Дафтар вздумал обойти свои владения обычным человеком, но на всякий случай он набил себе карманы золотыми червонцами...

Идет Дафтар по полю: зеленая травка только что начала показываться, и кажется Дафтару земля старой медной монетой, покрытой зеленой ржавчиной.

Видит Дафтар: пахарь пашет землю. Жарко целует солнце лучами землю, для того чтобы родились новые жизни.

Подходит Дафтар к хлебопашцу, поздоровался, и удивился Дафтар: хлебороб поздоровался с ним как равный.

— Здравствуй, товарищ.

— Ну, как пахешь, много ли аренды платишь? Кто хозяин? — спросил Дафтар.

— Земля чья? Народная, аренды никому не плачу. Разве за землю нужно кому платить?

— Неужели никто не платит за землю?

— Никто...

— А как ты живешь? Денег много зарабатываешь?

— Денег?.. Я не знаю, что такое деньги...

— Да ты никак ошалел... Золото не знаешь?

— Нет. Не знаю.

— Вот на, возьми... — и Дафтар дал горсть золотых монет.

— А на что они мне, эти детские игрушки?

— Как же ты живешь без денег?

— Работой все живут, трудом.

Бросил мужик горсть золотых, и упали они на черную рыхлую землю, и казались желтыми плевками на черной земле. Запел песню мужик и стал продолжать свою работу.

— Это сумасшедший какой-то...— и пошел Дафтар в город.

Зашел в магазин и сказал:

— Дайте мне шоколаду, консервов, конфет.

И когда все было завернуто, подошел к кассе платить деньги.

И, к удивлению, услышал от кассирши:

— Золото не принимается с 1945 года. Вы все получите только за трудовые талоны, за проработанное время и сделанное.

— И это везде?

— Ну да, во всем мире... Откуда вы, с какой планеты? С 1945 года, когда произошла революция во всем цивилизованном мире, золото потеряло ценность...

— Но как же я буду жить? — сказал Дафтар. — Я ничего не умею делать. У меня экстракт труда людей в кармане — золото...

— Вы можете уехать в дикарские страны... зулусов, готтентотов... там они дошли до капитализма и обмена продуктами производства. А вы откуда приехали?

— Я Дафтар. Я вечен... я перевоплощаюсь. Значит, пока я был на Марсе, на земле все изменилось?..

— Да, изменилось.

— Так, быть может, у вас границы имеются и таможни?

— Нет, границ нет с 1943 года.

— Может, и религии нет, и бога нет?

— Как бога нет? Бог — все Человечество.

— А банки у вас имеются... ростовщики талонами?

— Нет.

— А бедняки?

— И бедняков нет.

— Может, есть воры и проститутки?

— Тоже нет...

— Неужели нет людей, желающих получить по фальшивым карточкам?

— Не было случая...

И уныло вышел Дафтар, разбрасывая из кармана золото, и никто не поднимал его: никому золото было не нужно.

Остановился Дафтар и стал думать, как вернуть потерянную власть.

Когда это будет... не знаю... не знаю, когда взойдет над страдающим человечеством солнце извечной правды и любви.

Но нужно верить, что это будет. Бог — Человечество, идет на смену Будде, Христу... Капиталу... и другим идеалам человечества.

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

**КОСМИЧЕСКАЯ
ЭСКАДРИЛЬЯ**

Фантастический очерк

В течение многих лет разрабатывал наш замечательный ученый, изобретатель Константин Эдуардович Циолковский захватывающую идею о странствовании за пределами атмосферы, о полетах в бескрайних просторах космического океана.

В принципе эта труднейшая задача, задача создания авиации без потолка, была Циолковским успешно разрешена еще в 1903 году. Он придумал ракетный корабль «звездолет», способный совершать межпланетные рейсы. Только для этого надо наделить его значительной скоростью — 11 километров в секунду. Все затруднение и заключалось в том, чтобы найти технически осуществимый способ сообщить звездолету столь огромную начальную скорость.

Зачем, однако, нужна для межпланетного полета такая чудовищная скорость? На первый взгляд, она представляется совершенно излишней. В самом деле: земное притяжение уменьшает скорость свободного взлета всего лишь на 10 метров в секунду. Казалось бы, поэтому, достаточно снабдить звездолет скоростью немного больше 10 метров в секунду — и ракетный корабль беспрепятственно поднимется

над Землей, чтобы покинуть ее навсегда. Цепи земного тяготения будут разорваны.

Такая мысль возникает у многих, и поэтому здесь уместно будет вскрыть заключающуюся в ней ошибку. Да, в первую секунду звездолет, брошенный ввысь, теряет из своей секундной скорости всего лишь 10 метров. Мы подчеркиваем — только в первую секунду. Но надо помнить, что во вторую секунду полета он потеряет еще 10 метров, в третью — новые 10 метров и так далее. Если бы звездолет отправился в путь, имея даже начальную скорость артиллерийского снаряда — круглым числом тысячу метров в секунду, — то уже спустя 100 секунд скорость эта была бы без остатка израсходована на борьбу с силой тяжести. Это значит, что менее чем через две минуты от начала полета ракетный корабль начал бы неудержимо, с возрастающей скоростью падать обратно на Землю. Кто знаком с начатками механики, тому нетрудно будет рассчитать, что даже при полном отсутствии помехи со стороны воздуха такой звездолет поднялся бы только до высоты 50 километров и оттуда рухнул бы на Землю.

Как видим, для космического рейса совершенно не достаточна секундная скорость даже в целый километр. Полет в мировое пространство должен начаться с гораздо большей скоростью. Она должна быть не меньше 11 километров в секунду. При такой стремительности взлета ракета уже достигнет высот, на которых начинает заметно сказываться ослабление земного притяжения. Поэтому секундное убывание скорости звездолета становится все меньше и меньше. Ракетный корабль успешно борется с замедляющим действием земного притяжения. И если он, например, летит к Луне, то в какой-то момент он достигает того рубежа, за которым притяжение Луны берет верх над земным. Дальнейший полет будет уже не чем иным, как падением на Луну.

И так, для отправления в космический полет ракетный корабль должен покинуть Землю со скоростью, не меньшею 11 километров в секунду. Это было ясно не только Циолковскому, но и еще раньше — французскому романисту

Жюль Верну, автору фантастического сочинения «Из пушки на Луну» (1870 год). Жюль Верн ошибался, предполагая, что необходимую скорость можно придать межпланетному снаряду, выстрелив им из гигантской пушки. Ни при каком количестве пороха в заряде пушка не сможет сообщить снаряду скорости в 11 километров в секунду. Самое большее — это было бы около четырех километров в секунду (см. книгу Я. Перельмана «Межпланетные путешествия»),

Циолковский доказал математически, что его ракетный корабль способен приобрести требуемую скорость при том условии, если будет сожжен достаточный запас горючего. Но вот тут и возникает вся трудность: количество топлива, которое должно быть для этого сожжено в ракете, составляет огромную долю массы всего ракетного корабля. Расчет показывает, что из каждой тонны корабля, отправившегося в космический рейс, возвратится на Землю меньше 1 килограмма; все остальное приходится на долю топлива, которое должно быть сожжено.

Устроить корабль, в котором на долю запаса горючего приходилось бы более 0,999 всей массы и только 0,001 составляла бы масса его стенок, пилота, снаряжения и тому подобное, конечно, немислимо никакими техническими ухищрениями. Вспомним, что в цистерне с керосином масса содержимого превышает массу самой цистерны всего только в 13 раз. Искуснейшие строители — пчелы — устраивают ячейки, в которых мед в 60 раз тяжелее его восковой оболочки. Звездолет же должен представлять собой как бы цистерну, содержимое которой тяжелее стенок в 1 000 и более раз!

Циолковский ясно сознавал возникающую в этом пункте трудность и не переставал настойчиво искать путей к ее преодолению. И вот, на самом закате жизни в его уме блеснул радостный луч надежды. Желанное решение задачи, казавшейся неодолимой, наконец, найдено. В декабре 1934 года Константин Эдуардович прислал мне письмо, приподнятый тон которого красноречиво говорил о взволнованном настроении изобретателя. Письмо было написано под све-

жим впечатлением сделанного открытия. Привожу это письмо полностью:

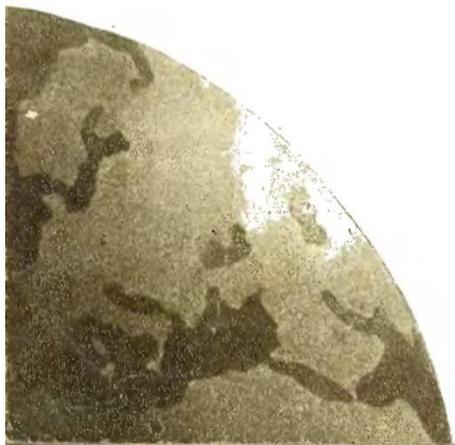
«Сорок лет я работал над реактивным полетом, в результате чего дал — по общему признанию, первый в мире — теорию реактивного движения и схему реактивного корабля. Через несколько сотен лет, — думал я, — такие приборы залетят за атмосферу и будут уже космическими кораблями. Непрерывно вычисляя и размышляя над скорейшим осуществлением этого дела, вчера, 15 декабря 1934 года, после шести часов вечера, я натолкнулся на новую мысль относительно достижения космических скоростей.

Последствием этого открытия явилась уверенность, что такие скорости гораздо легче получить, чем я предполагал. Возможно, что их достигнут через несколько десятков лет, и может быть, современное поколение будет свидетелем межпланетных путешествий.

Таким образом, идея 15 декабря приблизила реализацию космической ракеты, заменив в моем воображении сотни лет (как я писал в 1903 году) только десятками их».

На полях письма сбоку — приписка:

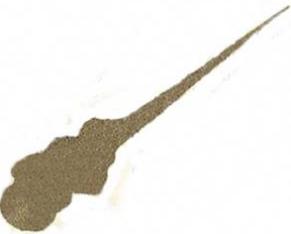
«Секрет. Хотел Вас порадовать. Когда опубликую — не знаю».

Циолковский не спешил с оглаской своего открытия потому, вероятно, что желал со свойственной ему добросовестностью еще тщательно обдумать и проверить свою мысль.

Прошло несколько месяцев, и в мае 1935 года я получил от Константина Эдуардовича отрывок из его последней большой рукописи, оставшейся еще и сейчас неопубликованной. Это была выдержка из восьмой главы. К ней — немногословная приписка:

«Вот то открытие, о котором я Вам писал».

Вообразим ради простоты, что в нашем распоряжении имеется пассажирская ракета весом без топлива в одну тонну. Подобный корабль, объем которого достигает десятка кубометров, способен вместить 5 тонн топлива. Построение такого ракетного корабля не представило бы особых технических трудностей: в нем на долю топлива приходится не 99,9 процента, а только 83 процента массы всего корабля (в керосиновой цистерне содержимое составляет, как мы уже знаем, 93 процента полной массы всей цистерны).

Итак, у нас имеется ракетный корабль, сооружение которого посильно для техники. Ничего фантастического, ничего несбыточного в этом нет. Предположим теперь, что этот ракетный корабль сжигает запас своего топлива полностью. Расчет, сделанный при весьма скромных допущениях, показывает, что по окончании горения топлива корабль должен получить скорость в 3 тысячи метров в секунду. Если же будет израсходована только половина всего запаса, то корабль приобретет скорость в 900 метров в секунду.

Эти расчеты и навели Циолковского на следующую блестящую мысль. Пусть в космический полет отправляется не

одна ракета, а целая эскадрилья таких ракет. Когда каждая из составляющих ее ракет сожжет половину своего заряда, эскадрилья будет нестись правильным строем со скоростью 900 метров в секунду. В этот момент горение прерывается, и одна половина ракет на лету переливает свое неизрасходованное топливо в полуопорожненные вместилища другой половины эскадрильи (передача горючего в полете возможна). Те ракеты, которые после переливания совершенно лишаются топлива, выбывают из строя: их пустые оболочки опускаются на землю.

Наша ракетная эскадрилья наполовину уменьшила теперь свой численный состав; зато каждая ракета вновь несет с собой полный 5-тонный запас топлива.

Если теперь эскадрилья сожжет его целиком, она приобретет скорость $900 + 3000$, то есть 3900 метров в секунду. Но, по мысли Циолковского, как раз не нужно, чтобы ракеты сжигали топливо полностью. Опять сжигается только половина топливного запаса. Поэтому к прежней 900-метровой скорости прибавляется не 3 000, а только еще раз 900 метров. Общая скорость эскадрильи составляет теперь 1 800 метров в секунду.

Снова выполняем уже проделанный ранее маневр: переливаем топливо одной половины ракет в другую и отбрасываем бесполезные опорожненные ракеты. Численность эскадрильи понижается уже до четверти первоначального состава, но каждая ракета полна топлива, и вся эскадрилья несется со скоростью 1800 метров в секунду.

Вслед за вторичным переливанием возобновляется горение, и когда каждая ракета израсходует половину, скорость эскадрильи окажется равной $1800 + 900$, то есть 2700 метров в секунду.

Легко видеть, что каждое следующее выполнение маневра уменьшает вдвое численный состав эскадрильи, но зато увеличивает каждый раз на 900 метров ее скорость. Повторив маневр определенное число раз, можно, очевидно, получить для последних ракет огромную скорость. Нужно лишь, чтобы первоначальный состав ракетной эскадрильи был достаточно многочислен.

Чтобы долететь до орбиты Луны, ракетный корабль должен приобрести скорость не менее 11 тысяч метров в секунду. Для этого нужно будет произвести операцию переливания топлива 9 раз. Первые 8 переливаний дадут секундную скорость в $900 + (8 \times 900)$, то есть 8 100 метров. После девятого переливания топливо сжигается без остатка, и к имеющейся скорости (8 100 метров в секунду) прибавляется на этот раз уже не 900, а 3 тысячи метров. Следовательно, окончательная скорость будет равна $8100 + 3\ 000$, то есть 11 100 метров в секунду.

Состав же эскадрильи уменьшится в 2^9 , то есть в 512 раз. Если в космический рейс отправилось 512 ракет, то Луны достигнет из них только одна.

Поясним эти расчеты следующей наглядной табличкой:

	ЧИСЛО РАКЕТ	ИХ СКОРОСТЬ
До переливаний	512	900 м в секунду
После		
1-го переливания	256	1 800 „ „ „
2-го „	128	2 700 „ „ „
3-го „	64	3 600 „ „ „
4-го „	32	4 500 „ „ „
5-го „	16	5 400 „ „ „
6-го „	8	6 300 „ „ „
7-го „	4	7 200 „ „ „
8-го „	2	8 100 „ „ „
9-го „	1	11 100 „ „ „

Как видим, эскадрилья из 512. ракет, пользуясь маневром переливания топлива, может довести скорость одной из своих ракет до той величины, какая нужна для перелета с Земли на Луну. При этом будет израсходовано около 2 500 тонн топлива (точнее, $5 \times 512 = 2\ 560$), но не понадобится вмещать столь значительное количество горючего в одну ракету с ничтожной собственной массой. Главная трудность, стоящая на пути к достижению космической скорости, таким образом отпадает.

Остановимся еще на некоторых соображениях, высказанных Циолковским в последней его работе. Вот что он писал в присланной мне рукописи:

«Возможно ли переливание или передача элементов взрыва из одного реактивного прибора в другой? Для аэропланов это было уже осуществлено. Передача предметов удаётся даже между летящим аэропланом и неподвижной землей, что гораздо труднее вследствие большой разницы скоростей. Разность скоростей двух летящих реактивных снарядов путем регулирования взрывания может быть сделана близкой к нулю.

Потребное число ракет значительно бы сократилось при усовершенствовании их, то есть при увеличении запаса и скорости вырывающихся продуктов взрыва. И то и другое, возможно и позволит нам получать даже при небольшом числе ракет самые высокие космические скорости.

Я хотел показать один из способов увеличить скорость реактивной машины с помощью других таких же машин. Этот прием может дать нам новые достижения».

От себя прибавлю, что возможен следующий вариант технического осуществления замечательной идеи Циолковского. Пятьсот разрозненных ракет можно соединить в одно целое. Все перечисленные ранее преимущества проекта сохраняются, но переливание топлива при этом значительно упрощается, а главное — легко может быть автоматизировано. Отбрасывание опорожненных ракет тоже может быть сделано автоматическим. Это составит огромную экономию в летном персонале: таким ракетным агрегатом смогут управлять 1—2 пилота; между тем, не связанные ракеты потребуют столько же пилотов, сколько всего ракет, то есть несколько сот.

Последняя работа Циолковского, как видим, ведет к новой идее составной ракеты, особенности которой придают ей чрезвычайно ценные преимущества и продвигают проблему межпланетных путешествий далеко вперед.

Г. И. ПОКРОВСКИЙ

ЛУЧ
ПОРАЖАЕТ ВРАГА

Фантастический очерк

Журнал «Техника-молодежи» № 10, 1936 г.

ЛУЧ ПОРАЖАЕТ ВРАГА

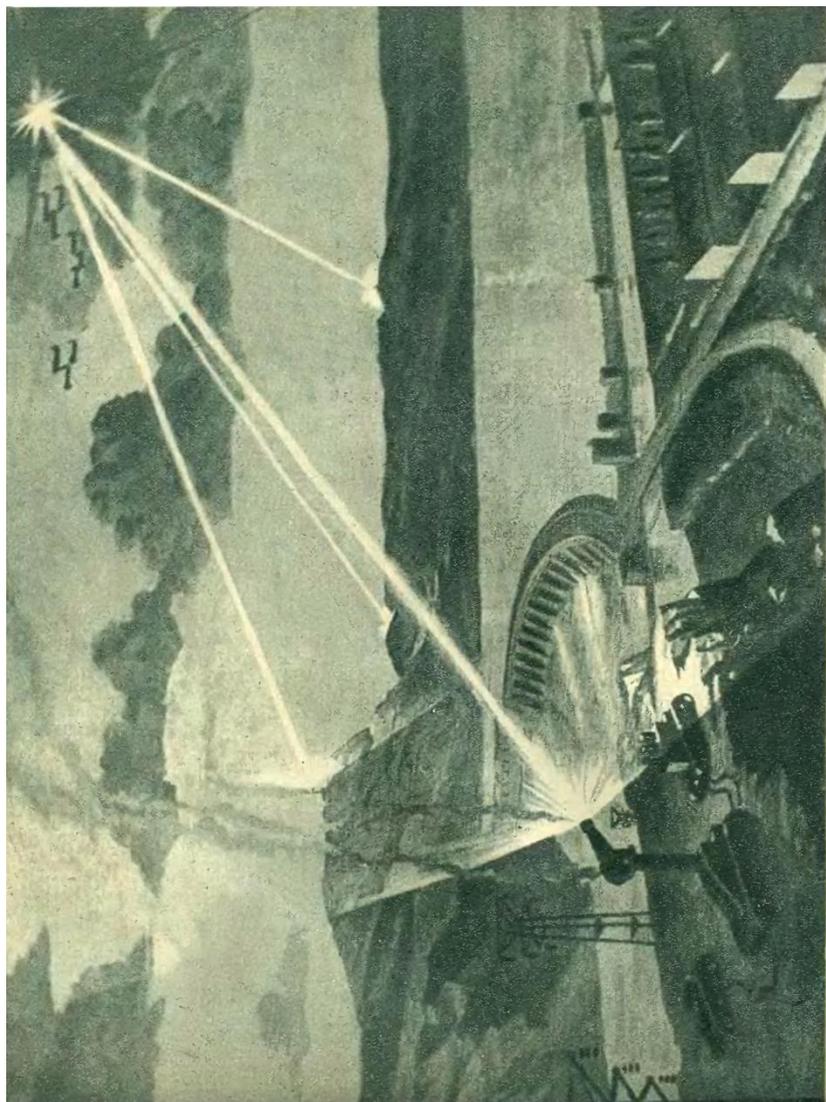
Недавно на страницах нашего журнала (№ 6, 1936 г. «ТМ») была помещена научно-фантастическая статья о возможности применения в будущей войне так называемых «лучей смерти».

Один из наших постоянных читателей и авторов, проф. Г. И. Покровский, заинтересовался содержанием этой статьи и попытался в фантастических рисунках изобразить действующую установку «лучей смерти». Ниже мы помещаем рисунки Г. И. Покровского и объяснения к ним.

Если допустить возможность использования лучистой энергии в активной борьбе с противником, то прежде всего следует отметить, что всякая установка, испускающая луч смерти, должна потреблять колоссальную мощность. Поэтому при современных источниках энергии применение луча смерти возможно только там, где находятся мощные силовые станции. Отсюда вывод: луч смерти может быть средством защиты различных энергетических сооружений от налета самолетов противника.

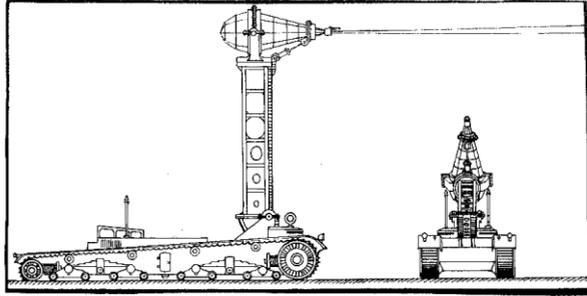
Надо полагать, что очень мощный поток лучистой энергии, которую будет вырабатывать установка, заставит в большей или меньшей степени светиться воздух, хотя сам по себе луч будет невидим глазу. Таким образом, мощный поток лучистой энергии должен всегда сопровождаться ярким свечением воздуха. Кроме того, как бы совершенно ни действовали аппараты, концентрирующие луч, все же некоторая часть энергии будет рассеиваться. Чем больше энергии в основном луче, тем больше она будет рассеиваться.

«Лучи смерти» защищают гидроэлектростанцию от бомбардировщиков противника.

Боевое судно движется по инерции, вся электроэнергия сосредоточена в лучевом аппарате.

Это фантастический рисунок, изображающий установку с аппаратом, который посылает в пространство «лучи смерти». Вся установка движется на гусеничном ходу, а самый аппарат принимает различные положения с помощью сложной системы подъемных и поворотных механизмов.

Если установка чрезвычайно мощная, то рассеянная энергия также вызовет свечение воздуха.

Все эти соображения учтены при компоновке воспроизводимых здесь фантастических иллюстраций.

Первая из них изображает защиту гидроэлектростанции от бомбардировщиков противника. На первом плане, на вершине горы у обрыва, расположился танк с установкой для получения луча смерти, возле него стоит другой танк, соединенный с первым кабелями. На втором танке установлены трансформаторы, получающие ток от линии высокого напряжения. Наконец, имеется еще и третий танк, внутри которого расположен пост наблюдения, управляющий своей системой луча смерти. Танк наблюдения соединен с лучевым танком кабелем, через который передаются электроток для управления всей системой. На дальних холмах расположилось еще несколько лучевых танков. Все испускаемые ими лучи пересекаются в одной точке. Проходя через эту точку, самолеты противника взрываются особым образом, о чем свидетельствует темное облако своеобразной формы.

На втором рисунке изображено специальное военное судно, испускающее луч смерти. Здесь источником энергии являются машины самого судна. Обычно они работают, вращая гребные винты судна. Однако, на небольшой промежуток времени винты могут быть выключены, и вся энергия направляется в лучевой аппарат. В это время судно движется уже по инерции, а вся энергия, сосредоточенная в лучевом аппарате, устремляется на противника. Именно этот момент и фиксируется на втором рисунке. Здесь так же, как и в первом случае, ясно виден конус рассеянного света.

А. ВАРШАВСКИЙ

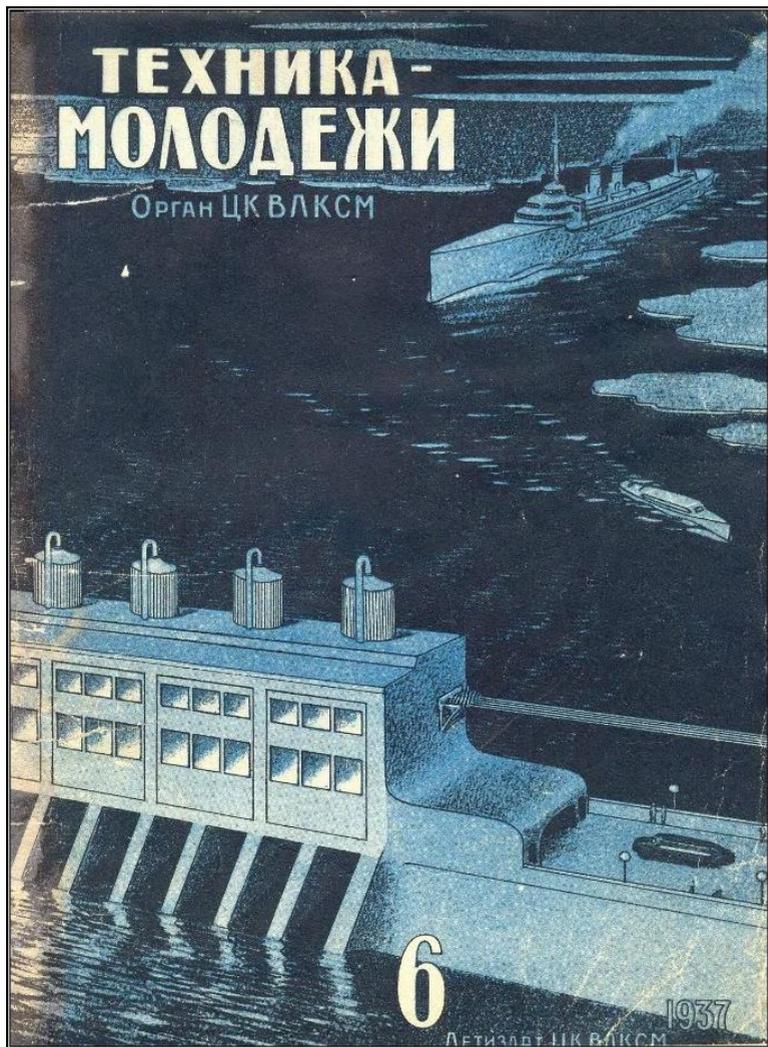
**1950 год
в Арктике**

Фантастический очерк

Журнал «Техника-молодежи» № 6, 1937 г.

ТЕХНИКА - МОЛОДЕЖИ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

6

1937

ДЕТИЗАВТ ЦК ВЛКСМ

1950 год

Инж. А. ВАРШАВСКИЙ

Рисунки С. ЛОДЫГИНА

в Арктике

По Великому Северному морскому пути двигались мощные ледоколы и суда особого устройства, переползавшие ледовые поля. Большой флот торговых пароходов и теплоходов, множество шхун и катеров бороздили полярное море по всем направлениям. Даже подо льдом сообщение поддерживалось подводными лодками.

Культура народов Севера поднялась на большую высоту. В прошлое отошли первобытные чумы и яранги. Культурные промысловые станции регулировали добычу пушного зверя. Выводились даже новые виды зверей. Огромные олени стада обеспечивали мясом местное население. Оленьи мясо вывозилось в другие края и за границу в замороженном и консервированном виде.

Олени и собачьи упряжки сохранились только как вид спортивных развлечений. Тундру пересекали вездеходы, тракторы и специально приспособленные автомобили. Широко развивались воздушные сообщения.

Разведывательные экспедиции обнаруживали все больше и больше месторождений полезных ископаемых, в том числе редчайших ископаемых, которых не было в других местах Союза.

Между тем Север оставался севером. Солнце по-прежнему светило только часть года. По-прежнему дули свирепые ветры, наметая огромные сугробы снега, по-прежнему нарастали ледяные массивы в бухтах и заливах, на много месяцев парализуя порты, по-прежнему землю сковывала вечная мерзлота.

Разработку полезных ископаемых можно было вести только в небольших количествах. Полным ходом работа

могла идти лишь в течение небольшой части года, во время короткого полярного лета.

Арктика нуждалась в огромном количестве энергии, которое возместило бы недостаток солнечного тепла и помогло бы одолеть непокорную природу. Эту энергию надо было найти тут же, на месте: нельзя было строить расчеты на горючем, привозимом из-за моря Северным морским путем, — понадобилось бы перевозить десятки тысяч тонн, а это, разумеется, немислимо.

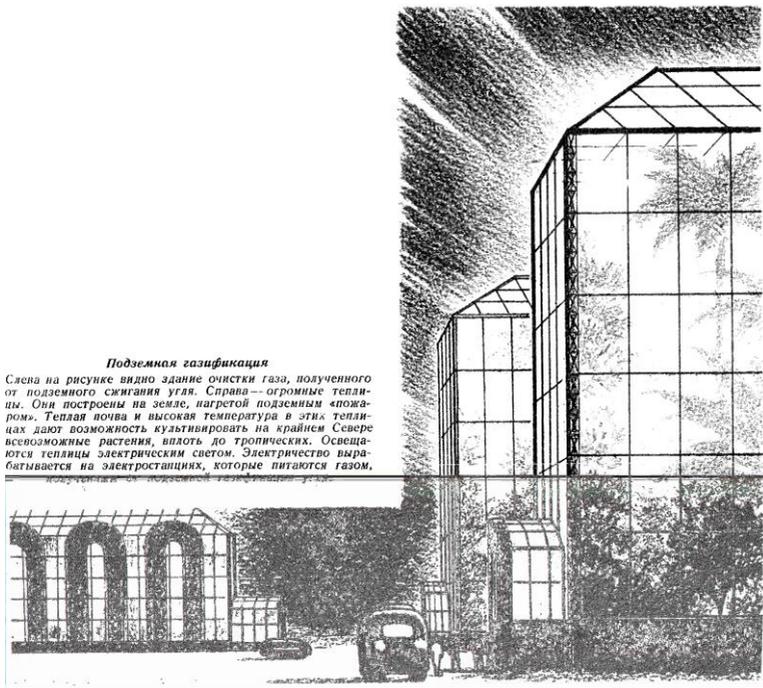
Об использовании местных источников энергии думали уже давно. Мелкие установки опытного характера уже давно работали на полярных станциях и культбазах и оправдали себя. Но они удовлетворяли только самые ограниченные требования. Для того чтобы преобразить крайний Север, нужно было создать целую сеть мощных электрических станций.

С каждым годом усиливалась индустриализация Арктики, и прежде всего, были созданы мощные источники энергии.

Это не были, однако, те электрические станции, которые мы привыкли видеть в других областях нашего Союза. Это не были огромные здания, расположившиеся подле мощных плотин, перегораживающих многоводные реки; это не были огромные здания, увенчанные рядами высоких труб и неустанно поглощающие уголь. Энергетические станции Севера имели совсем другой вид, потому что были приспособлены к особым, своеобразным и суровым условиям крайнего Севера. Это были либо высокие ажурные стальные башни, увенчанные трехлопастными крыльчатками; либо здания, к которым из-под земли шли толстые металлические трубы с добытым на глубине газом; либо, наконец, здания, поставленные на далеко вдающемся в море молу и неустанно сосущие сверху морозный воздух, а снизу, из-под льда, — сравнительно теплую морскую воду. Это были, иными словами, либо ветроустановки, либо станции, работающие на подземной газификации угля, либо, наконец, разностно-температурные установки. Ни одна из этих станций не нуждалась в привозном топливе.

Подземная газификация

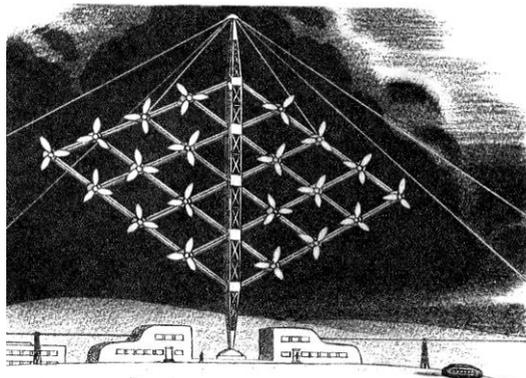
Слева на рисунке видно здание очистки газа, полученного от подземного сжигания угля. Справа — огромные теплицы. Они построены на земле, нагретой подземными «пожарами». Теплая почва и высокая температура в этих теплицах дают возможность культивировать на крайнем Севере всевозможные растения, вплоть до тропических. Освещаются теплицы электрическим светом. Электричество вырабатывается на электростанциях, которые питаются газом.

Арктика «богата ветром». На крайнем Севере тянется беслесная ровная тундра, и только кое-где возвышаются пологие и обнаженные холмы и горы. А с другой стороны на огромном протяжении открывается море. Это создает раздолье для ветра. Ветер дует в большей части крайнего Севера в течение всего года. Особенной силы он достигает зимой. Таким образом, в Арктике повсюду можно найти исключительно дешевую ветровую энергию.

Опыт предыдущих лет с маленькими ветроэлектростанциями не пропал даром. Выяснилось, что нельзя беспрестанно увеличивать мощность отдельного ветродвигателя; размах его крыльев можно доводить только до определенной величины. Поэтому мощные ветростанции строились теперь в виде крыльчаток, вращающихся на общей стальной раме, укрепленной на высокой башне. Вся башня может по-

ворачиваться по ветру. Верхняя ее часть вращается в подшипнике, который удерживается растяжками, а нижняя часть — в специальном подпятнике.

Многокрыльчатый ветродвигатель

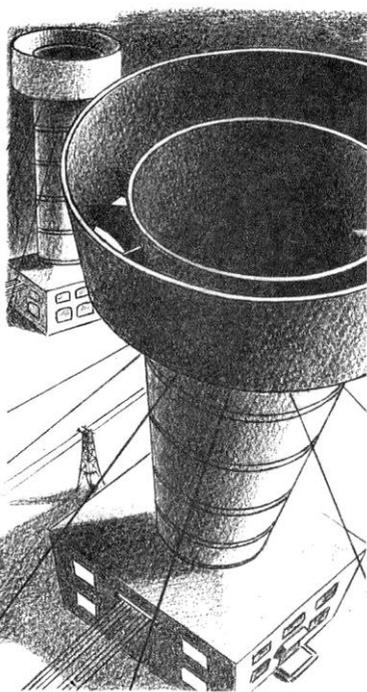
Крыльчатки установлены на ромбической раме. Позади каждой крыльчатки находится электрический генератор. Провода от генераторов собираются в общий кабель, который внутри вертикальной башни спускается вниз, к зданию трансформаторной подстанции. Рама со всеми крыльчатками поворачивается по ветру вместе с башней. Башня вращается в нижнем подпятнике и в верхнем подшипнике, который удерживает всю башню в вертикальном положении при помощи растяжек.

Помимо этого начали строиться ветровые установки, основанные на совершенно новом принципе. Снаружи эти установки представляют собой высокую трубу большого диаметра, удерживаемую целой сетью растяжек. Никаких вращающихся частей снаружи нет. В верхней части трубы имеется кольцевая щель. С какой бы стороны ни дул ветер, он врывается в эту щель и выходит через верх трубы. Создается мощный поток воздуха, который увлекает за собой воздух, поступающий с низу трубы. Через трубу просасываются мощные воздушные потоки. Внизу, внутри трубы, вращается огромный «вентилятор», сцепленный с вертикальным электрическим генератором. Это и есть, собственно говоря, сам ветродвигатель. Труба же служит для того, чтобы «упорядочить» ветер.

Оказалось, что эти установки лучше используют ветер и значительно проще, так как не имеют громоздких вращающихся башен, сложных подпятников и контактных колец для собирания электрической энергии со всех крыльчаток.

Под вытяжной трубой, так же как под башней крыльчатого ветродвигателя, имеется специальное помещение. В

нем находятся трансформаторы, распределительное устройство, аккумуляторные установки и т.д. Из этого здания электрическая энергия, полученная от ветродвигателя, направляется в линию передачи, соединяющую несколько ветроэлектрических и других станций. Работа одной из электрических станций пополняется и выравнивается работой других. В том случае, когда в данном районе наступает штиль, энергия может быть получена с соседних станций. Вот почему теперь уже не было такой надобности, как прежде, запасать резервную энергию в виде топлива или устанавливать огромные аккумуляторные батареи.

«Вытяжной» ветродвигатель

Основная часть этой ветроэлектростанции представляет собой снаружи высокую трубу большого диаметра с кольцевой щелью наверху. Труба удерживается целой сетью растяжек. Ветровое колесо устроено в нижней части трубы, которая помещается в здании электростанции. Колесо вращается благодаря мощному «сквозняку», образуемому в трубе. С ветровым колесом связан вертикальный электрический генератор, подающий энергию потребителям и в кольцевую линию передачи.

Дешевизна электроэнергии, вырабатываемой на таких ветроустановках, позволила перевести на электрическое питание не только промышленность и освещение,— в зданиях

и сельскохозяйственных таблицах появились электрические радиаторы, которые щедро давали тепло.

В Арктике 50-х годов применялся в широких масштабах новый способ использования каменного угля.

Добыча местных углей на крайнем Севере очень трудна. Подъем угля на поверхность — на-гора — практически возможен только в течение двух-трех летних месяцев. Разработка обходилась настолько дорого, что оказывалось возможным добывать только высокосортные угли; все же менее качественные угли добывать не имело смысла, и они оставались, в земле.

Тогда была выдвинута мысль о подземной газификации этих второсортных углей. Замечательная особенность этого способа заключается в том, что при нем вовсе не приходится поднимать уголь из-под земли на поверхность. Уголь подвергают переработке на месте, под землей. Наружу выходят только продукты переработки в виде газа. И этот газ используют с большей выгодой, чем каменный уголь.

Вся шахта превращается как бы в гигантский газогенератор. Единственная обработка угольного пласта заключается в том, что в пласте проделывают горизонтальную скважину, уголь поджигают и продувают сквозь него воздух. При этом уголь сгорает иначе, чем, например, в топках парового котла. Вместо углекислого газа, который получается в результате сгорания угля в топках, при подземной газификации получается горючий генераторный газ. Иначе говоря, вместо очень тяжелой работы по добыче угля под землей и сжигания его после этого под котлами уголь сначала перерабатывают в газ под землей почти без участия рабочей силы. Затем этот газ без затруднений отводят наружу и используют в газовых двигателях. Отпадает тяжелая работа углекопов, и больше чем в два раза увеличивается использование углей.

Еще в 1913 г. Владимир Ильич Ленин обратил внимание на этот замечательный способ. Он предвидел тот огромный переворот в энергетике, который должна произвести в условиях социалистического хозяйства подземная газификация угля.

Преимущества подземной газификации угля оказались особенно ценными для крайнего Севера. Газификация давала возможность за один-два летних месяца произвести все подготовительные работы с тем, чтобы в течение всего остального года спокойно пользоваться газом — продуктом, подготовленным под землей.

Появились было опасения, что вечная мерзлота должна таять от жара, развивающегося под землей, и вода может залить искусственный подземный пожар. Но сомнения эти рассеялись, после того как припомнили случай большого подземного пожара в районе Анадыря, который начался незадолго до Великой пролетарской революции и длился в течение нескольких лет. Вода, получавшаяся вследствие таяния вечной мерзлоты, находила себе пути помимо горящего угля. Породы, окружающие угольный пласт, не засыпали воздушные каналы, по которым воздух проникал к углю и поддерживал его горение.

Как же выглядит станция, использующая этот искусственный пожар? На поверхности земли, вблизи подземного пожара, расположено несколько зданий. В одном из них находятся компрессорные и насосные установки. От этих установок под землю к горизонтальной скважине в угольном пласту идут трубы, по которым подается воздух, необходимый для горения. От другого конца скважины также идут трубы, подведенные ко второму зданию. Здесь помещаются газоотсосные и очистительные устройства, в которых от генераторного газа отделяются смолы и другие вредные примеси. В этом же здании работают мощные насосы, откачивающие из-под земли воду. Рядом с зданием отсоса и очистки газа стоят газохранилища, непрерывно пополняемые газом и отдающие газ. Эти газохранилища настолько вместительны, что запаса газа хватило бы на несколько дней работы, если бы даже подача газа из-под земли по какой-нибудь причине приостановилась.

Обычно газ выходит из-под земли круглые сутки. Силу горения угля можно регулировать количеством продуваемого через него воздуха. Прекратив подачу воздуха, горение угля можно совсем приостановить.

Из газохранилищ газовые трубы по поверхности земли входят в четвертое здание — электростанцию. Здесь через регуляторы они подходят к газовым двигателям. С каждым быстроходным газовым двигателем при помощи муфт соединен генератор электрического тока. Генераторы подают электрическую энергию высокого напряжения в распределительное устройство, от которого расходятся линии к потребителям.

От трансформаторов электростанции идет линия к отдельным портовым механизмам. Электроэнергия направляется также в линии передачи, соединяющие кольцом несколько различных станций.

От подземного пожара непрерывно тает вечная мерзлота и образуются целые потоки теплой воды. Их тепло не пропадает даром. Горячую воду откачивают мощными насосами, установленными в здании отсоса и очистки газа, и по закутаным в тепловую изоляцию трубам направляют для отопления помещений, в огромные теплицы, на строительные площадки, которые при помощи горячей воды освобождаются от вечной мерзлоты, и т. д. Таким образом, используется даже та часть энергии, которая непосредственно под землей, в процессе газификации угля, переходит в тепло.

Подобно тому, как это было во время «пожара» анадырского угля, поверхность земли над газифицируемым участком нагревается настолько, что даже зимой на ней не держится снег. Кое-где были сделаны даже удачные попытки засеять эту нагретую площадь земли.

Наибольший интерес представляли собой энергоцентрали крайнего Севера, которые использовали разность температур между водой и воздухом.

В самом деле, как было не задуматься о таком контрасте: температура воздуха зимой в Арктике бывает минус 40-50°, а тут же, рядом, отделенная от воздуха только слоем льда, находится вода, температура которой держится около нуля градусов. Таким образом, разность температур доходит до 50°, а в среднем всегда бывает около 16°. И все это в непосредственном соседстве друг с другом!

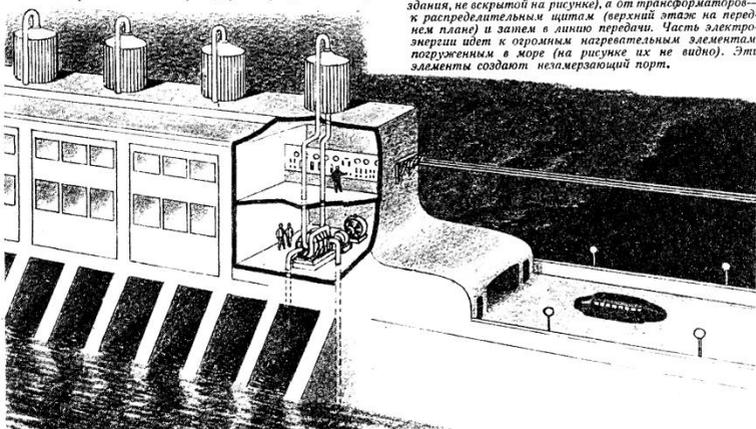
Между тем, мы знаем, что, для того чтобы тепловой двигатель работал, к нему надо только подать некоторое количество тепловой энергии, т. е. повысить температуру внутри двигателя.

Двигатель, цилиндр которого то охлаждается зимним арктическим воздухом, то нагревается сравнительно теплой морской водой, должен работать! Вопрос только в том, чтобы создать соответствующую конструкцию. И советские инженеры создали такую конструкцию!

Представим себе, что имеется цилиндр с поршнем. Под поршнем находится какая-то жидкость. Пока жидкость сохраняет свою температуру неизменной, поршень будет стоять на месте. Но если эту жидкость нагреть, она расширится, нажмет на поршень и поднимет его. Если эту жидкость охладить, она опять сожмется, и поршень вернется на прежнее место. Повторяя это снова и снова, можно заставить поршень двигаться внутри цилиндра взад и вперед, как в паровой машине, только вместо пара в цилиндре будет работать какая-то жидкость. А от движения поршня, так же как и в паровой машине, при помощи коленчатого вала начнут вращаться и маховик и шкив. Таким образом, будет получаться механическая энергия.

Разностемпературная электростанция

Электростанция, использующая разность температур между водой и воздухом, устанавливается на мелководье, глубоко вдающемся в залив. На крыше здания электростанции видны цилиндрические воздушные радиаторы. От воздушных радиаторов идут трубы, по которым к каждому двигателю подается рабочая жидкость. От двигателя вниз также идут трубы — к водяному радиатору, погруженному в море (на рисунке не показано). Двигатели соединены с электрическими генераторами через редукторы (на рисунке они видны на открытой части здания, посредстве между двигателем и генератором), в которых при помощи червячной передачи увеличивается число оборотов. От генератора электрическая энергия идет к трансформаторам, повышающим напряжение (трансформаторы находятся в левой части здания, не открытой на рисунке), а от трансформаторов — к распределительным щитам (верхний этаж на переднем плане) и затем в линию передачи. Часть электроэнергии идет к огромным нагревательным элементам, погруженным в море (на рисунке их не видно). Эти элементы создают незамерзающий порт.

По мере роста мощности и количества разносткотемпературных станций начались опыты по соединению искусственных незамерзающих портов такими же незамерзающими каналами. Таким образом, в Арктике постепенно создавалась широкая сеть водных незамерзающих артерий, по которым даже зимой могут двигаться пароходы.

Значит, нужно только поочередно нагревать и охлаждать какую-то рабочую жидкость. Для этого и были использованы арктические контрасты: к цилиндру приключается поочередно то вода из-под морского льда, то холодный воздух; температура жидкости в цилиндре быстро меняется, и такой двигатель начинает работать. Не важно, будут ли температуры выше или ниже нуля, нужно только, чтобы между ними была разность. При этом, конечно, рабочая жидкость для двигателя должна быть взята такая, которая не замерзала бы при самой низкой температуре.

Уже в 1937 г. был сконструирован двигатель, работающий на разности температур. Конструкция этого двигателя несколько отличалась от описанной схемы. Были сконструированы две системы труб, одна из которых должна находиться в воздухе, а другая в воде. Рабочая жидкость в цилиндре автоматически приводится в соприкосновение то с одной, то с другой системой труб. Жидкость внутри труб и цилиндра не стоит неподвижно: ее все время приводят в движение насосами. Двигатель имеет несколько цилиндров, и они поочередно приключаются к трубам. Все эти устройства дают возможность ускорить процесс нагревания и охлаждения жидкости, а стало быть, и вращение вала, к которому присоединены штоки поршней. В результате получаются такие скорости, что их можно передать через редуктор на вал электрического генератора и, таким образом, пе-

переработать тепловую энергию, полученную от разности температур, в энергию электрическую.

Первый двигатель, работающий на разности температур, удалось сконструировать только для сравнительно больших перепадов температуры, порядка 50°. Это была небольшая станция мощностью в 100 киловатт, работавшая на разности температур воздуха и воды из горячих источников, которые имеются кое-где на Севере.

На этой установке удалось проверить конструкцию разностнотемпературного двигателя и, самое главное, удалось накопить опытный материал. Затем был построен двигатель, использующий меньшие температурные перепады — между водой моря и холодным арктическим воздухом. Постройка разностнотемпературных станций стала возможной повсеместно.

Несколько позднее был сконструирован еще другой разностнотемпературный источник электрической энергии. Но это был уже не механический двигатель, а установка, действующая подобно огромному гальваническому элементу.

Как известно, в гальванических элементах происходит химическая реакция, в результате которой получается электрическая энергия. Многие химические реакции связаны либо с выделением, либо с поглощением тепла. Можно подобрать такие электроды и электролит, что никакой реакции не будет, пока температура элементов остается неизменной. Но стоит их только подогреть, как они начнут давать ток. И тут не имеет значения абсолютная температура; важно только, чтобы температура электролита начала повышаться относительно температуры воздуха, окружающего установку.

Таким образом, и в этом случае, если такую установку поместить в холодном, арктическом воздухе и подводить к ней «теплую» морскую воду, будет получаться электрическая энергия.

Разностнотемпературные установки были уже достаточно распространены в Арктике 50-х годов. Они представляли собой довольно мощные станции.

Устанавливались эти станции на Т-образном молу, глубоко вдающемся в морской залив. Такое расположение

станции сокращает трубопроводы, связывающие рабочую жидкость разностнотемпературной установки с водой моря. Для хорошей работы установки требуется значительная глубина залива. Вблизи станции должны быть большие массы воды, чтобы при охлаждении ее вследствие отдачи тепла двигателю не происходило замерзания.

Чем крепче морозы, тем больше вырабатывают энергии эти станции, потому что больше разница температур, на которой основана их работа. А как раз в это время и требуется больше всего энергии для отопления жилищ, теплиц и других помещений. Зимой, во время полярной ночи, увеличивается также потребность в энергии, идущей на освещение.

Разностнотемпературные установки позволили создать в Арктике искусственные незамерзающие порты. Работа станции направлялась непосредственно на подогрев определенного небольшого участка поверхности воды. При этом станция использовала разность температур между воздухом и массами воды, лежащими в стороне от того участка, который нужно освободить от льдов.

Энергия, полученная станцией от разности температур, направлялась на обогрев верхних слоев воды незамерзающего участка порта. Чтобы лучше сохранять теплоту этих поверхностных слоев воды, на освобожденную от льда поверхность моря пускалось специальное масло. Это масло растекалось тончайшим слоем, толщиной в сотые доли миллиметра, по всей незамерзающей поверхности, и служило изолятором от холодного воздуха.

В такой незамерзающий порт заходили ледоколы, пароходы и теплоходы отдохнуть от борьбы со льдами, а подводные суда — отдышаться. Здесь производились их разгрузка, осмотр и ремонт.

По мере роста мощности и количества разностнотемпературных станций начались опыты по соединению этих незамерзающих портов такими же незамерзающими каналами. Для этого использовались естественные морские те-

Таким образом, в Арктике постепенно создавалась широкая сеть водных незамерзающих артерий.

Основной недостаток разностнотемпературных станций — это сезонность их работы. Наибольшую выработку, как мы говорили, они дают именно в холодное время года.

В связи с этим возникла мысль — использовать для них лучистую энергию солнца.

В Арктике, несмотря на то, что солнце поднимается невысоко, на землю падает огромное количество лучистой энергии. Объясняется это чистотой воздуха, отсутствием частиц пыли, которые в южных районах рассеивают лучистую энергию и отражают ее от земли. В результате оказывается, что далеко за полярным кругом на землю падает не меньше лучистой энергии, чем на юге. Эти наблюдения были сделаны уже давно.

Лучистую энергию солнца пытались улавливать зеркалами или затемненными трубами и превращать ее в тепловую энергию для подогрева котлов паровой машины. Однако большая стоимость этих установок и малый коэффициент полезного действия вследствие больших потерь не позволили применить такой способ на практике.

На арктических энергетических установках лучистая энергия применяется теперь иначе. Для этого используются те же самые разностнотемпературные установки. Системы труб, которые зимой охлаждаются холодным воздухом (воздушные радиаторы), летом, наоборот, нагреваются при помощи лучистой энергии солнца. К этим трубам приключаются дополнительные устройства, представляющие собой систему прозрачных труб, наполненных черной жидкостью. Солнечные лучи падают на эти трубы и поглощаются черной жидкостью. Жидкость нагревается, — лучистая энергия переходит в тепловую. «Приемники холода» легко превращаются, таким образом, в приемники тепла. Вторые же радиаторы, опущенные в морскую воду и служащие зимой источником тепла, выполняют теперь роль приемников холода.

Этот же способ удалось применить и для разностнотемпературных установок, работающих по принципу гальванического элемента. Если лучи солнца могут подогревать черную жидкость, то с тем же успехом можно их направить и

на электролит особой гальванической батареи. В результате получается электрическая энергия, которая направляется в сеть.

Таким образом, разностнотемпературная установка работает и зимой, и летом.

Шаг за шагом завоевываются все новые энергетические ресурсы в Арктике, все больше совершенствуются энергетические установки крайнего Севера, все больше промышленных сооружений воздвигается вокруг этих энергоцентралей.

Электричество светит, греет и движет все механизмы на крайнем Севере.

Вот как выглядела в 50-х годах XX в. зимовка на мысе Оловянном. Когда-то здесь была одна из самых суровых зимовок, в далекой Арктике. А теперь?..

Ветроэлектрическая станция на мысе Оловянном работает в кольце двух ветроэлектрических и двух разностнотемпературных станций. Станция без отказа питает электричеством оловянные шахты и порт. На 2 км протянулась подвесная электрическая дорога. Электричество приводит в движение станки мастерских, заливает светом всю территорию поселка и шахт, а также большие теплицы. Электричество обеспечивает работу радиостанции, светит в маяках, пышет жаром в радиаторах отопления домов и теплиц. Оно превращает снег в снеготаялках в пресную воду, приводит в действие механический и термический льдоразрушители и снегоуборочные машины. Оно избавляет человека от изнурительной борьбы с суровой арктической природой.

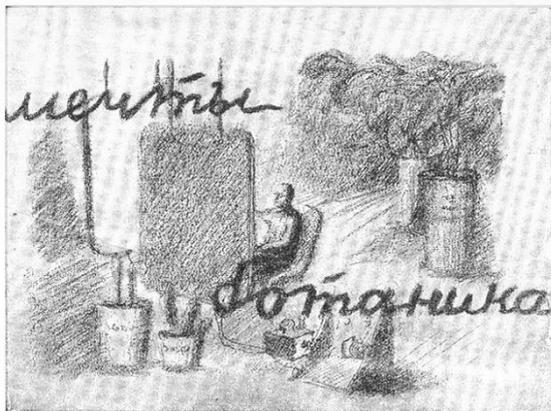
Советская техника отгеснила в область воспоминаний то время, когда тепло, свет и механическая энергия на крайнем Севере добывались сжиганием привозного керосина, бензина, нефти или угля. Социализм во всеоружии техники победил суровую природу Севера.

Б. А. КЕЛЛЕР

**МЕЧТЫ
БОТАНИКА**

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Техника-молодежи», № 2-3, 1936 г.

Мудрый кедр, высокий, гладкокожий,
Сколько лет стоишь ты на скале?
Ах, как жаль, что человек не может
Жить хотя бы двести лет!

В. НЕПОМНЯЩИХ
Ойротские народные песни

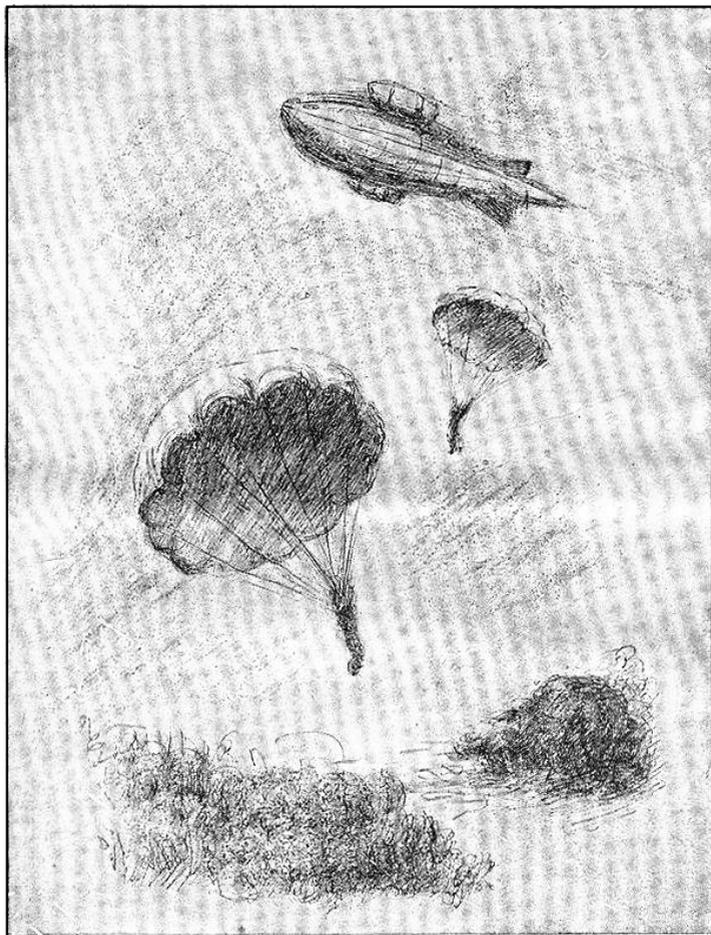
Мудрый кедр, высокий, гладкокожий,
Сколько лет стоишь ты на скале?
Ах, как жаль, что человек не может
Жить хотя бы двести лет!

В. НЕПОМНЯЩИХ
Ойротские народные песни

Директор Московского отделения Института реконструкции растительного мира земли профессор Николай Иванович Кузнецов — ученый с мировым именем. 15 июля 1986 года ему исполняется 50 лет.

В этот день ему предстоит разнообразная, радостная, творческая научная работа, но утро своего пятидесятилетия он хочет провести в особом, самом высоком умственном наслаждении. Еще накануне Николай Иванович связался по радио с самыми близкими своими друзьями по науке. Один из них был индус из Калькутты, другая — американка из Вашингтона. Он беседовал с ними и видел около себя на экране их живые говорящие полнокровные образы. Но этого

было мало. Друзья решили устроить 16 июля большой умственный праздник — свидание на лоне природы непосредственно среди растений. Возник вопрос, где выбрать для этого место. Трём ботаникам была открыта и легко доступна вся земля, от полюса до полюса. Они избрали для свидания заповедник в Калифорнии со знаменитыми хвойными мамонтовыми деревьями.

Бездушный корабль со скоростью молнии умчался в стратосферу и через час перенёс пассажиров в Калифорнию. Они спустились на землю на парашютах.

Рано утром 15 июля Николай Иванович сел в ракетный корабль под названием «Циолковский». Корабль со скоростью молнии умчался в стратосферу и через час перенес своего пассажира в Калифорнию, к месту посадки. Николай Иванович спустился на парашюте почти одновременно с двумя своими друзьями.

Все трое устроились рядом в удобных раскладных креслах и надели на голову аппараты телемышления. Ученые полулежали в своих креслах спокойно, как будто в дремоте созерцая и наслаждаясь окружающей величественной растительностью. А в головах у них шла удивительная, необычайно яркая коллективная работа мысли, доставлявшая огромное наслаждение. Аппараты передавали каждому из трех мысли его соседей. Каждый теперь соединял в своем мозгу силы всех трех мозгов. В каждом, подгоняя друг друга, расцветая яркими образами, бежали как бы три мысли, сплетаясь в общую сильную струю. Порой, как ослепительные вспышки бенгальского огня, рождались гениальные догадки для разрешения великих научных задач.

Трое ученых не случайно избрали место для общего телемышления именно здесь, у подножья гигантских деревьев. Дело в том, что объединенное человечество, действуя по общему мировому плану социалистического хозяйства, создало огромное богатство всяких продуктов и ценностей. Недавно Совет народных комиссаров земного шара подвел итоги этой гигантской продукции и развернул для нее еще более грандиозные перспективы на будущее. Существование человека стало настолько обеспеченным, полноценным и радостным, что у людей появилась огромная тяга к продолжению жизни.

Множество ученых в различных частях земного шара работало над тем, чтобы человеческая жизнь длилась 150—200 лет. При этом человек, по крайней мере, до 150 лет должен был сохранять свою полную физическую силу, а полную ясность ума и органов чувств до самого своего конца. Но у многих людей в самой наследственной системе были гены, которые укорачивали жизнь. Надо было преодолеть действие этих генов.

Наши друзья полулежали и как будто дремали в своих шезлонгах у подножья дерева-великана, возраст которого достигал 5000 лет.

Казалось, три слабых муравья приютились под защитой гиганта. Он был высотой в 100 метров. А его мощный колонновидный ствол могли ухватить, сцепившись руками, не меньше 25 человек.

Трое ученых собрались сюда, чтобы раскрыть тайну долголетия у мамонтовых деревьев и использовать ее для продления жизни людей.

Но коллективная мысль ученых в шезлонгах сначала невольно убежала в прошлое. Сначала встал в воображении древесный великан, каким он был в начале своей жизни, 5000 лет тому назад. Какая была в то время жизнь людей? Невольно охватывала дрожь, до того сильны и близки были впечатления. Вот крадется небольшая группа охотников, вооруженных первобытными копьями и топорами. Эти люди ведут жалкую, темную, полную опасности жизнь среди грозной, могущественной природы.

Потом мысль перебежала ближе к современности, ко времени, когда родился Кузнецов. Неизмеримо страшное, кровавое безумие носилось над человеческим миром. Ужас первобытной жизни бледнел перед жестокостью и кровопролитностью войн, на которые класс угнетателей-капиталистов обращал всю огромную силу науки и техники.

Но за последние 50 лет человечество ушло вперед гораздо больше, чем за все предыдущие тысячелетия. Могучим вихрем перебрасываясь из страны в страну, пронеслась по земле мировая революция. В результате ее был создан мировой Совнарком. И за последующие немногие десятилетия неисчерпаемые внутренние силы объединенного человечества успели переродить жизнь людей и всей земли.

Человечество, настоящее единое человечество только начинало свою историю, беспрепятственно устремившись к безграничным далям своих возможностей. Все, о чем люди мечтали, оказывалось беспомощно слабым и нищим перед тем, что было создано теперь.

Мысль ученых снова вернулась к дереву-великану. У них были с собой новые чудесные приборы, позволявшие раскрывать тайны жизни дерева. Электронный телемикроскоп давал возможность рассматривать различные клетки непосредственно внутри дерева в процессе их жизнедеятельности. Особый телехиманализатор на расстоянии определял превращения веществ внутри живого организма.

Ученые видели и размышляли. В головах у них протекали образы внутренней жизни дерева. Вот клеточки — миллионы клеточек, очень разнообразных в процессах своей жизнедеятельности. Высоко над землей в листьях, хвое, в зеленых хлорофилловых зернах откладываются крупинки органической пищи — крахмала. Из листьев текут питательные соки вниз, в ствол и корни. Внутри разворачивается сложная картина движения, роста. Клетки размножаются делением, живут и отмирают. Засыхают старые отслужившие листья. Сбрасывается омертвевшая наружная часть коры. Дерево находится в состоянии постоянного обновления. Только его образовательные ткани остаются как будто вечно молодыми и живут долго, очень долго — все 5000 лет.

Где же тайна долголетия дерева и как ее использовать для продления жизни человека?

Наши друзья-ученые уже раньше извлекли из дерева особый витамин долголетия. Теперь предстоял последний акт их творческих поисков, которому они хотели придать праздничный характер. Именно для этого они и собрались все вместе.

Надо было проследить указанный витамин в его передвижении и превращениях, определить, где он накапливается внутри самого дерева. Телехиманализатор позволял ученым разбираться в сложнейшем муравейнике молекул и выделять на глаз молекулы того вещества, которое их интересовало. Они видели форму этих молекул, могли выслеживать их химические превращения и способ действия.

Ученые оставили свои приборы и думали теперь о том, какой надо установить молекулярный фильтр, чтобы отцеживать молекулы витамина долголетия...

Все чаще вспыхивали гениальные догадки коллективной мысли в головах трех людей... Задача близка к разрешению...

В 12 часов дня Николай Иванович Кузнецов был уже в своем директорском кабинете в Москве. Он провожал группы молодых ботаников, отправлявшихся для завершения научной подготовки в обширные заповедники с опытными ботаническими станциями. Одна группа направлялась в тропический лес на реке Амазонке, другая — на высоты Памира, третья — в пустыню Сахару, четвертая — в тундры Восточной Сибири. Группы должны были сменять друг друга. Молодые ботаники готовились стать научными сотрудниками Института реконструкции растительного мира.

В последнюю минуту Николай Иванович решил ознаменовать день своего рождения совместной прогулкой с этой молодежью и провести свою заключительную лекцию-беседу в летающей аудитории на дирижабле.

Дирижабль летел низко и медленно. Внизу проходила перед глазами панорама роскошной преобразенной земли. Для большинства полевых культурных растений было установлено время развития от посева до сбора урожая в 20 дней. Растения в своем развитии были подчинены определенному плану. Особые меры ухода и защиты предохраняли их от случайностей погоды. Одно и то же поле приносило урожай по несколько раз в год.

Крупные реки были во многих местах перепоясаны мощными плотинами. На плотинах у рычагов и кнопок стояли люди, которые распоряжались целыми лавинами энергии. Эта энергия претворялась в свет, тепло, работу станков, она гнала мощные струи искусственного дождя для орошения полей.

Страна была изрезана зелеными аллеями дорог, по которым неслись бесчисленные аэромобили разной формы и назначения. В дни отдыха тут же на особых путях можно было видеть целые потоки пешеходов. Так велика была полнота жизни, так была в теле ее горячая сила, что хотелось побольше двигаться. Пассивное сидение в движущемся экипаже было неприятно.

Николай Иванович решил провести свою заключительную беседу в летающей аудитории на дирижабле.

Всюду были роскошные плодовые сады. Дома прятались в зелени, в уборах цветов. И все-таки среди этого богатства выделялись особые ботанические санатории, где лечили нервно-утомленных людей красотой и ароматами сложных

живых цветочных архитектур и конструкций. Гениальная научная мысль соединялась здесь с гениальной композицией художника — музыкой красок и запахов.

Были специальные ботанические курорты, где лечили от старости особой пищей с преобладанием того или иного растительного продукта... К старым виноградным курортам прибавились курорты морошки, лесной малины, даже особого лука — черемши.

Вообще реформа человеческого питания пошла не по тому пути, который когда-то предсказывали буржуазные ученые и писатели. Не по пути пищевых порошков, пилюль и т. д. из приготовленных искусственно, химическим путем, питательных продуктов. Нет, человечество вносит все больше совершенства в свою животную и растительную пищу, которая становится основой долголетия и энергичной высококачественной деятельности.

В своей лекции-беседе проф. Кузнецов отметил, какие неограниченные просторы открываются перед молодыми учеными и наукой в целом.

— Нам, — заявил профессор, — легко доступен растительный мир всей земли. В тех самых тропиках, где когда-то господствовали самые жестокие формы рабства, вы найдете теперь свободных людей, которые, независимо от языка и цвета кожи, радостно, с открытым сердцем встретят и помогут вашей работе. Вы пройдете школу тропиков, где растительность достигает наибольшей силы и богатств, и школу пустынь, и школу полярных тундр. Вы будете осваивать колоссальный стихийный опыт природы, который накопился за многие миллионы лет существования растительного мира на земле. Вы научитесь творить эволюцию растений, и в течение нескольких лет достигать в их передаче для нужд человечества того, чего природа не могла бы достигнуть и за десятки тысяч лет.

Дальше проф. Кузнецов обратил внимание своих слушателей на прекрасные культурные ландшафты, которые панорамой проходили перед их глазами внизу под дирижаблем.

— Учтите грандиозный опыт первой великой советской страны на земле, — говорил профессор. — Когда-то на этих просторных равнинах расстилались огромные хвойные таежные леса, полупустыни и пустыни. Все это располагалось широкими полосами или зонами. Еще до самой Октябрьской революции отсталое помещичье сельское хозяйство и нищенское крестьянство были в рабском подчинении у природы. Это давило, подрезало крылья, держало в плену научную мысль в агрономии, лесоводстве. Но вот на месте старой, слабой, нищей России выросла мощная Страна советов. Наука и техника достигли необычайного расцвета. Посмотрите вниз. Стерлись прежние границы растительно-почвенных зон. Идет великое преобразование и переселение культур. Хлопок уже под Москвой. Пшеницы — за Полярным кругом. Северные поля рождают огромные богатства каучука. Было время, когда думали, что каучук лучше добывать искусственным путем на заводах. Теперь решили, что гораздо целесообразнее, чтобы для получения каучука энергию давало солнце. Наука так глубоко овладела своими растениями, что заставляет их работать с высокой точностью, как своего рода солнечные фабрики.

Дирижабль пересек Волгу южнее Куйбышева. Перед глазами ботаников развернулся чудесный ландшафт полей, садов на обновленной земле Заволжья. Большие квадраты полей были одеты тяжелым золотом колосьев пшеницы. Это был уже третий урожай за данный год.

Прямые, как по линейке, зеленые аллеи деревьев тянулись вдоль водных оросительных каналов, которые сверху напоминали серебряные струны. И казалось, что на этих струнах, под чьим-то гигантским смычком зазвучит сейчас могущественный гимн плодородию и красоте земли, преображенной социализмом.

Вечером Николай Иванович, сидя у себя дома в Москве, участвовал в двух заседаниях.

Первое из них происходило в Бейпине, в Китае, и было посвящено вопросу, в котором китайцы достигли особой виртуозности.

Благодаря применению электронного микроскопа 10 лет назад человеческому глазу стал доступен богатый новый мир доклеточных живых существ, о которых раньше были известны лишь намеки в виде так называемых бактериофагов.

Это открытие имело огромные последствия для теории и практики. В частности, они позволили разрешить задачу искусственного получения простейших живых единиц, и тем самым приблизили разрешение вопроса о происхождении жизни на Земле. По сравнению с этими первичными живыми единицами даже бактерии представлялись сложными существами. А клетка — живое тело огромной сложности, возникшее лишь в результате чрезвычайно длительного процесса.

На заседании демонстрировались первые зачатки жизни, сотворенные человеческой наукой.

Кузнецову было хорошо известно все, что показывалось на собрании, он задавал вопросы, делал замечания и принимал участие в прениях.

На другом заседании в Париже был заслушан доклад французского ботаника, который участвовал в экспедиции ракетного корабля на Луну и привез найденные там остатки вымерших растений.

Открывалась первая страница новой поразительной книги по эволюции растительного мира на другой планете при других условиях.

Делался первый шаг от земной ботанической науки к ботанике Вселенной.

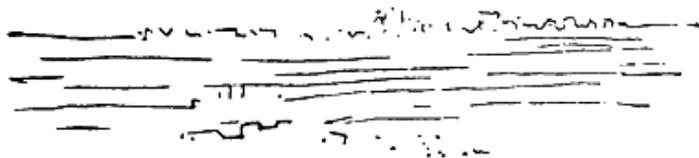
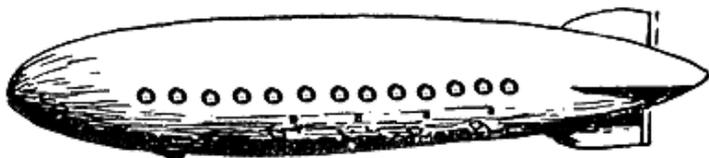
А в груди Кузнецова билось горячее человеческое сердце. Взволнованная голова кипела мыслями и образами. Чтобы освежиться, он вышел ночью на террасу своего дома, и его охватил сильный аромат ночных цветов.

Внизу по Москва-реке в теплой темноте июльской ночи двигались, сверкая словно созвездиями цветных огней, плавающие дома отдыха.

Слышался смех, стройная песня.

И Кузнецов всем своим горячим сердцем слился с миллиардами других человеческих сердец в общем чувстве без-

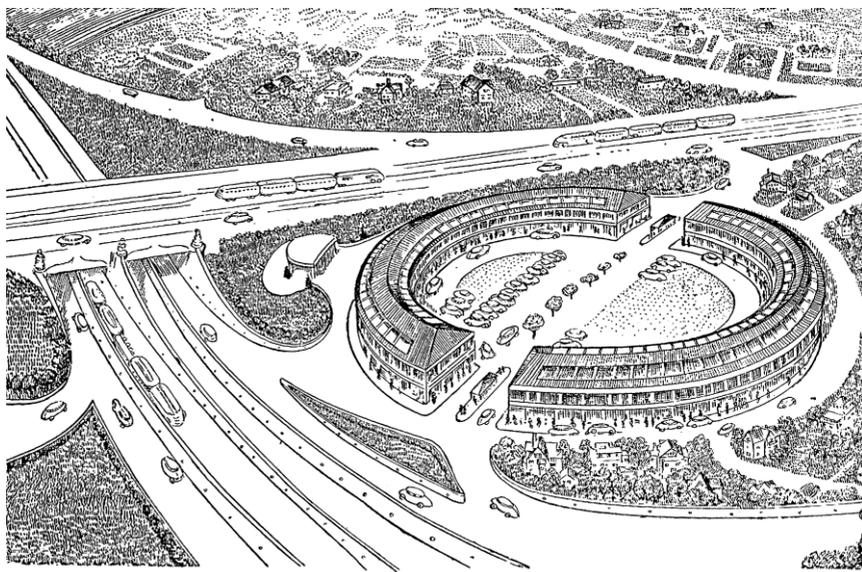
граничной силы. Он чувствовал: целым океаном любви высоко над землей подняты и запечатлены навек образы величайших вождей человечества, которые с такой гениальной зоркостью и с такой стальной волей вели миллионы трудящихся в этот новый мир несказанного могущества и неслыханных дерзаний свободного труда и мысли.

Инж. И. И. ДЮМУЛЕН

**ПРОГУЛКА В
ЭЛЕКТРОМОБИЛЕ**

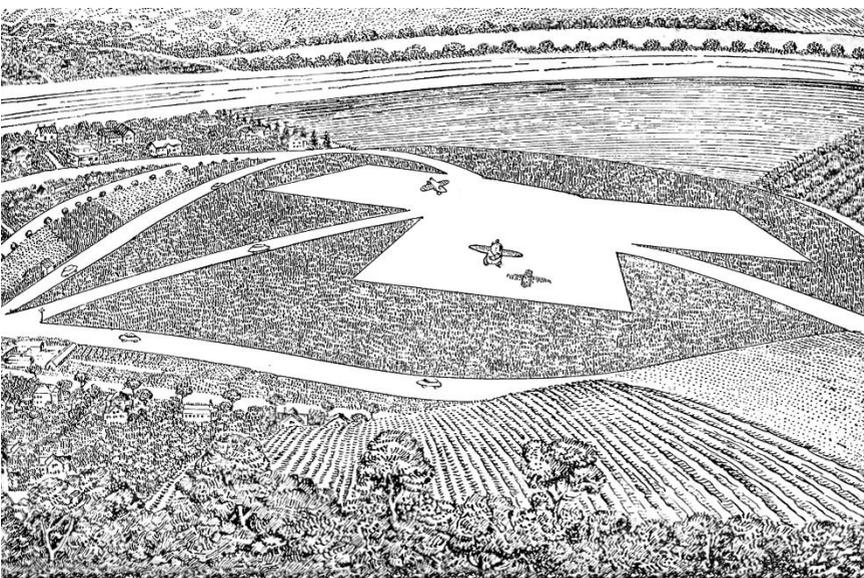
Научно-фантастический рассказ

Инж. И. И. ДЮМУЛЕН

ПРОГУЛКА В

Журнал «Техника-молодежи», № 2-3, 1936 г.

ЭЛЕКТРОМОБИЛЕ

Описав плавный круг, самолет мягко опустился на бетонную площадку аэродрома, сделал разворот и покатил по совершенно гладкой дороге к стоящему в стороне зданию. В этом здании, по своей форме напоминающем два полукольца, помещалось все хозяйство большого аэродрома.

Самолет подкатил к подъезду, над которым была надпись «Аэро-отель». Мотор вздрогнул последний раз и затих.

Заняв в великолепной гостинице номер, я позвонил по радиотелефону моему другу, профессору Института, моторного транспорта. В небольшом экранчике телевизора, висевшем около телефона, появилось изображение стола с телефонным аппаратом и части какой-то комнаты. К телефону никто не подошел. Тут я увидел в экран, что на столе моего

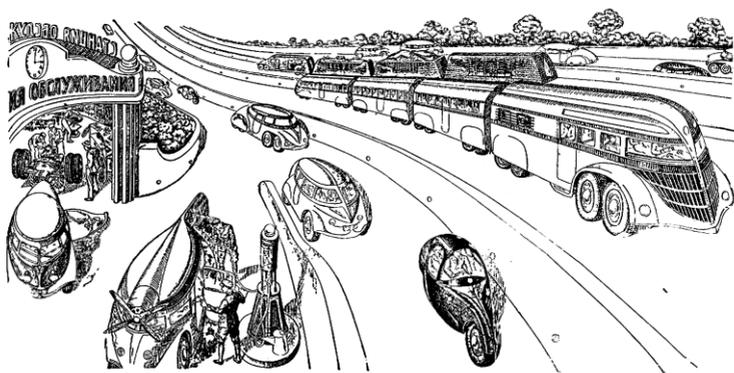
друга лежит раскрытая записка: «Нахожусь на лекции, буду в 12 часов».

Оставалось ждать еще около часа. Я решил пока позавтракать. Лифт поднял меня на последний этаж, представлявший собой стеклянную веранду над всем зданием, на которой помещались ресторан, танцевальный и шахматный залы, библиотека, бильярдная. Я занял столик и заказал себе завтрак. Сквозь открытое окно и стеклянные стены мне было все хорошо видно во все стороны.

Вдалеке, в легкой дымке большого города, возвышались великолепные здания.

Справа и слева тянулись два дорожных полотна, пересекавшиеся около самого аэропорта. Их я сначала принял за железнодорожные пути, но, присмотревшись внимательнее, я увидел, что это великолепные железобетонные автомобильные дороги.

Вот только что совершенно бесшумно и очень быстро промчался пассажирский автопоезд, состоящий из четырех восьмиколесных, великолепно отделанных вагонов. Никакого «паровоза» или тягача спереди не было, только головной вагон несколько отличался от остальных в своей носовой части. Почти сейчас же прошел встречный товарный автопоезд.

Всё: платно дороги было разделено вдоль на четыре линии. По двум внутренним двигались только автопоезда, а по крайним — отдельные автомобили и автобусы. Каждая линия отделялась от соседней солидным каменным забором.

Все полотно дороги было разделено вдоль на четыре линии. По двум внутренним двигались только автопоезда, а по крайним — отдельные автомобили и автобусы. Каждая линия отделялась от соседней солидным каменным забором высотой около 1,5 метров. Движение по каждой линии шло только в одном направлении. Пересечение дорог было сделано на разных уровнях с помощью моста-путепровода с целой системой остроумно расположенных соединительных путей, благодаря которым можно было перейти с одной дороги на другую, не попадая во встречное движение.

Все автомобили, а также автопоезда двигались совершенно бесшумно и имели обтекаемую форму. Большинство автомобилей приводилось в движение колесами, некоторые же имели воздушные винты, как у самолетов.

Кроме того, мне удалось заметить, что часть автомобилей имела три колеса, часть — четыре колеса, а маленькие авто — только два, автобусы же все имели восемь колес!

Раздались три специфических сигнала проверки времени — 12 часов. Взяв трубку радиотелефона, стоявшего на моем столе, я снова позвонил. Сейчас же в экранчике появилось лицо моего друга, правда, несколько постаревшее, и слышался его знакомый голос.

Он обещал заехать за мной через полчаса и отвезти к себе на дачу.

Вскоре мой друг приехал. Мы спустились во внутренний круглый двор. Здесь стоял целый ряд автомобилей. Мы подошли к одному из них.

Автомобиль по своей форме напоминал перевернутую лодку, поставленную на четыре колеса. Кузов не имел никаких выступов, был гладко зализан и отполирован. Нельзя было сказать, где находится у такого автомобиля двигатель. Профессор открыл дверь и сел за руль, пригласив меня сесть рядом. Кузов оказался внутри очень вместительным благодаря своей обтекаемой форме; на переднем сиденье совершенно свободно можно было бы поместиться троим, второе такое же сиденье находилось сзади.

Управление автомобилем значительно отличалось от обычного. Всего только один рычаг, одна педаль и одна ма-

ленькая рукоятка на руле. На переднем щитке были расположены: указатель скорости — спидометр, вольтметр и две небольшие рукоятки, одна красная и другая белая. Никаких кнопок, манометров, указателей уровня топлива, температуры воды, — ничего этого не было.

Борис (так звали моего друга) отпустил рычаг и слегка нажал педаль, — автомобиль плавно и бесшумно тронулся. Выехав со двора и пройдя соединительную дорогу, мы сразу въехали в нужную нам линию движения на главной дороге. По мере нажатия педали автомобиль плавно ускорял свой ход. Вот мы уже догнали автопоезд и идем рядом с ним; посмотрев на спидометр, я увидел, что стрелка показывает 140 километров в час. Несмотря на такую скорость, не было никакого шума и сотрясений, впечатление было такое, будто бы автомобиль катится под гору, а не двигатель его везет. Спидометр показывал уже 160 километров в час.

Через несколько минут мы свернули с главной дороги, въехали в дачный поселок и направились к воротам одной из дач. В нескольких метрах от ворот автомобиль остановился около столба с небольшим металлическим ящиком. Борис достал ключ, вставил его в замок ящика, открыл дверку и нажал находящуюся там кнопку. Ворота тотчас же открылись, и мы въехали во двор, после чего ворота сами закрылись.

Я попросил Бориса объяснить мне устройство его автомобиля.

— Автомобиль этот электрический. Вот, видишь, здесь у заднего и переднего мостов расположено по электромотору, которые подвешены одним концом к раме. Моторы эти, несмотря на свои малые размеры, развивают до 120 лошадиных сил. Они называются моторами двойного вращения, так как у них вращается и якорь и статор. Моторы этой конструкции существуют очень давно, но применение себе нашли они лишь в последнее время. Только с развитием электрического автомобиля эти моторы были значительно усовершенствованы и облегчены. Они позволили намного упростить общую конструкцию автомобиля. Теперь уже нет

надобности в сложной системе сцепления, коробки передач и карданного вала.

— А где же находится батарея аккумуляторов, которые питают ток электромоторы, и сколько часов можно ехать, пока не иссякнет заряд аккумуляторов?

— Вот самого главного ты и не заметил. Никакой батареи здесь нет, хотя место для нее имеется. Вот тут, — и Борис открыл заднюю часть автомобиля, — может поместиться небольшая батарея на 4—5 часов езды, но, как видишь, у меня ее нет.

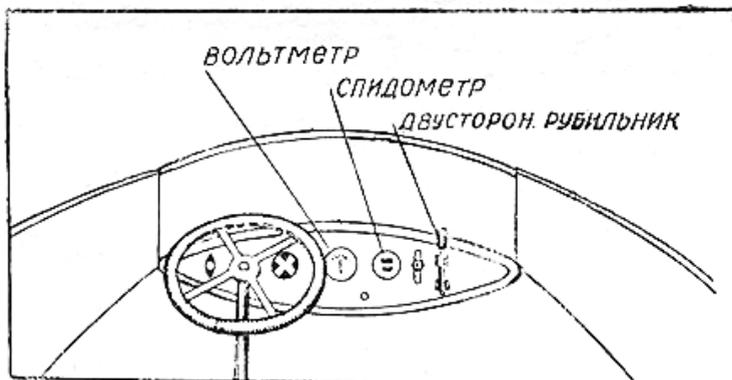
В недоумении я посмотрел вверх, потом на землю, пытаясь найти хотя бы какие-нибудь следы проводов или рельс. Но их тоже не было видно.

— Тогда я не понимаю, как же происходит питание двигателя?

— Вот в этом все и дело, — ответил Борис. — Одно из самых ценных изобретений последних лет, — это возможность передачи электроэнергии в больших количествах и на большие расстояния без проводов. Ты, наверное, заметил по дороге электростанцию с целой сетью проводов, расположенных над автомобильным шоссе. Такие станции через известные промежутки построены вдоль всех наших дорог. Такие же станции имеются и в городах.

Станции посылают электроэнергию в пространство. Эта энергия направляется, главным образом, вдоль дорог, благодаря специальным проводникам, которые заложены в трех каменных заборах, разделяющих дорогу на четыре линии движения. Теперь смотри сюда, — сказал он, открыв переднюю стенку автомобиля. — Здесь находится приемник-трансформатор.

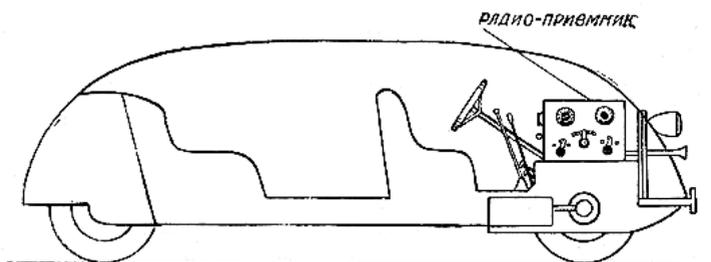
Я увидел прибор, состоящий из целого ряда катушек, ламп, конденсаторов и сопротивлений — все это напоминало радиоприемник. Прием энергии производился на антенну, которой служила изолированная крыша автомобиля. Уловленная антенной электроэнергия поступала в приемник и трансформировалась в электрический ток нужного напряжения.

На переднем щитке были расположены указатель скорости спидометр, вольтметр и двусторонний рубильник.

— Как же управляется такой автомобиль?

— Вот этот рычаг — это просто механический тормоз на все четыре колеса, так же как и в обычных автомобилях. Для управления двигателем служит педаль. При ее нажатии увеличивается сила тока, поступающего в двигатель, а следовательно, и скорость движения автомобиля. Как только педаль отпущена, — двигатель начинает тормозить, при этом он превращается в генератор, вырабатывая электроэнергию. Эта электроэнергия соответствующим образом преобразуется, и через антенну поступает обратно в про-

В передней части автомобиля был расположен приемник-трансформатор. Он состоял из целого ряда катушек, ламп, конденсаторов, сопротивлений, — все это напоминало радиоприемник.

странство — для питания других автомобилей. Маленькая рукоятка на руле регулирует свет в фарах. Вот эта белая рукоятка на переднем щитке служит для подстройки приемника электроэнергии, что может потребоваться при работе автомобиля на значительном удалении от станции. Подстройка производится вот по этому вольтметру, — надо добиться при этом максимальных показаний его. Красная рукоятка при положении вверх включает антенну, в среднем положении — всё выключено. Когда же автомобиль выходит из сферы действия станции, рукоятка переводится вниз, — включается батарея аккумуляторов. Батарея автоматически заряжается, как только автомобиль снова попадет в сферу действия станций. В центральных частях Союза батарея не нужна, так как здесь благодаря широко развитой сети дорог невозможно выйти из сферы влияния какой-либо станции.

Мы вошли с приятелем в дом и сели вскоре за обеденный стол. Но и тут я не давал покоя моему другу всякими расспросами.

— Как двигается автомобиль, мне ясно. Но как может электрический автомобиль тянуть целый поезд да еще с такой громадной скоростью, этого я не понимаю.

Усмехнувшись, Борис ответил:

— Начнем не с поезда, а с автобуса. Ты, наверное, уже заметил, что автобусы, как правило, имеют восемь колес. Это сделано не только для уменьшения давления на полотно дороги. Дело в том, что каждая ось такого автомобиля снабжается отдельным электромотором и является ведущей. Такая конструкция позволяет устанавливать более легкие и компактные моторы, и вместе с тем, значительно увеличивать общую мощность. Например, автобус с четырьмя моторами, такими же, как и на моем автомобиле, обладает мощностью в 240 лошадиных сил. Это позволяет ему двигаться с большой скоростью. Точно так же устроен и поезд. Его головной вагон везет только себя, оси всех остальных вагонов имеют свои электромоторы и тоже являются ведущими. Таким образом поезд приводится в движение 16 электромоторами общей мощностью в 960 лошадиных сил.

Управление электромоторами производится с головного вагона, так же как и в железнодорожных электропоездах.

Такая система применения различного числа электромоторов для разных автомобилей дает громадную экономию в производстве. Мы имеем в производстве всего лишь один тип мотора в 60 лошадиных сил, который ты видишь и на моем автомобиле. На малых автомобилях с тремя колесами ставится только один мотор, на больших автомобилях — два мотора и на грузовиках и автобусах — три или четыре. Этот же мотор стоит и на автопоездах.

— Ну, ответь теперь мне на последний вопрос. Что это за двухколесные автомобили и автомобили с воздушным винтом?

— Двухколесный автомобиль — это, попросту говоря, мотоцикл, на который вместо седла установлены сиденье и закрытый кузов. Для устойчивости он снабжается жироскопом, который приводится в движение от отдельного мотора.

Автомобили с воздушным винтом только что появились. По силе тяги они не уступают нашим обычным автомобилям, но зато выгодно отличаются от них более простой и дешевой конструкцией и меньшим весом. Правда, здесь еще не решен вопрос о возможности применения нескольких моторов. Несомненно, что в дальнейшем легкие одномоторные машины будут иметь воздушную тягу.

Я рассказал тебе в общих чертах все о современном безрельсовом транспорте, не сказал только самого главного. Электрификация безрельсового транспорта оказалась под силу только социалистическому государству, где, как ты видел, она проведена полностью. Капиталистические государства не могут и мечтать об электрификации всех своих дорог, их электрические концерны и компании никогда не договорятся о способах взаимных подсчетов и расчетов с потребителями за отпускаемую энергию, так как невозможно установить, кто и какой энергией пользуется и сколько времени. Ведь для бесперебойного движения волна всех станций страны должна быть одинакова.

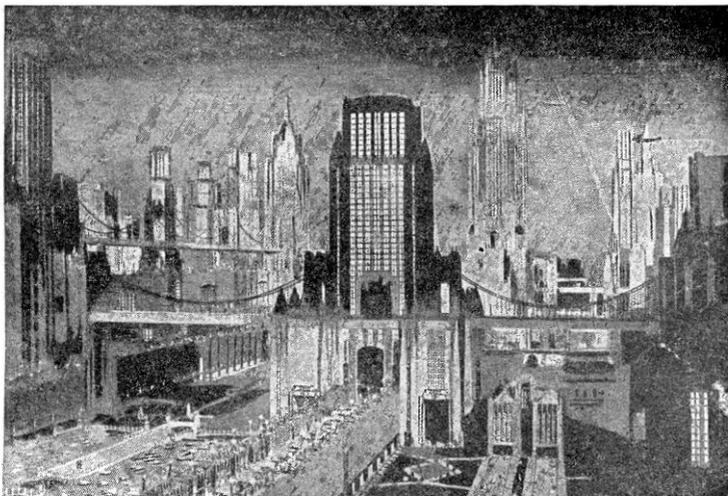
Уже темнело, когда мы окончили нашу беседу. Мы собрались обратно в город.

Подъезжая к главной дороге, я был поражен, увидя ее ярко освещенной, хотя ни одного фонаря не было видно. Только когда мы въехали на нее, я увидел, что свет идет от плафонов, вделанных в боковые заборы на небольшой высоте от земли. Такой свет совершенно не ослеплял и очень хорошо освещал дорогу.

Минут через 15 мы въехали в город, который я не видел уже много лет.

Вид нового города-гиганта при вечернем освещении с его воздушными мостами, многоэтажными улицами, с массой автомобилей, скользящих без всякого шума, поразил меня так же, как и вас приведет в изумление, читатель, описанный здесь автомобиль недалекого будущего.

При вечернем освещении город-гигант с его воздушными мостами, многоэтажными улицами, с массой автомобилей, скользящих без всякого шума,—город этот приводит в изумление.

ШУРА РЕХТЕР, ГЕЛЯ КРАСТИН

ПИСЬМО С НЕБА

Фантастический рассказ

Журнал «Пионер» 1936 г № 6.

Письмо с неба

Это письмо принес в редакцию один мальчик.
— Я живу на Кропоткинской улице,— сказал он,— и к нам во двор с неба упала ручка от молотка. К ней было привязано это письмо. Оно адресовано вам. Откуда оно взялось,— я не знаю.

Мы прочли письмо и спросили мальчика:

— Может его кинули сверху?

— Нет. В нашем дворе всего один дом, и в нем два этажа. Письмо упало с неба.

Мы подумали и решили напечатать это письмо. Пусть все наши читатели посоветуют, как помочь Шуру и Геле.

Однажды мы решили построить автомобиль с настоящим мотором. Все части у нас уже были, мы достали мотор. И, когда уже приступили к постройке автомобиля, неожиданно обнаружили, что у нас не хватает несколько гаек. Мы пошли на поиски во двор. Около помойной ямы валялся кусок какого-то металла. В кузнице нам сделали из этого куска гайки. Через месяц автомобиль был готов. Мы решили испытать его на Ленинградском шоссе, взяли на всякий случай инструменты и пошли. За нами побежали все ребята.

Шура сел в кабину, Геля — у руля. Геля запустил мотор, и вдруг произошло удивительное явление: наш автомобиль резко рванулся вперед и начал отделяться от земли. Все ребята разинули рты.

— Куда ты правишь?! — крикнул Шура.

Геля ничего не отвечал, только повернул голову.

Мы все были поражены поведением нашего автомобиля.

Между тем, он подымался все выше и летел все быстрее. Остановить его было нельзя, — это значило разбиться насмерть.

Скоро от быстрого полета мы потеряли сознание, и удивительно, как мы не выпали из машины!

Очнувшись мы уже на твердой почве. Сначала мы подумали, что находимся на Земле. Но здесь все было совершенно по-иному. Недалеко от нас росло маленькое дерево. Оно доходило нам до плеча. Листья на этом дереве были, как стекло: прозрачные и твердые. Шура хотел подойти к этому дереву, вдруг Геля закричал:

— Шурка! Что с машиной?

От почвы подымался какой-то странный пар. Он окутал машину, и мы увидели, как она начала распадаться и пропа-

дать на наших глазах. Вероятно, в этом паре было много какой-то очень сильной кислоты, которая разъела части машины.

Мы не знали, что предпринять. Машина исчезала на наших глазах. Вдруг Геля заметил, что в прежнем состоянии остаются только несколько частей машины. Сначала мы ничего не могли понять. Потом Шура говорит:

— Посмотри: ведь эти части скреплены теми гайками, которые нам сделали в кузнице. Наверно, металл, который мы нашли во дворе, какой-то особенный.

Мы стали думать, что это за металл. Геля долго рассматривал одну гайку, а потом сказал:

— Мне кажется, этот металл очень похож на почву этой планеты.

— Геля, а может быть, это осколок этой планеты? Может, он упал к нам на Землю?

Тут мы стали вспоминать и вспомнили, что бабушка нам рассказывала, как 250 лет назад в нашем районе упал метеор. Вероятно, кусок, который мы нашли во дворе, был частью этого метеора.

Тогда нам стало понятно и поведение нашего автомобиля.

Вероятно, кусок метеора, как только мы придали ему движение, был притянут обратно планетой, от которой он оторвался.

Так или иначе, но мы оказались совершенно неожиданно на неизвестной нам планете. Машины у нас теперь не было, и мы пошли по планете. Идти почему-то было тяжело. Мы делали большие шаги, но ноги становились почти рядом. Шура хотел сказать об этом Геле и повернулся к нему. Геля шел толстый, маленький, а руки у него болтались как у обезьяны. То же самое случилось и с Шурой. Высокое давление атмосферы расплющило нас, и мы стали карликами.

Теперь мы поняли, почему вся растительность и насекомые здесь такие маленькие. Здесь страшно велико атмосферное давление.

Скоро деревья со стеклянными листьями стали попадаться реже. Вместо прозрачных листьев мы увидели кусты

с темно-синими листьями с красными точками. Геля сорвал один лист и вдруг закричал: вокруг его пальца болтался какой-то красный лоскуток. Шура хотел ему помочь и схватил этот лоскуток, но тоже закричал. Палец его сдавило, он очень заболел и стал синим. Когда, наконец, Геля оторвал от его пальца лоскуток и швырнул его на листья, мы увидели, что этот лоскуток свернулся в комочек и стал красной точкой на листьях.

Позднее мы узнали, что у деревьев и растений здесь есть насекомые, которые его защищают. Так, мы видели один цветок, к которому нельзя было притронуться: из него вылетали небольшие змеи с крыльями, как у стрекозы, и очень сильно жалили.

К нашей радости мы натолкнулись на поляну, где росло растение, похожее на морковь. Мы стали его есть.

Вообще, здесь было все не так, как на Земле. Поэтому мы решили назвать нашу планету «Ялмез», что значит «Земля наоборот».

Погода все время жаркая. У Шуры волосы были раньше черные, а теперь стали совсем желтые — так они выгорели. Однажды мы были свидетелями снегопада.

Большое облако плыло над планетой. Вдруг оно быстро понеслось вниз. Мы услышали грохот, и рядом с нами упала целая гора снега, только не белого цвета, а лилового. Вероятно, это зима на «Ялмезе».

Снег падает не снежинками, а целыми облаками.

За три месяца, которые мы живем на планете, мы сделали очень много наблюдений. Мы собрали большие коллекции растений и насекомых. Зверей здесь нет совсем, а людей мы пока не видели. Мы знакомы только с одной частью планеты, но сейчас хотим пробраться дальше, хотя это очень трудно. Там плотно стоят растения, все из колючек. У нас нет топора, и поэтому мы заняты сейчас выдергиванием колючек. Геля говорит, что это, может быть, жители (если они есть) нарочно их посадили и сделали вроде крепости.

Сейчас мы очень много думаем над тем, как нам спуститься на Землю. Наверное, когда мы спустимся на Землю,

мы опять будем нормального роста, а не карликами. Мы не знаем, дойдет ли до вас это письмо. Мы прикрепили его к ручке от молотка и бросили. Если оно дойдет, — подумайте, как нам помочь спуститься на Землю. Может быть, как-нибудь поможете.

*Шура Рехтер,
Геля Крастин.*

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

**ГОЛОВА ПРОФЕССОРА
ДОУЭЛЯ**

Научно-фантастический рассказ
(Газетный вариант)

*Рабочая газета (Москва), 1925, 16-21; 23-28, 30 июня,
7 июля (№№ 134-152).*

Текст нашел В. Настецкий, OSR by tikaei

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЛЯ

РАССКАЗ А. БЕЛЯЕВА.

Рисунки К. Елисеева.

Ученым удавалось оживлять сердце, взятое от свежего трупа. Удавалось оживление и других частей тела животных и человека. Эти опыты и положены в основу печатаемого научно-фантастического рассказа.

I. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.

— Прошу садиться...

Мисс Адамс опустила в глубокое кожаное кресло. Пока профессор Керн вскрывал и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полумраке поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкапах. Старинные настенные часы медленно и важно режут ленту времени длинным маятником.

Переведя взгляд на Керна, мисс Адамс улыбнулась мысли: кто-то очень удачно подобрал его под стиль кабинета.

Будто вырубленная из черного дуба, его тяжеловесная, суровая солидная фигура казалась часть мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его зрачки серо-стального цвета, переходя со стороны на сторону письма. Прямоугольный нос, прямой разрез рта и квадратный, выдающийся-

ся вперед, подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

Мисс Адамс знакомится с проф. Керн.

Камин украшать такой маской, а не письменный стол, — подумала мисс Адамс.

— Коллега Смитт говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Семь долларов в день. Расчет еженедельный. Работа несложная. Но я ставлю одно непременно условие...

Побарабанив сухими пальцами по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос.

— Вы умеете молчать?.. Все женщины болтливы! Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение?..

— Самое близкое! Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. Если их еще нет у вас, может быть муж, друг, жених. И тогда — все тайны к чорту!

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы, как рыба. Вы должны молчать обо всем, что услышите здесь. Принимаете это условие?.. Должен предупредить: неисполнение этого условия повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные!

Мисс Адамс была смущена и заинтересована.

— Я согласна, если во всем этом нет ...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой. Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке мисс Адамс увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон, покажите мисс лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Мисс Адамс вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет от матовых полусфер на потолке залил комнату. Мисс Адамс невольно прикрыла глаза... После полумрака кабинета, белизна стен слепила глаза. Сверкали стекла шкапов с блестящими хи-

ругическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий различных аппаратов. Темными, желтыми бликами ложился свет на медных полированных частях. Трубы, колбы, машины. Стекло и металл.

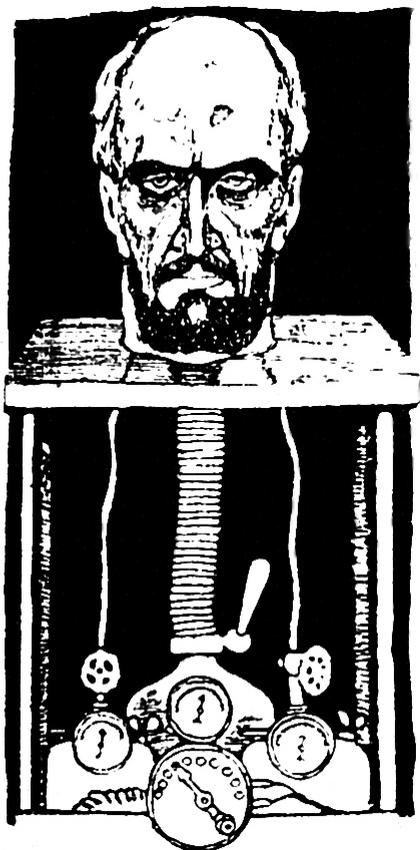
Посреди комнаты стоял большой прозекторский стол. На столе лежал труп человека без головы. Грудная клетка была вскрыта. Рядом со столом стоял стеклянный ящик, и в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Мисс Адамс повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто, заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова, — одна голова, без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие, блестящие, металлические ножки. Из отреза шеи, от аорт, через отверстия в стекле, шли две трубки к баллонам. Третья, более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и какими-то неизвестными приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на мисс Адамс, мигая веками. Не могло быть сомнения: го-

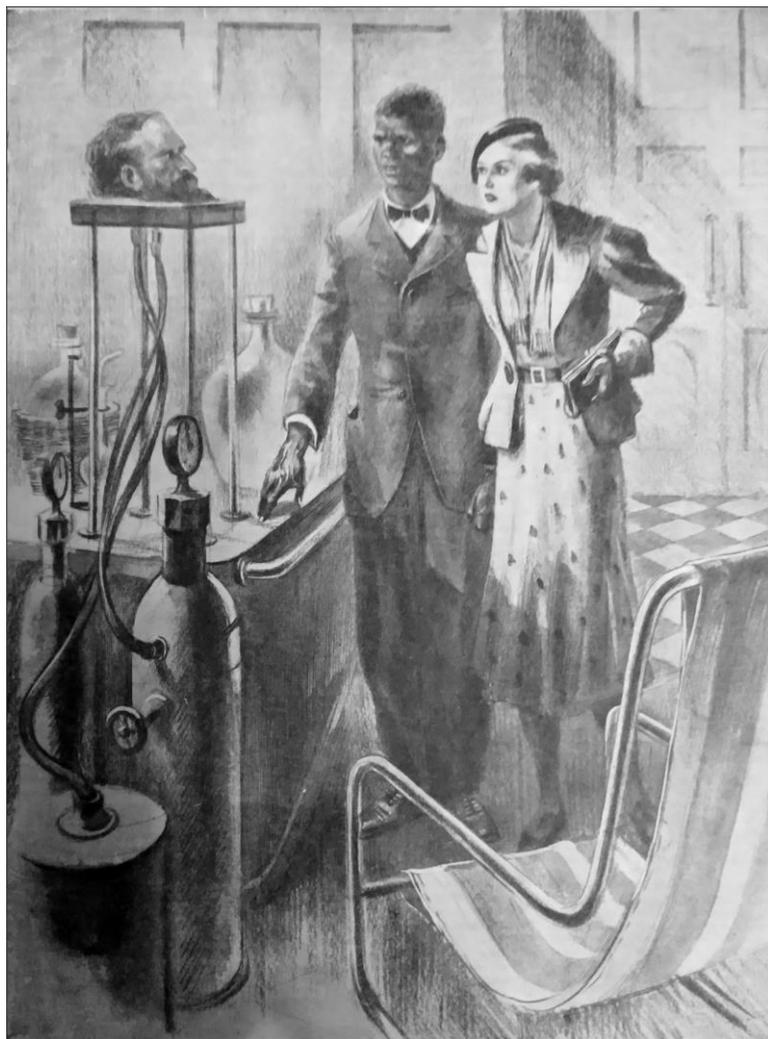

Рисунок Г. Фитингофа

лова жила, отделенная от тела, жила самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, мисс Адамс не могла не заметить, что эта голова была удивительно похожа на недавно умершего известного ученого, хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Мисс Адамс не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой русые волосы головы и бороды, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля! Только губы и нос его стали тоньше, суше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты, и белая кожа приобрела желто-темный оттенок мумий... Но в глазах светилась живая человеческая мысль...

Мисс Адамс почувствовала, как шевелятся у ней корни волос... но она, как зачарованная, не могла оторвать своего взгляда от этих голубых глаз...

Голова беззвучно шевельнула губами...

Это было слишком для нервов мисс Адамс. Она почувствовала, что близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

— Это ужасно... это ужасно... — повторяла мисс Адамс, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова...

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не все сразу! Мы, ученые, и так вторгаемся в «незыблемые законы» природы, бросаем вызов самой смерти и отбиваем хлеб у чудотворцев и самого божества. Но не все сразу, говорю я. Бедный Доуэль страдал неизлечимым, пока, недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я

предпочитаю, чтобы в моем трупе копался мой друг-ученый, а не могильный червь». Вот какое завещание оставил профессор Доуэль.

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично! Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание!..

II. ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА.

Мисс Адамс нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи мисс Адамс легла забота о больной матери и младшей сестре. Небольших средств, оставшихся после отца, не хватило даже на окончание ею высшего образования. Приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась она найти место. Были предложения ехать в южную Америку, — в гиблые места, где свирепствовала желтая лихорадка. Мисс Адамс не решалась ехать туда с семьей, не хотелось и бросать семью. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения. Несмотря на всю странность работы, она согласилась без колебаний.

Мисс Адамс не знала, что профессор Керн прежде, чем предложить ей место у себя, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживающими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран этого цилиндра.

— Довольно повернуть этот кран, как голова будет немедленно убита! Как-нибудь я объясню вам мою систему

питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями профессор Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Нужно было следить за температурой жидкостей и давлением. Но хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Наконец, особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Нужно было через известные промежутки заменять ленту. Содержимое

баллонов пополнялось в отсутствие мисс Адамс, — до ее прихода.

Мисс Адамс несколько привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда она утром входила в лабораторию, с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей, и веки головы дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между ними скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный в мимической части лексикона. Опускание головою век означало «да». Поднятие их вверх — «нет». — Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

При помощи этого мимического языка головы и обычной речи мисс Адамс, им удавалось даже вести разговор «по вопросно-ответному методу»: мисс Адамс задавала вопросы, голова сигнализировала «да» или «нет».

— Ну, как вы себя сегодня чувствуете? — спросила мисс Адамс.

Голова улыбнулась и опустила веки «хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Мисс Адамс забрасывала голову вопросами и проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем, с величайшей осторожностью, омыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой. Сняла кусочек ваты, повисший на веке. Промыла глаза, уши, нос и рот. В рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было довольное выражение.

— Сегодня чудесный день, — оживленно говорила мисс Адамс. — Легкий, морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце. Совсем повесенному!

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули на окно и остановились на мисс Адамс.

Она покраснела от легкой досады на себя. Она, с инстинктивной чуткостью женщины, избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишь один раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Она испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала мисс Адамс, — чтобы поправить свою ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керн, голова занималась чтением. Мисс Адамс приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала; на нужной статье шевелила бровями. Мисс Адамс клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Мисс Адамс привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивала страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и мисс Адамс проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы, и отмечала карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать на полях отметки, мисс Адамс не понимала; но при помощи их бедного мимического языка она не надеялась получить разъяснения и поэтому не спрашивала.

Но, однажды, проходя через кабинет профессора Керн в его отсутствие, она увидела на письменном столе журналы, со сделанными ею, по указанию головы, отметками. А на листе бумаги, рукою профессора Керна, несколько таких заметок было переписано. Это заставило ее задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, мисс Адамс не удержалась от вопроса.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

Лицо профессора Доуэля выразило неудовольствие и нетерпение. Голова выразительно посмотрела на мисс Адамс, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Мисс Адамс поняла, что голова хочет, чтобы мисс Адамс открыла этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но мисс Адамс объясняла желание головы по своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. Мисс Адамс не решалась открыть запретный кран. Она боялась ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет! — со страхом ответила мисс Адамс на просьбу головы, — если я открою этот кран, вы умрете! Я не хочу, не могу, не смею убивать вас! — От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога. Голова закричала зубами.

Три раза голова энергично поднимала вверх веки и глаза...

— Нет, нет, нет... я не умру, — так поняла мисс Адамс. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и мисс Адамс показалось, что эти губы пытаются сказать:

— Откройте, откройте, умоляю...

Любопытство мисс Адамс было возбуждено до крайней степени.

Она почувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна... Она и раньше не совсем доверяла словам профессора Керна о смертности запретного крана.

Между тем, в глазах головы светилась безграничная тоска... Глаза просили, умоляли, требовали... Казалось вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

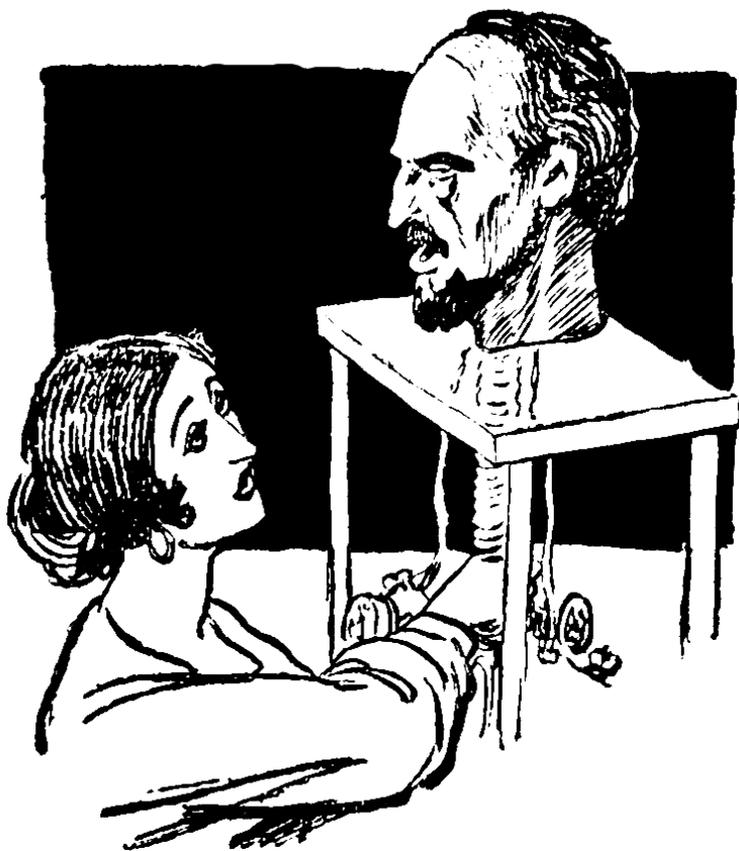
И мисс Адамс решилась.

С сильно бьющимся сердцем, дрожащею рукою она осторожно приоткрыла кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипенье. Мисс Адамс услышала слабый, глухой, надтреснутый, дребезжа-

щий и шипящий, как испорченный граммофон, голос головы.

— Бла-го-да-рю... вас!..

«...Благодарю вас».

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движе-

ние голосовые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже действовать нормально, и потому воздух, с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А ослабленные голосовые связки придавали голосу этот глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент слышались шаги в кабинете и звук открываемого замка, дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета.

Мисс Адамс едва успела повернуть кран на место. Шипенье в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

III. ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА.

С тех пор, как мисс Адамс открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между мисс Адамс и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет, мисс Адамс открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятными шепотом. Тихо говорила и мисс Адамс. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, производили благотворное действие. Глаза стали живее, и даже скорбная морщина меж бровей разгладилась.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь мисс Адамс видала во сне голову профессора Доуэля, и, проснувшись, подумала: видит ли сны голова Доуэля?

— Сны... — тихо прошипела голова. — Да, я вижу сны.

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось. Будто луч осеннего солнца пробрался на мгновение сквозь серую пелену осенних туч и погас...

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына... Как бы я хотел посмотреть на него ещё раз!.. Но я не смею подвергать его этому испытанию... Для него я умер...

— Он взрослый?.. Где он находится сейчас?

— Да он взрослый... он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет... В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тетки по матери... Нет, лучше бы не видеть снов!

Сейчас я веду существование почти бесплотного духа. И какой смешной, нелепой кажется мне мечта об этом бесплотном существовании! Мы — сыны земли, из плоти и крови. И мы можем быть счастливы только с нашей милой землей и на земле. Знаете ли вы, что значит жить без тела, одним сознанием?

Меня не только мучат сны своей обманчивой реальностью. Наяву меня мучат обманы чувств. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, протянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя, как врачу, это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз, и, конечно, сквозь стекло вижу под собой пустое пространство и каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется припадок удушья, тогда я почти доволен своим «посмертным» существованием, избавляющим меня хоть от астмы... Все это — чисто рефлективная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Все это ужасно!.. — не удержалась мисс Адамс.

— Да, ужасно...

— Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился... Мир ощущений тела! Сколько здесь наслаждений! Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-

нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, о шуме морского прибоя... Утратив тело, я утратил мир, — весь необъятный прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать свое тело, — себя! О, я бы охотно отдал все это химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Я завидую грузчику, который изнемогает под тяжестью груза на своей спине... Я только теперь понял, что даже в физической боли есть доля наслаждения. Боль — это крик живого тела!.. Да... от недостатка осязательных ощущений я страдаю больше всего.

В тот вечер, разбираясь в своих впечатлениях, мисс Адамс долго не могла уснуть. А во сне ей опять приснилась голова... печальные глаза профессора Доуэля... Мисс Адамс убегала по каким-то коридорам, голова преследовала ее. Двери задерживали ее бег, открывались с трудом, голова наступала... Вот она уже слышит за собой шипящий свист воздуха...

Мисс Адамс проснулась с сильно бьющимся сердцем...

— Однако, нервы мои становятся никуда не годными...

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, мисс Адамс прочла статью профессора Керна о его новой научной работе. В этой статье ее внимание обратили на себя ссылки Керна на некоторые работы других ученых. Все это были выдержки из научных журналов и книг, которые отмечались мисс Адамс по указанию головы во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, мисс Адамс спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался...

— Но это возмутительно!

— Возможно... Но что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то это смогу сделать я! — гневно воскликнула мисс Адамс.

— Тише!.. Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензию на авторские права! Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава? И потом... если все это откроется, работа не будет доведена до конца. А в этом я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Мисс Адамс задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на все, — тихо проговорила она.

«...Керн был мой ассистент»

— Профессор Керн говорил мне, когда я поступила к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом... Я могу ошибиться... Это правда, но может быть... не вся правда. Мы работали с ним вместе над оживлением человеческих органов, взятых из свежего трупа. Керн был мой ассистент. Венцом моих трудов должно было явиться разрешение вопроса об оживлении головы. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но не опубликовали наших успехов, пока нам не удастся продемонстрировать оживленную человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись о моей научной работе для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной работой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился один из ужасных припадков астмы, — той самой болезни, которую я пытался победить. Между мною и нею шла давняя борьба: кто кого? И я, действительно, завещал свое тело для анатомических работ, — хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказал мне медицинскую помощь. Он вспрыснул мне морфий. Может быть... доза была слишком велика, а может и астма сделала свое дело...

— Ну, а потом?..

— Потом я проснулся как после глубокого сна вот здесь, на этой стеклянной доске... Тело мое лежало на прозекторском столе, и Керн вскрывал грудную клетку... Вот, видите, в этом стеклянном сосуде бьется мое сердце...

Мисс Адамс с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать? Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы возносите его на вершину славы! Вы работаете на него! Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и

зарабатывает на этом деньги и славу. А вы?.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего! Вы — несчастный обрубок, в котором еще живут желания! Весь мир украл у вас Керн! Простите меня, но я не понимаю вас! И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?..

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно? Что же мог я сделать? Ведь я лишен даже последней человеческой возможности покончить с собой.

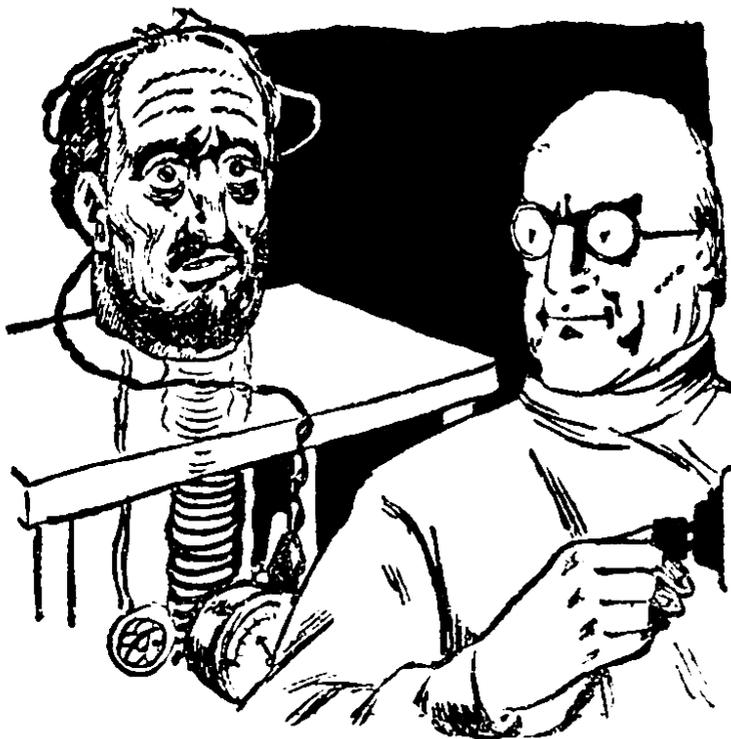
— Но вы могли отказаться работать с ним.

— И я отказывался. Если хотите, я прошел через это восстание ангелов. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов, какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни.

— Я расскажу вам один случай, произошедший в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук с клешнями у головы. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завез авто, возвращавшийся из загородной поездки. Жук покружился подо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я, скосив глаза, следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то необычайную брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот, я был бессилен перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным местом для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками по стеклу. После некоторых усилий, ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый ле-

вый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол.

Пустой случай! Но в том настроении, в котором я находился, он произвел на меня потрясающее впечатление.

«Он прибег к жестоким мерам».

И, когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что для публичной демонстрации он не выставит мою голову. Без пользы же для своих работ он не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась

борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Прижимая к моим вискам концы электрических проводов, он пускал ток, все усиливая его. Казалось, мой мозг просверливают раскаленным буровом.

Он смотрел на меня, но мои губы шептали:

— Нет!

Тогда он начал пускать в питающие меня баллоны вещества, которые вызывали в моей голове новые мучительные боли.

Я был непоколебим.

Он ушел взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу.

Несколько дней Керн не появлялся в лабораторию, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти.

На четвертый или пятый день он пришел, как ни в чем не бывало, весело насвистывая песенку.

Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он сделал, производя опыты, ряд ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак.

— Давно бы так! — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня!..

IV. ЖЕРТВА БОЛЬШОГО ГОРОДА.

С тех пор, как мисс Адамс узнала тайну головы, она возненавидела Керна всеми силами души. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она, в страшных кошмарах, видела его во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время, при встречах с Керном, она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо:

— Убийца!

Она держалась с ним натянуто и холодно.

Возможно, что это настроение поддерживалось ее все более расшатывающимися нервами. Дни, проведенные ею в обществе оживленной головы трупа, — все, что она узнала здесь, все потрясения не могли пройти бесследно. Не мудрено, что во всем этом она считала виновным Керна.

— Я донесу на него! Я буду кричать о его преступлении! Я не успокоюсь, пока не развенчаю эту краденую славу, не раскрою всех его преступлений! Я себя не пощажу...

— Тише... успокойтесь... Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите... я прошу вас подождать до конца наших опытов... Ведь я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но также и я без него. А ведь это все, что мне осталось... Больше мне не создать. Но начатые работы должны быть окончены...

В кабинете послышались шаги.

Мисс Адамс быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возбужденная. Голова Доуэля опустила веки, как у человека, погруженного в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на мисс Адамс.

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... Ничего... Все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс.

Мисс Адамс неохотно протянула руку.

— Бьется учащенно... Нервы пошаливают? Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно. Благодарю вас.

— «Мне не нужно»! Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья!

Мисс Адамс ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабора-

торией. — Временно, коллега, временно! Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы приготовим из них пару хороших говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн опять с некоторым недоверием посмотрел на мисс Адамс.

Чтобы раньше времени не обнаружить слишком ярко своей неприязни, мисс Адамс заставила себя задать вопрос, первый из пришедших ей в голову.

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто не знает. Потому, что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает неизбежная смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, — на прозекторском столе. Я уж позаботился об этом.

Мисс Адамс, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким недоуменным и испытующим взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще! Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, — этот современный Молох, — требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день, с непреложностью законов природы, в городе гибнут от уличного движения несколько человек, — не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну, и вот, эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди, сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут, весело напевая песню, будут одеваться, чтобы идти, — как они будут думать, — на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время, в другом конце города, также беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет с противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, — не зная друг друга, — до самой роковой точки пересечения их путей. Потом, на одно короткое мгновение, кто-то из них заезвается, и — готов! На ста-

тистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Именно та, которой не хватало для статистика, чтобы оправдать его предвидение.

Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И, тем не менее, все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на одно мгновение в одной точке две часовых стрелки, идущих с различной скоростью

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с мисс Адамс. И эта неожиданная щедрость!..

— Он хочет задобрить, купить меня, — подумала мисс Адамс, — он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня!

V. НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ.

Тот сложный механизм, который называют теорией вероятности, свел тысячи случайностей в одной точке времени и пространства, и на утро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Первый труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было разрезано пополам. В полуоткрытых, остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, мисс Адамс и Джон, — в белых халатах, — работали над трупами.

— Было еще несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Но у него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица. За

доброкачественность ее крови не ручаюсь, но другого выбора не было.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара в порту. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных матросов. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадешь!

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут, — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в венозную и артериальную аорты, были введены трубки.

Профессор Керн был в приятно-возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены научные светила. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых восхвалялся научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна, с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов, придавали характер национального торжества. Вся честь открытия приписывалась Керну. Только в одном медицинском журнале вскользь упоминалось имя покойного профессора Доуэля, «производившего некоторые опыты в этом направлении».

Мисс Адамс жадно читала эти статьи. Они давали ей какое-то острое наслаждение, питая ее ненависть к профессору Керну.

Весело насвистывая, профессор Керн умыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи! Недурная будет встреча! Остается только открыть краны, — и... мертвые оживут! А ведь мы не в шутку начинаем конкурировать с господом богом! — Ну, что же, мисс? Оживляйте! Откройте все три крана! В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для мисс Адамс это давно было не новость. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала виду.

Мисс Адамс открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего.

Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачнее. Почти неуловимо изменился цвет кожи.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза изменили свое направление, повернувшись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю!

Мисс Адамс открыла кран больше.

Воздух засвистел в горле.

— Что это?.. Где я?.. — были первые, еще не внятные слова головы.

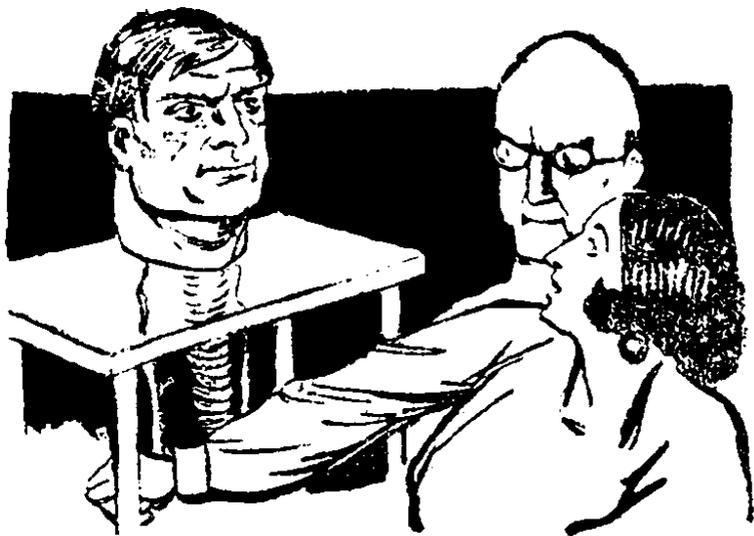
— В больнице, друг мой!

— В боль-ни-це?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидала под собой пустое пространство.

— А где ж мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?..

— Нет его, голубчик! Оно разбито вдребезги. Только одна голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать!

— Как это так, отрезать? Ну, нет, я не согласен! Какая же это операция! Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь! Мне руки надо! Без рук, без ног меня никто на работу не возьмет!.. Выйдешь из больницы... тьфу! и выйти-то не на чем! Как же теперь? Жить, кушать надо! Больницы-то ваши знаю я! Подержите маленько, да и выпишете: вылечили! Вот так вылечили! Нет, я не согласен! — твердил он.

Неправильность его произношения, его широкое, загорелое веснушчатое лицо, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя, быть может, далекой страны. Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал его молодое, здоровое тело...

— Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня-то? Томом звали. Том Бэггинс, вот оно как.

— Так вот что, Том... Вы не будете ни в чем нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь!

— Что ж, задаром кормить будете, аль на ярмарках за деньги показывать?

— Показать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем! Ну, а теперь отдохните! — и, посмотрев на голову женщины, Керн сказал:

— Что-то Саломея заставляет себя долго ждать!

— А это что ж? Тоже голова без тела? — обратилась голова Тома с вопросом, показывая на голову женщины.

— Как видите! Что б вам скучно не было, мы вам позаботились доставить эту мисс в компанию!.. Закройте-ка, мисс Адамс, его воздушный кран, чтоб не мешал пока болтовней!

Керн вынул из ноздри головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Что-то оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он нервно ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался по всей комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на них и беззвучно шевелила губами.

Наконец, Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянную трубочку, которой оканчивалась каучуковая, введенная в шейную аорту.

— Вот где причина! Трубка входит слишком свободно, и циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире!

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Уотсон, — так звали женщину, — реагировала более сильно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах... мое тело... мое бедное тело... Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте! Я не хочу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него!.. Нет, нет, не надо! Оно без головы... какой ужас... какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

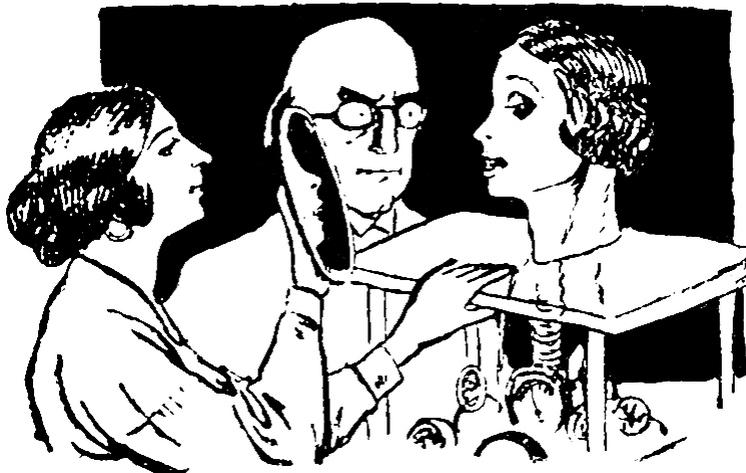
— Вы говорите, что оживили меня. Я мало образована, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это: чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело! Осел Тедди продырявил мое тело пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела! Это хуже, чем мужчина без головы!

И, обратившись к мисс Адамс, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало!

Взглянув в зеркало, мисс Уотсон долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я даже не могу сама сделать себе прическу!..

— Ну-с, все благополучно, — сказал профессор Керн, обращаясь к мисс Адамс. — У вас работы прибавилось. Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Керн посмотрел на часы и, подойдя близко к мисс Адамс, шепнул ей:

— В их присутствии, — и он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!

И, звучно отбивая шаги высокими каблуками, он вышел из лаборатории.

А мисс Адамс пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка шевельнула ус.

— Бедный мой, бедный!.. — прошептала мисс Адамс. — Но вы скоро будете отомщены!

VII*). ТОМ УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ.

(*) *Пропущена в нумерации глава VI).*

Приближался день демонстрации голов.

Профессор Керн нервничал и все чаще поглядывал недоверчивым, испытующим взглядом на мисс Адамс. Но внешне он был с нею удвоенно любезен.

В ночь накануне торжественного выступления Керна в научном обществе голова Тома неожиданно занемогла.

Утром, когда мисс Адамс пришла сменить негра, голова Тома была уже без сознания.

Профессор Керн бранил Джона за то, что он не разбудил его ночью, как только голове Тома стало плохо.

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас... — шипела голова мисс Уотсон, — он умер!.. Я так боюсь покойников!.. И я тоже боюсь умереть... отчего он умер?..

— Закройте у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

Мисс Уотсон умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза мисс Адамс, беспомощно шевеля губами.

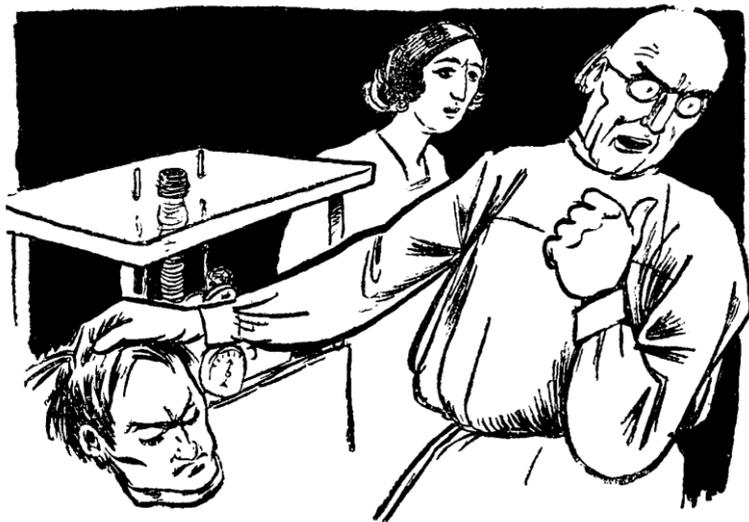
— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить! — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел термометр.

— Температура трупа. Кончено!

И забыв о присутствии мисс Уотсон, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

...Сорвал со столика и бросил в таз

— Вынеси на ледник!.. Надо будет произвести вскрытие и узнать причину.

Негр быстро подхватил таз и вышел.

Голова мисс Уотсон смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

Керн зашагал по лаборатории крупными шагами и нервно крутил пальцами сигару, которую забыл зажечь.

Смерть головы Тома наполовину уменьшала эффект демонстрации.

Наконец, он обратился к голове мисс Уотсон, которая продолжала следить за ним широко раскрытыми глазами.

— Вот что. Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и мисс Уотсон прошипела:

— Поняла... но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Мисс Уотсон стала готовиться к выезду в свет.

Забыв о смерти головы Тома, она была поглощена заботами о своей внешности. Она измучила мисс Адамс прической и «татуировкой», как мысленно называла Адамс косметическое украшение головы.

Неожиданно голова Уотсон заявила, что она не выйдет «в таком виде», и требовала, чтобы из каркаса ей было сделано туловище и обтянуто модной материей. Понадобилось вмешательство Керна.

— Голов с туловищем, — сказал он ей, — будет полный зал. Вы же, обладая одной головой, будете в этом собрании самой оригинальной женщиной.

Довод показался мисс Уотсон убедительным, и она откасалась от своей затеи.

Волнение Керна все увеличивалось. Предстояла нелегкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Будь жива голова Тома, шансы на успех удваивались бы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова, со всеми аппаратами был поставлен на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по полу и ручками для переноса по лестницам.

Наконец, все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

Голова мисс Уотсон, завитая, причесанная, накрашенная и закутанная вуалями, сияла от предстоящего удовольствия выезда в свет.

VIII. ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ.

Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла тысячи очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученому миру.

Сдержанный шум наполнял переполненный зал.

Внизу эстрады, за своими столиками, оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа от эстрады был установлен ряд кино-аппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты интересного выступления Керна и оживленной головы.

На эстраде разместился почетный президиум из наиболее крупных представителей ученого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней — микрофон для передачи по радиотелефону речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой мисс Уотсон. Она возвышалась с правой стороны эстрады, вся сияющая от удовольствия. Уроки "татуировки" не пропали даром для мисс Адамс: умело и умеренно наложенный грим придавал голове мисс Уотсон свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжелое впечат-

ление, которое должна была производить голова на неподготовленного зрителя. Мисс Адамс и Джон стояли около ее столика.

**...Ровно в 8 час. на кафедру
взошел профессор Керн.**

Ровно в восемь часов на кафедру вошел профессор Керн.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Кино-аппарат затрещал. Газетный муравейник затих и весь обратился во внимание. Профессор Керн начал речь.

Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Это была блестящая по выполнению и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о «предварительных, но очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля». Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и своих «скромных заслуг». Для слушателей не должно было остаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия целиком принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни биноклей дам были направлены на него. Бинокли мужчин, с не меньшим интересом, были устремлены на голову мисс Уотсон, расточавшую очаровательные улыбки. Она чувствовала себя героиней в этом блестящем собрании и упивалась успехом.

Зато лицо мисс Адамс было зловеще и мертвенно бледно.

По знаку профессора Керна, она открыла воздушный кран, и голова Уотсон имела удовольствие сказать несколько фраз.

.....
*Утерян номер газеты или пропуск в тексте газетной публикации.
Текст восстановлен по «Всемирному Следопыту».*

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее какой-то старичок-ученый.

— О, благодарю вас, прелестно!

Этот ответ вызвал улыбки на лицах собравшихся. Еще несколько наивных ответов развеселило весь зал. Зрелище оказалось интереснее, чем ожидала публика лож и амфитеатра.

Несмотря на то, что голос Уотсон был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, и звук был почти лишен модуляций, ее выступление произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам.

Простодушная мисс Уотсон, привыкшая к лаврам маленьких кабачков, приняла этот энтузиазм зала на свой счет. Не будучи в состоянии раскланяться, — о чем она ужасно сожалела, — она томно опустила веки и осчастливила зал обворожительной улыбкой.

Волнение мисс Адамс все увеличивалось. Ее начала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора!», несколько раз говорила она себе, но каждый раз не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедре взошел седенький старичок, — один из крупнейших американских ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, об Америке, рождающей такие умы и дарящей миру величайшие научные достижения...

.....

(Продолжение текста газетной публикации)

Когда мисс Адамс меньше всего ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и с смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную, сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону мисс Адамс, как бы желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул за дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала мисс Адамс, указывая на Керна. — Он вор и убийца!.. Он украл труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с ним... Он мучит Доуэля... Он пыткой заставлял Доуэля продолжать научные работы и выдавал их за свои... Мне сам Доуэль говорил, что его отравил Керн...

В публике смятение переходило в панику. Многие повставали со своих мест. Даже некоторые корреспонденты выронили свои карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кино-оператор, выдавший всякие виды, усиленно крутил ручку аппарата, радуясь этому неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления.

Дождавшись момента, когда нервная судорога сдавила горло мисс Адамс, он воспользовался наступившей паузой и, обратившись к стоявшим у дверей сторожам аудитории, сказал им спокойно и властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Сторожа некоторое время стояли неподвижно, быть может, будучи слишком взволнованы. Но мисс Адамс облегчила их задачу.

Истерический припадок потряс ее тело, и с безумным смехом она упала около кафедры.

Ее унесли...

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошел на кафедру и извинился перед собранием за печальный инцидент.

— Мисс Адамс, — девушка нервная и истерическая, — не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днем в обществе головы

г р у п а (подчеркнул Керн) мисс Уотсон, оживленной искусственно мною. Психика мисс Адамс надломилась. Она сошла с ума... — Мы, конечно, позаботимся об этой жертве научного долга!..

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала. Раздалось несколько аплодисментов, но они были заглушены шиканьем.

Будто веяние смерти пронеслось над залом. И тысячи глаз, уже с ужасом и жалостью смотрели на голову мисс Уотсон, как на выходца из могилы.

Наскоро прочитали ораторы заготовленные речи, ответственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором различных институтов и академий наук, — и собрание было закрыто.

Перед самым концом за спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув Керну, стал возиться над обратной отправкой головы мисс Уотсон, — сразу поблекшей, усталой и испуганной.

Только оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю кипевшему в нем гневу.

Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

IX. «СУМАСШЕДШАЯ».

Небольшая комната с окном в сад. Белые стены. Белая кровать, застеленная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два таких же белых стула.

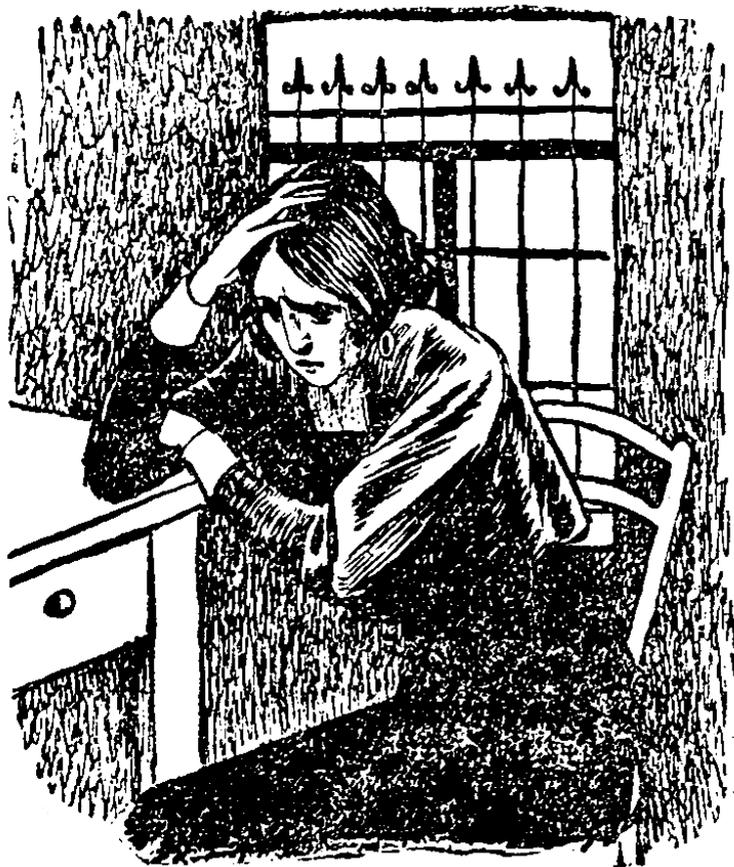
Мисс Адамс сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень побледнела и похудела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые халаты сестер.

— Сумасшедшие!.. — тихо говорит она, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая! Какая нелепость!... И это все, чего я достигла!...

Она сжала свои тонкие руки и хрустнула пальцами.

Вот уже месяц, как стараниями профессора Керна, позаботившегося о «жертве научного долга», она находится в загородной больнице для душевнобольных.

...«Она была близка к отчаянию.

Профессору Керну тем легче было засадить ее в психиатрическую лечебницу, что нервы ее после описанного вечера находились, действительно в ужасном состоянии. Она лишилась места, и заботы о семье томили ее. Главное же — она понимала всю безвыходность своего положения. Она была слишком опасна для Керна. И ее пребывание в доме для умалишенных могло продолжаться неопределенно долгое время... Возможно, что и власти не особенно заботились о защите ее интересов. Выступлению Керна придали характер общегосударственного торжества. Им гордилась Америка перед всем миром. И теперь было невыгодно показать миру обратную сторону медали: соперничество, алчность и вероломство в среде тех, кого считают солью науки...

Профессор Керн привел в исполнение свою угрозу о «чрезвычайно тяжелых для нее последствиях», если она не сохранит тайну. Могло быть и хуже. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам остался не отомщенным за голову профессора Доуэля. Мисс Адамс принесла в жертву себя, но ее жертва осталась напрасною. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянью и готова была покончить с собой.

Даже здесь она чувствовала влияние Керна. Другим большим разрешались свидания с друзьями и родными. Ее держали в строжайшей изоляции.

Несмотря на это, ей удалось войти в дружбу с одной сиделкой. И та, под величайшим секретом, приносила ей иногда газеты. В одной из газет она прочла и о себе:

«Мисс Адамс, служившая у профессора Керна, после случившегося с ней припадка безумия во время доклада профессора Керна в научном обществе, помещена в психиатрическую лечебницу. Врачи находят ее положение тяжелым и подающим мало надежд на выздоровление»...

— Вот мой приговор! — прошептала мисс Адамс, роняя газету на колени.

В другом номере газеты ей удалось узнать, что у профессора Керна, тотчас после его доклада, был произведен обыск.

«Как и следовало ожидать, — говорилось в заметке, — никакой головы профессора Доуэля обнаружено не было. В свое время было установлено, что смерть его последовала от припадка астмы, которой покойный страдал давно. Таким образом, рассеиваются последние сомнения, — если они у кого были, — о виновности профессора Керна. Все это не более, как бред больного воображения мисс Адамс».

«Неужели голова погибла?.. Бедный профессор Доуэль!..» — подумала девушка.

Больше мисс Адамс не находила заметок об этом деле. Его заслонили другие сенсации.

По утрам мисс Адамс посещали врачи.

— Ну, как мы живем? — задавали они неизменный вопрос.

Она ненавидела их: или они все невежды, которые не умеют отличить здорового от больного, или подкуплены Керном.

Она им не отвечала, или отвечала с несвойственной ей грубостью.

И они уходили, неодобрительно покачивая головами, быть может, искренне убежденные, что имеют дело с душевнобольной...

В комнату постучали.

Мисс Адамс, думая, что это сиделка принесла вечерний чай, сказала безучастным голосом, не поворачивая головы от окна:

— Войдите!

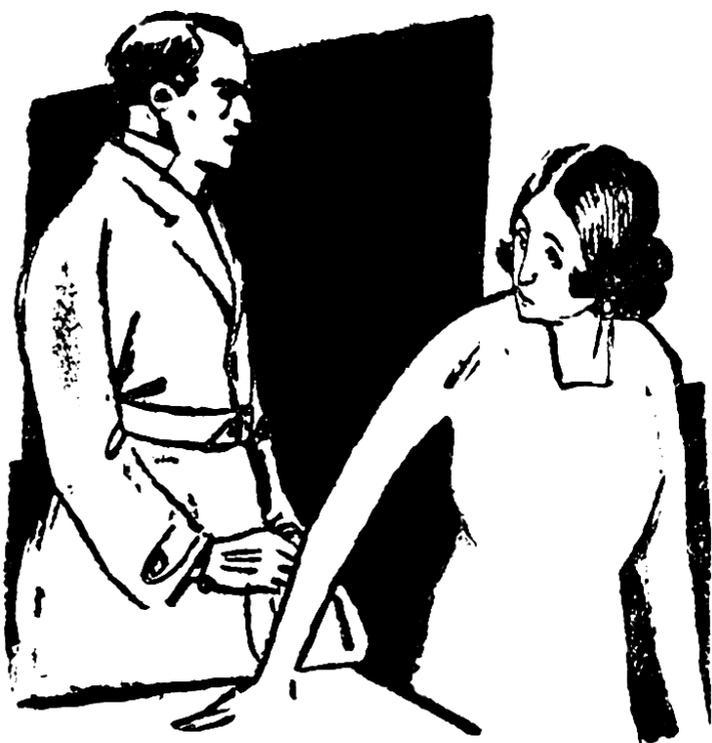
Кто-то вошел. И молодой мужской незнакомый голос прозвучал за ее спиной:

— Могу я видеть мисс Адамс?

Это было так неожиданно, что девушка круто повернулась. Перед ней стоял молодой человек, одетый с изящной простотой. В лице его было что-то знакомое. Но мисс Адамс никак не могла вспомнить, где она могла его видеть.

— Это я...

— Позвольте представиться: Артур Доуэль. Сын профессора Доуэля.

**...«Позвольте представиться:
Артур Доуэль».**

«Так вот откуда это сходство! Те же глаза, тот же открытый лоб и овал лица», — подумала мисс Адамс.

— Как же вы... пришли ко мне? — с изумлением спросила она.

Артур Доуэль улыбнулся.

— Да, это было нелегко! Вас хорошо стерегут. Признаться, мне пришлось употребить маленькую хитрость. И сейчас у меня всего несколько минут. Позвольте приступить прямо к делу.

Я жил в Англии у тетки, когда узнал по газетам о событиях во время доклада профессора Керна и о вашем... благородном выступлении на защиту моего отца. Я не мог оставаться безучастным к этому делу. В нем замешано имя моего... отца...

Он хотел сказать «покойного отца», но удержался.

— ...Судьба его научных трудов и тайна смерти. При том, в этом деле оказались пострадавшей и вы. Я вижу вас в этом заключении. Сейчас не время говорить о моей благодарности за ваш самоотверженный поступок. Я знаю несколько Керна и, признаюсь, считал его способным на все то, о чем вы говорили тогда. Я не поверил вашему безумию. И теперь, видя вас, убеждаюсь, что я был прав. Сумасшедшие так не выглядят. Но мне хочется убедиться от вас самих в верности всего, о чем вы говорили. Все это правда?

— Да, правда!

— Я верю вам!... Какой бесчестный поступок!... Еще я хотел бы узнать ваше мнение: сохранил ли Керн голову моего отца? Как жаль, что болезнь задержала меня! Боюсь, что я приехал слишком поздно!

— О судьбе головы профессора Доуэля я, к сожалению, знаю не больше вашего. Могу только сообщить, что голова ему была еще нужна для окончания одной крупной работы.

— Так... Ее надо найти! Но, прежде всего, нужно освободить вас! Об этом позабочусь я! И помните: я не Доуэль, а Бин, — ваш кузен. Вы меня понимаете? Так мы скорей достигнем цели!

В дверь постучались.

— К сожалению, наше свидание окончилось. Но я надеюсь, что мы с вами скоро встретимся в другой обстановке! Всего лучшего!

И он ушел так же неожиданно, как и явился.

Мисс Адамс продолжала стоять, неподвижно устремив глаза на дверь.

Потом она глубоко вздохнула и с волнением прошептала:

— Неужели освобождение?..

Х. НА СВОБОДЕ.

— Уверены ли вы, что автомобиль направился на вас не случайно? — спросил Артур Доуэль мисс Адамс.

— Совершенно уверена, — ответила она. — Я шла по одной из боковых улиц, где уличное движение невелико. Я уже раньше обратила внимание на черный «Форд», который, казалось, медленно следовал за мной. Когда я переходила улицу, шофер вдруг перешел на большую скорость, направляя машину прямо на меня. Я метнулась в сторону. Шофер сделал вираж вслед за мной. Меня спас только экипаж, случайно преградивший путь автомобилю.

— Да... вам нужно быть осторожной! Керн не может быть спокоен, пока вы находитесь на свободе!

Этот разговор происходил в маленькой гостиной мисс Адамс, на четвертый день после того, как новоявленному кузену Бину удалось освободить ее из психиатрической лечебницы. Это была нелегкая задача. Администрация лечебницы вначале категорически отказала, ссылаясь на то, что форма заболевания мисс Адамс представляет большую опасность для окружающих, и больную нельзя держать вне стен лечебницы.

Но Доуэль-Бин был настойчив. Он брал мисс Адамс под свою ответственность, убеждал, настаивал, наконец, заявил, что он потребует особой экспертизы, в присутствии представителей суда. Дальнейшее упорство могло иметь плохие последствия для лечебницы, и администрация принуждена была уступить.

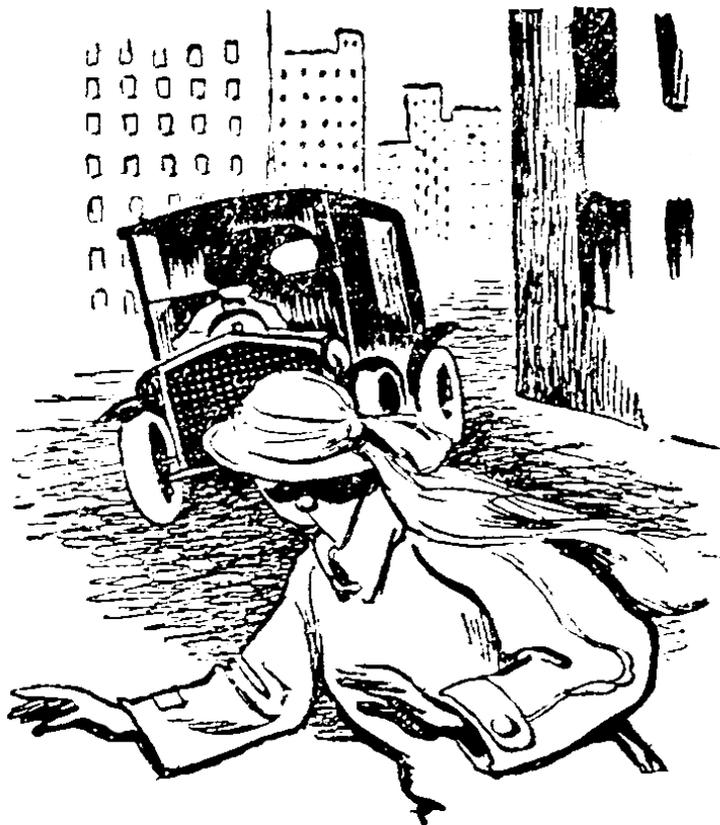
Дома мисс Адамс встретили, как воскресшую из мертвых.

Старушка-мать мисс Адамс смотрела на Артура восторженно, как на спасителя ее дочери, которую уж не надеялась увидеть.

Артур проводил все время в этой семье, обсуждая планы розыска головы.

На четвертый день радость матери была омрачена упомянутым случаем с автомобилем, который едва не раздавил мисс Адамс.

— Тот же автомобиль еще раз попытался перерезать мне путь на перекрестке, — продолжала мисс Адамс. — Я хорошо заметила шофера.

...«Автомобиль еще раз попытался перерезать мне путь на перекрестке».

— Тебе лучше посидеть несколько дней дома! — с тревогой произнесла мать.

— Да, вам надо быть крайне осторожной, — сказал Артур. — Борьба разгорается не на шутку. Возможно, что Керн догадывается о моем приезде. Ваш выход заставил его насторожиться. Надо принимать быстрые и решительные меры. Когда я ехал сюда, я думал проникнуть к Керну под чужим именем, как врач, желающий работать с ним, заслужить его доверие, получить доступ в таинственную лабораторию...

— Но ваше сходство?.. — сказала мисс Адамс.

— Да, сходство... хотя я порядочно изменился с тех пор, как меня видел Керн. Ведь я последние годы пробыл в Англии. Но сейчас этот план не годится уже потому, что требует времени.

Притом Керн сейчас будет подозрителен, как никогда.

— Что, если попробовать действовать через Джона, — негра, который служит у Керна? Керн бывал груб с ним, и я не думаю, чтобы Джон был ему слишком предан, — предложила мисс Адамс.

— Прекрасно! Надо попытаться.

И тут же был разработан план действий.

Нашли надежного человека, которому предложили взять на себя эту задачу.

Билль — так звали этого человека — быстро свел знакомство с Джоном в одном из дешевых ресторанов, где Джон имел обыкновение проводить свои свободные часы.

Джон охотно поглощал предлагаемую ему новым приятелем соду с виски, но язык у него не развязывался.

На все наводящие, будто случайно предложенные вопросы Джон или отмалчивался, или уверял, что он ничего не знает.

После двух или трех безуспешно проведенных вечеров, Билль принужден был действовать открыто. Он предложил Джону двести долларов, — если только он скажет, жива ли голова профессора Доуэля и где она находится.

Но Джон, с невинным видом, продолжал уверять, что ему ничего не известно.

Билль удваивал, утраивал вознаграждение, но безуспешно. Наконец, ставка дошла до двух тысяч долларов.

Глаза Джона загорелись жадностью. Минуту он колебался. Но затем заявил с простодушным видом:

— Да если ж бы я знал!..

...«Билль принужден был действовать открыто».

Видимо, Керн хорошо оплатил молчание Джона, если даже такая сумма для него оказалась несоблазнительной.

Единственным результатом торга явилось убеждение Билля в том, что Джону известна судьба головы, но он, по тем или иным причинам, остается верен Керну.

Когда Билль сообщил об этом Артуру Доуэлю, Доуэль решил, что дальнейший торг бесполезен.

— Если Джон верен Керну, то Керн уже осведомлен обо всем. Ваше освобождение, мисс Адамс, и попытка подкупить Джона, — все это достаточно предупредило Керна о надвигающейся на него опасности. Для Керна продолжать хранить голову моего отца при таких обстоятельствах, — как бы она ему ни была нужна, — крайняя смелость, или безрассудная неосторожность. Если уже не поздно, нам медлить больше нельзя ни одного дня. Остается объявить открытую войну. Я — сын профессора Доуэля, и имею все права на то, чтобы потребовать возобновления судебного следствия и производства вторичного обыска. Или моя карта, или карта Керна будет бита. Ваше присутствие, мисс Адамс, при этом обыске я считал бы крайне полезным.

— А вдруг ее убьет этот разбойник! — с испугом произнесла старушка Адамс.

— Я пойду, во что бы то ни стало! — решительно заявила мисс Адамс.

— Я надеюсь, что вашей дочери ничего не угрожает. Мы явимся туда с судебным следователем и достаточным количеством полисменов!

В тот же день Артуру удалось уладить дело со ответственными властями. Обыск был назначен на другой день, в восемь часов утра, — прежде чем профессор Керн уедет из дому.

XI. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ.

Негр Джон открыл тяжелую дубовую дверь.

— Профессор Керн не принимает.

Вступивший на сцену полисмен заставил Джона пропустить неожиданных гостей.

Профессор Керн, увидя мисс Адамс входящей в кабинет, бросил на нее уничтожающий взгляд, но сейчас же принял вид оскорбленного достоинства.

— Прошу вас, — сказал он ледяным тоном, широко открывая двери лаборатории.

Следователь, мисс Адамс, Артур и Керн вошли.

Сердце мисс Адамс сильно забилося, когда она увидела знакомую обстановку, среди которой перенесла столько тягостных впечатлений.

В лаборатории нашли голову мисс Уотсон. Она была еще жива, хотя значительно иссохла. Щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя мисс Адамс, она улыбнулась и заморгала глазами.

В надежде получить какие-либо сведения мисс Адамс открыла воздушный кран.

Но голова мисс Уотсон ничего не знала о голове Доуэля. Она, по обыкновению, лепетала всякий вздор. Жаловалась на то, что ей обрезали волосы, жаловалась на скуку и на то, что ее больше не вывозят в собрания, вспоминала Тома...

— Как вы находите меня? Скажите, меня не портят обретенные волосы? О, я плакала, когда меня стригли... Мои волосы... ведь это все, что еще оставалось у меня от женщины!..

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находились две головы.

Первая — голова мальчика, кудрявого, как рафаэлевский ангелочек. Голубые глаза мальчика с детским любопытством устремились на вошедших.

Вторая голова была пожилого человека со сбритыми волосами и громадным мясистым носом. На глазах этой головы были одеты совершенно черные очки.

— Глаза болят, — пояснил Керн.

— Вот и все, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

— Подождите! — воскликнула мисс Адамс. И подойдя к голове с толстым носом, открыла воздушный кран.

— Кто вы? — спросила мисс Адамс.

Голова шевельнула губами, но голос не звучал. Мисс Адамс пустила сильную струю воздуха.

Тогда послышался свистящий шепот.

— Кто это? Вы Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас.

Мисс Адамс заглянула в уши и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессор Доуэль...

— Но ваше лицо?..

Голова говорила с трудом.

— Лицо?.. Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введен под кожу... Увы... моим остался только мой мозг в этой чужой коробочке... Но и он отказывается служить... Я умираю... Наши опыты... Мои опыты несовершенны. Хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически...

— Зачем у вас очки?

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться, — он лишает меня возможности слышать и видеть... очки непрозрачные, чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... но я, кажется, узнаю ваш голос... снимите с меня очки.

Мисс Адамс сняла очки.

И вдруг, увидав Артура, который, пораженный видом головы отца, стоял неподвижно, — голова радостно произнесла:

— Артур!.. сын мой!..

На мгновение будто жизнь вернулась к голове. Тусклые глаза прояснились.

Артур подошел к голове отца.

— Отец, дорогой мой! Что с тобой сделали?..

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после моей смерти...

Горловые связки почти не работали, голова Доуэля говорила урывками. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

К голове подошел следователь.

— Профессор Доуэль, можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти? Я — следователь...

Голова посмотрела на следователя потухающим взглядом, не понимая. Потом, очевидно, поняла, в чем дело, и, переведя взгляд на мисс Адамс, прошептала:

— Я... ей... говорил... она знает все...

— Конеч!.. — сказала мисс Адамс.

Некоторое время все стояли молча, подавленные и взволнованные.

— Ну, что ж, дело ясно! — прервал тягостное молчание следователь. И, обратившись к Керну, произнес повелительным тоном:

— Прошу следовать за мной в кабинет. Мне надо снять с вас допрос.

Керн молча повиновался. Они вышли.

Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и низко склонил на руки свою голову.

— Бедный, бедный отец...

Потом встал. Молча и крепко пожал руку мисс Адамс.

Конец

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Рассказ А. Беляева «Голова профессора Доуэля» — конечно, фантазия и выдумка; конечно, никому не удавалось оживить человеческую голову. Однако, рассказ имеет под собой твердую научную почву. Он основан на целом ряде опытов русских и иностранных ученых—физиологов и хирургов.

Эти опыты доказали, что некоторые органы могут самостоятельно (хотя и кратковременно) жить независимо от организма.

Такие опыты около двух десятков лет тому назад начал производить американский ученый Каррель. Он доказал, что животные клеточки (ткани) могут жить вне организма, если им будет обеспечено необходимое питание.

Продолжая эти опыты, ученые перешли к целым органам, например — сердцу, матке и др., и установи-

ли, что вынутое сердце лягушки, кролика и др. может жить часами. А профессору Н. П. Кравкову удалось изолировать матку кролика настолько успешно, что он имел возможность наблюдать весь ход родов. Тот же учёный в 1920 году опубликовал свои опыты с человеческими пальцами и ухом кролика; и эти органы жили в лаборатории более месяца. На пальцах, например, росли ногти, можно было вызвать нарыв и т.п.

Эти наблюдения показывают, что ткани человеческого организма не умирают сразу после прекращения кровообращения.

Хирурги использовали этот вывод. Пересадка с одного места на другое, с одного организма на другой кожи, костей, желез — становится обычным делом. На опытах с насекомыми удается, например, переносить голову от одного насекомого к другому, и не только одного и того же рода, но и разных, например, жуку-плавунцу пересаживают голову водолюба и т. д. И они продолжают жить. На животных делаются опыты с пересадкой глаз, которые приживаются, причем зрение, по-видимому, сохраняется лишь отчасти.

Приведем еще одно разительное наблюдение, опубликованное русским хирургом, профессором Оппелем. К нему в клинику был доставлен самоубийца, пустивший себе пулю в сердце. Молодой человек потерял очень много крови, но был еще жив. Приступлено было к операции зашивания сердца. Во время операции больной сильно слабеет, и ему грозит смерть.

«Я решился, — пишет профессор, — на отчаянный шаг: чтобы остановить кровотечение из сердца, я зажал левой ладонью рану и прижал сердце. Кровотечение остановилось, но в ту же секунду остановилось само сердце, Больной перестал дышать, зрачки расширились. По всем признакам, наступила смерть.

Оператор зашил рану и приступил к оживлению больного. И вот, на глазах оператора сердце начало сокращаться, появилось дыхание, сузились зрачки — больной ожил.

«Пред нами было истинное оживление, — продолжает дальше автор. — Человек умер — остановилось сердце, прекратилось дыхание, расширились зрачки, а через полчаса человек дышал, через час уже разговаривал».

Подобные опыты показывают, что, если возможна жизнь отдельных тканей вне организма, если некоторые органы переживают своего носителя, теоретически возможно и возвращение к жизни умершего человека.

«Не хочу мечтать, не хочу пророчествовать, не хочу фантазировать, — восклицает профессор, — могу одно сказать: поле деятельности для будущей хирургии громадно, Мощь хирургии еще впереди».

(Проф. Оппель. «Успехи современной хирургии»)

А. КРУЧИНА

«186 и 18»

Фантастическая повесть

*Газета «На смену!» (Свердловск), 1927 г., 5 июня – 3 июля.
Текст найден не полностью.
Художник не указан.
Найдены №№ 55, 56, 58, 59, 61, 62, 65, 66.
Огромная благодарность А. Левчику за помощь.*

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ

Происшествие это чрезвычайно взволновало немногочисленное население станции Разгильдай. Дело было так:

Уполномоченный по печати при ячейке ВЛКСМ, он же постоянный юнкор «На Смену», Иван Семенович Тимофеев вернулся домой в чрезвычайно мрачном настроении.

Швырнув в сторону портфель и кепку, он сел за стол и подперев щеки крепко сжатыми кулаками, погрузился в тяжелое раздумье. Затем встряхнул шевелюрой и сердито процедил сквозь зубы.

— 186 и 18. Безобразие... Позор...

— В чем дело?.. — озабоченно спросила его жена Дора.— Какие восемнадцать? Какие сто восемьдесят шесть? Пора идти в столовую обедать...

— Что же ты молчишь? — после паузы недоумевающе переспросила Дора.

Но в этот самый момент Тимофеев поднялся со стула, нелепо взмахнул руками и упал навзничь.

— Обморок! Воды... — змейкой промелькнула в голове Доры первая мысль... Но ведро воды, немедленно использованное в качестве первой помощи, не дало никаких результатов. Гриша не подавал никаких признаков жизни. Положение создалось отчаянное, и крик ужаса и глубокой душевной боли вырвался у Доры...

— Умер... Умер... Умер... — крикнула она, заламывая руки.

На крики Доры сбежались соседи. Быстро весть о смерти Тимофеева облетела всю станцию. Пришли ребята из ячейки. Потрясенные потерей любимого товарища, деловито приступили к обсуждению церемониала предстоящих похорон. Комната наполнилась сочувствующими и любопытными...

Телеграфист Штучкин утешал вдову, нашептывая ей о том, что смерть человека — дело обычное, и придавать этому особенное значение не следует... Что его чувства к Доре не угасли, наоборот, разгорелись бушующим пламенем страсти, и он сумеет ей заменить и мужа, и друга, каким был для нее Тимофеев.

Но странное дело! Недвижно распростертый на полу, парализованный Тимофеев отлично слышал и понимал все, что вокруг него происходило...

И прислушавшись к страстному шепоту Штучкина, обозлился.

— Негодяй! Не успел похоронить меня, и уже сватается к жене... Хотя, в конечном счете, все это предрассудки, не стоящие выеденного яйца. — Тут Тимофеев хотел презрительно улыбнуться, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Лицо было парализовано и оставалось неподвижным.

Кто-то из окружающих подал мысль:

— Доктора нужно вызвать. Доктор должен констатировать смерть, установить ее причины. Без этого нельзя хоронить товарища.

И пока ждали доктора, среди друзей и знакомых Тимофеева продолжался обмен мнениями по поводу случившегося.

— Золотой работник погиб, — говорили комсомольцы. — Жалко Ваноху.

— Одним газетным кляузником меньше, — ехидно ворчали старики из числа любопытных.

Наконец приехал участковый врач тов. Уповающий и приступил к обследованию бездыханного Тимофеева.

Врач отложил в сторону стетоскоп, снял очки, протер их, затем снова осмотрел Тимофеева и развел руками.

— Странный случай в практике. Он жив, граждане. Это очевидно, просто один из видов летаргии. Сегодня же отправьте товарища в больницу.

И в этот момент Тимофеев потерял способность слышать и понимать то, что делается вокруг. Он погрузился в небытие.

Все служащие ст. Разгильдяй недели две подряд ломали головы над разгадыванием истинной причины летаргического сна Тимофеева.

Но все их попытки, конечно, ничего определенного, близкого к истине дать не могли.

Одни утверждали, что Тимофеев впал в летаргию в результате семейных недоразумений, другие предполагали, что летаргия явилась следствием переутомления, так как Тимофеев за последние четыре года работал в комсомоле с нагрузкой в триста пятьдесят процентов и отпусками не пользовался.

Но как первые, так и вторые были в своих предположениях далеки от истины...

И да позволит нам читатель приоткрыть завесу и осветить те обстоятельства, которые сопутствовали в высшей степени странному, если не сказать больше, неслыханному в летописях станции Разгильдйя происшествию.

Случай с Тимофеевым произошел ровно в 3 часа 15 минут пополудни местного времени 30 апреля 1927 года.

В этот день Иван Семенович возвратился домой в два часа дня в чрезвычайно приподнятом настроении. Твердым, чеканным шагом подошел к своему письменному столу и погрузился в тяжелое раздумье.

— Позор! — прошептал он. — На 186 комсомольцев восемнадцать номеров. Всего только 10 процентов. И это называется ком-со-мольцы, краса и гордость революции.

Иван Семенович покачал головой и с едкой горечью еще раз прошептал:

— Восемнадцать подписчиков!

Два года Тимофеев состоял неизменным и верным корреспондентом «На Смену!», два года состоял уполномоченным печати при ячейке, всеми силами содействуя распространению своей областной комсомольской газеты. И теперь испытывал мучительный жгучий стыд за своих товарищей по организации, только на 10 процентов проявивших заинтересованность в своей газете.

— На Урале не менее ста тысяч комсомольцев, а «На Смену!» имеет возможность выходить только три раза в неделю. «На Смену!» имеет огромный дефицит и сравнительно небольшой тираж — думал Тимофеев. — Ведь, если бы четвертая часть всей массы уральских комсомольцев и городских, и фабрично-заводских, и деревенских районов вы-

писывала «На Смену!», какая была бы красота! Ежедневно бы выпускали газету, с приложением, чорт возьми. Эх!..

Краска стыда покрыла лицо Тимофеева.

— Но чем объяснить такой слабый интерес к газете среди комсомольцев? Газета ведется хорошо, откликается на все комсомольские злобы дня, представляет собой отпечаток коллективного творчества всех, кто группируется вокруг газеты... А наша ячейка плетется в хвосте... Хм... Смешно! 18 экземпляров! Недаром станции присвоено имя «Разгильдяй».

Долго думал Тимофеев. Нужно было писать в редакцию «На Смену!» о результатах апрельской подписки, послать пару корреспонденций.

Снова сжалось сердце Тимофеева от угрызений совести, от стыда перед любимой редакцией.

Тимофеев взялся за перо, глубоко вздохнул, собираясь писать, и вдруг смертельная бледность покрыла его лицо. На лбу выступил холодный пот, в глазах потемнело.

В это время подошла его жена.

Тимофеев поднялся, взмахнул руками, покачнулся и... упал.

Остальное читателю известно.

В больнице, куда на другой день утром доставили Ивана Семеновича, его положили в отдельной изолированной комнате.

Врач отдал необходимые распоряжения и ушел. Погруженного в глубокий сон Тимофеева врач посещал по нескольку раз в день.

Прошло две недели, Тимофеев спал.

На пятнадцатый день врач остановился около больного, снял пенснэ, не торопясь протер платком стекла, что-то обдумывая, еще раз внимательно осмотрел Тимофеева, молча прошел в кабинет, сел за письменный стол и написал телеграмму:

«Пермь, профессору Крутову.

Чрезвычайно интересный случай длительной летаргии. Больной спит пятнадцать дней, просьба приехать, согласие телеграфируйте.

Врач Уповающий».

Ровно через три часа в больницу доставили телеграмму-ответ. В ней было только три слова:

«Выехал скорым. Крутов».

<.....>

Дни летели за днями пестрой лентой, сплетались в недели, в месяцы, в годы.

В клинике Пермского университета, в громадной светлой комнате лежал Тимофеев.

С утра до утра, около Тимофеева поочередно дежурили лучшие представители местных научных сил, время от времени занося в толстый журнал краткие записи о своих наблюдениях.

Посередине палаты возвышался громадный стеклянный четырехугольный футляр, снабженный целым рядом специальных приспособлений и аппаратов высшей чувствительности, непрерывно показывающих изменения и колебания в состоянии организма больного.

В футляре лежал Тимофеев. Над его головой был помещен радиограф, кривыми линиями на стеклянной, матовой доске показывавший малейшие проблески работы мозга больного, рядом был установлен массивный, чрезвычайно сложный электромагнископ, движением стрелки показывающий состояние сердца, кровообращения, температуры и проч. Затем около футляра можно было заметить радиорегулятор движения воздуха, прибор для искусственного питания и целый ряд других механизированных помощников медицины.

Профессора, врачи, сиделки бесшумно скользили по этой палате. Царила напряженная тишина, Говорили шепотом.

— Ну-с. Как дела, коллега? — осведомился вошедший в палату профессор Крутов.

Дежурный приват-доцент Неустроев развел руками.

— За время моего дежурства, профессор, ничего особенного не случилось, если не считать, что кривая радиографа в два часа двенадцать минут отклонилась на четыре секунды влево.

— Это очень важно — заметил профессор и проверил стрелки электромагнископа, заглянув в журнал, покинул палату.

Восемнадцать лет спал Тимофеев.

Весь мир был заинтересован этим редкостным случаем летаргии. Газеты и журналы всех стран света аккуратно помещали краткие бюллетени о состоянии здоровья Тимофеева.

И ежедневно радио разносило по всему миру.
«Состояние здоровья Тимофеева — без перемен».

23-го августа 1943 года профессор Крутов получил радиограмму.

**«Сообщите результаты последних наблюдений состояния органов кровообращения и деятельности мозга Тимофеева.
Вильямс Стортинг».**

В тот же день профессор Крутов телеграфировал:

Лондон Гойд Стрит 23—48, 16. Стортингу.

«Отклонение кривой радиографа четыре секунды. Электромагнитной 0,02. — Пищеварение нормально. Ваше присутствие желательно.

Крутов».

И к вечеру получил ответ:

«Вылетел. Стортинг».

А 25-го августа на пермском аэродроме опустился мощный четырехсотсильный гелиокоптер «4-а».

Из алюминиевой кабины, в сопровождении трех молодых людей, вышел низенький старичок, в цилиндре, клетчатом пальто, в больших круглых очках и, подойдя к группе ученых во главе с профессором Крутовым, учтиво приподнял цилиндр.

— Профессор лондонской медицинской академии Вильямс Стортинг.

Блестящий, лакированный автомобиль марки «Коминтерн» умчал маститого гостя в лучшую в городе гостиницу.

<.....>

29 августа 1946 года в три часа ночи дежурный врач клиники Набоков, взволнованный, подошел к телефону.

— Два ноль два, — отрывисто бросил он в трубку.

— Два ноль два? Мне нужно профессора Крутова. Это вы, профессор? Стрелка электромагнискоскопа отклонилась влево на 0,2 градуса 3 секунды. Пульс проявляет деятельность, кровообращение усилилось...

Ответа Набоков не услышал.

Профессор издал какое-то междометие и повесил трубку.

Но зато тотчас же вызвал к телефону центральной гостиницы профессора Вильямса Стортинга.

Он должен был это сделать.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Ровно три недели тому назад маститый ученый предсказал пробуждение Тимофеева, назначив срок, — прежде приблизительный, но совпадающий с сообщением доктора Набокова.

— Три-четыре недели, и он должен вернуться к жизни.

Три года прожил Вильямс Стортинг в Перми, тщательно изучая малейшие детали, сопутствовавшие летаргии Тимофеева, рассчитывая написать многотомное исследование этого исключительного случая.

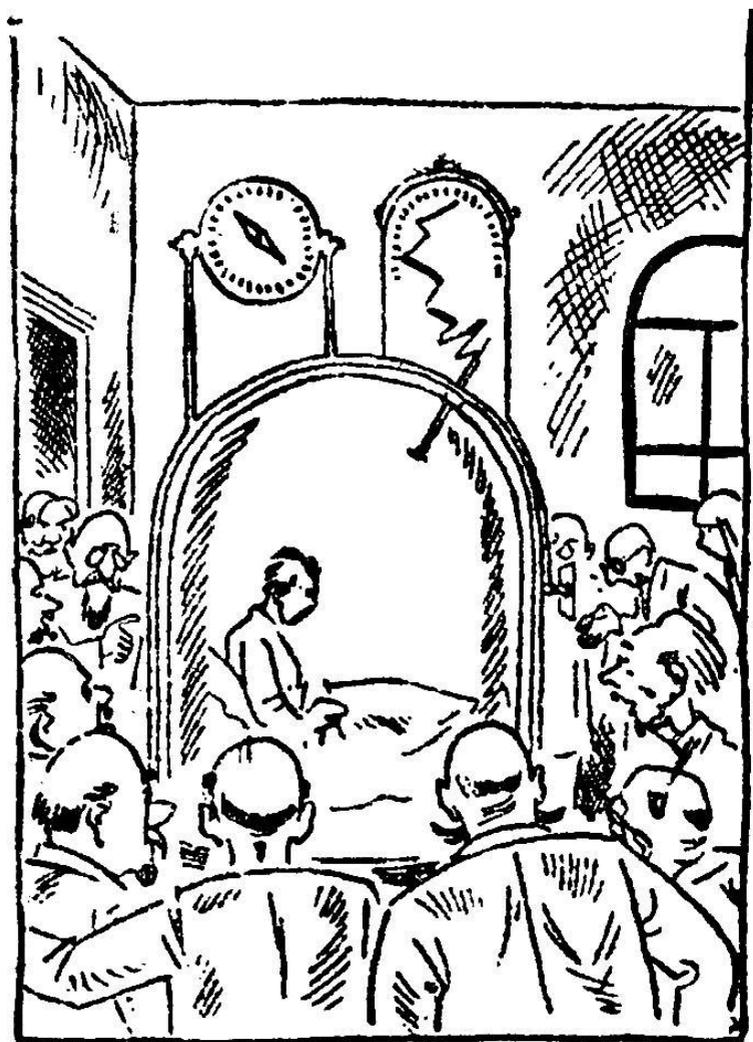
В 3 часа 20 минут, в громадной, строго молчаливой палате Тимофеева собрался цвет ученого мира. Стрелка электромагнискоскопа явно нервничала, как нервничали и собравшиеся вокруг больного серые корифеи науки.

Но вот вздрогнула и прыгнула вверх кривая радиографа, судорожно рванулась влево и задрожала на предельных цифрах стрелка электромагнискоскопа, и остановилась.

Настал жуткий момент.

Тимофеев впервые за 19 лет сна сделал глубокий вздох, открыл глаза и громко с аппетитом... чихнул.

— Будьте здоровы! — не преминул заявить, от избытка чувств, дежурный врач Набоков.

Тимофеев тупо посмотрел в стеклянный потолок футляра, скосил глаза на сгруппировавшихся ученых и наморщив лоб, начал припоминать.

— Да! Припоминаю. Мне нужно было написать письмо в «На Смену!». Но где я? Почему здесь эти люди в белых

халатах? Что это за идиотский стеклянный колпак? В чем, собственно, дело?!

Профессор-психиатр Крутов счел нужным ликвидировать вполне понятные, недоумевающие взгляды Тимофеева.

— Тов. Тимофеев, — с мягкостью в голосе сказал он. — Вы не беспокойтесь, не удивляйтесь, не волнуйтесь. Вы в больнице.

— По-почему? — снова косил глаза Тимофеев. — Чем я, собственно, болен? Может, тиф?

— Поспали вы больше, чем следует. Вот и все. Вы пока что успокойтесь.

— Да я ничего, я не волнуюсь, — отозвался Тимофеев, и спустя ноги с кровати, добавил:

— Нельзя ли, товарищи, пожрать чего-нибудь? Чувствую, что голоден, и здорово.

Как бы по мановению волшебной палочки, в палату вошла сиделка с подносом, на котором умещался прибор, распространявший раздражающие, вкусные запахи.

Тимофеев вскочил с кровати, вышел из футляра и, присев за столик, с таким аппетитом начал уписывать принесенную пищу.

— Сколько же времени я спал, что в больнице оказался? — осведомился подкрепившийся и повеселевший Иван Семенович.

— Вы спали ровно 19 лет 5 мес. и 26 дней.

— Как? — Тимофеев вытаращил глаза и расхохотался. — Шутить изволите?

— Вы находитесь в клинике Пермского государственного университета. Девятнадцать лет, пять месяцев и двадцать шесть дней тому назад вы, от неизвестной пока причины, безусловно, сильнейшего потрясения, впали в длительный летаргический сон. Весь ученый мир заинтересовался вашей болезнью; нет на земном шаре такого угла, где бы не знали вашего имени. Сейчас в момент вашего пробуждения мы обращаемся к вам с просьбой оказать услугу науке. Припомните-ка. Не была ли у вас какого-либо сильного нервного потрясения? Нам важно выяснить причину происхождения длительной летаргии.

Профессор замолчал и пытливно посмотрел на проснувшегося.

Тимофеев припоминал.

И отчетливо в его мозгу выплыли два цифры «186 и 18».

— Сто восемьдесят шесть и восемнадцать — наконец проговорил он, обращаясь к профессору Крутову.

— Как, что вы сказали?

— У нас... На Разгильдяе комсомольцев в организации сто восемьдесят шесть; а подписчиков только восемнадцать.

— Что он говорит? — спросил Вильямс Стортинг у своего переводчика, и, получив ответ, глубокомысленно поднял вверх указательный палец,

— Несомненный психоз. Да, да, да. Несомненный острый психоз. Но оставьте, уважаемые коллеги, этого человека пока в покое. Абсолютный покой, строгая диета — вот все, что ему пока нужно.

Ученые направились к выходу

— Эй, посмотрите, не знаю, как вас назвать — встрепетнулся Тимофеев. — А как «На Смену!», существует или нет?

— После, после, мой друг, — успокоил больного профессор Крутов, — отдохните, успокойтесь. Все узнаете. Пока.

— Однако здорово, — думал Тимофеев, шагая по палате из угла в угол. — Спал около двадцати лет. Что они, с ума сошли, что ли? Или меня хотят одурачить. Может быть, я в сумасшедшем доме, и подвергаюсь испытаниям психиатров. Посмотрим, чорт возьми.

В это время кто-то постучал в дверь.

— Разрешите.

И не ожидая ответа, в палату быстро вошел стройный, молодой человек, в широкой, красиво сшитой синей блузе, с блок-нотом в руках.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

— Я сотрудник газеты «На Смену!» — отрекомендовался молодой человек. — Разрешите прежде и раньше всего поздравить вас со счастливым пробуждением.

Тимофеев молчал. В голове его продолжали копошиться тревожные мысли.

— Ну, теперь ясно. Ясно, что я просто нервно заболел, попал в психиатрическую больницу и теперь меня испытывают.

Тимофеев усмехнулся.

— Шалишь, объегорить хочешь! Номер не пройдет!

— Благодарю вас, — сдержанно отозвался он и осведомился:

— А у вас нет ли покурить?

— К сожалению, не курю, — улыбнулся юноша. — Старики у нас еще курят, но у молодежи этот недостаток изжит. Когда вы заснули, я еще был пионером. У нас в звене курения не полагалось.

— Не научились курить! Рассказывай басни! — подумал Тимофеев, недоверчиво оглядывая гостя. — Так я и поверил.

— Мне поручено побеседовать с вами. Как ваше самочувствие, что думаете предпринять?

— Что ж, думаю, — пожал плечами Иван Семенович. — Вот выйду отсюда, поеду на ст. Разгильдяй, вернусь на службу.

— Такой станции теперь нет, — сообщил юноша, — могу вам сообщить, что станция Разгильдяй переименована еще пятнадцать лет тому назад. Она теперь называется Тимофеевкой, в честь вашего имени.

Ивана Семеновича покорило.

— Слушайте, прекрасный молодой человек. Что вы мне очки втираете? Здесь, в этой проклятой больнице сегодня с утра мне говорят, что я и знаменит, что я спал чуть ли не двадцать лет, вообще, чорт знает что. Здесь какое-то недоумение. В конце концов, от такой обстановки действительно можно с ума сойти. Если я немного расстроился из-за неудачной подписки на «На Смену!», так это еще никому не дает права считать меня за сумасшедшего. Довольно комедию ломать. Я, наконец, не позволю над собой издеваться. Хоть под семью замками держите, а я найду средства и возможность, чтобы апеллировать к общественному мнению, я буду протестовать против этой наглости.

— Что вы, что вы! Успокойтесь!

— Нечего мне успокаиваться. Я знаю, в чем тут дело. Это месть за мои разоблачения в «На Смену!». Меня направили сюда, выдав за сумасшедшего. Это новый вид преследования рабкоров...

— Да успокойтесь, пожалуйста, — остановил Тимофеева молодой человек. — Никто вас не обманывал и не думал обманывать. Никто вас не считал и не думает считать за сумасшедшего. И это я вам сейчас же докажу не на словах, а на деле.

— Но вы понимаете, — закричал в отчаянии Иван Семенович, ударяя себя кулаком в грудь, — вы понимаете, что я в этом деле ровным счетом ни черта не понимаю.

— Поймете, — уверенно отчеканил молодой человек и быстро вышел из палаты.

Юноша прошел по коридору в кабинет профессора Крутова и пробыл там не более четверти часа, затем вместе с профессором заглянул на минутку в радио-кабинет.

Соединить радио-телефон с редакцией «На Смену!» было делом момента.

— Сейчас вылетаем с Тимофеевым в Свердловск. Через час будем в редакции. Профессор Крутов любезно предложил свою машину. Наши самолеты, как назло, в разлете, по экспедиции. Ждать их возвращения нет смысла. Тимофеев нервничает.

— Воспользуйтесь машиной профессора Крутова — отрезал редактор.

Между тем в палату в Тимофееву вошла сиделка с бельем и верхним платьем.

— Переоденьтесь.

Продолжавший недоумевать Иван Семенович все же не заставил себя ждать.

Мягкие сандалии, красивая блуза, брюки, легкая изящная шляпа немедленно преобразили фигуру Тимофеева.

— Итак, летим, — громко сказал уже знакомый Тимофееву вошедший в палату юноша. — Машина нас ждет.

— Как это летим? Куда летим?

— Мы сейчас в Перми. В клинике университета. Летим в столицу Урала, Свердловск. В редакцию «На Смену!» прямым сообщением, без пересадок и остановок. Через час будем на месте.

НАД МИРОМ ЧУДЕС

Сотрудник «На Смену!» провел Тимофеева по длинному коридору к лифту.

— Сейчас поднимемся на крышу, — сказал он. — Там аэродром, и нас ждет машина.

Крыша местами была сделана из толстого, рубчатого стекла. По бокам ее росли высокие, кудрявые деревья, цветы...

Площадь крыши, что удивило Тимофеева, была использована для самых различных надобностей. Видно было несколько павильонов причудливо-красивой архитектуры, площадки с клумбами ароматных цветов

— Вот это у нас санаторий, — показывал юноша, — здесь — тепловая машина.

— Какая тепловая машина?— заинтересовался Тимофеев.

— Обыкновенная. Здание отапливается и освещается теперь концентрированными солнечными лучами. Правда, не все дома оборудованы тепловыми машинами, но использование солнечной энергии во всех областях жизни, с каждым годом, развивается все больше и больше. Вот радиостанция, это регулятор атмосферы.

— Как?

— Регулятор, мы теперь имеем возможность регулировать движение воздуха... В ваше время еще не было средств предотвратить ураганы, сильные грозы и т. п. стихийные бедствия. Теперь мы уже начинаем побеждать силы стихий. Правда, еще не в абсолютных, не в совершенных формах, но все-таки.

— А это что?

— Здесь обсерватория. Телескоп дает увеличение в 100.000 раз и помогает нашим ученым разгадывать загадки далеких от нас миров.

— А это?

— А это и есть аэродром, куда мы с вами держим путь.

— Но позвольте, — удивился Тимофеев, — какой же тут к чорту аэродром? Здесь аэроплану и разбежаться-то для подъема негде.

Юноша улыбнулся.

— В области авиации, тов. Тимофеев, за двадцать лет сделаны громадные достижения. Современные летательные

машины при подъеме не нуждаются в разбеге, точно так же, как и при спуске. Да вот убедитесь сами. Прошу.

И юноша откинул дверцу кабины.

Не успел еще Тимофеев поудобнее усесться в мягком кожаном кресле, как загудел мотор, машина вздрогнула и рванулась вверх.

Через большое стеклянное окно перед восхищенным взором Тимофеева развевались просторы Урала.

— А это что?— продолжал допытываться он у своего словоохотливого спутника.

— Это Самары.

— Что вы мне говорите, — возмутился Тимофеев, — Самары, насколько мне помнится, сравнительно небольшая станция, а здесь я вижу большой прекрасный город.

— Совершенно верно. Ни одного населенного пункта на Урале, какие вы знали двадцать лет тому назад, сейчас не узнаете. Мы очень далеко шагнули вперед.

— А это, это что?

— Это новый мощный металлургический завод.

— Позвольте, какая-то, по-видимому, новая железная дорога?

— Да. Эта линия соединяет Урал с Кузнецким бассейном. Уральские заводы работают преимущественно на кузнецком коксе, уральская руда частично идет для переработки в Кузбасс, на Тельбесский металлургический завод.

— Смотрите, смотрите, — заволновался Тимофеев. — Какая красота! Что это?

— Это Свердловск. Мы подлетаем.

<.....>

Когда Тимофеев вошел в кабинет, редактор делал дружеский выговор заведующему радио-экспедицией.

— Опять жалобы. Это же становится невозможным. Сегодня же пригласите инженеров для проверки регуляторов. Так дальше работать нельзя.

Но тут редактор поднял глаза и широко улыбнулся.

— А-а, вот и тов. Тимофеев. Присаживайтесь.

Тимофеев опустился на мягкое кресло и вздохнул:

— Ничего не понимаю, — жалобно сказал он.

— Как вам нравится «На Смену!»? А ведь помню, были тяжелые времена. Выходила в небольшом формате, три раза в неделю, тираж был незначителен. Да... Но все-таки, дружными усилиями комсомольцев, дело развернули. Достижения налицо.

— Я все сделал, что мог, и все же Разгильдяй подкачал, — начал оправдываться Тимофеев. — Никакого интереса к газете. 186 и 18. Сами понимаете. Скандал, стыд...

— Ничего, — успокоил его редактор. — Разгильдяя теперь нет. Эта станция переименована, а станция Тимофеевка от других в отношении выписки газет не отстает.

— Да? — удивился Тимофеев.

— Да, потому что нет на Урале такого комсомольца, который не выписывал бы своей областной газеты. Без своей газеты комсомольцу как без рук.

— А какой тираж у «На Смену!»? — спросил Тимофеев.

— Сейчас 670 тысяч, — ответил редактор. — Ровно столько, сколько комсомольцев на Урале.

— Но позвольте, насколько мне помнится, комсомольцев на Урале было меньше.

— Да. Двадцать лет тому, назад. Но сейчас Урал развернулся, новые заводы, новые железнодорожные линии. И параллельно с ростом промышленности, наряду с ростом рабочей силы, росло и число комсомольцев. Это же ясно.

— Кроме того, — добавил редактор, — пионерская газета «Всходы Коммуны» имеет полумиллионный тираж. У нас зарегистрировано 172.000 радио-подписчиков. Каждый подписчик имеет у себя на квартире радио-приемник и получает от нас информацию радио-газеты в любое время дня и ночи. Затем мелочь: три журнала, вечерний выпуск «На Смену!», периодическая библиотека...

ЧТО ТОЛЬКО МОЖНО СДЕЛАТЬ

Вошел главный бухгалтер.

— Товарищ редактор, — со свойственной главбухам деловитостью, тоном, не допускающим никаких отлагательств, отчеканил он, — подпишите чек на выдачу зарплаты.

— Какая сумма?

— Двести семьдесят три тысячи семьсот сорок два рубля.

Редактор отпустил главбуха и вернулся к прерванной беседе.

— Кстати, вы не видели сегодняшнего номера газеты? Пожалуйста, — и редактор протянул Тимофееву увесистую тетрадку газетных листов.

— Это комплект за месяц? — осторожно осведомился Тимофеев, принимая тетрадь в 32 страницы убористого текста с массой художественно выполненных иллюстраций.

— Нет. Это только сегодняшний утренний выпуск.

— Как же вы успеваете в один день выпускать такую громадную газету?

— Вас это удивляет? — улыбнулся редактор. А как, например, «Чикаго Дэйли Ньюс», «Нью-Йорк Геральд», и другие? Мы от них не отстаем. Наоборот, надеемся перещеголять и по технике, и по богатству, и по разнообразию содержания. Идемте, я ознакомлю вас с постановкой дела...

— Да проснись ты, пожалуйста, — будила Тимофеева жена. — Пора идти в столовку, обедать. Слышишь? Проснись, тебе говорят! Вот уже пятнадцать минут, как бужу, и добудиться не могу.

Тимофеев открыл глаза и долго хлопал ими, ничего не понимая.

В столовке за обедом он рассказал Доре свой замечательный сон и, закончив рассказ, добавил:

— Ведь ты подумай только! Что можно бы сделать из нашей областной газеты, если бы все, без исключения, были ее подписчиками. Красота! Не я буду, если полсотни подписчиков не навербую в Разгильдяе.

И, нахлобучив фуражку, взяв под мышку портфель, с решительным видом вышел на улицу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОЛЕГ ДРОЖЖИН

ТЕХНИКА БУДУЩЕГО

Фантастические очерки

Олег Дрожжин (Николай Никитич Кондратенко)

*О.Дрожжин. Техника будущего. Журнал «30 дней»
1929 г., № 2*

*О.Дрожжин. Техника будущего. Журнал «30 дней»
1929 г., № 3*

*О.Дрожжин. Искусственная луна. Журнал «30 дней»
1929 г., № 6*

*О.Дрожжин. Невидимые барьеры. Журнал «30 дней»
1929 г., № 8*

О.Дрожжин. Разумные машины. Детгиз, М.-Л., 1936

Статья О. ДРОЖЖИНА

ТЕХНИКА

Мы мало замечаем титаническую работу техники. А между тем в этой области в наши дни имеются поразительные достижения. Мы стоим сейчас на пороге величайших завоеваний человеческого гения. В настоящей статье О. Дрожжин дает этой современной ситуации техники и ближайших перспектив ее развития.

Недавно в одной из своих речей тов. Сталин, говоря о темпе технического прогресса, сказал, что техника наших дней не идет вперед, а бежит.

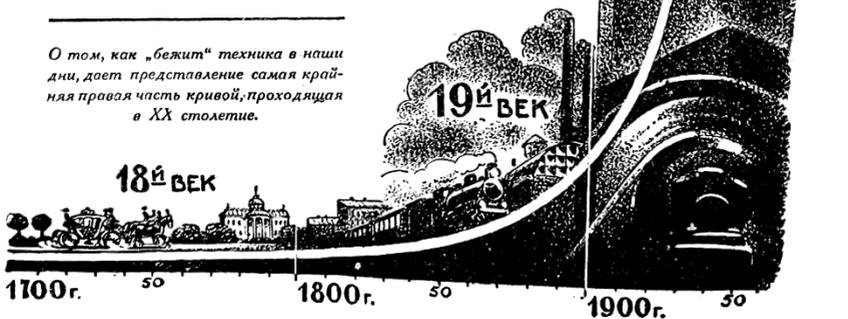
Но и это сильное слово еще слабо характеризует движение технического прогресса в последние годы.

Чтобы составить себе яркую картину этого «взрыва», нужно было бы обратиться к свидетельству многочисленных цифр, расположенных в стройные колонны,

«Взрыв» техники. из года в год развитие мировой сети железных дорог, добычи угля, нефти, чугуна, алюминия, рост количества автомобилей, самолетов и т. д. и т. п.

Еще большую наглядность все эти сухие цифры получили бы в том случае, если бы мы превратили их в кривые, в графики, в диаграммы. Изучение всех этих кривых обнаруживает одну замечательную общую черту: все они в прошлом на протяжении столетий или десятилетий идут почти горизонтально, тем самым показывая крайне медленный рост продукции, производства, строительства. По мере же приближения к нашему времени все кривые начинают подниматься все быстрее и.

О том, как «бежит» техника в наши дни, дает представление самая крайняя правая часть кривой, проходящая в XX столетие.

наконец, в XX столетии стремительно уходит вверх.

Улавливая общий характер всех этих диаграмм, не трудно будет создать одну типовую линию вроде изображенной в заголовке статьи.

Диаграмма эта и будет «кривой технического прогресса». Она очень красноречива. Стоит только внимательно к ней присмотреться.

О том, как «бежит» техника в наши дни, дает представление самая крайняя правая часть кривой, изображенной на этой диаграмме, проходящая в XX столетии.

Этот стремительный подъем едва ли можно назвать «бегом». Это скорее «взлет», более того — «взрыв».

«Взрыв» техники в наши дни! И это чувствуется везде и всюду.

Не только каждый новый год, но даже каждый месяц и день приносят крупнейшие завоевания в области техники.

Земной шар невиданно быстро преобразуется, покрываясь бесконечной сетью железных, шоссейных, морских, воздушных путей, по которым непрерывно двигаются, носятся, летают и скользят механические слуги человека.

Невольно взволнованная всем этим мысль обращается вперед и ставит перед собою вопрос: а что же принесет технике завтрашний день?

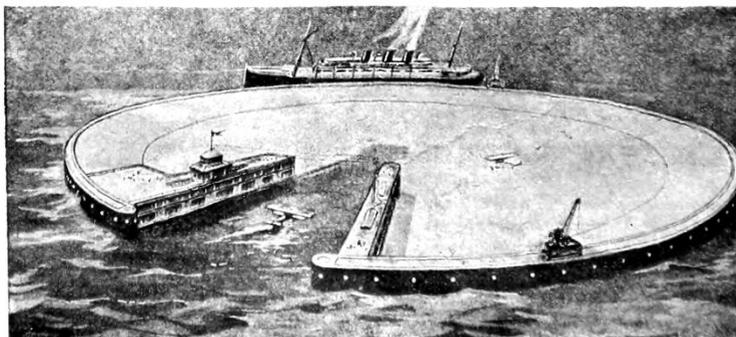
На первый взгляд может показаться, что дать ответ на этот вопрос — дело крайне затруднительное, а если ответ все же будет дан, то он окажется фантастичным и, следовательно, не заслуживающим серьезного внимания. Это было бы верно, если бы предсказание пыталось охватить целые столетия, Но в этой статье ставится более узкая задача. Я имею в виду только «завтрашний день», т.-е. ближайшие два-три десятилетия. Завтрашний же день является непосредственным продолжением, а в некотором смысле и завершением сегодняшнего дня. Это значительно облегчает положение «пророка», которому остается только уловить основные тенденции современной,

***Борьба
машин за
существование.***

сегодняшней техники и провести эти линии на короткий отрезок времени вперед.

Начнем свою маленькую экскурсию в завтрашний день техники с завоевания пространства и его четвертого измерения — времени. Первый крупный шаг в этой области был сделан 104 года тому назад, когда в Англии была открыта первая железная дорога. До этого момента на земном шаре не было ни одного сантиметра железных дорог с механической тягой. К настоящему же моменту *общая длина всех железных дорог в мире достигает 1.300.000 км.*

В настоящее время можно слышать голоса, утверждающие, что время железных дорог подходит к концу, что им на смену идут другие виды транспорта — автомобиль и аэроплан. Такое мнение глубоко ошибочно. Правда, кое-где (напр., в САСШ) автомобиль — начинает серьезно соперничать с железными дорогами, но это не мешает им по-прежнему оставаться прекрасным транспортным средством для пассажиров и грузов. Земной шар еще далеко не насыщен железными дорогами. Это видно хотя бы из того, что плотность жел. дор. в СССР в 31 раз меньше плотности в Бельгии. Поэтому в ближайшие десятилетия можно уверенно ожидать дальнейшего и значительного роста мировой ж.-д. сети, которая к 1950 г. должна возрасти, примерно, процентов на 40—50. Значительные изменения за это время

Проект плавающего острова, предназначенного для посадки морских и сухопутных аэропланов. Такие острова предполагается расположить в первую очередь на Атлантическом океане между Европой и Америкой.

произойдут в области тяги. У паровоза имеется крупный недостаток — большая прожорливость. Из 100 сожженных в его топке кг топлива только 8 —9 превращаются в полезную работу. Остальное улетает на воздух.

Другие машины (паровые турбины, дизели) работают гораздо экономичнее, используя до 35% энергии топлива. Это заставляет обратить усиленное внимание на паровозы. За последние два-три года удалось построить более совершенные паровозы. Однако с ними начинают конкурировать тепловозы (локомотивы с дизелями) и, в особенности, электровозы.

Между тремя этими видами машин сейчас завязывается интересная жестокая борьба за существование, которая окончится, по-видимому, победой электровоза. Уже и сейчас замечается усиленное развитие электрификации жел. дорог (в Германии, Франции, САСШ). Можно полагать, что этот процесс будет усиленно идти и дальше, и *что в 1950 в. 25% мировой ж.-д. сети будет уже под проводами.* Очень возможно, что к 2000-му году паровоз (но не железные дороги) останется только в исторических музеях по технике.

С точки зрения скорости паровозы и даже электровозы значительно уступают автомобилю. В наши дни эти машины подходят, пожалуй, к пределу скоростей, достижимых на поверхности земли колесными экипажами.

За последние полтора года рядом автомобилистов-рекордсменов (Сегревом, Кемпбеллом) *достигнуты скорости до 330 км в час.* При такой огромной скорости (превышающей скорость урагана в два-три раза) каждое колесо **У предела земных скоростей.** автомобиля совершает в секунду около 55 оборотов. При этом развиваются столь большие центробежные силы, что создается большая опасность для резиновых покрышек, которые могут разлететься на куски. Чрезвычайно трудным делается и самое управление машиной, даже простое сохранение прямолинейности движения. Все это указывает на то, что для обычного типа авто, который существует сейчас,

значительного увеличения скорости ожидать не приходится. Возможно, что Кемпбелл на своей «Золотой пуле» (строящийся в настоящее время гоночный автомобиль) увеличит мировой рекорд скорости еще на 10 км в час, но очень сомнительно, что вообще эти рекорды перешагнут за 400 км в час.

Автомобиль „Синяя птица“, на котором был поставлен последний рекорд скорости в 330 км в час

Если по сравнению с первобытными полозьями, использование колеса для движения явилось крупнейшим шагом вперед, то сейчас колесо является уже препятствием для дальнейшего увеличения скорости, и техническая передовая мысль рисует себе автомобиль будущего без колес, скользящим по гладкой поверхности дорог.

Для уменьшения трения предполагается использовать в качестве смазки тончайшую прослойку воздуха между двумя трущимися поверхностями. Эта идея является принципиальной новостью и может привести к интересным результатам. Но ожидать этого можно только во второй половине XX века.

Самым ценным качеством автомобиля, кроме способности развивать ураганные скорости, является его транспортная универсальность, приведшая к созданию многочисленных типов машин с самыми разнообразными назначениями.

Экономические, технические и политические условия на земном шаре в настоящее время оказались настолько благоприятными для жизни этого нового механического динозавра, что его род сейчас необычайно быстро размножается. Авто уже наводнили САСШ. Авто уже начинают заполнять Западную Европу. Но для них простора еще чрезвычайно много: у нас в СССР, в Азии, в Африке, в Южной Америке. Я думаю, что едва ли будет преувеличенным ожидать удвоения мирового автомобильного состава к 1950 г. *Сейчас же он достигает 30 миллионов.*

60 миллионов авто в 1950 году! Как ни велико это число, но в нем ничего фантастического нет. В этом убеждает нас как самый темп технического прогресса в наши дни, так и огромные возможности и потребности в этих машинах государств Европы (в особенности нашего Союза ССР). Возможно, что мое смелое число еще отстанет от действительности. История последних десятилетий знает примеры того, как робкие прогнозы жизнью оставлялись далеко позади.

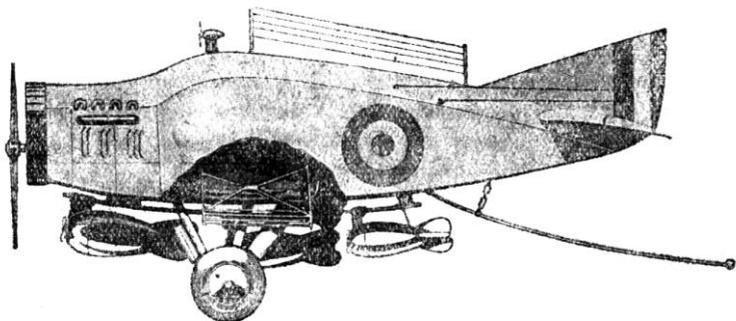
Так было, например, с авиацией. Г. Уэльс в своей книге «Предвидения», появившейся в 1903 г.; взял на себя смелость утверждать, что при помощи более тяжелых, чем воздух, машин воздушный океан все же будет завоеван, и произойдет это приблизительно около 1950 г.

**Прежде-
временно
сбывшееся
пророче-
ство.**

По современному состоянию авиации мы видим, что смелость Уэльса оказалась более чем умеренной — воздух был завоеван аэропланами во втором десятилетии XX века. К настоящему моменту земной шар уже покрылся значительной сетью воздушных пассажирских и почтовых линий.

По безопасности воздушный транспорт наших дней превосходит даже железнодорожный, по скорости же аэро не находит себе соперников. *Коммерческая скорость металлических птиц уже достигает 200 км в час, рекордная же скорость для начала сего года определяется в 514 км в час.*

Что можно ожидать дальше в этой области? Огромного расцвета авиации. Я полагаю, что к 1950 г. аэро станет столь же распространенным средством передвижения, как теперь авто.

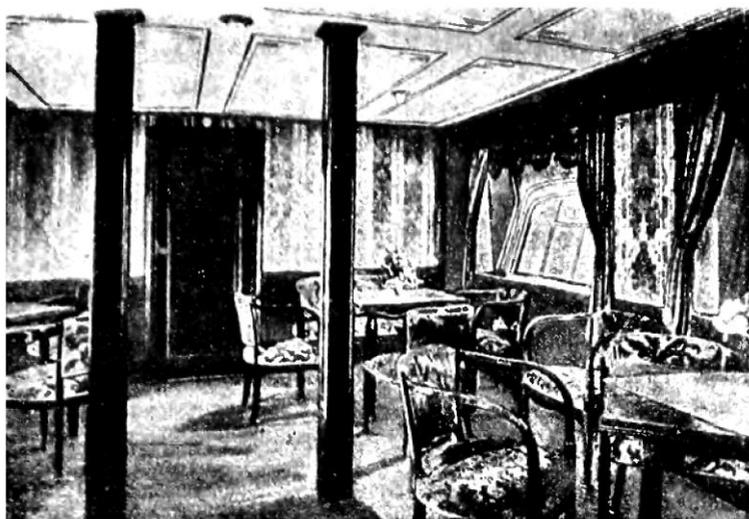
Аэроплан, управляемый по радио.

Для этого необходимо только придать аэроплану такие свойства, которые позволили бы уменьшить размеры площадок, необходимых для взлета и посадок. Ведущиеся в настоящее время испанским конструктором Де ля-Спевра опыты с ветрокрыльчатыми аэропланами дают основательную надежду на то, что эта задача очень скоро (в ближайшие 5 лет) должна быть окончательно разрешена. Уже и сейчас посадочная скорость аэроплана Де ля-Спевра уменьшена до 25 км в час, в то время как для обычных аэропланов эта скорость доходит до 75 — 80 км в час.

Не подлежит сомнению, что в ближайшие годы будет установлено пассажирское аэропланное сообщение через Атлантический океан. Эта задача уже поставлена в порядке дня. Для облегчения полета над океаном предполагается установить между Европой и Америкой 6—8 плавающих станций, проекты которых разработаны уже довольно детально.

Очень большую роль в воздушных сообщениях будущего будут играть жесткие дирижабли типа цеппелинов. Эти воздушные корабли уже и сейчас достигают размеров оке-

анских пароходов. Но опыт и теория согласно показывают, что для увеличения производительности и летных качеств этих кораблей их размеры должны быть еще значительно увеличены. Можно ожидать, что воздушные гиганты ближайших лет будут поражать своей грандиозностью, оставив далеко позади морские корабли-левиафаны.

Салон в дирижабле „Граф Цеппелин“

Первый специально пассажирский дирижабль уже построен — это «Граф Цеппелин». В октябре прошлого года он уже совершал первый пассажирский рейс из Европы в Америку и обратно. К 1950 году подобные корабли в большом количестве будут реять и над материками и над океанами.

XX век с точки зрения транспорта будет воздушным веком.

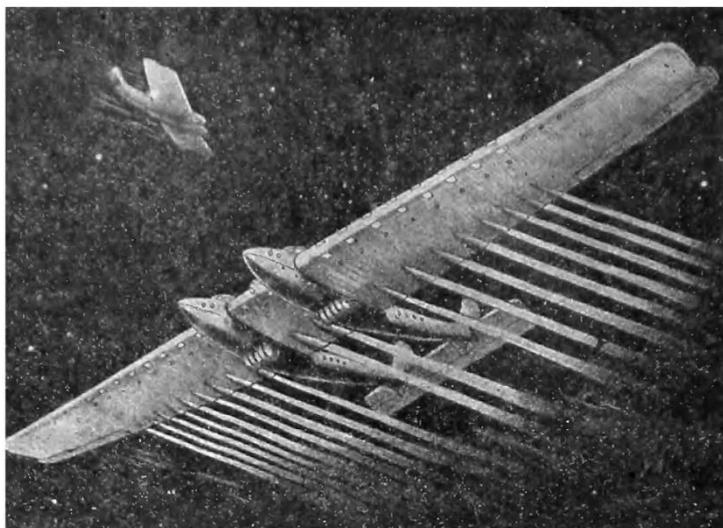
Но этот же век будет свидетелем и другого, еще более грандиозного завоевания пространства. Первые шаги к

этому сделаны в течение последних месяцев. Я имею в виду использование ракеты в качестве мотора. Долго ракета

Космические скорости.

оставалась предметом зрительного развлечения. Ее назначение заключалось только в том, что, шипя, она взлетала вверх и рассыпала там дождем цветные огни. Однако в этом простом приборе таятся огромные сказочные возможности. Наука наших дней их уже открыла, а техника ставит себе задачу их использовать. Одно из основных двух свойств ракеты состоит в том, что она может сообщить связанному с ней предмету чудовищные скорости космического порядка — в 5, 10, 20 тысяч километров в час.

Первые опыты с ракетой в качестве автомобильного мотора были проделаны весной и летом прошлого года по инициативе Макса Валье в Германии. Результаты получились очень обнадеживающие. Автомобиль в кратчайший срок — в 60—70 секунд — достигал скоростей в 200—300 км в час.

Проект стратосферного аэроплана, разработанный М. Валье. Такие аэропланы будут носиться на высоте в 50—75 км со скоростями до 25 000 км в час

ТЕХНИКА

Статья

Но практическое использование таких скоростей на поверхности земли в настоящее время является делом в высшей степени сложным, почти невозможным. Здесь ракете нет простора. Ей нужно подниматься в небо, и попытки к этому сейчас тоже делаются.

Ракетные моторы прикрепляются к моделям аэропланов, и эффект от этого получается еще более поразительный. Одна из моделей показала *скорость в 500 км в час*.

Сейчас дерзкая техническая мысль уже проектирует ракетные аэропланы для полетов на большой высоте, в 50 и более км, со скоростями в 10—20 тысяч км в час. В сущности говоря, это будет не полет по принципу змея (давление воздуха на крылья снизу вверх), а движение по инерции, совершенно подобное движению артиллерийского снаряда. С такими скоростями путешествие из Москвы в Нью-Йорк может быть совершено в 25—30 минут. Учитывая современное состояние техники и ее темп, я полагаю, что такие космически скорые корабли появятся в ближайшую четверть века.

Будущего

О. ДРОЖЖИНА

В области завоевания пространства движущимися машинами сделано уже много (железные дороги, автомобили, аэропланы и дирижабли). Последним шагом будет достижение космических скоростей в земных сообщениях. Однако перемещение самого человека, с какой бы скоростью это не совершалось, требуется не во всех жизненных случаях. Иногда бывает достаточно передать на большее или меньшее расстояние только какое-либо сообщение, известие.

В древности эта важная задача разрешалась сигнализацией при помощи дыма костров, видимого на большом расстоянии. В более позднее время для «дальней сигнализации» (теле-графии) применили свет. Но наиболее совершенный способ был изобретен лишь недавно, в середине прошлого столетия, — это был электрический телеграф. Передатчиком сигналов в нем служит электрический ток, бегущий по металлическим проволокам. К настоящему моменту сеть телеграфных проводов густо опутала весь земной шар.

40 лет тому назад казалось, что в области сигнализации на большое расстояние дальше идти уже некуда. Но в это самое время в лабораториях физиков неведомо для них самих зарождался новый, еще более могущественный метод телеграфии, метод, так сказать, «эфирный», использующий для целей сигнализации мировой эфир.

Что такое эфир?

Звучащая тишина

—

Эфирные руки человека

—

„Роботы“

—

Город в 2000-м году

—

Башня высотой

в 40.000 км

—

Прощай, земля!

В грядущей войне штаб армии будет следить за ходом боевых действий посредством телевизоров

На этот вопрос исчерпывающего окончательного ответа сейчас не сможет дать ни один человек, хотя многие разнообразные свойства этой мировой, вездесущей, всепроникающей среды нам прекрасно известны. По своей природе эфир все еще продолжает оставаться молчащим сфинксом. Это сама тишина в глубочайшем смысле слова. И вот эту тишину физики научились по своему произволу волновать почти с такой же легкостью, с какой волнует зеркало пруда ребенок, бросающий в него камень.

После знаменитых опытов Герца с эфирными волнами (в 1888 г.) прошло десять лет, и они уже были использованы техникой для целей связи. Таким путем возник радиотелеграф. За последние десять лет к нему присоединился радиотелефон. Мировая «тишина» зазвучала. Развитие радиотелеграфа и телефона шло гигантскими шагами. В этой области

в ближайшие десятилетия можно ожидать только различных технических улучшений, но не принципиальных изменений.

Не то будет в области телефототехники. Под этим термином мы разумеем ту обширную часть электротехники, которая ставит себе целью передачу световых изображений на расстояние по проволокам или по эфиру. Предпоследним шагом здесь была передача по радио неподвижных световых образов (фотография, печатных или рукописных текстов), последним же шагом является радиопередача подвижных световых образов (движущихся людей, животных, машин).

К настоящему моменту радиопередача подвижных картин из стадий лабораторных опытов начинает уже переходить в стадию коммерческого использования. Так, например, ряд станции в САСШ начал в последние месяцы регулярную еженедельную передачу живых радиокартин. Более того, 11 сентября прошлого года был сделан даже успешный опыт передачи в действии целой пьесы.

Впрочем, эти передачи пока еще только слабое начало. Расцвет, могучий, фантастический расцвет телефототехники наступит только «завтра», то есть в ближайшие 10—20 лет. Радиотелефотоприемники к 1940 г. станут столь же распространенными, как ныне радиотелефоноприемники. Сидя у себя в комнате, мы сможем видеть картины жизни, происходящие за сотни и тысячи километров от нас.

«Звучащая тишина» таит в себе еще много возможностей. За последние годы она вырастила у человека невидимые эфирные руки, посредством которых

Эфирные руки человека

он может производить механические и химические действия на расстоянии. Я имею в виду телемеханику — отрасль радиотехники, занимающуюся управлением машинами и механизмами на расстоянии. Уже сейчас телемеханикой сделано много. Человек научился уже посредством радиоволн управлять автомобилями, морскими кораблями и аэропланами. Перед моими глазами встает обычный и в то же

время необыкновенный автомобиль, катящийся по Пятому авеню Нью-Йорка.

У рулевого колеса нет шофера, на пассажирских местах нет пассажиров. Но машина «чувствует» себя великолепно в уличной сутолоке. Она то ускоряет свой бег, то замедляет его, то, наконец, совсем останавливается, когда загорается красный огонь фотографа, регулирующего уличное движение. Но вспыхнул зеленый огонь, и машина двинулась дальше. Кажется, что этот чудесный авто и видит, и слышит, и размышляет.

Вот другая картина. Рассекая волны Атлантического океана, полным ходом идет «Центурион» — военный корабль английского флота. Ни одного живого существа на этом дредноуте нет, на нем только машины.

Вдруг неподалеку от стальной громады в море обрушивается десяток артиллерийских снарядов. Это залп боевых кораблей, находящихся далеко за горизонтом. От них видны только дымки. Производится учебная артиллерийская стрельба, и «Центурион» ловко маневрирует, стараясь избегнуть попаданий.

Вот аэроплан, носящийся в поднебесье. Кажется, что он резвится, наслаждается своим полетом, любясь с высоты Парижем. Но и на нем нет человека. И, тем не менее, и автомобилем, и дредноутом, и аэропланом все же управляет человек, протягивая к ним свои эфирные руки, передавая приказы посредством электромагнитных волн.

Еще в прошлой войне 1914—18 года были попытки использования машин, управляемых по радио. Но практического значения такие машины не получали, что объяснялось еще зачаточным состоянием самой телемеханики. Не то будет в грядущей войне, в которой вообще вся радиотехника явится новой, могущественной силой. Здесь можно ожидать самых разнообразных сюрпризов, над которыми ведется тайная работа в военных лабораториях.

Но телемеханика имеет и будет иметь не только военное значение. Еще более обширным будет поле ее применения в

гражданской технике, где в союзе с «роботами» она будет творить поистине чудеса.

Вы не знаете, что такое «робот». Впрочем, это не удивительно, так как это любопытное словечко (его вы не найдете ни в одном словаре) явится последним в том потоке новых слов, которые заставляет создавать стремительно развивающаяся техника. Это слово появилось несколько лет назад. Его изобретатель — чех Чапек, написавший комедию «Р. У. Р.» — «Россовы универсальные роботы». Так назывались механические люди, которые — по Чапеку — взбунтовались против живых людей и всех их уничтожили.

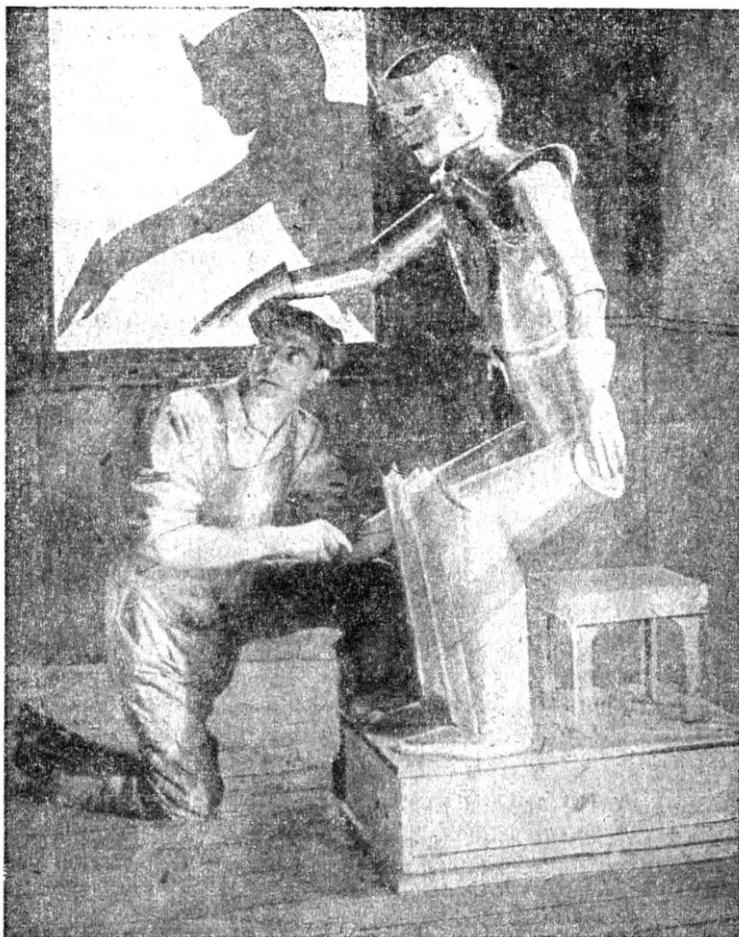

Инженер Робертс, прогуливающийся по улицам Лондона вместе с построённой им механической женщиной

Техника последних месяцев осуществила первую часть комедийных предсказаний Чапека, создав такие механизмы, которые с известным основанием можно назвать механическими людьми. Вот им-то и дано теперь видовое имя «робо-

тов»... Кстати, «робот» — это первая часть чешского слова «роботник», понятного нам без перевода.

К числу действительных, невоображаемых роботов следует отнести, конечно, талантливого Телевокса, созданного руками м-ра Уэнслей, инженера Вестингаузовской электрической компании.

«Брат» телевокса—робот Эрик.

Телевокс является автоматом, который может совершать целый ряд различных действий — открывать и закрывать двери, окна, пускать в ход и останавливать электромоторы и т. д. Чтобы заставить телевокса выполнить то или другое действие, нет надобности передвигать какие-либо рычаги или нажимать какие-либо кнопки. Для этого достаточно только дать определенный звуковой сигнал, например, короткий или длительный свисток. Вот почему с телевоксом можно устанавливать связь по телефону — и это очень ценно с технической точки зрения.

На первый взгляд может показаться, что все эти телевоксы и им подобные механические люди — только шутки, только игрушки техники. В действительности это далеко не так. Более того, именно в телевоксах нужно видеть начало нового «века автоматов», которые будут облегчать или даже заменять труд человека во многих областях.

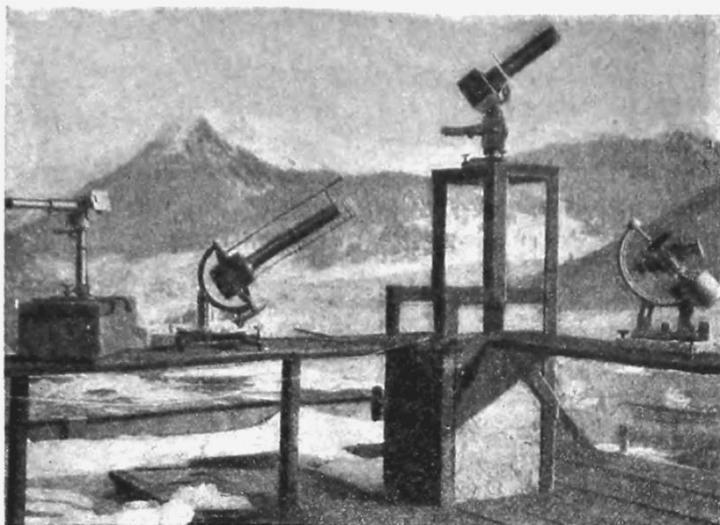
Уже и сейчас ряд телевоксов «дежурит» на электрических подстанциях и у водонапорных баков. Такому телевоксу с центральной электрической станции по телефону можно приказать пустить в ход какую-либо вспомогательную машину, и он выполнит приказ. В случае аварии телевокс сам звонит по телефону на центральную электростанцию и сообщает о случившемся.

Роботы, подобные телевоксу, уже прекрасно производят некоторые астрономические наблюдения, отмечая, например, совершенно точно момент прохождения какой-либо звезды через меридиан. Человек же такую отметку времени делает всегда с ошибкой. Роботы могут быть прилежными метеорологами.

Сейчас проектируется несколько метеорологических станций на вершинах высоких гор, в полярных областях Америки и даже на северном полюсе (мысль Ф. Нансена), которые будут снабжены автоматами-наблюдателями. По радио эти роботы-метеорологи будут регулярно сообщать о своих наблюдениях на центральные геофизические станций.

В фабрично-заводской практике роботы в виде различных автоматических и полуавтоматических станков уже и

сейчас выполняют большую работу. Примером может служить один из американских заводов (компания Смита), изготовляющий до 7000 автомобильных шасси в день. На этом заводе работает... 272 человека. Столь ничтожное количество рабочих на заводе объясняется тем, что почти вся работа совершается автоматами. На долю людей остается только надзор за машинами. Такую, если еще не более поразительную, картину можно будет видеть на всех заводах и фабриках земного шара приблизительно к 1970 г.

Астрономические „роботы“, наблюдающие за яркостью солнечного света

Стремительный бег техники последних десятилетий оказывает глубокое влияние и на различные прикладные искусства. Большой интерес представляют, например, новейшие произведения архитектуры. Недавно в САСШ крупнейшим инженерам предложено было указать семь чудес нашего времени в параллель семи чудесам древности. Это оказалось делом чрезвычайно трудным, даже

**Город в
2000-м году**

невозможным, так как «чудес» обнаруживалось гораздо больше — десятки, сотни. Под этими чудесами разумелись крупнейшие завоевания науки и техники. Среди них всеми указывались и современные архитектурные колоссы: дома-небоскребы.

Появление этих гигантов зодчества стало возможным только благодаря новому строительному материалу — железобетону, в котором таятся еще далеко не исчерпанные возможности.

Капиталистический город завтрашнего дня

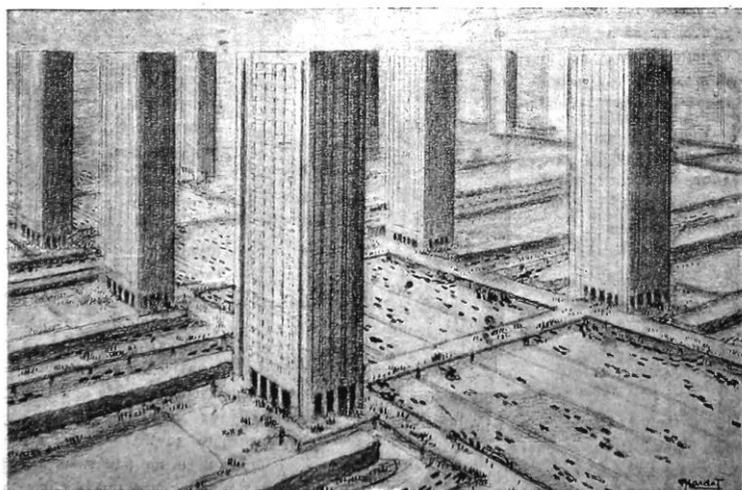
Век камня и кирпича, как строительных материалов, подходит к концу. Их вытесняет железобетон, который позволяет воздвигать не только огромные здания (дома, ангары), но и строить мосты, водопроводные трубы и даже морские корабли.

Но вернемся к небоскреbam. В городе завтрашнего дня небоскребы сохранят свое место. Более того, можно думать, что большой город второй половины XX века будет именно городом небоскребов.

Некоторые «провидцы» рисуют себе такой город в самых мрачных красках: дома будут достигать 150—200 и более этажей, улицы превратятся в какие-то Дарьяльские ущелья, в нижних 75 этажах не будет ни света, ни чистого воздуха. Однако мы полагаем, что эта картина не в полной мере будет соответствовать действительности.

Прежде всего, о 200-этажных домах. Завтра и послезавтра, а может быть, и никогда их не будет, так как существуют могущественные экономические и технические препятствия для беспредельного роста домов в высоту.

Полезность дома по мере увеличения числа этажей сначала возрастает, потом, достигнув наибольшего значения, начнет падать, а вместе с этим будет понижаться и стимул для постройки этих невыгодных этажей. С технической же стороны большим препятствием является огромное давление ветра, для борьбы с которым дом должен уходить в землю и расширяться у своего основания. Думается, что наиболее выгодной является высота в 30—40 этажей, и что дома с такой именно высотой станут массовым явлением в городах завтрашнего дня.

Социалистический город второй половины XX века. Расстояния между небоскребами настолько велики, что дома омываются со всех сторон чистым воздухом и залиты сверху донизу светом

Что касается улиц-ущелий, тьмы среди бела дня и отсутствия чистого воздуха, то в настоящее время уже раздаются здоровые голоса, которые указывают на необходимость такого строительства городов в дальнейшем, при котором в основу плана должны быть положены три основных требования: удобство внутригородских сообщений, чистый воздух и свет.

Передовые архитекторы нашего времени дают прекрасные проекты городов будущего, в которых эти три требования выполняются полностью. Возможно, что капиталистический мир не будет торопиться с осуществлением этих проектов. Но мир социалистический их осуществит.

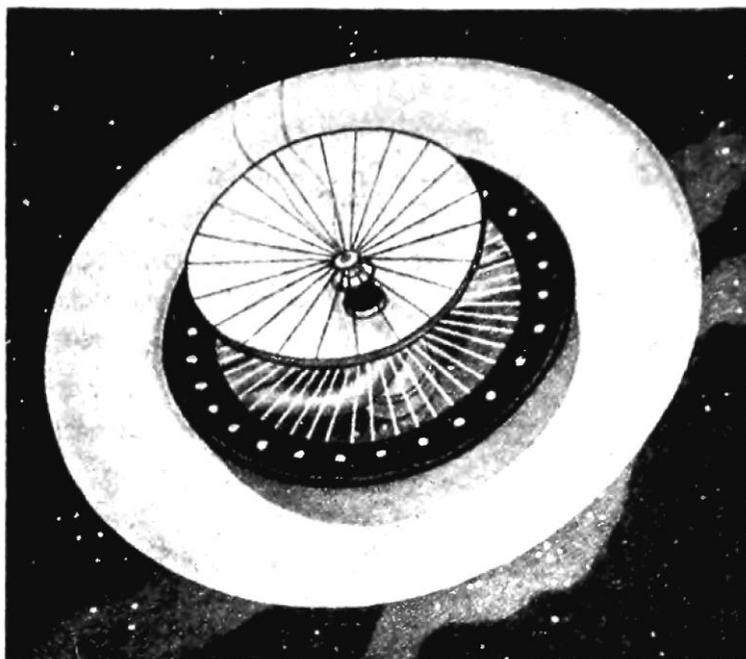
Башня, высотой в 40 000 км! Это уж что-то совершенно ультрафантастическое! Да и для чего **Башня высотой в 40 000 км.** понадобилось такое архитектурное чудовище?!

Башня высотой в 40000 км послужила бы ценнейшей научно-исследовательской лабораторией. Ее вершина помещалась бы в мировой пустоте, т. к. воздушная оболочка Земли кончается на высоте всего 500 км; благодаря этому обстоятельству с такой башни можно было бы производить прекрасные астрономические наблюдения без всякой помехи со стороны воздуха (какое это противное вещество с точки зрения астронома).

Физики своими могущественнейшими насосами не могут до конца выкачать воздух из какого-либо сосуда, а ведь пустота для них представляет много заманчивого. Так же на вершине этой своего рода вавилонской башни к услугам физиков представился бы целый океан пустоты. Многие от этой башни получили бы и химики, и биологи, и радиотехники.

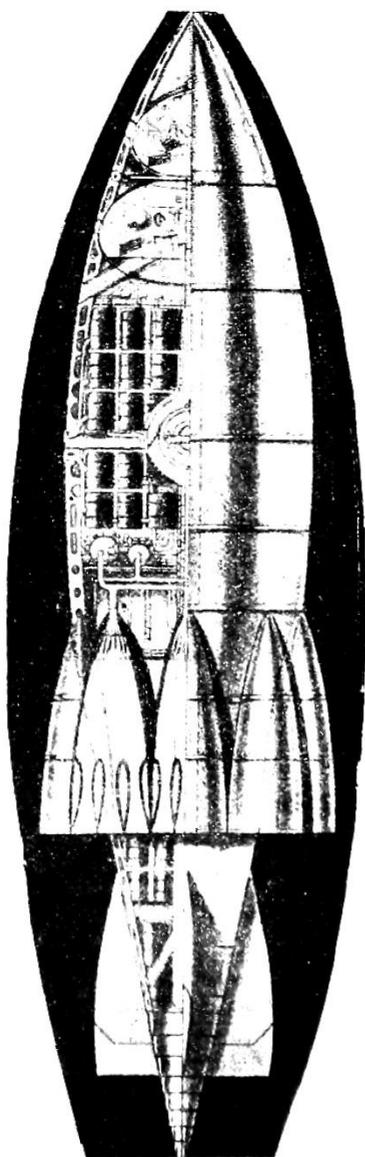
Итак, использовать эту вавилонскую башню мы сможем. А построить? Архитектура от такой задачи отказывается. Но, к счастью, помощь подспевает из другой области — из механики. Создать такую башню нам позволит ракета, ракетный мотор.

*Искусственная луна, являющаяся вершиной
башни в 40 000 км высотой*

Тщательное рассмотрение свойств этого двигателя показывает, что он может в кратчайшие сроки сообщать чудовищные скорости связанному с ним мобиллям (пусть это слово обозначает всякий движущийся предмет).

Если скорость мобилля будет достигать 6—10 км в секунду, то такой предмет может подняться над землей на высоту многих десятков тысяч километров и упасть обратно на нее, если у него не будет боковой (по отношению к земле) скорости. Если же такому мобиллю, пользуясь ракетой, сообщить еще и боковую скорость, то при известных условиях он уже не упадет на землю, а будет двигаться вокруг нее наподобие луны.

*Проект
ракетного мобиля*

Такой мобиля сам будет представлять искусственную луну. Можно подсчитать, что если эта искусственная луна будет находиться от центра земли на расстоянии 42300 км и иметь боковую скорость в 3 080 м в секунду, то полный оборот вокруг земли она будет совершать ровно в 24 часа.

Это будет в высшей степени интересный случай, потому что такая луна будет все время оставаться над одной и той же точкой земли, например, над Москвой.

Получается такое впечатление, как если бы этот предмет был соединен с землей жесткой связью, например, стальными или бетонными столбами. Поэтому такую искусственную луну с известным основанием можно рассматривать, как вершину башни в 40000 км высотой.

Искусственная луна, созданная только что описанным путем, может двигаться вокруг земли неопределенно долго. Находясь на ней, мы могли бы с увлечением отдаваться исследовательской работе в мировой пустоте с температурой 270° Ц. ниже

нуля. Но если бы это занятие нам надоело, то мы смогли бы распространиться с землей и отправиться в путешествие к ближайшим ее соседям — к Марсу или Венере.

Для этого в нужный момент достаточно было бы пустить в ход ракетный мотор и увеличить боковую скорость нашей искусственной луны на несколько тысяч метров в секунду. Тогда наш мобиль превратился бы в межпланетный корабль и унес бы нас к загадочным мирам.

Во времена Жюль Верна мысль о путешествиях в мировом пространстве казалась несбыточной мечтой, беспочвенной фантазией. Сегодня же вопрос о межпланетных полетах ставится в порядок дня.

Уже и при современном состоянии техники постройка межпланетного (лучше сказать — космического) корабля представляется вполне возможной. Единственной задержкой является отсутствие необходимых для опытов денежных средств. Но они все же будут мобилизованы, и еще задолго до 2000-го года в глубины неба на ракетных кораблях отправятся первые космические Колумбы.

ИСКУССТВЕННАЯ ЛУНА

Статья О. ДРОЖЖИНА

Стремительное, подобное взрыву развитие техники нашего времени окрыляет научно-исследовательскую фантазию человечества, и оно начинает дерзко ставить себе заманчивые задачи, лелеять необузданные мечты. Может показаться, что этим пышным красочным цветам фантастики суждено бесплодно увянуть при первом же соприкосновении с холодной действительностью. Но это неверно: наука и техника сделали настолько плодородной почву для деятельности и творчества человека, что в ней найдется теперь достаточно соков, чтобы цветы смелых мечтаний принесли невиданные плоды.

За последние десятилетия достигла необычайного развития физика бесконечно-малого — физика атома, а с нею вместе и физика небесных тел — астрофизика. Эти две науки замечательным образом переплетаются одна с другой — изучение тончайшей структуры атомов раскрывает тайны звезд, и, наоборот, строение, состав и жизнь звезд проливают свет на тайны атомов.

Звезды стали космическими лабораториями

Неосуществимый гигант.

физиков, в которых осуществляется неосуществимое — огромные, в десятки миллионов градусов температуры и давления. Поэтому необходимость в более близком изучении звезд с каждым годом ощущается все острее и острее, а так как основным инструментом астронома является телескоп, то мы подходим к настоящему требованию — все больше увеличивать могущество телескопов.

Неосуществимый гигант.

Небесное „землемерие“.

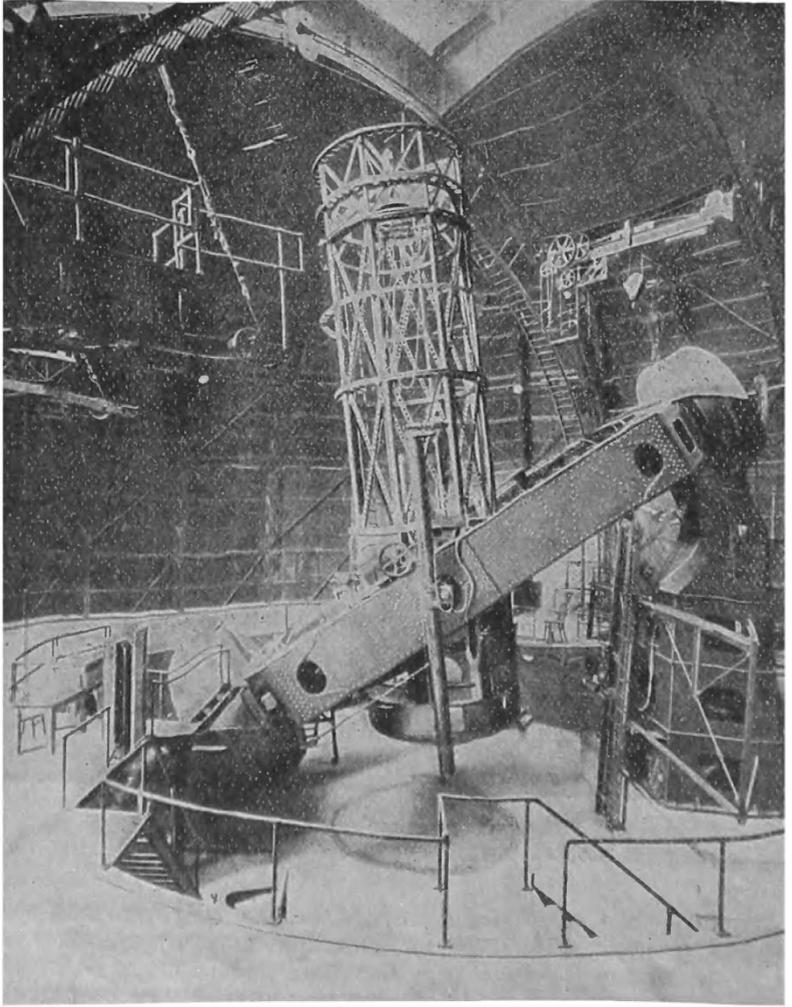
Скучные соображения.

Занебесная обсерватория.

Раскованная материя.

Межзвездные водолазы.

Межпланетный вокзал.

Наибольший из современных телескопов, находящийся на горе Вильсон в Америке. Его зеркало имеет поперечник в $2\frac{1}{2}$ метра.

Наибольший телескоп в настоящее время имеет поперечник зеркала в 100 дюймов (2,5 метра). Но он уже недостаточен. Американцы спроектировали и скоро приступят к постройке 200-дюймового телескопа (диаметр 5 м.). Однако, и этот чудовищный искусственный глаз астронома будет все еще далек от того, что хотелось бы иметь. А хотелось бы иметь телескопы с диаметром в сотни и тысячи метров. Впрочем, земные условия таковы, что на поверхности нашей планеты подобного мастодонта построить нельзя. Задача как будто неосуществимая.

**Небесное
„землемерие“**

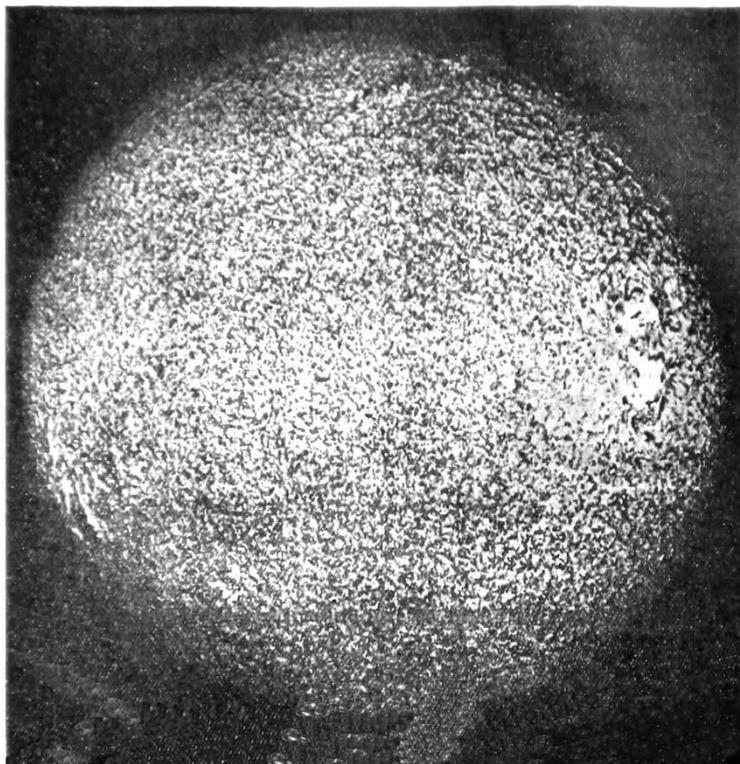
По Эйнштейну, наш мир деформируется (видоизменяет свою форму) вблизи огромных материальных масс, например звезд. Эти деформации должны отражаться на свойствах геометрических фигур, например треугольников. Возникает в высшей степени интересный вопрос — нельзя ли путем надлежащих измерений обнаружить эти изменения.

Еще Гаусс — этот, как его кто-то назвал, король математиков — около ста лет назад подозревал возможность отклонений от Эвклидовой геометрии. Пытаясь проверить свои предположения, он попросил измерить возможно точнейшим образом сумму внутренних углов ряда треугольников, стороны которых достигали 30 — 50 км. Во всех случаях получилось 180° — полное подтверждение Эвклидовой теоремы. Можно ли на этих измерениях успокоиться? Ни в коем случае. Измерения производились на Земле с треугольниками очень маленьких размеров. Чтобы получить более убедительные результаты, нужно было бы повторить измерения за пределами Земли с треугольниками, стороны которых выражаются миллионами километров. Но как это сделать?

Уже давно человечество всячески пыталось проникнуть в тайну жизни. Однако она все еще упорно продолжает скрываться в недрах клеток, этих элементарных живых существ. Их микроскопические размеры до крайности затруд-

няют работу исследователя. Поэтому естественно возникает желание повлиять на клетки так, чтобы они смогли вырастать до размеров апельсина или арбуза. Есть основание думать, что это могло бы произойти лишь при полном отсутствии силы тяжести. Однако на поверхности Земли мы никоим образом не можем устранить на длительный срок действия силы тяжести. Не следует ли отсюда, что и эта задача неразрешима?

Звезды стали космическими лабораториями физиков, в которых осуществляется неосуществимое. Ближайшей к нам звездой является Солнце. Наш рисунок представляет фотографию Солнца в лучах водорода.

К этим задачам можно прибавить еще многие другие, которые тоже будут неосуществимы в земных условиях, на

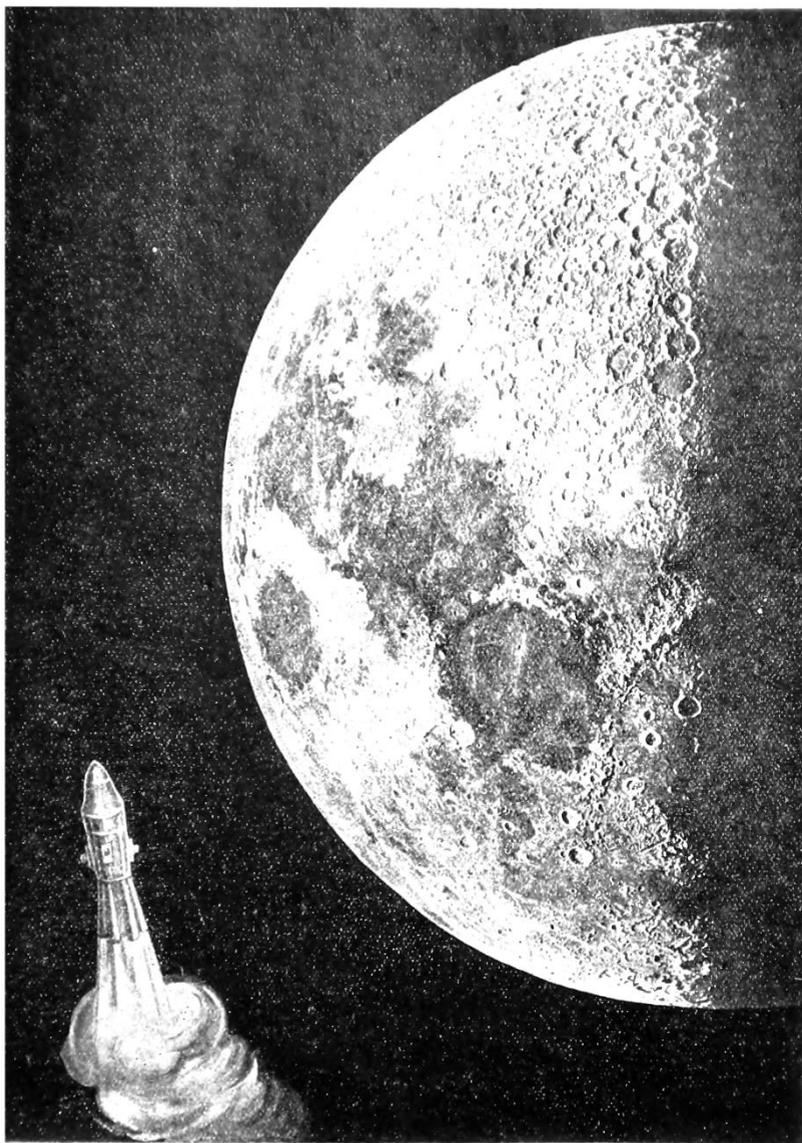
поверхности нашей планеты. Однако утверждать на этом основании, что эти задачи и вообще неразрешимы, значит впасть в грубую ошибку, считая, что весь мир ограничивается только поверхностью Земли, тогда как в действительности стоит только отделиться от этой поверхности и погрузиться в мировое пространство, и мы тотчас же получим возможность осуществить все эти «фантазии».

Каким образом? Путем создания искусственной луны, искусственного спутника нашей Земли.

**Скучные
сообра-
жения**

Не правда ли, странная, сумасбродная мысль? Но нужно познакомиться с этим проектом поближе, прежде чем судить о его логичности по первому взгляду. Автором этого проекта является ни кто иной, как Герман Оберт, профессор физики в Медиаше (Румыния), который в 1923 г. выпустил замечательную книжку «Ракета в мировое пространство», сделавшую его имя известным в широких читательских кругах.

В коротких словах сущность проекта Оберта заключается в следующем. Вместо математической точки механиков возьмем какой-нибудь реальный предмет, скажем, железный шарик, и представим себе, что он поднят на какую-либо высоту над Землей, допустим, на 1000 км. Если там этот шарик предоставить самому себе, не давая ему никаких толчков, то под действием силы тяжести он начнет двигаться к Земле по вертикальной линии, и через некоторый определенный промежуток времени упадет на нее. Если же шарик дать боковой толчок (в горизонтальном направлении), то он будет падать на Землю уже не по прямой, а по дуговой линии. Чем сильнее будет этот толчок, тем дальше упадет шарик от того места, над которым он находился. По мере увеличения силы толчка мы можем дойти до такого, наконец, момента, когда шарик уже не упадет на Землю, а станет обегать вокруг нее по круговой линии. Один оборот будет следовать за другим без конца, шарик станет искусственным спутником Земли.

Межпланетный ракетный корабль приближается к Луне.

Чтобы покончить с этими скучными соображениями, обратим внимание еще только на одно очень важное обстоятельство. При всяком вращении всегда развивается центробежная сила. Она будет действовать, конечно, и на наш шарик. Кроме нее, на шарик влияет еще сила тяжести. Чрезвычайно любопытно, что действие обеих этих сил оказывается направленным в прямо противоположные стороны. В придачу, еще центробежная сила будет в точности равняться силе тяжести шарика. Что из этого следует, увидим дальше.

Сейчас же представим себе, что наш маленький сплошной шарик превратился в большой полый шар. В таком случае внутри него можно устроить жилые и лабораторные помещения, исследовательские камеры. Получится обитаемая луна.

Занебесная обсерватория

Для того, чтобы движение этой искусственной луны могло продолжаться как угодно долго, необходимо, чтобы ее орбита (путь) находилась за пределами воздушной оболочки Земли. В противном случае воздух будет оказывать большое сопротивление, и наша луна очень скоро упадет на Землю. Если считать небом ту хрустальную чашу с голубой эмалью, которую видит обманывающийся человеческий глаз, то нашу луну в известном смысле можно назвать занебесной обсерваторией.

Обитатели этой занебесной обсерватории будут находиться в чрезвычайно своеобразных условиях, являющихся результатом равенства двух сил,— центробежной и гравитационной (силы тяжести). Если на какой-либо предмет действуют две равные и противоположные силы, то они взаимно уничтожаются. Но ведь одной из этих сил является тяжесть луны. Следовательно, внутри занебесной обсерватории все предметы будут лишены тяжести, они будут невесомыми. И это состояние невесомости будет длительным, продолжаясь дни, месяцы, годы. Таким образом, биологи, искатели тайн жизни, получают в занебесной обсерватории идеальное место для своих опытов со взращиванием гигантских клеток.

Попытаемся все же нарисовать себе картину того, что можно будет наблюдать внутри искусственной луны, и вообразим, читатель, что мы с вами находимся в ее помещениях.

Раскованная материя

Что вы чувствуете? Не правда ли, необычайную легкость. Вас ничто не удерживает на полу. Вы сидите на стуле, но этого стула не ощущаете.

Ну-ка, встаньте! Да не так быстро! Смотрите, ведь вы поднялись на воздух, вы движетесь вверх. Отчего это произошло? Оттого, что, вставая, вы дали своему телу толчок, и оно, будучи невесомым, двинулось по направлению к потолку. Вот вы повисли в воздухе между полом и потолком. Вы барахтаетесь, но это вам мало помогает.

Ну-ка, закройте глаза! Вот я придаю вашему телу новое положение. Скажите, не открывая глаз, где верх. Вы показываете в сторону вашей головы. Остроумно! Но ведь ваша голова — посмотрите — теперь обращена к полу нашей комнаты, а ноги к потолку. И вы не ощущаете никакой перемены в положении вашего тела, никакого неудобства. Причина тому — ваш орган равновесия, находящийся в полукружных каналах уха, на который не действует ориентирующая сила тяжести.

Вы хотите напиться воды? Пожалуйста, вот графин, вот стакан. Вы хотите налить воды в стакан и держите его так, как это обычно делается на Земле.

Увы, бесполезная попытка! Вода не вытекает из графина. Причина понятна — ее не влечет сила тяжести.

Попытайтесь толкнуть графин в доньшко.

Что у вас получилось? Вода вышла из графина и понеслась по комнате прелестными шариками разной величины. Это результаты действия на воду сил сцепления между ее частицами.

Зажгите-ка теперь спичку! Впрочем — довольно. Уже и на этих примерах можно видеть все то поразительное своеобразие условий, которые будут осуществляться внутри искусственной луны благодаря отсутствию силы тяжести, скользящей на поверхности Земли.

Очень важно заметить, что тяжесть не будет действовать и на те предметы, которые будут вынесены из искусственной луны в окружающее ее мировое пространство, так как они по инерции будут двигаться с той же скоростью, что и наша занебесная обсерватория.

Это обстоятельство позволит осуществить мечту о грандиозном телескопе следующим простым способом.

Основной частью этого телескопа должно быть вогнутое сферическое или параболическое зеркало. Оно может быть составлено из большого числа отдельных маленьких кусочков, которые легко заготовить на Земле и затем доставить на искусственную луну. Сборку зеркала и вообще всего телескопа необходимо производить в безвоздушном пространстве.

Межзвездные водолазы

Вы можете спросить, а куда же выйдут люди из искусственной луны, а как они будут там двигаться, на что опираться, чем дышать?

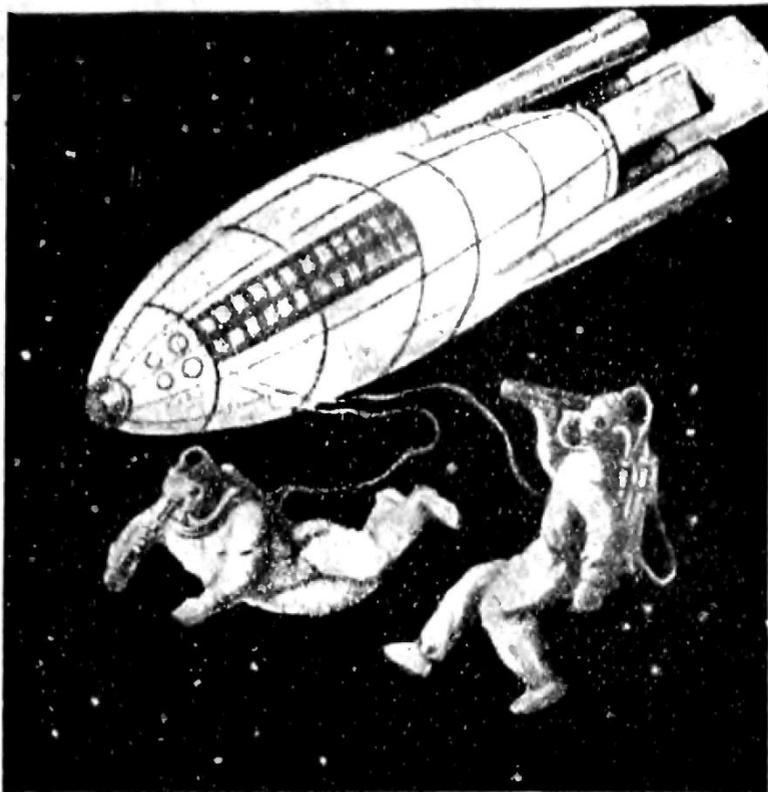
Не удивляйтесь. Ничего особенно сложного для этого не потребуется. Ведь подобная задача частично уже разрешена для наших земных условий. Я имею в виду водолазные костюмы, которые позволяют человеку опускаться под воду в чуждую среду, и там проводить целые часы. Точно так же и для «погружения» в мировое пространство, для выхода из искусственной луны в окружающую ее пустоту, люди должны будут одевать особые костюмы вроде водолазных и брать с собою запасы воздуха для дыхания.

Выбравшись за пределы космической обсерватории, эти «межзвездные водолазы» будут нестись в пространстве с той же скоростью и в том же направлении, что и сама искусственная луна. Однако люди не будут замечать этого движения — им будет казаться, что и они, и луна находятся в покое.

Для передвижений из одной точки пространства в другую межзвездные водолазы будут пользоваться небольшими реактивными двигателями.

Об этих двигателях мне уже приходилось говорить в предыдущих статьях (№№ 2 и 3 «30 Дней»). Они представ-

ляют собою не что иное, как видоизмененные для специальных целей ракеты. Ракеты поднимут и искусственную луну на желаемую высоту, они же дадут ей и боковой толчок, необходимый для движения вокруг Земли. Сама луна, скорее всего, будет иметь вид не шара, а сигары, и по форме напоминать подводную лодку.

Межпланетные „водолазы“. Одев особые костюмы, люди смогут выходить из своего корабля в мировое пространство.

Впрочем, и по существу этот корабль будет своеобразной подводной лодкой, предназначенной для плавания в эфирном океане. Подобно подводному, «эфирный» корабль должен быть так закрыт, чтобы заключенный в нем воздух не мог просачиваться наружу. В нем должны быть большие запасы воздуха, воды, пищи для находящихся в нем людей.

Итак, движение и работа в мировом пространстве возможны. Следовательно, возможна и сборка телескопа-гиганта, который будет так же «парить» в пространстве, как и искусственная луна.

Кстати, плоские и вогнутые зеркала большого диаметра (в несколько тысяч метров), будучи «установлены» в мировом пространстве вблизи Земли (конечно, за пределами ее атмосферы), могут оказать человечеству огромные услуги. Так, например, такие зеркала позволили бы ночью освещать земные города дневным светом, отраженным от этих зеркал. Направляя концентрированные солнечные лучи на те участки Земли, где находятся циклоны с их плохой погодой, можно было бы улучшать погоду, разгоняя циклоны.

Искусственная луна может послужить и прекрасным вокзалом для межпланетных сообщений. Перелет с Земли на Луну или на Марс при этом значительно облегчался бы, и совершался бы в два этапа. Сначала космические пассажиры были бы доставлены с Земли на искусственную луну. Это потребовало бы затраты сравнительно небольших количеств горючих веществ.

Следующим этапом было бы уже движение межпланетных «автобусов» к конечным станциям их маршрута.

Межпланетный вокзал

вокзалом для межпланетных сообщений. Перелет с Земли на Луну или на Марс при этом значительно облегчался бы, и совершался бы в два этапа. Сначала космические пассажиры

были бы доставлены с Земли на искусственную луну. Это потребовало бы затраты сравнительно небольших количеств горючих веществ.

Статья О. ДРОЖЖИНА

— **П**опробуйте пройти вот здесь между этими двумя столиками.

— Я боюсь.

— Да ведь здесь же ничего нет: И притом с вами ничего особенного не случится.

— А вдруг меня поразит электрическая искра длиной в метр? Ведь от вас, инженеров-электриков, можно ожидать всего.

— Будьте спокойны, мистер Уайт: искры вас не тронут, и вообще с вами особенного ничего не произойдет. Ну, идите же!

— Олл райт (ладно), иду.

Мистер Уайт решительно двинулся вперед. Однако, не успел он сделать и второго шага, как лабораторная комната Роберта Бэрта наполнилась оглушительным треском электрического звонка.

— Я так и знал, что-то у вас здесь таинственное устроено, — укоризненно заявил Уайт.

Бэрт рассмеялся. Поворотом какого-то рычажка неистовый звон был прекращен.

— Не хотите ли еще раз пройти? — спросил Бэрт.

На этот раз Уайт пошел смелее. Звонok снова затрещал, лишь только Уайт поравнялся со столиками.

— Скажите, — обратился Уайт к инженеру, — отчего ваш звонок начинает звонить, когда я прохожу между столиками? Ведь здесь никаких перегородок нет, и я ничего не пересекаю.

Два сенсационных открытия.

*Октавы...
Октавы...
Октавы...*

Разгадка опыта Бэрта.

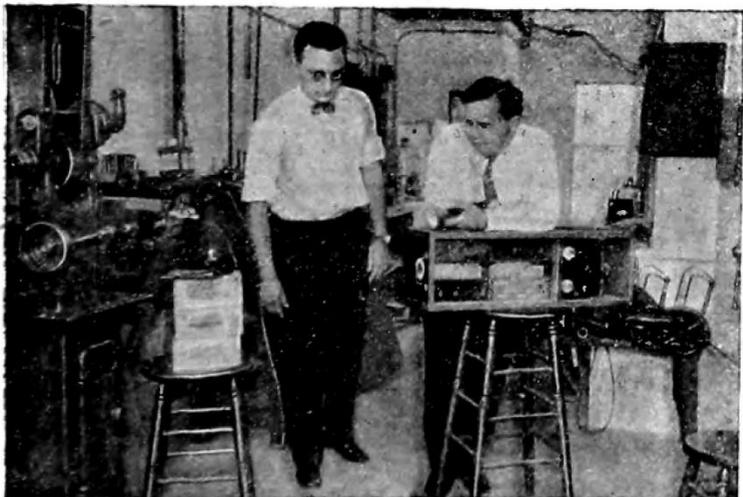
Инфракрасные лучи.

Возможны ли лучи смерти.

Невесомые провода.

— Ошибаетесь. Вы пересекаете невидимый барьер, который я перекинул между этими двумя столиками.

Так доктор Роберт Бэрт, физик и инженер-электрик института, знакомил своего приятеля журналиста Уайта со своей новой установкой, в которой он в качестве барьера применил пучок ультрафиолетовых лучей.

От одного столика к другому проходит пучок ультрафиолетовых лучей. Всякий раз, когда кто-либо проходит между столиками, раздается электрический звонок

Что такое ультрафиолетовые лучи?

Если пропустить через трехгранную стеклянную призму

Два сенсационных открытия

луч солнечного света, то на экране вместо белого пятна образуется цветная растянутая полоска с точным повторением цветов радуги. Эта полоска получила название

спектра. На одном конце спектра всегда располагаются лучи красного цвета, на другом — фиолетового. Дальше по ту и другую сторону спектра простираются темные области. На

этом основании физики восемнадцатого века полагали, что все богатство красок нашего мира складывается только из основных семи цветов спектра. Однако, они глубоко ошиблись, доверившись свидетельству своих глаз.

Выдающийся английский астроном Вильямс Гершель занимался в 1800 году изучением теплового действия различных лучей спектра. С этой целью он помещал в различные участки спектра ртутный термометр и следил за повышением температуры. Таким путем был обследован весь спектр, и Гершелю пришла в голову счастливая мысль поместить термометр также и в темные области за красным и фиолетовым концом спектра. За фиолетовым концом, как и следовало ожидать, придерживаясь существовавшей до того точки зрения, нагревания не было. Не то оказалось за красным концом: здесь нагревание термометра было, и притом заметное. Это указывало на то, что здесь были какие-то лучи, которых глаз наш не воспринимает.

Они получили название за красных, или инфракрасных.

Год спустя немецкий физик Риттер обнаружил существование невидимых лучей и за фиолетовым концом спектра, которые и получили название ультрафиолетовых.

Работы Гершеля и Риттера доказали, что в природе существует еще свет невидимый.

Однако, только за последние десятилетия удалось выявить полную картину этого поразительного цветового богатства природы.

Октавы...
Октавы...
Октавы...

Для того, чтобы составить наглядное представление об этом богатстве, сделаем так: выберем среднюю октаву на клавиатуре пианино и на клавишах до, ре, ми, фа, соль, ля, си — напишем семь основных цветов в таком порядке: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, голубой, фиолетовый. Это и будет наглядное представление видимого спектра. Такое сравнение вполне законно, так как и свет, подобно звуку, представляет собою колебательное явление. Направо от выбранной нами октавы расположатся ультрафиолетовые лучи, налево — инфракрасные. На долю ультра-

трафиолетовых лучей придется три октавы, а на долю инфракрасных — девять октав.

Но на этом световой диапазон природы еще не кончается. За ультрафиолетовыми лучами пойдут рентгеновские лучи, потом лучи, испускаемые радио-активными веществами (так называемые «гамма-лучи») и, наконец, космические лучи. На все эти лучи потребуется еще 20 октав.

За инфракрасными лучами пойдут электрические лучи сначала с очень короткой длиной волны, потом с обычной, применяемой в радио. Для этих лучей необходимо еще около 32 октав.

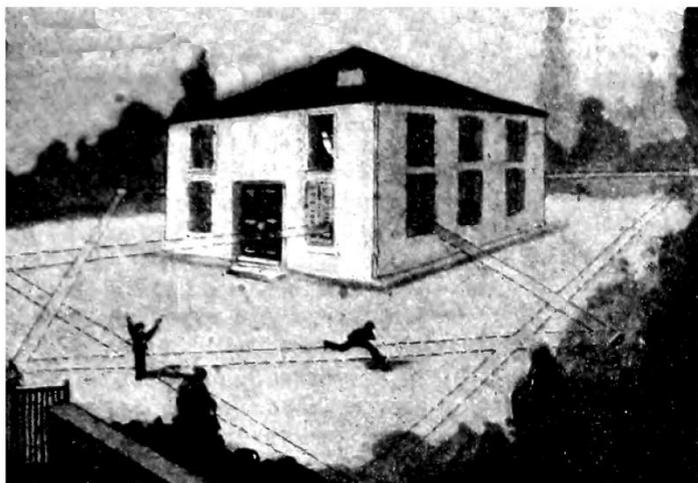
Таким образом, диапазон «цветового пианино» природы охватывает 55 октав, но из всего этого разнообразия цветов нашему глазу доступна всего только одна октава.

Но вернемся в лабораторию доктора Бэрта. Даля получения своего замечательного невидимого барьера он воспользовался ультрафиолетовыми лучами. Это те лучи, которые занимают три октавы направо от видимой нами октавы. На

Разгадка опыта Бэрта

одном из столиков Бэрт расположил лампу, дающую ультрафиолетовые лучи, которые собираются в параллельный пучок при помощи вогнутого зеркала. Этот невидимый пучок лучей был направлен к другому столику, на котором помещался прибор для восприятия ультрафиолетовых лучей. Этим прибором является обычный фото-элемент. Вся установка Бэрта сделана таким образом, что электрический звонок, соединенный с фото-элементом, остается в покое лишь в том случае, если на фото-элемент непрерывно струится ультрафиолетовый поток. При затемнении же потока лучей звонок начинает звонить, причем звон продолжается и после того, как затемнение прекращено.

Этот невидимый барьер может иметь самое широкое применение. Прежде всего эту установку можно использовать для быстрого обнаружения пожаров. Если на пути ультрафиолетовых лучей появится дым, то звонок зазвонит. Вторым случаем может быть использование ультрафиолетового барьера для защиты помещений от воров.

Вокруг дома невидимый барьер из инфракрасных лучей. Источник инфракрасных лучей находится в правом окне. Пучок этих лучей, пройдя через окно, отражается целым рядом зеркал, огибая строения, и снова входит в дом через окно слева. Пересечение этого барьера приводит в действие тревожные сигналы

Представьте себе, что комната, которая должна охраняться, перегорожена несколькими такими невидимыми барьерами и что в нее забрались вору. Не видя ультрафиолетовых перегородок, они будут свободно двигаться и, пройдя хотя бы через одну из этих перегородок, поднимут трезвон.

Впрочем, следует заметить, что для охраны ультрафиолетовые лучи мало пригодны, так как они сильно поглощаются воздухом, туманом, дымом. Гораздо более удобными являются другие, тоже невидимые лучи,

а именно, инфракрасные, занимающие 9 октав за красным концом видимого спектра. В противоположность ультрафиолетовым лучам, которые испускаются только сильно нагретыми телами (свыше 1000°C), инфракрасные лучи ис-

пускаются телами разной температуры, вплоть до низкой. Однако, чем теплее тело, тем более энергичные инфракрасные лучи оно испускает.

Абнею еще около тридцати лет назад в совершенно темной (для нашего глаза) комнате удалось сфотографировать горячий чайник на особой пластинке, пользуясь инфракрасными лучами, которые чайник испускал.

Одним из замечательных свойств этих лучей является их способность легко проходить не только сквозь большие толщи воздуха, но и сквозь дым и туман. Открытые более ста лет назад инфракрасные лучи лишь в самое последнее время получили практическое применение. Толчком к этому послужило изобретение специальных фото-элементов, чувствительных к инфракрасным лучам. Самым интересным, пожалуй, из этих приборов является фото-элемент француза Фурнье, в котором использовано свойство некоторых веществ (сернистых соединений тяжелых металлов, напр., сернистого таллия) становиться проводником электричества под действием инфракрасных лучей. Инфрафотоэлемент Фурнье чрезвычайно чувствителен и реагирует на инфракрасные лучи уже спустя 0,003 секунды.

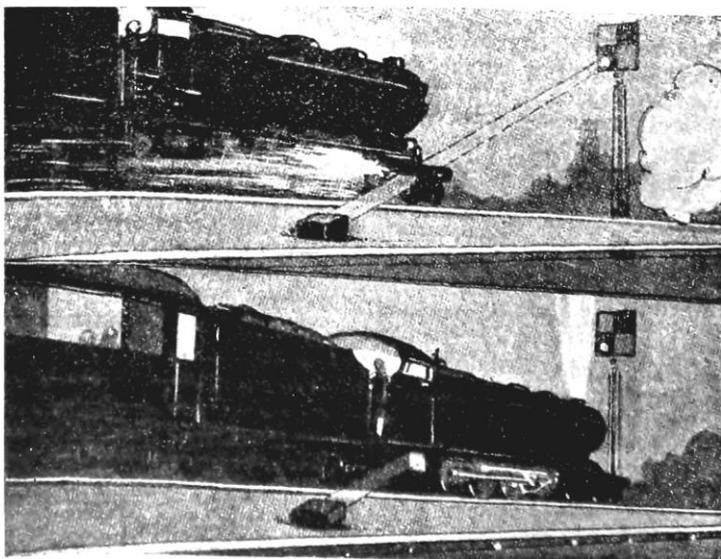
Этот фото-элемент дает возможность с инфракрасными лучами осуществить установку по типу той, которую изобрел Р. Бэрт с ультра-фиолетовыми лучами; разница будет лишь в том, что инфракрасный барьер может иметь значительную длину и не боится никаких туманов.

С помощью такого барьера легко можно окружить дом, усадьбу, сад, словом, любую площадь. И тогда всякое живое существо, которое попытается проникнуть внутрь «огороженной» площади, неминуемо приведет в действие любые сигнальные приспособления — звонки, лампы, свистки и т. п.

Способность инфракрасных лучей пронизывать туман может быть использована в мореплавании. Как известно, для кораблей туманы представляют опасное явление, с которым до сих пор невозможна была никакая борьба. Инфракрасные же лучи позволят кораблям «видеть» и через туманы, для этого они должны быть снабжены инфракрасными

прожекторами (это относится и к маякам) и инфракрасными элементами. Корабль, идущий в тумане, должен пускать в ход свой инфракрасный прожектор, бросая пучок инфракрасных лучей во все стороны. Одновременно тот же корабль осматривается при помощи своего фотоэлемента. Если где-либо вблизи окажется второй корабль, прорезывающий то же самое, то они легко друг друга обнаружат и даже определят, кто из них каким курсом идет. Подобным же образом могут обнаруживаться в тумане и маяки.

Интересным примером применения инфракрасных лучей может служить еще их использование для автоматической остановки поездов в том случае, если машинист не заметил запретительных сигналов. Фото-элемент, находящийся на паровозе, под действием инфракрасных лучей, идущих от семафора, заставляет действовать тормозные приспособления без участия машиниста.

Невидимые инфракрасные лучи, подействовав на специальный прибор, находящийся на локомотиве, могут вызвать остановку поезда у семафора, если машинист не заметит запретительного сигнала

Невидимые ультрафиолетовые или инфракрасные барьеры являются совершенно безобидными для здоровья того человека, который их пересекает. Но, по-видимому, возможно осуществление и таких барьеров, которые будут смертельными для соприкоснувшегося с ними человека.

Возможны ли лучи смерти?

Это уже будут подлинные «лучи смерти».

Интересно отметить, что о каких-то таинственных «лучах смерти» американца Метьюза заговорили еще несколько лет назад. Сообщалось, что будто бы Метьюзу удавалось при помощи своих лучей на расстоянии пяти метров умерщвлять мышей. Однако, ко всем этим известиям и сообщениям в ученых кругах отнеслись с большим недоверием. С течением времени слухи о лучах смерти умолкли, и их стали считать мифом, журнальной уткой.

Но вот из той же Америки приходят новые известия, и на этот раз уже совсем не мифические. Я имею в виду весьма интересные работы по беспроводной передаче энергии на расстояние одного из инженеров Вестингаузовской электрической компании Ф. Томаса.

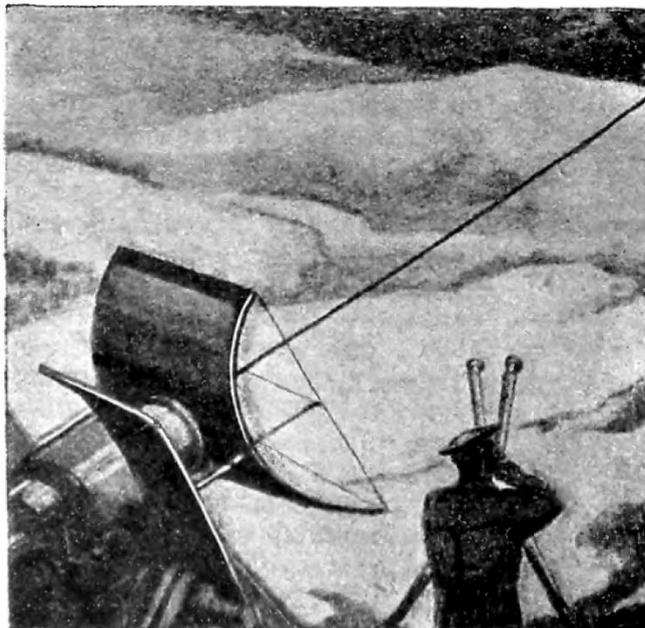
О разрешении этой проблемы техника мечтает уже давно. При этом молчаливо предполагалось, что беспроводная передача энергии может совершаться исключительно при помощи электромагнитных волн.

Именно таким способом передачи энергии пользуется современная радиотехника. Однако, для промышленных целей этот метод не пригоден потому, что энергия волн рассеивается в пространстве. Впрочем, пользуясь короткими радиоволнами, можно их собирать в параллельные пучки, подобные пучкам света, даваемым прожекторами. Но все же и таким путем пока не удалось еще передавать скольконибудь значительных количеств энергии, которая могла бы быть использована, например, для работы электромотора.

Невесомые провода

И вот Ф. Томас подходит к этой задаче с новой, совершенно неожиданной стороны. Он обращает внимание на то важное обстоятельство, что короткие радиоволны с длиной волны около

10 см. ионизируют воздух, делают его хорошим проводником электричества, в то время как обычный неионизированный воздух не является проводником электричества.

Воздушные провода Томаса позволяют посылать на большие расстояния токи высокого напряжения, которые могут взрывать и разрушать здания.

Сущность проекта Ф. Томаса заключается в использовании колонн воздуха. Таким образом, беспроводная передача энергии электромотору на расстоянии, по Томасу, может быть осуществлена следующим путем. Коротковолновый радиопередатчик, при помощи двух вогнутых зеркал, бросает в пространство в нужном направлении два параллельных пучка волн. На всем протяжении этих пучков воздух будет ионизирован. Эти две колонны воздуха будут равносильны двум проводам, провешенным в воздухе.

Дальнейшее уже просто: с одной стороны к этим двум невесомым проводам присоединяется источник электрического тока, например, динамо-машина, с другой — электромотор. Электрический ток от динамо будет течь по ионизированным колоннам воздуха так, как он течет по обычным проводам, и, достигнув мотора, даст ему необходимую для работы энергию.

Ф. Томас не только теоретизирует; свою идею он уже проверил, передавая энергию на небольшое расстояние. Она оказалась правильной. В настоящий момент Томас сооружает передатчик больших размеров. Если опыты и с этой установкой дадут положительные результаты, то на страницах истории электротехники будет записано еще одно грандиозное достижение. По методу Томаса можно будет снабжать электроэнергией любой пункт земного шара, как бы недоступен он ни был.

Но метод Томаса обещает дать и в руки войны ужасающее орудие смерти. В самом деле, представим себе, что по «воздушным» томасовым проводам пущен ток высокого напряжения в 100 и более вольт. Тогда прикосновение к этому проводу будет так же смертельно, как и прикосновение к обычному проводу. А так как томасовы воздушные провода совершенно невидимы, то они могут оказаться жуткими заградительными барьерами. Они могут быть протянуты везде и всюду — вдоль границ, перед окнами, поперек улиц. Всякий, кто соприкоснется с этими барьерами, будет падать замертво.

Я полагаю, что эти томасовы провода можно будет устанавливать не только вдоль поверхности земли, но направлять их вверх, к тем проводникам электричества (аэропланам, дирижаблям), которые там могут оказаться. Таким путем эти проводники могут быть включены в общую цепь высокого напряжения, а это приведет воздушные корабли к неминуемой гибели.

Не будут ли эти невидимые воздушные провода подлинными лучами смерти?

О. ДРОЖЖИН

О. ДРОЖЖИН

РАЗУМНЫЕ МАШИНЫ

*ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ*

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

О. ДРОЖЖИН

ВЕК РАЗУМНЫХ МАШИН

В высшей степени разнообразны и многочисленны разумные машины наших дней.

Они дежурят на маяках, исправно зажигая по вечерам и гася по утрам их электрические лампы.

Они управляют уличным движением в городах, разносят книги по этажам библиотек, продают спички, газеты, пирожки, чистят ботинки, фотографируют людей, снимают копии с документов.

Они бессменно стоят у рулей океанских пароходов и у рычагов самолетов.

Они следят за ходом химических реакций, считают движущиеся предметы, отмечают время гонщиков, сортируют сигары, яблоки и бобы, охраняют дома от злоумышленников, открывают и закрывают двери домов, читают книги слепым, гравировуют картины для типографий.

Они управляют автомобилями, кораблями, самолетами без людей.

Они выдувают ламповые колбы и бутылки, делают бумагу и автомобильные рамы, месят тесто и пекут хлеб, охраняют машины на электрических станциях и не позволяют живым дежурным производить неправильные включения.

Они выполняют еще тысячи и тысячи всяких иных дел, освобождая человека от тяжелой или скучной работы.

Казалось бы, люди должны умножать эти совершенные машины и радоваться тому, что они созданы, что они существуют.

Однако, прислушавшись к голосам, доносящимся из того, большого еще, мира, который находится за нашими границами, мы обнаружим прямо противоположное: не благодарность, а страх перед машинами и даже проклятья, к ним обращенные.

*) Заключительная глава книги «Разумные машины», 1936 г.

«Человеческие существа, столь заботливо вскормившие их (машины), проснулись, — пишет американец Чейз, — и нашли себя в окружении новой расы диких и опасных зверей, господствующих над ними».

«Творение восстает против своего творца, — вторит Чейзу немец Шпенглер. — Как некогда микрокосмос (малое существо) — человек — восстал против природы, так теперь восстает микрокосмос — машина — против человека. Хозяин земли становится рабом машины. Она заставляет его, нас, всех без исключения, — знаем и хотим мы этого или нет, — идти по ее пути. Бешено несущаяся колесница волочит за собою сверженного победителя, пока он не погибнет».

Если чехословацкий писатель Чапек шутил, показывая в своей интересной комедии восстание роботов, механических людей, которые, перебив живых людей, заняли их место на земле, то в словах Чейза, Шпенглера и многих других нет и намека на шутку.

В чем дело? Почему прилежные и заботливые машины вдруг превратились в «диких и опасных зверей, господствующих над нами»? Почему бешено несущаяся колесница техники грозит гибелью человечеству?

Потому, отвечает Кайо, бывший французский министр, что «машина вытесняет человека... машина, закусив удила, еще больше усиливает бедственное положение, выбрасывая рабочих на улицу, обрекая их на безработицу».

Кайо как будто прав. Машины действительно вытесняют человека. Вспомним завод-автомат компании Смита. При ручном изготовлении автомобильных рам ему потребовалось бы 18 тысяч рабочих. На самом деле у Смита работает всего 200 человек. Искусные автоматы сделали лишним труд 17 800 человек только на этом одном заводе.

Каждая бутылочная машина Редферна, занимая двух рабочих, делает лишним труд 1 400 человек.

Вспомним сигароделательную машину Паттерсона, ламповый автомат Кернинга, бесчисленные металлообрабатывающие станки-автоматы. Все они делают лишним труд де-

сятков, сотен и тысяч рабочих. Этим людям постигает печальная участь. Машина освобождает их не только от тяжелого или скучного труда, но и от верного куска хлеба: рабочие получают расчет и оставляют стены заводов и фабрик.

В середине 1929 г. американская промышленность находилась в наиболее цветущем состоянии. И, тем не менее, в США было около 5 миллионов безработных.

В конце того же 1929 г. в Америке разразился жестокий экономический кризис, который, как пожар в бурю, быстро стал перебрасываться из страны в страну и в несколько месяцев охватил весь капиталистический мир.

И через два года общее число безработных в 46 капиталистических государствах достигло 48 500 тысяч человек. Вместе с членами семейств это составляет более 100 миллионов. Лишившись заработка, все эти люди были обречены на жалкое существование.

По сообщению американского журнала «Нью-Йорк пост», в 1934 г. во всем капиталистическом мире от голода умерло 2 400 тысяч человек и покончило жизнь самоубийством от нужды еще 1 200 тысяч человек. Это страшные цифры!

Кто же принес все эти беды и голодные страдания десяткам миллионов людей? Не машины ли?

«Да, да, машины! Машины!» — в один голос утверждают Чейзы, Шпенглеры, Кайо и тысячи других.

«Машины превратились в диких и опасных зверей и грозят уничтожить человечество!»

«Бешено несущаяся колесница (техники) волочит за собою сверженного победителя, пока он не погибнет!»

Из этого обвинения машин делаются и соответствующие выводы. Если машины виноваты в бедствиях более чем ста миллионов человек, то — долой машины! Если же без них нельзя обойтись, то в таком случае нужно хотя бы задержать их развитие.

«Необходимо взнудать развивающуюся науку... зажать технику», — предлагает Кайо.

«Нужно объявить отсрочку по изобретениям по меньшей мере на десяток лет и рассматривать всех изобретателей как опасных сумасшедших, требующих надлежащего ухода и присмотра», — пишет Чейз.

«Давайте остановим технику на пять лет полным отказом от новых патентов и запрещением применять новые изобретения», — советует французский писатель Дюамель.

И капиталисты пытаются остановить технику.

Одни скупают патенты и хоронят их в ящиках своего письменного стола. Такой случай с бутылочной машиной Оуэна был отмечен еще двадцать лет назад В. И. Лениным.

Другие принимаются за прямое уничтожение машин. В 1930 г., например, в США было сломано семнадцать доменных печей, которые еще недавно давали стране ежегодно около полутора миллионов тонн чугуна.

В 1932 г. в Хемнице был разрушен машиностроительный завод Гартмана, один из крупнейших в Германии.

В 1931 г. в Англии было снесено более семидесяти кораблестроительных верфей. В Америке, в штате Массачусетс, по ночам с текстильных фабрик тайно от рабочих выносили станки и ломали их. На фабрике Пирса было уничтожено шестьсот станков и более трех тысяч веретен, на фабрике «Саул» — шестьсот станков и две тысячи веретен, на фабрике в Бристоле — около двух тысяч станков и семьдесят тысяч веретен.

Такие примеры можно было бы приводить сотнями. От них веет средневековым мракобесием. Им не хочется верить. И, тем не менее, это не выдуманные события, а действительные факты.

Невольно встает вопрос: неужели все эти Чейзы, Шпенглеры, Кайо, Дюамели правы, приписывая машинам причину чудовищной безработицы и миллионы голодных смертей? Ведь машины — не живые существа, способные мыслить и одаренные волей, а мертвые механизмы. Они лишь выполняют волю человека. Если в руках бандита находится револьвер, то можно ли обвинить этот самый револьвер в том, что он убивает ни в чем неповинных людей?

Разумеется, нет. Виноват в убийстве не револьвер, а человек, который им пользовался.

То же можно сказать и о машинах. Не машины вызвали бедствия безработицы, а люди: тот общественный строй, при котором существуют капиталисты, владеющие машинами, и рабочие, продающие свою силу.

К чему же может привести дальнейший ход техники?

Было уже сказано, что в 1929 г., когда американская промышленность находилась на вершине своего расцвета, безработица достигла 5 миллионов человек.

Это сушие пустяки по сравнению с тем, что получилось бы, если бы вся американская промышленность ввела наиболее совершенные (то есть наиболее производительные) из машин того времени.

Вот только два примера. В 1929 г. 39 тысяч рабочих на трех тысячах кирпичных заводах изготовили 8 миллиардов кирпичей. Но то же количество кирпичей могли бы сделать шестьсот рабочих на шести заводах с новейшими машинами.

В том же году 27 тысяч рабочих на нескольких тысячах мельницах дали 3 миллиарда килограммов муки. Но то же количество муки могли бы дать лишь восемнадцать человек на шести мельницах с новейшими машинами.

При введении столь совершенных машин на улицу были бы выброшены почти все американские рабочие — около 35 миллионов человек, а с семьями и все 100 миллионов человек, из общего числа населения в 120 миллионов.

Их ожидала бы голодная смерть.

Ясно, что капитализм зашел в тупик, что капитализм, по выражению Ленина, гниет. На том пути, по которому идет капитализм, человечество ожидают страшные бедствия.

Где же выход из тупика?

Защитники капитализма предлагают «взнуздать технику», приостановить поток изобретений, задержать жизнь на том уровне, которого она достигла сейчас, или даже вернуться лет на пятьдесят, на сто назад.

Конечно, все это пустые и глупые бредни!

Выход из тупика, в который попало человечество, заключается, как показали Маркс и Энгельс, в уничтожении не машин, а капиталистического строя человеческого общества и в замене его социалистическим, при котором средства производства — машины, заводы — принадлежат всем.

На одной шестой части земной суши эта задача уже выполнена. Российский пролетариат в союзе с трудящимся крестьянством, под руководством гениального Ленина и созданной им партии большевиков, капитализм в своей стране низвергнул.

И теперь под руководством Сталина, наилучшего ученика и сподвижника Ленина, и железной ленинской партии у нас идет радостная титаническая стройка нового, бесклассового, социалистического общества.

У нас нет теперь капиталистов. Все: фабрики, заводы, шахты, земля принадлежат государству, то есть всему трудящемуся народу. От этого роль машин у нас стала совсем иной.

При капитализме машины были средством производства прибавочной стоимости, средством эксплуатации рабочих. Это были как бы насосы, выкачивающие из миллионных масс трудящихся горы золота для отдельных людей — капиталистов.

У нас никакой эксплуатации человека человеком нет. Поэтому и машины у нас не служат более средством эксплуатации. Они становятся лучшими помощниками в труде.

При капитализме человек настолько ничтожная величина, что о нем не заботятся и, ограбив по «закону», выбрасывают его, как сор на свалку, предоставляя умирать от голода.

У нас же «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

«Мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну... Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства» (Сталин).

Советский пролетариат и трудящееся крестьянство под руководством ленинской партии и мудрого Сталина эту задачу блестяще разрешили.

«Мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны... Теперь уж все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство...» (Сталин).

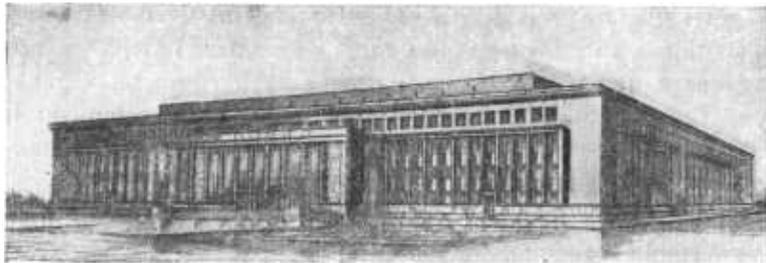
И разумные машины получили у нас широчайшее поле для распространения.

Все наши новейшие фабрики и заводы оборудованы наиболее совершенными станками с кнопочным управлением. Раньше мы ввозили их из-за границы. Теперь строим их сами в Москве, в Ленинграде, в Харькове, на Урале.

Строим также и начинаем применять во все большем числе и машины-комбайны. Они уже работают на наших полях (уборочные комбайны), в угольных шахтах (угольные комбайны), на заводах (ламповые и другие комбайны).

У нас есть мощные автоматизированные хлебозаводы. Мы начинаем применять и телемеханику — управление машинами на расстоянии (Ереванская и Рублевская электростанции).

Но все это пока лишь первые шаги. За ними в скором времени последует необычайный расцвет автоматики и телемеханики, на развитие которой большое внимание обращают партия и правительство.

Институт телемеханики в Москве.

По предложению тов. Сталина, в Москве недавно началось строительство мощного Центрального научно-исследовательского института по телемеханике. В 1937 году он полностью развернет свои увлекательные работы, которые частично ведутся уже и сейчас. Но этот институт будет не единственным учреждением, занимающимся телемеханикой и автоматизацией.

Все наши предприятия, разрабатывающие проекты заводов, фабрик, каналов, с каждым годом все в большей мере вводят автоматизацию и телемеханику.

Замечательный пример сложного автоматизированного предприятия представит гигантский хлебокомбинат, который возникнет в 1937 г. на берегу Москва-реки, там, где теперь находится деревня Шелепиха (на окраине Москвы). Этот комбинат будет состоять из элеватора, мельницы и хлебозавода.

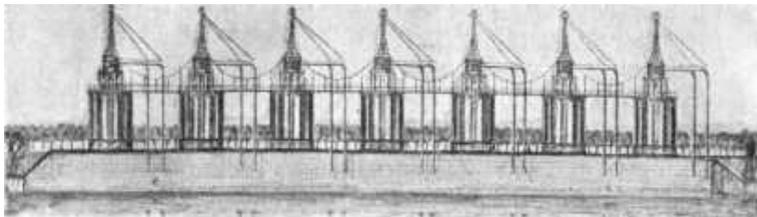
Общий вид хлебокомбината на берегу Москва-реки (проект).

Элеватор (склад для зерна) будет вмещать 135 тысяч тонн хлеба (более 8 миллионов пудов). Это будет самый большой элеватор в Европе и один из наибольших в мире. Зерно будет подвозиться к элеватору по железной дороге и по реке (летом). Храниться зерно будет в 238 силосных башнях, каждая высотой в 30 м и диаметром в 7 м.

Для загрузки зерна в силосные башни и для выгрузки будут применены многочисленные транспортеры (ленты, переносящие зерно горизонтально) и нории (ленты с ковшами, поднимающие зерно вертикально).

Управление этим сложнейшим транспортным механизмом будет автоматизировано до такой степени, что загрузку зерна во все силосные башни и выгрузку сможет производить один единственный человек, находящийся в контрольной комнате перед небольшим щитом. Если всю работу по загрузке производить силою людей, таскающих тяжелые мешки на плечах, то потребовалось бы 10 тысяч человек.

На нашем же элеваторе, кроме диспетчера, будет работать в смену еще 40–50 человек.

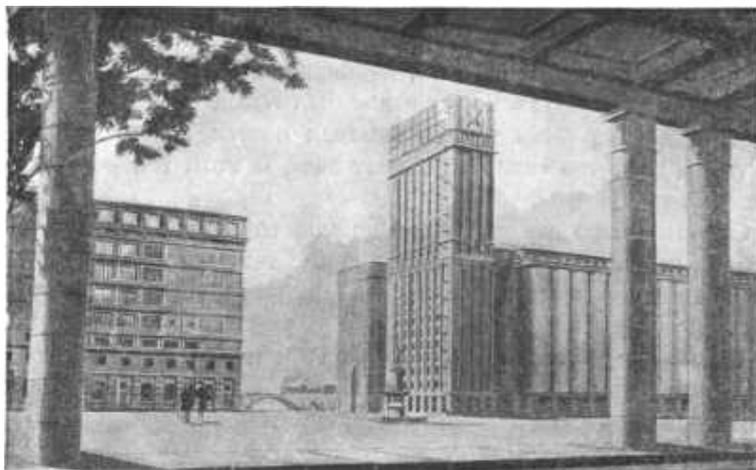

Береговая установка мощных всасывателей для разгрузки зерна из барж, прибывающих по реке.

Проект этого почти сказочного элеватора разработан в тресте «Хлебострой» конструкторской бригадой под руководством молодого талантливой инженера И. П. Кашеева, который сам дал много остроумных конструкций специальных автоматических устройств.

Столь же автоматизированными будут и мельница и хлебозавод, которые составят с элеватором одно производственное целое.

Московский станкостроительный институт ставит себе задачей разработать проект полностью автоматизированного слесарно-механического цеха для какого-либо завода. И в этом нет ничего невозможного, как показывает пример завода Смита в США.

Элеватор-автомат.

Московский метрополитен имени Л. М. Кагановича проектирует полную автоматизацию своих электрических подстанций, которые будут скоро работать совсем без людей.

Недалеко то время, когда число рабочих на наших заводах и фабриках с теперешних десятков тысяч сократится до немногих сотен или даже до десятков, как на московском элеваторе-гиганте.

Недалеко то время, когда команды наших кораблей будут состоять всего из десяти или даже из пяти человек. И будут вести они не один, а два, три, пять судов, находясь на одном, а другими управляя по радио.

Недалеко то время, когда на наших полях будут двигаться тракторы и комбайны без людей.

Управление ими будет производиться тоже на расстоянии, по радио.

Недалеко то время, когда наши гидроэлектрические станции будут работать совсем без людей, превратившись в полные автоматы, как огромная электростанция в Луисвилле (США).

В капиталистическом мире все эти чудесные разумные машины несут трудящимся массам безработицу и голодную

смерть, потому что там они находятся на службе у капиталистов, и рабочие — только живое дополнение к машинам.

У нас, в стране социализма, разумные машины служат нам. По мере развития производительности нашего труда продолжительность рабочего дня будет все более сокращаться.

Пройдут немногие пятилетки, и наш день с семи часов уменьшится до шести, потом до пяти, до четырех часов. Различие между физическим и умственным трудом будет стерто.

Тогда у нас будет много свободного от работы на заводах и фабриках времени, и мы будем отдавать его занятиям спортом, науками, литературой, музыкой, которые достигнут невиданного расцвета.

Жизнь станет ослепительно радостной и светлой.

Век социализма и в дальнейшем коммунизма будет веком разумных машин — лучших помощников людей, освободившихся от наемного черного капиталистического рабства.

В эту солнечную страну радости ведет нас коммунистическая партия под знаменем величайших гениев пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Но, «чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса... Вот почему старый лозунг „техника решает все“, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что „кадры решают все“. В этом теперь главное» (Сталин).

Слова нашего любимейшего вождя, товарища Сталина, — твердая порука, что и кадры, знающие технику до мельчайшего винтика и умеющие до дна использовать ее, будут быстро созданы. Да они уже и создаются — эти тыся-

чи стахановцев фабрик и заводов, шахт и полей. И тогда социалистическая техника, основанная на самом широком применении автоматики и телемеханики, даст нам чудеса!

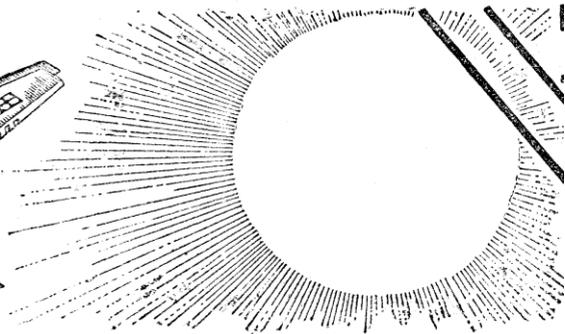
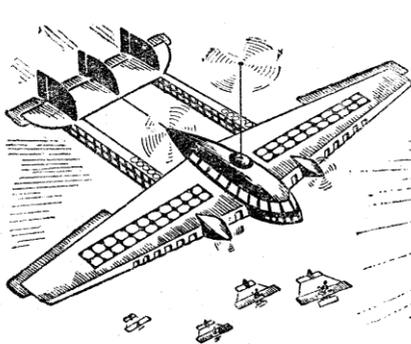
**ПУТЕШЕСТВИЕ
В БУДУЩЕЕ**

Беседа с академиком А. Ф. Иоффе

Рисунки Н. Кочергина

Вокруг Света № 5 20 февраля 1931 г.

ЖУРНАЛ СЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ А. Ф. ИОФФЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Рис. Н. Кочергина

Академик А. Ф. Иоффе

Проблемы энергетики, напряженное изучение известных техники источников энергии и поиски новых, приобретают огромное значение для социалистического строительства. Создание десятков заводов-гигантов, всестороннее использование природных богатств Советского союза требуют мобилизации всех источников энергии. Должен быть положен конец хищническому истреблению каменного угля, нефти, древесного топлива и т. п., которое процветает в капиталистическом бесплановом хозяйстве. Поэтому особенно важны становятся работы академика А. Ф. Иоффе, одного из виднейших мировых физиков. Свои обширные знания и исследовательский талант акад. Иоффе всецело посвящает разработке таких отраслей физики, которые теснейшим образом связаны с задачами социалистической стройки. А. Ф. Иоффе в своих исследованиях разработку физических проблем увязывает с вопросами энергетики.

В беседе с работниками редакции, стенографическую запись которой мы печатаем, акад. Иоффе рисует величественную картину будущего, когда солнце, холод, ветер, приливы и отливы станут неисчерпаемыми источниками энергии.

ПРИРОДА НЕ СМОЖЕТ СОПЕРНИЧАТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ

Редактор: — Каковы основные проблемы техники завтрашнего дня и техники отдаленного будущего?

А. Ф. Иоффе: — Один из основных вопросов техники — это энергетика. С помощью каких источников энергии может человечество разрешить в будущем энергетическую проблему? Несомненно, что большую роль должна сыграть непрерывно поступающая к нам солнечная энергия. Прежде всего, возникает вопрос о количестве солнечной энергии.

Сейчас свободной солнечной энергией можно считать только ту, которая падает на пустыни и на моря. Почти вся пригодная площадь занята полезными растениями. Большая часть удобной земли используется для растительного сырья.

Правильно ли это? Для будущего неправильно. Растения, правда, используют солнечную энергию, но человеческая техника скоро перегонит в этом отношении живую природу. Растения используют 6% падающей на них энергии солнечных лучей, между тем, техника химическая и фото-химическая может использовать солнечную энергию в гораздо более высоких пределах — до 92—95%. Это соотношение показывает, что растения вряд ли удер-

жаты на земле, когда наша техника достигнет соответствующих успехов. Конкуренции с человеком природа не выдержит.

ХЛЕБ ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ ПИЩА

Правда, растения играют роль и питательного материала и сырья для производства (бумажное производство, производство искусственного шелка, и многие другие). Но если говорить об отдаленном будущем, вернее, о таком, для которого мы не могли бы сейчас назначить срока, то растительное сырье, растения как питательный материал (рожь, пшеница и др.) вряд ли будут играть большую роль. Конечно, разнообразие питания есть существенный физиологический фактор. Но надо думать, что основной продукт питания — хлеб, со временем будет играть роль вкусового вещества, вроде мандарина, то есть как один из элементов, вносящих разнообразие в пищу. Мы питаемся хлебом потому, что не умеем получать его прямо от природы. Если мы научимся получать основную пищу искусственно, синтетическим путем. С другой стороны, плодородность почвы позволит чрезвычайно далеко пойти вперед. Площадь, занятая под культурой злаков, значительно сократится. Когда думаешь о проблеме солнечной энергии, то невольно сталкиваешься с той мыслью, что главную массу солнечной энергии берут поля.

СУДЬБА ЛЕСОВ

Перейдем к вопросу о судьбе лесов. Сейчас лес — это сырье для целлюлозы, бумаги и искусственного шелка и материал для строительства. Но если солнечную энергию мы сможем использовать не на 6%, как растения, а на 80%, то все химические процессы лучше будет вести при помощи соответствующих химических заводов, а не с помощью живой природы, и получать эффект во много раз больший.

Таким образом, весь тот поток солнечной энергии, который мы используем теперь при помощи растений, будет со-

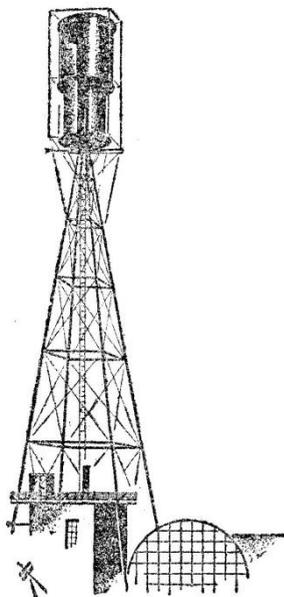
кращен до сравнительно небольшой площади, главная же масса солнечной энергии будет в нашем распоряжении. И с того момента, когда человечество обгонит природу, она будет сдавать позиции.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕКА

Редактор: — Над городами тоже светит солнце. Очевидно, тут громадная площадь, освещенная солнцем, пропадает совершенно впустую?

А. Ф. Иоффе: — Несомненно. Если взять только ту часть солнечного излучения, которая отражается ленинградскими крышами и уходит обратно в атмосферу, то этого одного было бы достаточно для снабжения энергией всей промышленности города и области.

Можно произвести подсчет. Ленинград или Москва имеют, скажем, 10 километров в длину и ширину, грубо говоря — всего 100 километров. Если отсюда исключить примерно половину на площади, сады и улицы, то получится около 50 квадратных километров, то есть 50 миллионов квадратных метров. Каждый квадратный метр получает около 1 киловатта энергии. Но мы должны взять не все 24 часа, а только дневные часы. Ленинград не особенно благоприятен в этом отношении — из 365 дней в году можно в Ленинграде взять примерно лишь 60 солнечных дней. В течение 60 дней мы будем иметь по 6 час. солнечного света. Если возьмем 50 миллионов квадратных метров, что равно 50 миллионам киловатт энергии, то получим... 2.000.000 киловатт. Значит, можно сказать, что 2 миллиона киловатт

мы будем иметь непрерывно (Волховстрой дает около 80 тысяч киловатт). Это количество может с успехом снабдить энергией ленинградскую промышленность.

Если же взять южный город, то там мы будем иметь значительно лучшие условия. Само использование солнечной энергии может происходить там с большими выгодами — до 90 процентов и выше.

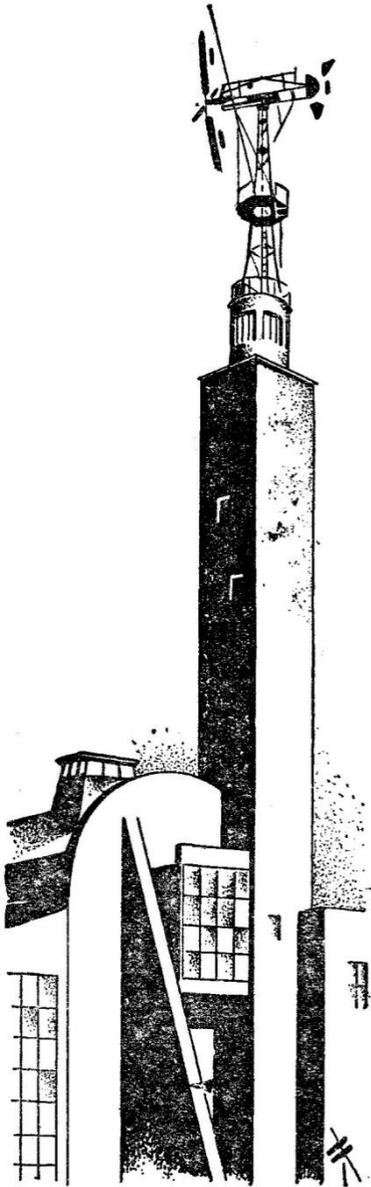
Редактор: — Каковы методы использования солнечной энергии? Имеют ли будущее установки, собирающие солнечную энергию при помощи системы зеркал?

А. Ф. Иоффе: — Это не тот путь, идя по которому можно сделать что-нибудь серьезное.

Нагревание солнцем при помощи зеркал — это нерациональный способ. Несравненно выгодней особые парники, прозрачные стекла которых пропускают солнечную энергию, не пропуская обратно той энергии, которую испускает нагреваемое тело. Такие парники могут дать температуру в 209—300° без зеркал, а при последовательной комбинации, и выше, и эта теплота легко может быть использована.

ОЖИВЛЕНИЕ ПУСТЫНИ

Недавно состоялась в Москве гелиотехническая конференция, и там проблема использования солнечной энергии стояла как проблема настоящего момента. Побережья Каспийского и Аральского морей пустынно, лишены воды. Население использует для воды зимний снег, который застаивается в ямах. Между тем, здесь имеется неограниченный запас соленой морской воды и имеется солнце, которое может эту воду превратить в пресную. Для того надо поставить солнечные опреснители. Это можно сделать сейчас без особых трудностей и, таким образом, всю эту обширную область сделать обитаемой. Если эти опреснители будут дешевы, то их можно будет ставить и в целях орошения. Тогда можно сделать плодородной всю местность на большом протяжении. Ничего фантастического в этом нет. Эта задача вполне реальна.

Волга в своем нижнем течении протекает по пустыне, также как Аму-Дарья, Сыр-Дарья и другие реки. Вода, следовательно, имеется. Могли бы мы эту воду использовать для орошения степей и пустынь? Да. Для этого нужна система ирригационных каналов и механическая энергия для подъема воды в каналы. Эта задача обычно решается во многих местах при помощи ветра.

Но в наиболее сухие дни ветра нет. Безветренные жаркие дни губят все дело. Между тем, солнце имеется тогда, когда нужно орошение.

Маленькая механическая установка, которая дает возможность при помощи солнечной энергии поднимать воду в канал, — вещь совершенно реальная и осуществимая. Вот вторая задача в деле использования энергии солнца.

Третья задача — сами солнечные энергетические установки. В местах, далеких от основных линий транспорта, куда доставка угля обходится дорого и где имеется непрерывно

громадное количество солнечного излучения, как, например, в Туркменистане, там солнечная установка с ее 10—11% полезного действия может быть практически использована. Но это не есть путь массового, широкого применения, так как, превращая солнечную энергию в тепловую, мы ее минимум в три раза обесцениваем.

ОТ ОКЕАНСКИХ ГЛУБИН ДО ХИМИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ

Основной генеральный путь для использования солнечной энергии — путь превращения ее в химическую энергию. Это может быть сделано с коэффициентом полезного действия около 90%. Эта химическая энергия, естественно, должна использоваться в электрическом виде. Химические аккумуляторы энергии могут заряжаться, и затем в виде электро-аккумуляторов отправляться на место потребления. В природе это уже существует. Все растения имеют хлорофилл, который поглощает солнечную энергию (6%), дает необходимые превращения: раскисляет углекислоту, дает углерод, дает источник жизни. В природе есть более выгодные фотохимические реакции, а именно — на больших глубинах океана. Растущие там красные водоросли используют 24% солнечной энергии благодаря той фотохимической реакции, которая в ней происходит.

В лабораторных условиях превращение световой энергии в химическую не только известно, но и производится с большим выходом — порядка 80—90%. Но к этому вопросу подходили пока только с химической точки зрения. Ученых интересовала самая реакция; возможность же практического использования, в частности, для энергетических целей, как задача никогда не ставилась. И эту задачу нужно поставить.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ИЗ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

Другой, менее удобный путь — это путь непосредственного превращения солнечной энергии в электрическую. Существование фотоэлектрических элементов известно еще

с 1887 года, но до сих пор они не исследовались с точки зрения использования энергии. Если рассматривать этот процесс как источник энергии, то, очевидно, все, что в этом отношении имелось до сих пор, совершенно непригодно: использование энергии составляет одну тысячную или одну сотую процента, между тем, в хлорофилле мы имеем 6%.

В настоящее время в технических лабораториях Запада на этот вопрос обращено серьезное внимание. В этом направлении работают, главным образом, две лаборатории — Филиппса и Сименса. Здесь имеются фотоэлементы, которые дают 1 — 2% коэффициента полезного действия. Можно ожидать со временем примерно до 25% использования энергии. Дальше идти вряд ли возможно. Насколько все это будет удобно и практично — сказать трудно.

Интересно, что в лаборатории Сименса к фотоэлементу присоединен моторчик, который, будучи выставлен на солнце, начинает работать.

ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

Таковы главные пути использования солнечной энергии. Что касается использования тех запасов солнечной энергии, которые давно накоплены в земле в виде угля и торфа, то уголь мог бы быть использован с точки зрения содержания энергии на все 100%. Превращая уголь в углекислоту путем так называемого обратного процесса, мы могли бы использовать содержащуюся в угле энергию на все 100%.

Если бы был построен такой гальванический элемент, где окислялся бы уголь, — это возможно, но по различным причинам не осуществляется, — то можно было бы получить 100% использования энергии. При таком условии не было бы смысла доставать уголь из недр земли и затем перевозить его за две тысячи километров, чтобы сжигать в топках. Можно было бы на месте в самих пластах добывать энергию и затем доставлять ее по проводам. Это был бы более разумный путь.

БОРЬБА ЗА УГОЛЬ

Еще Менделеевым намечен другой способ использования угольной энергии при помощи газификации угля. Менделеев указал, что угольные пожары есть плохо направленный процесс использования угля. Если бы пожары происходили не стихийно, а планомерно, — это было бы не что иное, как газогенераторы, то есть то, что мы производим искусственно при газификации угля. Рамзей в 1912 году высказал ту же мысль, а Ленин указал на нее в 1913 году, как на одну из задач социалистической техники. Вокруг этого вопроса у нас создалось сейчас широкое общественное движение, инициатором которого является товарищ Октябрьский — командир 78 кавалерийского полка. Если идти по пути газификации угля, то мы сможем использовать энергию на месте при соответствующем доступе воздуха и использовании газогенераторов. Человечество имеет обязанности не только перед настоящим, но и перед будущим. То, что мы делаем сейчас, есть прямое преступление перед будущим. Мы растрачиваем громадные запасы совершенно нерационально. 70% запасов навсегда обесцениваем — и себе не берем, и от будущего отнимаем навсегда. Вероятно, правильное хозяйство будущего, которое думает не только о сегодняшнем дне, но и о человечестве ближайших поколений, подойдет к использованию энергии так, чтобы не истощать имеющихся у человечества запасов.

Нефть и уголь мы должны использовать, главным образом, как богатейший источник химического сырья, а не как источник энергии.

ПОЛЯРНЫЙ ХОЛОД КАК ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Переходя к другим источникам энергии, укажу, во-первых, на тепловые источники. Но здесь, в первую очередь, надо взять не тепло, а холод. Громадные области нашего Союза находятся за Полярным кругом. Там, в течение долгого времени стоят сильные холода. Там же имеются

большие пространства воды — Ледовитый океан, где под коркой льда температура воды около нуля, а температура над льдом — минус 40 — 50°.

Разность температур, как видим, очень большая, для использования же энергии важна только разность температуры, и чем при данной разности температура ниже, тем это выгоднее. В Ледовитом океане мы имеем разницу между нулем и минус пятьюдесятью. И та, и другая температура отделены друг от друга только коркой льда. Использовать этот большой запас энергии не представляет затруднений.

Далее возможно использование теплоты морей, глубоких слоев. Но здесь значительно худшие условия. Чтобы получить сколько-нибудь подходящую разницу температуры, — не 50, а всего только 10—15°, надо преодолеть большие затруднения. Уже одно то, что мы можем получить здесь разность температуры всего в 10 — 15°, создает условия втрое худшие, чем на Севере. Кроме того, расстояние, на котором находится в тропических морях тепло от холода, чрезвычайно большое. Потребуется громадные затраты на то, чтобы по трубам поднимать воду с больших глубин.

Надо предпочесть Север. Возможно, что главные наши источники энергии идут с Севера. С Юга они идут в виде солнца (Туркестан), а с Севера в виде холода, который как источник энергии не хуже, чем тепло.

Редактор: — Как практически можно использовать энергию полярных областей?

А. Ф. Иоффе: — Для использования холода морей годится установка вроде обычной машины, только вместо воды должна быть взята другая жидкость, которая кипит при низкой температуре. Здесь мы имеем установку, подобную холодильным машинам, но только действующую обратно. Полученную энергию нужно превратить в электроэнергию и затем передавать на большие расстояния. Тогда мы будем получать громадное количество энергии с Севера, с Ледовитого океана. Это легче осуществимо, чем многое, о чем говорится. Взгляните на карту, и вы увидите, какие огромные пространства занимает Ледовитый океан. Там имеются

громадные запасы энергии. Почему же не брать нам ее от туда?

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕПЛОТЫ ЗЕМНЫХ НЕДР

Редактор: — Возможно ли использовать теплоту, скрытую внутри земного шара?

А. Ф. Иоффе: — Что касается теплоты земных недр, то главная трудность заключается в том, что придется работать на больших глубинах. Понадобится затрата энергии для выкачки теплоты не меньшая, чем для ее получения. Сейчас нельзя смотреть на этот путь, как на практический источник энергии, но надо помнить, что недра земли скрывают колоссальнейшие запасы энергии, и вполне мыслимо, что техника со временем найдет пути для их использования. Однако сейчас положение техники таково, что использование недр в этом направлении не окупит той энергии, которую мы получим.

Нужны новые открытия, чтобы проникнуть на большие глубины. Лучше обстоит дело с возможностью использования тепла вулканов.

Редактор: — Не смогут ли некоторую роль в использовании энергии земных недр играть искусственные вулканы, которые можно было бы делать там, где есть нужда в энергии?

А. Ф. Иоффе: — Если говорить о больших давлениях внутренних масс земли, то эти давления можно конечно использовать, но тут нужно еще многое придумать.

ЭНЕРГИЯ ПРИЛИВОВ И ВЕТРА

Редактор: — В какой степени возможно использование энергии приливов и отливов?

А. Ф. Иоффе: — Использование энергии морских приливов — вполне осуществимая вещь. Я видел прилив в Англии на южном берегу, — он достигал 15 метров. Подъем и спуск воды происходит на протяжении шести часов. Колос-

сальная площадь заливается и затем освобождается от воды. Есть пункты, которые заливаются приливом до 20 с лишним метров. В таких местах это могло бы быть, конечно, источником энергии.

Недостаточно используется и энергия ветра, — та же энергия солнца. Сейчас имеются уже неплохие ветряные двигатели, которые сконструировал наш Гидродинамический институт (ЦАГИ).

НАКОПЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ

Редактор: — Каковы пути накопления запасов энергии, аккумуляирования ее?

А. Ф. Иоффе: — Что касается аккумуляирования энергии, то мне кажется наиболее рациональным путь химический, о котором я уже говорил. Превращение солнечной и всякой другой энергии в химическую форму, которую можно получить в гальванических элементах. Такие химические аккумуляторы представляются наиболее целесообразными, но возможны и другие, чисто электрические.

Та концентрация энергии, которая достигается в лабораторных условиях для целей исследовательских, была бы уже вполне достаточной. Если задача перевода этих лабораторных возможностей в технику осуществима, то, во всяком случае, это — задача, которая потребует для своего разрешения долгого времени. Но важно то, что сама постановка задачи вполне возможна. Концентрируя энергию, вы можете получить около 56 тысяч больших калорий на килограмм вещества, между тем, уголь дает всего 8.000 калорий, а нефть — 10.000. Но это далеко еще от технического осуществления. При самых благоприятных условиях 10 лет — минимальный срок.

ПЕРЕВОРОТ В ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ

На пути к этой проблеме лежит другая, не столь фантастическая, но чрезвычайно важная практическая проблема

— улучшение изоляции. Задача эта — порядка одного-двух, может быть, трех лет. Первые результаты могут быть получены через год. Значение этого частичного решения вопроса очень велико. Это означает — переворот в электротехнике, в проблеме передачи энергии на расстоянии. Можно будет энергию передавать гораздо более выгодным и дешевым способом не по воздушным проводам с большими мачтами, а по небольшим кабелям, проложенным в земле. Распределение энергии, передача ее будет необычайно удешевлена, а удешевление означает многое. Быть может, энергетический транспорт будет выгоднее, чем транспорт угольный. Это даст резкую перестановку всех экономических и технических условий. Удешевление передачи энергии — не только техническая задача, это — переворот в экономике. Сейчас мы этими вопросами занимаемся очень интенсивно.

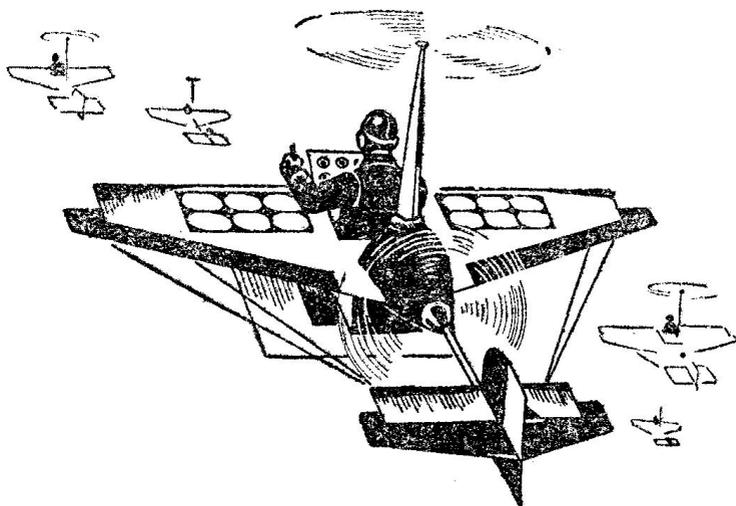
Есть и другие технические проблемы, которые в связи с этой задачей произведут переворот в электротехнике. Быть может, окажется возможным всю электротехнику из переменного тока перевести на постоянный ток. Это даст большие преимущества. Переменный ток легко трансформировать. Постоянный ток этих преимуществ не имеет. Но задача трансформирования постоянного тока близка к разрешению.

Основные технические задачи необыкновенно упростятся, как только можно будет пользоваться постоянным током вместо переменного.

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Редактор: — Каковы пути воздушного транспорта?

А. Ф. Иоффе: — Говоря о будущем, конечно нельзя пройти мимо вопросов воздушного транспорта. Вся проблема летания связана с 1908 годом. С этого года человечество полетело, перешло из двух измерений в третье. Это произошло не потому, что были открыты какие-то новые принципы, но потому, что к 1908 году техника достигла определенного отношения веса машины к ее мощности, дошла до такого предела, который дал возможность летать.

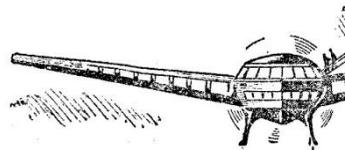

Птица летает потому, что имеется определенное соотношение между ее весом и мощностью ее крыльев. Проблема летания связывается с проблемой легких двигателей. Самым легким двигателем является электродвигатель с достаточно легким источником электроэнергии. Если бы эта задача полностью была разрешена, то при помощи таких легких аккумуляторов все воздухоплавание было бы значительно шире использовано.

Если бы гальванический элемент был заряжен солнцем или другим видом энергии, причем этот элемент оказался бы легче, чем свинцовый, так, чтобы вес аккумулятора плюс вес электродвигателя стал достаточно мал, — то мы перешли бы на электроуправление, которое чрезвычайно облегчает все дело. Для отдаленного, даже не чрезмерно отдаленного будущего мне рисуется именно такое решение задачи. Тогда человек полетит, как птица, чуть ли не сидя в кресле. Надо придумать очень мощный маленький аккумулятор, сравнительно легкий, и тогда человек может полететь прямо из окна или из двери.

БУДУЩЕЕ АВИАЦИИ

Я не вижу будущности для земного транспорта. Рассматривая вопрос с энергетической точки зрения, надо считаться с энергией, которая затрачивается на преодоление трения. А где меньше трения? На земле, на рельсах, в воде, или в воздухе? Конечно в воздухе.

Вообще, 1908 год — важный этап в жизни человечества. Жизнь человечества может быть разделена на два периода — до 1908 года и после 1908 года, когда человечество перешло в три измерения, когда все психические представления из двухмерных перешли в трехмерные. Это гораздо более решающий момент, чем мы себе представляем. Все наше мышление вытекает из условий нашей жизни. И то, что с 1908 г. мы перешли от двух измерений к трем, заставляет считать этот год поворотным моментом в нашем мирозерцании.

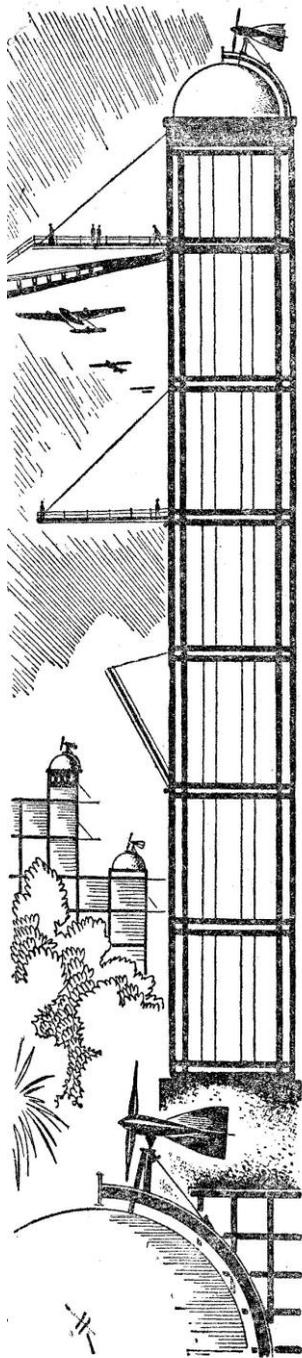
Я думаю, что летание по воздуху есть основной путь транспорта. Воздухоплавание является прекрасным средством для перемещения — вы дышите свежим воздухом, развиваете ваши мускулы. Основной формой нашего движения будет летание. Надо построить облегченный электродвигатель, и тогда каждый человек в отдельности сможет летать не хуже птицы, но с гораздо большими удобствами.

НА ВОЗДУШНЫХ УЛИЦАХ

Редактор: — Если будущее транспорта в воздухе, то, очевидно, он должен быть совершенно автоматизирован.

А. Ф. Иоффе: — Несомненно. В этой области в довольно короткий период развития нашей техники будет достигнута полная автоматичность.

Управление летательным аппаратом может быть и должно быть совершенно автоматизировано. На месте мож-

но задать весь путь аппарату. Человеку не нужно будет беспокоиться о том, что аэроплан может перевернуться. К этому надо добавить, что в воздухе гораздо легче передвигаться, чем по земле, так как в воздухе мы можем избежать путей перекрещивания, что на улицах при двух измерениях представляет большие трудности при движении. В трех измерениях это не будет представлять никаких затруднений. Будут определенные пути, никаких столкновений не может быть. Вы садитесь в аэроплан, вырисовываете свой путь и, таким образом, летите, аэроплан сам будет выполнять работу. Возможно и иное. Источник энергии находится на земле, с земли идет управление, вы имеете только регулирующие приспособления.

ВНУТРИАТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ

Редактор: — Имеются ли еще источники энергии, которые нами совершенно не используются?

А. Ф. Иоффе: — Если говорить об энергии внутриатомной, то запас ее имеется колоссальный. Некоторую часть его можно, вероятно, использовать. Не совсем правильно называть эту энергию «запасами». Это не источник энергии, а ее кладбище. Атом есть знак того, какие громадные запасы энергии, ранее существовавшие в мире, были уже затрачены. Но этот минимум не всегда абсолютен. Есть ато-

мы недостроенные — радиоактивные атомы, где можно произвести дальнейшее уменьшение. Если взять четыре атома водорода, соединить их ядра с двумя электронами, а два оставить, то получим атом гелия — и тогда освободится громадное количество энергии. Если бы мы таким образом умели превращать водород в гелий, то это бы явилось большим источником энергии. Тем источником, при помощи которого мы получаем радиацию из мирового пространства. Но пока это еще не достигнуто.

КАК ДОЛЖНА БЫТЬ ОРГАНИЗОВАНА НАУЧНАЯ РАБОТА

В заключение замечу, что современные формы движения техники при помощи отдельных работников в количестве одной-двух тысяч физиков в стране, насчитывающей 160 миллионов населения, — эти формы медленного движения, естественные при буржуазном строе, совершенно не отвечают существу социализма,

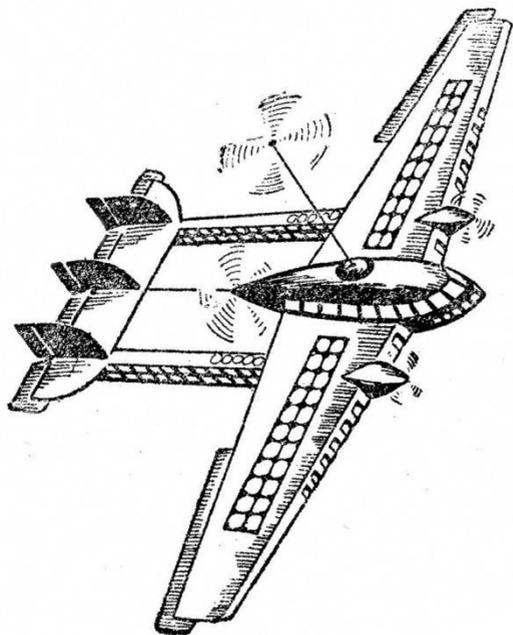
Интерес и стремление к знанию, к пониманию окружающего, накоплению фактов и их изучению — есть свойство, присущее не менее чем десятой доле всего человечества.

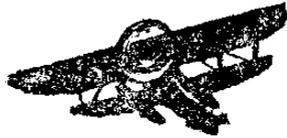
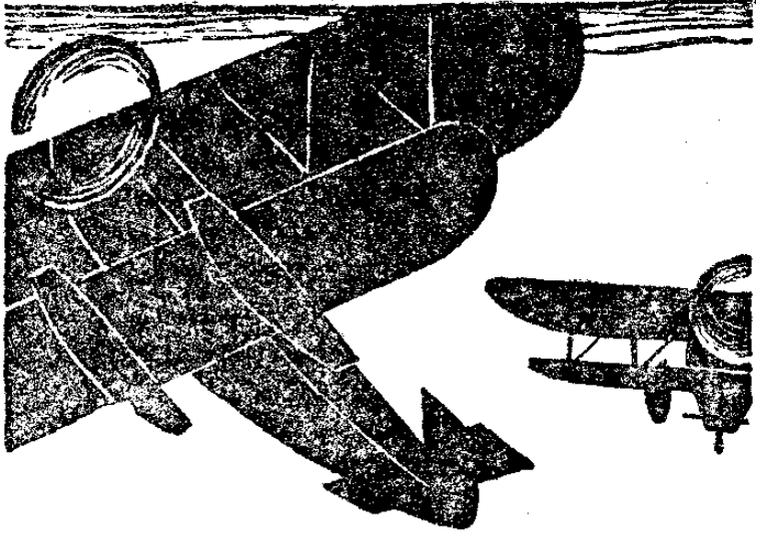
Почему же у нас наукой занимаются тысячи человек, а не десять миллионов?

Очевидно, организация науки должна соответствовать массовому стремлению населения СССР к знаниям. Необходимо, чтобы наука занималась не только отвлеченными вопросами, изучала не только явления природы, а изучала бы и процессы, окружающие нас в производстве, в быту. Необходимо, чтобы характер изучения был иной, чем сейчас. Надо, чтобы само изучение регулировалось широкими массами. Изучение объединяется, концентрируется в исследовательских институтах, но затем десятки миллионов людей должны принимать участие в обсуждении, давать свои предложения и т. д.

Роль журнала «Вокруг света» может быть очень велика в этом отношении. Он может явиться тем мостом, при помощи которого миллионные массы людей будут втянуты в

исследовательскую работу, в самое решение научных задач, будут привлечены к наблюдению, собиранию материалов, к попыткам объяснения их, к изучению природы.

Е. А-СКАЯ

**В ПЕРВЫЕ ДНИ
СВОБОДЫ**

Фантастический рассказ

*В первые дни свободы: [Рассказ]
Журнал ВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ (Пермь), № 1, 1918 г.*

ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ СВОБОДЫ

Среди захолустных лесов, в глуши, поместилось болото вончое, стоячее. И жили в нем лягушки, по комплекции солидные, по политическим убеждениям благонравные. Жили бы они так мирно до смерти, обсуждая свои нехитрые нужды, да втихомолку посмеивались над шумливыми, беспокійными воробьями, которые заполняли своим криком соседний лес. Они всегда всем были недовольны.

— И чего волнуются, о чем спорят, что делают, — квакали лягушки, укоризненно покачивая головами. — Сидели бы смиренно, другим жить не мешали.

Ранней весною проснулись раз лягушки от шума да гомона воробьиного. Из леса неслось к болоту взволнованное чириканье. Птицы беспокойно перелетали с дерева на дерево, носились над лесом большими шумливыми стаями. Лес шумел, встревоженный. И подозрительно и неодобрительно покачивали верхушками старые деревья, и о чем-то таинственно перешептывались молодые.

Лягушки расквакались, негодуя на беспорядок, учиненный воробьями.

— Полицию позвать! Усмирить, утихомирить — слышались из болота их взволнованные голоса.

Вдруг пролетел старый взъерошенный воробей и громко прокричал лягушкам:

— Мертвые, проснитесь! Революция! Свобода настала! Не отставайте от прочих, чтобы не смеялись над вами. Пока не поздно, вставайте, подымайтесь. Ура! Да здравствует свобода!

И улетел, махая крыльями пуще прежнего.

— Революция. Свобода. Советы, мои родимые! Дожили до беды... Что-то будет?! Крамольники, безбожники.

— Всегда я говорила, что от них добра не ждать. Свободу выдумали. Ох, грехи тяжкие! Что-то с нами будет?

И так расквакались лягушки, так разохались, что стон кругом стоял, и концерт лягушечий за десяток верст был слышен.

— К ненастью, — говорили одни, слушая кваканье.

— К несчастью, — думали другие.

Вот опять прилетел воробей на болото, но уже молодой, желторотый.

— Эй, выходи, живая сила. Организуйся! Сплачивайся! Высылай делегатов, создавай союзы, общества. Да здравствует Свобода! — И полетел дальше, чтобы рассказать всем и всюду о свободе, призывать к единению и братству.

Видят лягушки, что не на шутку воробьи ухватились за свободу — все птицы в лесу к ним примкнули, — примолкли квакушки и призадумались. А, пораздумав, решились действовать.

А между тем, все новые вести приходят: старых сов из дупл повыгнали, разных хищников под сомнение взяли, стражу к ним приставили, пикнуть не дают.

Видят квакушки, что против рожна не попрешь, и решили тоже организовать. Делегатов выбирать, как у иных прочих. В назначенное время все большие кочки на болоте оказались занятыми, и отовсюду слышалось взволнованное кваканье — они организовались. Решили все единодушно: надо примкнуть к революции, нельзя в хвосте оставаться. Надо свободу взять в свои руки. Надо организовать, чтоб стать силой. Это вопрос момента. Надо клуб открыть, политический клуб, чтоб там, собираясь, подготовиться к борьбе со... свободой, то-бишь за свободу.

— Клуб — это тривиально. Клуб — несовременно. Клуб — это с выпивкой и закуской. Другое надо название.

И пошло...

— Союз! Совет! Кружок! Собрание!

— Совет. Совет.

Все за Совет. Хорошо. Но нужно для него буфет. На голодный ведь желудок нельзя политикой заниматься.

Из дальнейшего выяснилось, что и буфет при Совете будет, продовольственные карточки для него найдутся. Вдоволь будет в нем и сахару. А это посильнее привлечет членов, сплотит, организует.

— Согласны, согласны! Вопрос решен большинством голосов.

Но голоса не унимаются.

— Я предлагаю слово «буфет» заменить другим. Буфет... звучит пошло. Это слово стало жить при старом порядке. Долой его. Нужно новое название.

— Храм питания. Манжар. Фресс-анштальт.

— Прочь немецкие слова! Несвоевременно! Непатриотично!

И так расквакались лягушки, так расквакались, решая столь важные вопросы, что к обсуждению других перейти не могли: слишком страсти разгорелись, слишком утомились. И решили: все другие вопросы оставить пока открытыми.

— На сегодняшний день и этого довольно. Надо же какие-нибудь вопросы на завтра оставить. Надо все обсудить, обмозговать. Не следует спешить.

И, соскользнув с кочек, грузно шлепнувшись в болото, квакушки опустились на самое дно его, чтоб там, там, в родной тине, без раздражающего шума и гомона, пораздумать и решить, как быть, что делать.

Так прошел первый день общественной жизни на обновленных началах, в тихом и когда-то благонамеренном болоте.

А воробьи все шумели... летали, всех будили, призывали к работе...

Е. А-ская.

ЮЛИУС ФУЧИК

**ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ**

Фантастический рассказ
(1936 г.)

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Юлиус ФУЧИК

ЮЛИУС ФУЧИК. Портрет худ. М. Швабинского.

«Оптимистический рассказ» Юлиуса Фучника был напечатан в одном из декабрьских номеров чешской коммунистической газеты «Руде право» за 1936 год. Фучик тогда вернулся в Прагу после своей второй поездки по СССР, продолжавшейся около двух лет.

Всматриваясь в будущее, он мечтал, что его родина пойдет по пути, проложенному Великим Октябрем. Его мечты осуществились.

Декабрьский снег падал густыми хлопьями на оживленные предпраздничные улицы Праги. Снег не залеживался на мостовых и тротуарах, его мгновенно собирали и увозили специальные машины, установленные на новеньких грузовиках. Глядя на них, Антонин невольно вспомнил времена своей ранней молодости, когда снег на улицах Праги сгребали в кучи и убирали убого одетые безработные с красными окоченевшими руками, в неуклюжей обуви на деревянных подошвах.

Антонин сегодня очень торопился. Он условился с Мартой вместе пойти в новый Народный театр посмотреть пьесу «Шаги времени». Сегодня эта пьеса шла уже в семидесятый раз.

Было десять минут седьмого, когда, закончив работу на своем Карлинском тракторном и наскоро умывшись, он выбежал за ворота завода. Ему нужно было забежать домой, принять ванну, побриться, надеть выходной костюм и, главное, достать билеты. Он допустил непростительную оплошность — не позаботился о билетах накануне — и теперь беспокоился: вдруг все билеты раскуплены, и они с Мартой не попадут в театр!

У станции метро он сел в поезд «Б», который ходит до района Дейвице, где он жил. Здесь в прошлые времена жили только богачи. За каменными оградами в садах стояли двухэтажные особняки. Теперь здесь живут трудящиеся. Новейшие дома с комфортабельными квартирами так высоки, что надо хорошенько задрать голову, чтобы увидеть верхний этаж.

Антонин вскочил в лифт и нажал кнопку пятнадцатого этажа.

«Сам виноват,— сердился он на себя,— не достал билетов заблаговременно, теперь беги, сломя голову. И не так уж я виноват,— защищался другой внутренний голос,—

разве мало у меня забот? В особенности с тех пор, как заводской комитет поручил мне организовать кино в помещении клуба». За последнюю неделю этому вопросу было посвящено три собрания: одно профсоюзное, другое с культуркомиссией и третье с архитектором. «Смотри, Тонда, не осрамись, наше кино должно быть замечательным во всех отношениях»,— требовали его товарищи.

В метро Антонин встретил своего давнишнего друга Пепика. Милого, жизнерадостного Пепика, с круглым лицом и по-детски сияющими глазами. Они обменялись сердечным рукопожатием. Пепик работал сталеваром на заводе, ранее принадлежавшем Рингоферу, знал и любил свое дело, а кроме того, был энтузиастом летного спорта, председателем заводского авиакружка, и завоевал несколько рекордов.

— Могу сообщить тебе, Тонда, последнюю новость. На будущей неделе наш заводской комитет приобретает еще один самолет. Замечательный! Двухмоторный биплан. 450 лошадиных сил! Не машина, а удовольствие! Мечта!

Антонин улыбнулся:

— Держу пари, Пепик, что испытательный полет на новой машине ты собираешься совершить сам.

— Как же иначе, тут и угадывать нечего!

— Постарайся быть благоразумным, а пока выслушай мои новости. На нашем тракторном утвержден план строительства великолепного кинематографа. Мы решили назвать его «Фридрих Энгельс». Весной, уже через три месяца, мы приступим к строительству. Придешь на премьеру. Увидишь, какой это будет зал! А вот и театр! Я приехал. Будь здоров.

— Желаю успеха!

Антонин поднялся на эскалаторе и бросился к театральной кассе, у которой стояла довольно большая очередь. «Значит, билеты еще есть, — обрадованно подумал он и занял очередь. Множество мыслей теснилось в его голове.— Молодец этот Пепик,— думал он,— что за неугомонный парень! А все-таки мое кино, что ни говоры, интереснее,

чем его двухмоторный самолет. Шутка сказать, создать образцовое кино! Ведь когда закончится строительство кинотеатра, возникнет вопрос о программе. Это не так просто. Мы будем показывать только замечательные, только превосходные картины. И надо будет хорошо продумать соотношение между серьезными, проблемными картинами и веселыми, развлекательными. А самолет в 450 лошадиных сил — тоже нужная штука! Нашему клубу следует позаботиться о приобретении такой «мечты», как сказал Пепик.

Затем неизбежно встанет вопрос о строительстве нового аэродрома рядом с Карлинским тракторным заводом. Нынешний аэродром будет переоборудован и присоединен к территории заводского спортивного стадиона. Стадион тогда вместит до ста двадцати тысяч зрителей. Но скоро и он будет мал для Праги, для нашей растущей и цветущей столицы... Сколько забот...» — вздыхает Антонин и вдруг, рожденные словом «забота», приходят на память мысли и переживания тридцать шестого года, когда Европа еще была охвачена страхом перед Гитлером.

Да, тогда было мрачное время, тяжкие условия для рабочего класса. Считалось счастьем иметь работу, прибыль от которой другие люди клали себе в карман. Когда это «счастье» утрачивалось, и человек, часто безо всякой вины, терял работу, он становился безликим номером, цифрой в статистике безработных, с ним переставали считаться как с человеком. Да и для имеющих работу, какие были условия: рабочие жили в ветхих каморках, а в предместье Иноницы люди, как звери, ютились в пещерах...

— Какой вам нужен билет, товарищ? — слышит он чей-то голос.

Билет? Какой билет? Он так унесся в мир воспоминаний, что забыл обо всем на свете. С какой радостью возвращается он в мир реальной действительности!

— Дайте, пожалуйста, два места рядом на балкон. — И вот в его руке билеты, в сердце — радость,

Сейчас придет Марта, она будет очень довольна. Антонин вышел на улицу, подошел к газетному киоску, купил

«Вечернюю Прагу» и стал бегло проглядывать заголовки газетных статей.

«В Словакии введен в действие крупный комбинат «Красный бумажник!»», «Проект 1000 новых домов в Забьерице!», «Кладненский металлургический завод выполнил производственный план на 158 процентов!», «Открыт мост через Нусельскую Долину», «Число рабочих библиотек Чехословакии достигло 20 тысяч!»

Антонин задумался над числом библиотек и решил, что их, пожалуй, еще недостаточно, точно так же, как семнадцати новых театров в Праге, но тут пришла Марта, они заняли свои места, и пьеса началась.

Героем пьесы был врач, стремящийся найти пути к продлению человеческой жизни. Весь зрительный зал с волнением следил за развивающимся действием.

«Жить — как это прекрасно! — думали оба. — Для тех, кому интересно, хорошо жить, обычная продолжительность человеческой жизни недостаточна».

И опять Антонин вспомнил зиму 1936 года, когда многие трудящиеся в Чехословакии и в других капиталистических странах нередко думали: «Стоит ли жить вообще, — ведь в жизни одни только страдания?»

В антракте он поделился своими раздумьями с Мартой, они стали наперебой вспоминать прошлое и мечтать о будущем, которое будет в тысячу раз прекраснее, чем настоящее.

Антонин сказал:

— Мне бы очень хотелось дожить до того времени, когда осуществится то, что сейчас является только нашей мечтой. Но я думаю, что люди при коммунизме станут другими. Их сердца будут вечно молоды. А в наших сердцах, к сожалению, много следов тяжелого прошлого.

— Нет, — сказала Марта, — не говори так, Тоник! Я от души желаю, чтобы люди, которые будут жить на земле после нас, обладали такими же сердцами, такими же чувства-

ми, как мы. Подумай, мы жили в гнетущие времена, когда господствовал страх. А мы ему не поддались, мы не ощущали страха. И чем хуже были времена, тем тверже были мы. Мы были отважны, Тоник, мы ни на минуту не сомневались, что победим, хотя далеко не всегда могли себе представить, как будет выглядеть наша страна после того, как мы победим.

Они возвращались домой пешком по нарядным, блистающим асфальтом улицам. Свежий декабрьский воздух вселял бодрость. Несмотря на позднее время, всюду было движение, жизнь кипела.

Немного помолчав, Антонин сказал:

— Может быть, ты и права, Марта... Я вспоминаю себя и товарищей в 1936 году. Как раз на рождество один из товарищей принес к нам в убежище газету, коммунистическую газету. В ней был рассказ, я хорошо его помню, он назывался «Оптимистический рассказ». Начинался он самыми обыкновенными словами: «Декабрьский снег падал густыми хлопьями на оживленные предпраздничные улицы Праги». А дальше шло описание светлой, справедливой, прекрасной жизни, которая ожидает нас в будущем, в самом близком будущем. — Антонин тихо рассмеялся. — Я твердо знал, что каждое слово в нем — правда, но, скептик, думал, что до этого прекрасного времени не доживу...

Перевод с чешского
М. КОЛПАКЧИ

СОДЕРЖАНИЕ

ИГН. ЛОМАКИН

БРИГ МОРТОН

Фантастическая повесть

5

СЕРГЕЙ ПИЛИПЕНКО

АФАРБИТ

Фантастический рассказ

135

С. КОЛБАСЬЕВ

РАДИОКНИЖКА

Рассказы

ДВУСТОРОННИЕ РАЗГОВОРЫ КОСТИ ШОЛОХОВА

153

ШИРОКОВЕЩАТЕЛИ

157

РАДИОПРАКТИКА

164

А. Р. ПАЛЕЙ

„ГИБЕЛЬ „F-24“

Научно-фантастический рассказ

169

М. САФРОНОВ

„ГИБЕЛЬ РАКЕТЫ“

Фантастический рассказ

181

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР
Сборник рассказов под ред. В.

А. Попова

187

Г.ЮЗ (Г. МИХАЙЛОВ)
ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

Фантастико-
приключенческая повесть

191

Н. КУШТУМ

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ТАГАНАЙ
Приключенческий рассказ

295

С. ЛЯЛИЦКАЯ
ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ
Приключенческая повесть

319

С. ЛЯЛИЦКАЯ
ЧОРТОВ ПРОВАЛ

Рассказ

357

В. МАЛЬКОВ
ЗАПИСКИ ТУРИСТОВ

Очерк

375

П. ЛОПАТИН
ЭТО БУДЕТ...

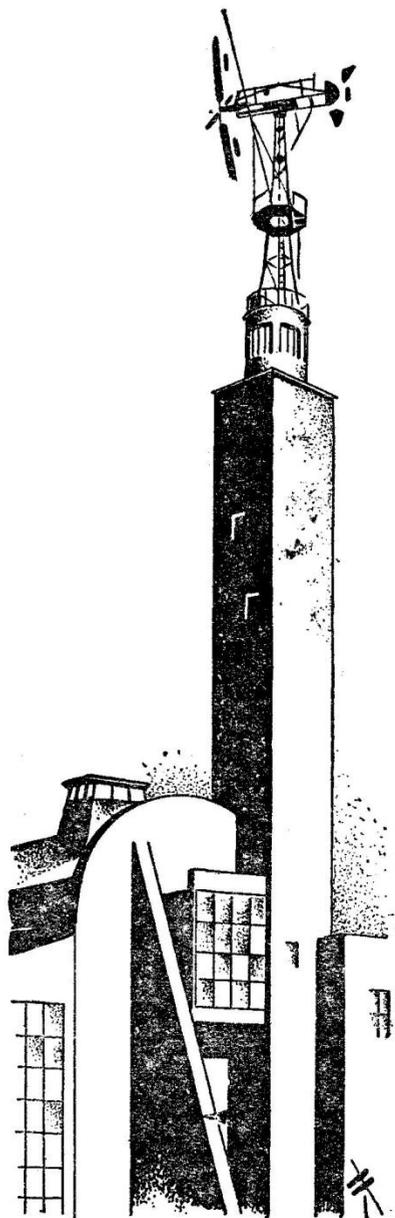
Фантастический отрывок из
книги «Москва»

387

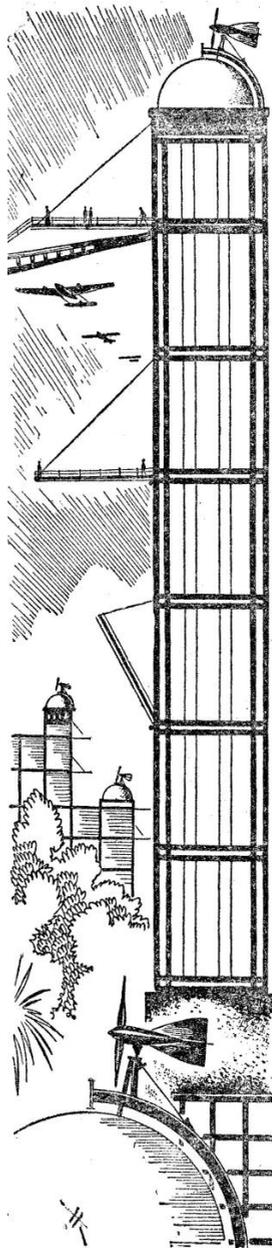
АНТОН СОРОКИН
ДАФТАР

Фантастический рассказ

403

- Я. И. ПЕРЕЛЬМАН
КОСМИЧЕСКАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ
Фантастический очерк
409
- Г. И. ПОКРОВСКИЙ
ЛУЧ ПОРАЖАЕТ ВРАГА
Фантастический очерк
419
- А. ВАРШАВСКИЙ
1950 год в Арктике
Фантастический очерк
425
- Б. А. КЕЛЛЕР
МЕЧТЫ БОТАНИКА
Научно-фантастический рассказ
443
- Инж. И. И. ДЮМУЛЕН
ПРОГУЛКА В ЭЛЕКТРОМОБИЛЕ
Научно-фантастический рассказ
457
- ШУРА РЕХТЕР, ГЕЛЯ КРАСТИН
ПИСЬМО С НЕБА
Фантастический рассказ
469
- АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ
ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ
Научно-фантастический рассказ
(Газетный вариант)
475
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
527
- А. КРУЧИНА
«186 и 18»
Фантастическая повесть
531

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ОЛЕГ ДРОЖЖИН
ТЕХНИКА БУДУЩЕГО
Фантастические очерки

557

ТЕХНИКА БУДУЩЕГО 1

559

ТЕХНИКА БУДУЩЕГО 2

568

ИСКУССТВЕННАЯ ЛУНА

583

НЕВИДИМЫЕ БАРЬЕРЫ

594

ВЕК РАЗУМНЫХ МАШИН

(Глава из книги «Разумные машины»)

604

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ
Беседа с академиком А. Ф. Иоффе

617

Е. А-СКАЯ

В ПЕРВЫЕ ДНИ СВОБОДЫ

Фантастический рассказ

637

ЮЛИУС ФУЧИК

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Фантастический рассказ

643

